

СВ. ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ,

КАКЪ

ХРИСТІАНСКІЙ ПОЭТЪ.

Сочиненіе А. Говорова.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета

1886.

Не чатать дозволяется 25 января 1886 года.

Ректоръ Академіи. протоіерей **А. Владимірскій.**

Введеніе.

„Золотой вѣкъ“ христіанства, какъ часто называютъ эпоху великихъ свѣтилъ христіанской церкви Аѳанасія Великаго, Ефрема Сирина, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоустаго, Лагганція, Иларія, Іеронима, Амвросія, Августина, съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ и *классическимъ періодомъ христіанской литературы*. Кромѣ высокаго догматическаго достоинства, творенія названныхъ отцевъ и учителей церкви, обнимающія богатое разнообразіе литературныхъ формъ, имѣютъ высокое значеніе въ исторіи всеобщей словесности, какъ чистыя проявленія истиннаго, добраго и прекраснаго. Тогда какъ языческая литература, въ золотой вѣкъ Августа достигшая апогея своего величія, по безжизненности своей, быстро клонилась къ своему паденію, христіанская словесность, зародившись въ тишинѣ и безвѣстности, развивалась, зрѣла и богатѣла памятниками, достойными изученія и подражанія. Въ первый тяжелый періодъ трехвѣковой борьбы христіанства съ язычествомъ—христіанское искусство, понятно, не могло еще получить большаго развитія и проявиться въ художественно-выработанныхъ формахъ. Это нужно сказать даже относительно главнаго и совершеннѣйшаго вида художественнаго творчества—поэзіи. „Поэзія, по преимуществу, есть плодъ досуга, плодъ свободнаго и спокойнаго наслажденія жизнью, благоприятствующаго развитію идеальныхъ сторонъ челоѣческой природы. Такое свободное и спокойное наслажденіе жизнью для христіанскаго общества наступило со времени знаменитаго миланскаго эдикта 313 года. Доселѣ, подъ огнемъ жестокихъ преслѣдованій, некогда было и помышлять о религіозно-поэтическомъ творествѣ; едва доставало пастырямъ церкви времени утѣшать преслѣдуемыхъ, ободрять вѣрующихъ, исправлять падшихъ. Миръ, дарованной христіанской церкви Константиномъ Великимъ и его преемниками

отразился въ религіозно-христіанской поэзіи появленіемъ произведеній высокаго художественнаго достоинства, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ“ (1).

Не одинъ, разумѣется, только внѣшній миръ, обезпечивавшій свободное государственное положеніе христіанской религіи и церкви, способствовалъ появленію въ христіанской литературѣ высокохудожественныхъ произведеній. Наряду съ нимъ весьма благопріятнымъ условіемъ для этого послужилъ и другой миръ—*внутренній*, какой уже ясно обозначился въ то время въ настроеніи христіанскаго общества и христіанскихъ писателей въ отношеніи къ античной классической образованности и языческимъ авторамъ. Знаменитые представители христіанства, хорошо сознавая различіе язычества отъ поэзіи языческой (2), уже безъ опасенія за спасеніе души своей, воспитываются на древне-классическихъ авторахъ и завершаютъ свое научно-литературное образованіе въ высшей и самой знаменитой тогда свѣтской школѣ въ Аѳинахъ. Самые выдающіеся изъ святителей, какъ Василій Великій и Григорій Богословъ, изучивъ въ совершенствѣ сами классическую литературу, рекомендуютъ чтеніе классическихъ поэтовъ христіанскимъ юношамъ (3). При

(1) «Чтенія въ Общ. Любит. Дух. Провѣд., 1876 г. ч. I стр. 78—79.

(2) Противъ лицъ, не различавшихъ язычества отъ поэзіи языческой, Св. Григорій Богословъ писалъ: «Изящныя науки, какъ и всякое искусство или полезное учрежденіе, какое-бы ни представить себѣ, принадлежать не однимъ изобрѣтателямъ, а всѣмъ, кто хочетъ или можетъ ими пользоваться; и какъ въ искусной музыкальной гармоніи одна струна издастъ тотъ звукъ, другая—другой, высокій или низкій, но все устроится однимъ искуснымъ начальникомъ хора и составляетъ одну прекрасную гармонію; такъ и здѣсь Высочайшій Художникъ и Зиждитель-Слово, хотя избралъ различныхъ изобрѣтателей искусствъ, но все предложилъ всѣмъ, кто хочетъ, дабы соединить насъ узами взаимнаго общенія и челоуѣколюбія и украсить жизнь нашу кротостію».—Рус. перев. т. I, стр. 158—161; ср. IV т., 63 стр.

(3) Св. Василій Великій въ трактатѣ по вопросу о томъ, «Какъ нужно пользоваться языческими классиками»; Рус. пер. т. IV, стр. 349. См. Прав. Соб. янв. 1886 г. статью В. Плотникова, — «Возрѣнія св. Василія Великаго на классическое образо-

такихъ условіяхъ, въ связи съ нѣкоторыми другими историческими обстоятельствоми. къ которымъ не могли оставаться равнодушными даровитѣйшіе изъ христіанскихъ писателей, на-примѣръ, въ связи съ распространеніемъ поэзиі среди еретическихъ обществъ ⁽¹⁾, въ христіанской литературѣ, въ четвертомъ вѣкѣ, достигаютъ своего полнаго разцвѣта тѣ отрасли словесности, которыя въ тоже время вырождаются ⁽²⁾ и безнадежно падаютъ въ литературѣ языческой. Разумѣемъ краснорѣчіе и поэзію. Въ той и другой области христіанская литература выставляетъ въ это время образцы, въ художественномъ от-

наніе.—Св. Григорій Богословъ въ стихотвореніи его «Къ Селеву»; рус. пер. т. V, стр. 305; ср. стр. 148—149.

⁽¹⁾ Тонко подмѣтивъ любовь человѣческой природы къ искусству, еретики, въ особенности гностики и аріане, для распространенія своихъ лжеученій и еретическихъ тенденцій, прибѣгали во времена Св. Григорія Богослова къ помощи стихотвореній, приспособительныхъ ко вкусу народному; даже полагали свои стихотворенія на музыку и пѣли при общественномъ Богослуженіи. Аріи составили множество духовныхъ пѣсней, увлекавшихъ народъ (см. Ист. Црк. Филосторгія, кн. II, гл. 2). Особенно сильное вліяніе оказывала его поэма подъ названіемъ: *Θάλασσα* (см. Annales Varonii, t. I in an. 34, Ср. Црк. Ист. Э. Созомена въ р. пер. Спб. 1851, стр. 71; а также первое и второе слово Аѳанасія Великаго противъ аріанъ). Аполлинарій— неизвѣстно, старшій (отецъ) или младшій (сынъ)—написалъ *ψαλτήριον καινον* (новую псалтирь). Антропоморфиты или авдіане, евхиты или мессоліане, иневматомахи и многіе другіе еретики слагали также свои поэмы, такъ что, по словамъ св. Назіанзина «*κοσμος ὅλος μνησιν ἐπ' ἀντιπάλοις ἀμειβῶς πέεται*» (Lib. II. sec. II, № 119, v. 13—14, стр. 1137; по р. п. т. V, стр. 382. эпитафія Василю Великому). Самую большую популярностью изъ всѣхъ подобныхъ произведеній пользовались стихотворенія Аполлинаріевъ. «Стихотворныя пѣсни ихъ» — говоритъ Созомень— «распѣвали и мужчины, какъ на пирахъ, такъ и за работой, и женщины за ткацкими станками, потому что Аполлинарій (младшій) написалъ много идиллій на каждый случай, — на случай труда и отдыха, на дни праздничные и иные» (Црк. Ист. Созом.)

⁽²⁾ Revue critique de quelques questions historiques se rapportant a saint Grégoire de Nazianze et a son siècle. Par l'abbé Louis Montaut. Paris. 1878, стр. 217.

ношеніи вполне достойные сравненія съ лучшими произведеніями классической древности.

Самымъ полнымъ и самымъ крупнымъ представителемъ классическаго періода христіанской литературы является св. Григорій Богословъ — величайшій изъ тѣхъ великихъ учителей христіанства, которые образуютъ свѣтлый вѣнецъ церкви и человѣчества. Онъ былъ вмѣстѣ и богословъ, и ораторъ и поэтъ. Его геній гибкій, плодовитый, неизчерпаемый, соединявшій антицизмъ съ философіей, чарующую художественность съ разнообразною ученостію, одинаково отличаетъ его въ каждомъ родѣ его литературныхъ произведеній, какъ именно *классика* христіанскаго.

Прекрасную, хотя и очень краткую характеристику его, какъ богослова, оратора и поэта, даетъ авторъ замѣтки о немъ въ одномъ изъ новыхъ журналовъ нашихъ, по поводу перваго перевода съ греческаго пяти словъ его о Богословіи (¹). Характеристика эта, написанная, очевидно, подъ живымъ и непосредственнымъ впечатлѣніемъ могучей силы и увлекательной красоты твореній великаго христіанскаго писателя, дышетъ полною искренностію и непредвзятостію мысли автора.

„Какъ Богословъ, Григорій Назіанзинъ отличается глубокимъ вѣдѣніемъ Божественныхъ тайнъ, необыкновенно-твердою силою сужденія, блестящею способностью выражать ясно и опредѣленно высокія мысли о самыхъ недоступныхъ для человѣка таинствахъ неба, и легкостью рѣшать самые трудные вопросы. Одаренный геніемъ, соотвѣтствующимъ величію христіанской вѣры, онъ яснымъ взоромъ проникъ въ святилище Божественной мудрости, свѣтомъ своихъ созерцаній озарилъ сферу богословскаго вѣдѣнія для всѣхъ вѣковъ, и усвоилъ себѣ *власть* въ мірѣ богослововъ восточныхъ и западныхъ.... Послѣдующіе вѣка въ твореніяхъ св. Григорія находили твердый оплотъ православія; соборы приводили мѣста изъ его сочиненій въ основаніе своихъ догматическихъ опредѣленій.

(¹) Пять словъ о Богословіи св. Григорія Назіанзина. Замѣтка А. Любенскаго въ „Маякѣ“, за 1871 г. ч. XXIII, гл. IV (въ отд. «библіотеки избранныхъ сочиненій»), стр. 60—61 и 76.

„Кромѣ обширнаго знанія Богословія, нельзя не удивляться и краснорѣчію Григорія Богослова. Несмотря на полноту ученыхъ свѣдѣній, на глубокомысліе и діалектическую тонкость, краснорѣчіе не оставляло его никогда. Въ его словахъ изумляютъ насъ—обиліе и стройность доказательствъ, сила слога, которой невольно покаряешься, быстрота и роскошная плодовитость чистаго воображенія, полнота живыхъ образовъ, живописныхъ подобій, смѣлыя и сладостныя выраженія восторга, который исходитъ отъ глубины духа и соощаетъ языку священное вдохновеніе пророковъ, и все это перемѣшано съ восхитительною простотою, сердечностью, съ милою, открытою задушевностью. Вы читаете его догматическія слова и уносите въ даль неба, откуда обильнымъ потокомъ излились эти перлы мыслей и выраженій. Въ рѣчахъ, гремѣвшихъ противъ Юліана, дышитъ вся сила филиппикъ и кателинарій. Въ панегирикахъ и надгробныхъ словахъ восхищаетесь увлекательнымъ, яркимъ изображеніемъ всѣхъ отгѣнковъ лица, въ честь котораго говорено слово. Дюпепъ справедливо ставитъ св. Григорія выше всѣхъ ораторовъ древности. Массильонъ, Боссюэтъ, Бурдалу старались подражать Назіанзину.

„Не менѣе знаменитъ св. Григорій Назіанзинъ и въ области поэзіи. Его псалтырь звучала пѣсни Божеству, славила добродѣтель, гремѣла противъ порока, въ изящныхъ олицетвореніяхъ передавала высокое ученіе вѣры, была увлекательною наставницею чистаго христіанскаго житія. Всѣ поэмы св. Григорія.... увлекательны въ высшей степени, блестятъ роскошными картинами Греціи; въ нихъ глубокое созерцаніе природы одушевлено благоговѣйною мыслию о Божіемъ Всемогуществѣ, котрое движетъ гармонією вселенной и раститъ бѣдную былинку; въ нихъ ясный взоръ на природу человѣческую въ одно время проникаетъ и темную бездну, куда палъ человѣкъ съ престола невинности, и свѣтозарную высоту, куда возносится онъ по лѣстницѣ креста...; въ нихъ столько огня, столько души, что невольно думаешь, будто онѣ написаны человѣкомъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ; но съ другой стороны, въ нихъ разбѣяны мысли, какія можетъ внушить только долговременный опытъ на пути жизни.... Всѣ поэмы святаго старца пышны и прекрасны, какъ розы, изъ которыхъ не знаешь какую сорвать, чтобы ближе полюбоваться ея красотою. Мы желали бы,

чтобы весь цвѣтникъ, счастливо обработанный поэтическимъ гениемъ св. Григорія, былъ пересаженъ на почву русскаго слова.... Стихъ св. Григорія, по сознанию знатоковъ греческаго языка, пріятенъ и легокъ, какъ стихъ Гомера, хотя онъ ничего не заимствовалъ отъ мрачнаго язычества“.

Это „сознаніе“ компетентныхъ судей и цѣнителей художественныхъ достоинствъ стихотвореній св. Григорія всего яснѣе и полнѣе выразилось въ исторіи изданій ихъ. И мы сочли за лучшее, по крайней мѣрѣ за болѣе полезное, вмѣсто обычныхъ во введеніяхъ къ монографіямъ разсужденій авторовъ о побужденіяхъ къ избранію ими того или другаго предмета для своихъ ученыхъ изслѣдованій, о важности, спеціальному или обще-образовательному значеніи и интересѣ предмета сочиненія, — предпослать своему труду критико-историческій обзоръ изданій стихотвореній великаго христіанскаго поэта. Въ выдержкахъ изъ предисловія къ наиболѣе важнымъ изданіямъ поэтическихъ произведеній св. Григорія читатель найдетъ не едиличный и не единовременный отзывъ о глубокомъ литературно-богословскомъ интересѣ стихотвореній св. отца, а главное—отзывъ такихъ авторитетныхъ ученыхъ, обширная богословская эрудиція которыхъ соединялась съ рѣдкимъ и завиднымъ научно-филологическимъ образованіемъ. Открыть свое изслѣдованіе о поэтическихъ произведеніяхъ св. Григорія Богослова исторіей изданія ихъ тѣмъ болѣе казалось намъ полезнымъ и умѣстнымъ, что болѣе или менѣе цѣльнаго, полнаго и хронологически послѣдовательнаго историческаго обзора изданій твореній св. отца нѣтъ пока ни въ русской, ни въ иностранной богословской литературѣ. Собственно же для самаго сочиненія нашего значеніе полной исторіи изданій стихотвореній св. Григорія будетъ видно при разборѣ и уясненіи разнорѣчивыхъ воззрѣній на нихъ, со стороны ихъ художественныхъ достоинствъ, тѣхъ изъ ученыхъ богослововъ, которые въ своихъ спеціально-догматическихъ или церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ о св. Григоріѣ Богословѣ такъ или иначе касались стихотвореній его, и затрогивали вопросъ объ ихъ художественно-литературной цѣнности въ связи съ общимъ воззрѣніемъ на св. Григорія Богослова, какъ поэта.

Объ изданіяхъ стихотвореній Св. Григорія Богослова (*).

Начало изданій поэтическихъ произведеній св. Григорія Богослова хронологически совпадаетъ почти съ самымъ началомъ распространенія книгопечатанія и съ знаменитой эпохой Возрожденія наукъ и искусствъ. Умственное движеніе, пробудившееся съ особенной энергіей въ началѣ XVI вѣка и охватившее все отрасли научнаго знанія и все стороны духовной жизни, какъ извѣстно, выразилось на первыхъ

(*) Древнѣйшій списокъ сочиненій Св. Григорія Богослова хранится въ парижской королевской библіотекѣ за № cod. 1809. Онъ писанъ въ IX вѣкѣ, какъ полагаютъ, для просвѣщеннаго любителя наукъ и искусствъ, Византійскаго императора, Василия Македонянина. Своимъ изяществомъ и тщательностью отдѣлки списокъ этотъ можетъ служить доказательствомъ глубокаго уваженія къ сочиненіямъ Григорія Богослова; почти сплошь на каждомъ листѣ, начиная со 2-й страницы 1-го листа, онъ покрытъ золотомъ, снабженъ богатыми рисунками, изображеніями, виньетками и монограммами. Такъ напр. на 2-й стр. перваго листа на золотомъ фонѣ довольно художественно по своему времени изображенъ Иисусъ Христосъ, сидящій съ Евангеліемъ въ рукахъ, открытымъ на словахъ: «*Εὐαγγέλιον τ' ἑμὸν δίδωμι ὑμῖν*». На первой стр. 2-го листа рисунокъ на золотомъ фонѣ изображаетъ императрицу Августу, стоящую съ двумя сыновьями; надъ головою ея надпись: *Ευδοκία Αὐγούστα*. Надъ сыномъ по правую ея сторону написано: *Ἀλέξανδρος Δεσπότης*; по лѣвую — *Λέων Δεσπότης*. Августа держитъ шарикъ, знакъ державы; Вокругъ этого изображенія съ четырехъ сторонъ написаны ямбическіе стихи, по содержанию своему относящіеся къ сюжету рисунка. На 2-й стр. 2-го листа изображенъ на лазуревомъ фонѣ золотой крестъ съ надписью, расположенною по сторонамъ такимъ образомъ:

$\frac{\text{IC}}{\text{NH}}$	$\frac{\text{XC}}{\text{KA}}$
-------------------------------	-------------------------------

порахъ, главнымъ образомъ, въ издавiяхъ классическихъ произведенiй, какъ древне-языческой, античной, такъ и церковно-отеческой, христiанской литературы. Изъ христiанскихъ классиковъ произведенiя Григорiя Назiанзина, съ одной стороны по глубокому ихъ патрологическому значенiю, съ другой по близости ихъ къ литературнымъ достоинствамъ образцовыхъ древне-классическихъ творенiй и по одинаковой съ ними важности въ учебно-педагогическомъ отношенiи (¹),

то же изображенiе повторено и на 1 й страницѣ третьяго листа; на 2-й страницѣ третьяго листа представлены три изображенiя: въ серединѣ—императоръ, съ надписью вверху: *Βασίλειος Δεσπότης*. По правую руку его стоитъ Илiя, держащiй знамя съ надписью: *ὁ ἅγιος Ἰλίας*; по лѣвую—арх. Гавриилъ, возлагающiй корону на императора. Кромѣ того въ рукописи находятся изображенiя: благовѣщенiя Богоматери, распятiя Спасителя, пригвожденнаго ко кресту четырьмя гвоздями; погребенiя и воскресенiя Иисуса Христа, мученичества 12-ти апостоловъ и проч. *Mont faucon, Palaeogr. graec. pp. 250—253; сравн. также Johan Alb. Fabricii Biblioth. Graec. vol. octavum, p. 387.*

(¹) Какъ это выражено, напр., въ знаменитой программѣ парижскаго коллегiума XVI вѣка: «*Ratio studiorum, Regulæ communes professoribus classium inferiorum*». Тринадцатое правило этой программы, относящееся къ профессору реторики, гласитъ: «Для перевода съ греческаго нужно пользоваться только *древними и классическими* писателями—ораторами, историками или поэтами, какъ напр., Демосѣномъ, Платономъ, Гомеромъ, Гезiодомъ и другими въ томъ же родѣ, между которыми по праву занимаютъ мѣсто и св. Григорiй Назiанзинъ, св. Василiй и св. Златоустъ.

Изъ самой педагогической практики средневѣковыхъ христiанскихъ школъ мы можемъ указать на слѣдующую книгу: «*Collecta Divi Gregorii Nazianzeni plurima poemata, in latinum conversa, cum notis grammaticis, ad usum Collegiorum Universitatis Parisiensis; auctore Dionysio Gaullier, artium in eadem Universitate Magistro — Parisiis, apud Ioannem Baptistam Brocas, via Jacobæa, ad insigne capitis sancti Joannis.*»

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь на русскъ языкъ фрагментъ изъ предисловія къ этой книгѣ; онъ весьма ясно характеризуетъ господствовавшiя идеи того времени въ отношенiи классическаго образованiя въ христiанскихъ школахъ.—«Переходя къ основанiямъ»,—говорится въ немъ—«побудившимъ насъ напечатать этотъ сборникъ стихотворенiй Св. Григорiя Назiанзина для употребленiя учащагося юношества, мы выставляемъ главнѣйшимъ

начали издаваться въ числѣ самыхъ первыхъ памятниковъ христіанской литературы. Не смотря, однакожъ, на это, нельзя сказать, чтобы рукописямъ знаменитаго поэта—Бого-слова особенно посчастливилось въ ихъ историческихъ судьбахъ. Правда, съ самаго начала XVI вѣка и до начала второй половины текущаго столѣтія изданія сочиненій Григорія слѣдовали одно за другимъ безъ большихъ перерывовъ. Такимъ образомъ, на весьма значительномъ простран-

изъ нихъ—стремленіе сдѣлать возможно полезное для молодыхъ людей передачей этого драгоценнаго матеріала. Дѣйствительно, какъ ни высоко всегда прославляютъ превосходство поэзіи Гомера и другихъ свѣтскихъ поэтовъ, мы отнюдь чрезъ это не затрудняемся доказать, что стихотворенія Григорія Назіанзина, особливо для молодыхъ людей, только начинающихъ изучать греческій языкъ, еще гораздо превосходятъ и полезнѣе. Ибо, что во 1) касается образа мыслей и выраженія, то въ этомъ отношеніи нашъ церковный отецъ въ такой степени сходенъ съ Гомеромъ, что самые компетентные мужи едва ли могли бы показать намъ различіе между тѣмъ и другимъ поэтомъ; что затѣмъ во 2) касается матеріала ихъ поэтическихъ сочиненій, то въ этомъ св. Григорій далеко превосходитъ Гомера, потому что Гомеръ содержитъ много нустышныхъ вещей, которыя могутъ нравиться только образомъ своего изложенія; между тѣмъ какъ Св. Григорій изобилуетъ мыслями, чувствами и наставленіями, которыя весьма полезны и необходимы для христіанской жизни.—Но быть можетъ найдутся все-таки, не смотря на эти доводы, нѣкоторые изъ чрезмѣрныхъ сторонниковъ свѣтскихъ писателей, которымъ это покажется обиднымъ и которые выставятъ противъ насъ обвиненіе, что мы хотимъ изъять изъ рукъ молодыхъ людей этихъ отличныхъ образцовъ языка и изящнаго вкуса, чтобы замѣнить ихъ церковными писателями, стоящими гораздо ниже ихъ. Противъ этого мы приведемъ въ свое оправданіе слѣдующее.

Во первыхъ, мы соглашаемся съ ними въ томъ, что при изученіи изящныхъ наукъ нельзя устранивать свѣтскихъ авторовъ, писавшихъ классическимъ языкомъ, замѣняя ихъ церковными писателями, имѣющими менѣе чистый языкъ; но нужно же и намъ сдѣлать уступку, потому что нѣтъ никакого основанія не допускать предпочтенія св. писателя предъ свѣтскимъ, церковнаго отца предъ язычникомъ, въ томъ случаѣ, когда оба владѣютъ одинаково чистымъ языкомъ. Если, конечно, имѣетъ свою справедливость то, что языкъ латинскихъ церковныхъ отцовъ не такъ чистъ, какъ языкъ латинскихъ свѣтскихъ писателей, жившихъ

ствѣ трехъ съ половиной столѣтій часто слѣдовавшия одно за другимъ изданія сочиненій Григорія. въ сложности своей, достигаютъ весьма внушительной цифры и представляютъ довольно богатую исторію. Но исторія эта замѣчательна скорѣе въ количественномъ, чѣмъ въ качественномъ отношеніи. До самаго послѣдняго заключительнаго своего момента она представляетъ или только отдѣльныя, частичныя и разрозненные оцѣты изданія сочиненій Григорія, или — изданія хотя и общія, но весьма неполныя и лишенныя научно-критическаго отношенія къ матеріалу, или, наконецъ, изданія только въ одномъ латинскомъ переводѣ безъ параллельнаго греческаго текста. Отчасти поэтому, отчасти же потому, что полный или даже болѣе или менѣе подробной историко-критическій обзоръ изданій произведеній Григорія, безъ особенной нужды, отнять бы много времени и мѣста, мы сочли достаточнымъ остановиться только на изданіяхъ, имѣвшихъ бозспорно историческое значеніе.

при Августѣ, — потому что въ періодъ отцовъ латинскій языкъ, дѣйствительно, пришолъ уже въ сильный упадокъ, — то нельзя этого сказать въ одинаковой мѣрѣ о греческихъ отцахъ, и въ особенности нельзя сказать этого о Григоріѣ, который оберегалъ чистоту греческаго языка съ такою же тщательностью, какъ и свѣтскіе писатели.

Во вторыхъ, если бы мы даже и согласились съ тѣмъ, что греческіе отцы, и въ частности Св. Григорій, въ отношеніи выраженія уступаютъ въ чемъ-нибудь язычникамъ, то отсюда еще не слѣдовало бы, чтобы въ настоящее время, когда изучаютъ греческій языкъ не для того, чтобы говорить, а только для того, чтобы понимать его, нельзя было изучать греческое слово или фразу одинаково по св. Григорію, какъ и по Гомеру.

Въ третьихъ, наконецъ, не справедливо утверждать, будто свѣтскихъ писателей хотятъ совсѣмъ изъять изъ рукъ юношей. Хотѣлось бы только дать возможность имъ свободно и бѣгло читать св. Григорія, который столько же достоинъ чтенія, какъ и свѣтскіе писатели. Объ этомъ съ несомнѣнностью можно заключать изъ благосклонныхъ сужденій, какія сдѣлали о немъ наши знаменитѣйшіе писатели» (т. е. разумѣются здѣсь Lancelot, Fleury, Dupin, Hermant, Baillet и Tillemont) «Des Etudes classiques dans la société chrétienne par le K. P. Ch. Daniel», стр. 264 и 429—431.

Въ 1504 году, въ Венеціи, появилось первое изданіе небольшого числа стихотвореній св. Григорія Богослова. Альдъ Мануцій Романъ, предпринявшій это изданіе, попытался сдѣлать дословный переводъ на латинскій языкъ нѣкоторой части стихотвореній Григорія. Побужденія къ этому изданію и цѣль его указываются въ самомъ заглавіи книги, которое служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предисловіемъ къ ней. Небезынтересно поэтому привести здѣсь полный текстъ заглавія достопримѣчательнаго изданія Альда „*Aldus Romanus omnibus una cum graecis litteris sanctos etiam mores discere cupientibus S. P. D. Gregorii episcopi Nazianzeui carmina ad bene beateque vivendum utilissima nuper e graeco in latinum ad verbum fere translata imprimenda curavimus, studiosi adolescentes, rati non parum emolumenti vobis futurum, si id genus translationis cum graeco diligenter conferatis, nam et graece simul discetis, et christiane vivere quandoquidem summa in illis et doctrina est, et gratia, et sanctis moribus mire. instituuntur adolescentes. Id vero ita sit nec ne confereudo cognoscite. Valete.*—Въ концѣ латинскаго перевода стихотвореній—подпись: *Venetiis ex Aldi academia mense Junio M. DIV*; а на обратной сторонѣ послѣдняго греческаго листа: *Aldus Ma. Ro.* и гербъ его.

Изданіе это, въ общемъ исполненное съ большимъ стараніемъ и тщательностію, сдѣлано in 4°. Переводъ помѣщенъ противъ подлинника, именно такъ, что между каждымъ двумя греческими листами вставленъ листъ латинскаго текста, дабы любители греческаго языка, не нуждающіеся въ переводѣ, безъ труда могли отдѣлать при чтеніи одинъ текстъ отъ другаго. Постраничнаго счета нѣтъ въ книгѣ, какъ не имѣютъ его всѣ вообще старинныя изданія; слѣдовательно, какъ греческій, такъ и латинскій текстъ Григорія составляетъ каждый самъ по себѣ отдѣльное цѣлое.— Несправедливо было бы примѣнить къ этому изданію, какъ къ первому въ своемъ родѣ опыту, безотносительно-строгое критическое сужденіе. Латинскій переводъ въ немъ стихотвореній св. Григорія оставляетъ желать многого: онъ сдѣланъ и не совсѣмъ точно и далеко не изящно; но это нисколько не умаляетъ важности заслуги издателя: сдѣлавъ вкладъ въ науку, безъ сомнѣнія, цѣнный и самъ по себѣ, Альдъ М. открылъ имъ дорогу другимъ ученымъ по разработкѣ произведеній Григорія. Къ заслугамъ и типографскимъ досто-

примѣчательностямъ изданія слѣдуетъ отнести и то, что на страницахъ экземпляровъ его, свободныхъ отъ латинскаго перевода стихотвореній, *въ первый разъ въ печати* издана была часть греческаго текста Новаго Заветъа. Альдъ напечаталъ здѣсь, именно, на каждой первой страницѣ промежуточныхъ листовъ, занявъ другую страницу ихъ латинскимъ переводомъ Вульгаты, шесть первыхъ главъ Евангелія Иоанна, именно до 58-го стиха 6-й главы (¹).

Затѣмъ, по степени относительной важности, въ хронологическомъ порядкѣ должно быть поставлено изданіе сочиненій св. Григорія, вышедшее въ 1550 году, in fol., въ Базелѣ. Это солидное изданіе, предпринятое и обязательно сдѣланное на свои средства Иоанномъ Гервагіемъ, было первымъ общимъ и сравнительно полнымъ печатнымъ сборникомъ произведеній знаменитаго отца церкви. Сюда вошли: большая часть словъ Григорія, 80 писемъ и весьма много стихотвореній. Вышедшее сначала на греческомъ языкѣ, изданіе это въ томъ же году напечатано было и въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ соединенными трудами Вольфганга Мускула (Musculi), Петра Мозеляна (Mosellani), Вилибальда Пиркгеймера (Pirckheimeri) и Альда Мануція. Изъ нихъ первый написалъ для изданія praefatio и перевелъ съ греческаго на латинскій языкъ четыре слова, именно I, XII, XLV и XLVII Мозелянъ перевелъ „Пять словъ о богословіи; Б. Пиркгеймеръ перевелъ всѣ остальные 38 словъ. Альдъ Мануцій снабдилъ изданіе примѣчаніями и объясненіями къ стихотвореніямъ св. Григорія. Для насъ изданіе это представляетъ, между прочимъ, ту замѣчательную особенность, что въ числѣ стихотвореній Григорія здѣсь напечатана была въ плохомъ латинскомъ прозаическомъ переводѣ Севастьяна Гульдебека (Sebastiani Guldaebesii) извѣстная трагедія: „*Χριστός πάσχων*“. Эта довольно жалкая „prosa latina“ Гульдебека, въ какой напечатана была въ Базелѣ трагедія „Страждущій Христосъ“, въ исторіи изданій послѣдней въ латинскомъ переводѣ была первымъ опытомъ. Греческій

(¹) Тотъ же Альдъ, спустя 12 лѣтъ, впервые издалъ въ Венеціи 16 избраннѣйшихъ словъ (orationes lectissimae XVI) Григорія Назіанзина, и это изданіе 1516-го. сдѣланное in 8°, онъ повторилъ въ 1536 году, прибавивъ къ нему другихъ 9 словъ.

текстъ этой трагедіи въ первый разъ изданъ былъ въ Римѣ въ 1542 году подъ редакціей Антонія Блада изъ Азоло (Asolo—городъ въ Ломбардо-Венец. корол.). Первая метрическая обработка этой трагедіи, довольно счастливо удавшаяся и самая распространенная въ позднѣйшихъ изданіяхъ сочиненій св. отца, вошедшая даже въ послѣднее и лучшее изъ всѣхъ изданій—Бенедиктинское, принадлежитъ Клавдію Руаллету (Claudius Roillet).

Базельское Гервагіанское изданіе важно въ томъ отношеніи, что оно легло въ основу позднѣйшихъ изданій, которымъ въ ученыхъ достоинствахъ нельзя отказать и въ настоящее время. Двадцать лѣтъ спустя, на изданіе это оперся въ своихъ извѣстныхъ трудахъ, посвященныхъ нашему автору, и тотъ знаменитый ученый, съ именемъ котораго связывается новая эпоха въ исторіи разработки произведеній Григорія и который до послѣдняго, Бенедиктинскаго изданія оставался главнымъ авторитетомъ по изученію его.—Французскій аббатъ монастыря св. Михаила, Яковъ Биллій, въ 1569 году, предпринялъ новое латинское изданіе сочиненій св. Григорія, которое и вышло въ Парижѣ, in fol. Уже въ слѣдующемъ, 1570-мъ, году оно было перепечатано въ Кельнѣ, но самъ Биллій,—и нельзя сказать, чтобы по одной только скромности осторожнаго ученаго,—не считалъ этихъ изданій ни удовлетворительными въ научномъ смыслѣ, ни соответствовавшими его собственному желанію. Тѣмъ не менѣе онъ находилъ ихъ „не только не бесполезнымъ, но почти необходимымъ трудомъ.... Многочисленность и разнообразіе переводовъ, говоритъ Биллій въ своемъ предисловіи къ изданію, имѣетъ ту величайшую выгоду, что изъ снесенія и сопоставленія ихъ лучше выясняется мысль автора“ (1) Этотъ „не бесполезный“ трудъ для самаго Биллія имѣлъ значеніе пробнаго опыта, показавшаго ему степень соизмѣримости между его личными научными средствами и трудностью задачи, какую онъ поставилъ себѣ въ изученіи сочиненій св. Гри-

(1) «Laborem hunc nostrum non modo non inanem ac supervacuum, sed etiam prope necessarium fuisse... Traductionum copia atque diversitas, ut nihil aliud utilitatis pariat, hoc certe commodi affert, quod ex plurium interpretum collatione auctoris sententia clarius elucescit.»

горя. Располагая отличной филологической подготовкой и увлекательной одушевленной любовью къ избранному имъ предмету своихъ научныхъ работъ, Биллій съ необыкновеннымъ усердіемъ сталъ приготовляться къ новому изданію сочиненій Григорія. Онъ снова заготовлялъ матеріаль, собиралъ и тщательно сравнивалъ древніе экземпляры, провѣрялъ ихъ вновь найденными или доставленными ему манускриптами и, не щадя своихъ силъ и хилаго здоровья, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ сряду трудился безъ перерыва и отдыха надъ обработкой латинскаго текста сочиненій св. Григорія и объясненіемъ темныхъ мѣстъ оригинала. Работы его подвигались уже къ концу, когда смерть труженика упредила его счастье—видѣть наконецъ исполненіе своего задушевнаго желанія. Биллій умеръ на своемъ трудѣ въ 1582 году, а въ слѣдующемъ году, въ Парижѣ, вышло изъ печатнаго станка приготовленное имъ новое латинское изданіе, исправленное и значительно дополненное, главнымъ образомъ самимъ Билліемъ, и только доконченное сотрудникомъ его, парижскимъ богословомъ Женебардомъ. Изданіе 1583 года, взятое въ общемъ, было лучшимъ изъ всѣхъ предыдущихъ и представляло собой несомнѣнный успѣхъ въ разработкѣ произведеній св. отца. Но нельзя принимать за выраженіе серьезнаго сужденія о научныхъ достоинствахъ этого изданія тѣхъ восторженныхъ отзывовъ объ издателѣ его, какіе высказаны почитателями заслугъ Биллія въ многочисленныхъ эпиграммахъ ему. Несправедливъ, на примѣръ, французскій ученый Шатарди, когда онъ, объясняя заслуги Биллія, иллюстрируетъ ихъ аналогіей пребыванія Іосифа въ египетской темницѣ и освобожденія его оттуда съ состояніемъ Григорія, заключеннаго въ печатный текстъ изданій до и послѣ Биллія. „Какъ Іосифъ“, говоритъ Шатарди, „находясь въ мрачной, грязной темницѣ, былъ въ полной неизвѣстности, а выведенный оттуда возблесталъ на пьедесталѣ общей любви къ нему народа и Фараона; такъ точно и св. Григорій, заключенный въ несопрятную темницу прежнихъ переводовъ, былъ не возможенъ для знакомства съ нимъ общества: не было ни одной странички, которая была бы свободна отъ ошибокъ. Но тотъ же св. отецъ возсіялъ чище золота, какъ только коснулась его искусная рука Биллія.... По переводу Биллія читатель можетъ сразу узнать автора, какъ левъ узнается

по ногтямъ“ (1). Авторъ этихъ словъ „сразу“ позволяетъ себѣ двѣ несправедливости: слишкомъ пренебрежительное сужденіе о прежнихъ изданіяхъ Григорія и въ такой же мѣрѣ преувеличенное—объ изданіи Биллія. Последнее, при своихъ безспорныхъ преимуществахъ, также изобиловало мѣстами, нуждавшимися въ радикальномъ исправленіи. Особенно слабымъ слѣдуетъ признать въ немъ поэтическій отдѣлъ произведеній св. Григорія. Биллію всего меньше далось метрическое искусство въ его латинской версификаціи стиховъ Григорія; чѣмъ больше Биллій усиливался подойти ближе къ стихотворному размѣру подлинника, тѣмъ хуже, подчасъ до неузнаваемости мысли автора, выходили стихи его. Плохо поэтому идутъ къ Биллію похвальные слова ему другаго эпиграмматиста (Женебрарда): „Твою божественную голову цѣлуютъ девять сестеръ и съ ними прелестныя граціи“ (2).

На ряду съ изданіями Биллія слѣдуетъ поставить латинское же изданіе сочиненій Григорія Богослова, вышедшее въ 1571 г. въ Базелѣ, подъ редакціей извѣстнаго автора многихъ историческихъ, церковно-историческихъ и каноническихъ сочиненій, Іоанна Леунклавія (+ 1593 г. въ Вѣнѣ). Взявшись за изученіе тогоже самаго автора и въ то же самое время, какимъ и въ какое научно-занимался Биллій, Леунклавій, естественно, для оправданія, такъ сказать, *raison d'être* своего изданія, долженъ былъ опереться на такіа научныя средства—источники и пособія, какихъ не имѣлъ подъ своими руками, или, по крайней мѣрѣ, не пользовался ими Биллій. О такихъ научныхъ особенностяхъ и преимуществахъ своей обработки сочиненій Григорія, не только отличающихъ изданіе Леунклавія отъ двухъ первыхъ изданій Биллія, но и ставящихъ его выше этихъ обоихъ, Леунклавій говоритъ въ своемъ довольно обширномъ предисловіи къ изданію. Знакома здѣсь читателя съ тѣми условіями, при которыхъ онъ приступалъ къ своему латинскому изданію, Леунклавій говоритъ, что когда онъ узналъ о томъ, что французскій ученый, Биллій, въ одно и тоже время съ нимъ предпринялъ одинаковый трудъ, онъ уже хотѣлъ было прекратить свою работу, хотя и перевелъ на латинскій языкъ очень

(1) *Biblioth. Cl. univ. P. Mign. t. XXXV, p. 331.*

(2) *Ibid.*

много словъ. Но увидѣвъ, тотчасъ послѣ изданія труда Биллія, сколько онъ (Леунклавій) собралъ для своего изданія матеріала, какого, очевидно, не было подъ руками у Биллія и какой вообще оставался еще въ неизвѣстности, Леунклавій счелъ далеко не бесполезнымъ продолжать свой начатый трудъ. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ для себя Леунклавій считаетъ то, что ему удалось достать XIX книгъ комментаріевъ на Григорія архіепископа критскаго Иліи, замѣчательнаго своими обширными литературными свѣдѣніями. Въ качествѣ учено-критическаго пособія Леунклавій цѣнитъ этотъ матеріаль такъ высоко, что приобрѣтеніе его возводитъ въ фактъ явнаго къ нему благоволенія Божія (*divini beneficii factum*). „Руководствуясь этими книгами“, говоритъ Леунклавій, „я могъ съ большимъ усиліемъ возстановить искаженный смыслъ очень многихъ мѣстъ Назіанзина“... По отношенію къ поэзіи Григорія комментаріи Иліи, по словамъ издателя, оказали ему очень большую услугу: они счастливо натолкнули его на розысканіе такихъ стихотвореній Григорія, какія были еще неизвѣстны въ печати. „Илія по мѣстамъ цитуетъ“, говоритъ Леунклавій, „стихи изъ стихотвореній Назіанзина. Такъ какъ этихъ стиховъ не было въ изданныхъ сочиненіяхъ Григорія, то мы обратились къ имѣвшимся у насъ подъ руками рукописямъ стихотвореній его и всѣ ихъ отыскали“. Изъ своихъ манускриптовъ Леунклавій обращаетъ вниманіе читателя особенно на два: на рукопись, принадлежащую византійскому историку, Никитѣ Акоминату, и кодексъ, найденный Леунклавіемъ въ библиотекѣ Базельской академіи наукъ. Этому послѣднему онъ придаетъ особенно важное значеніе. „Относительно древности его“, говоритъ онъ, извѣстно, что онъ принесенъ былъ туда (въ Баз. акад.) за 150 лѣтъ до времени Базельскаго собора и съ тѣхъ поръ сохранялся тамъ съ величайшимъ благоговѣніемъ. Въ немъ по мѣстамъ встрѣчаются рисунки, на которыхъ очень изящно изображаются одежды грековъ. Тамъ же есть изображеніе Григорія точь-въ-точь такое, какъ описалъ черты лица и вообще наружность его Симеонъ Метафрастъ“.

Изданіе свое Леунклавій сдѣлалъ въ трехъ томахъ, распредѣливъ въ нихъ матеріаль слѣдующимъ образомъ. Въ первомъ томѣ, обработка котораго представляетъ результатъ его личнаго труда, онъ помѣстилъ XX словъ съ комментаріемъ Иліи. Второй томъ обнимаетъ остальные XXXII сло-

ва съ письмами и стихотвореніями, взятыми и перепечатанными цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, изъ Вилліева изданія. Къ третьему и послѣднему тому, который „такъ же какъ и первый“, говоритъ Леунклавій, „всецѣло принадлежитъ намъ“, онъ отнесъ такія стихотворенія, которыя въ первый разъ изданы имъ въ свѣтъ. Кромѣ того въ составъ его вошли: комментарий Никиты на стихотворенія Григорія, написанныя одностишіями и четверостишіями, и объясненія Пселла на трудныя мѣста. Плодомъ критическихъ работъ Леунклавія надъ матеріаломъ этого третьяго тома была, между прочимъ, поправка имъ ошибки, общей всѣмъ прежнимъ издателямъ, которые относили стихотвореніе св. Григорія: „*Exhortatio ad virgines*“ (*Πρός παρθένους παραινετικός*) къ отдѣлу его словъ. Леунклавій, основываясь на метрическомъ размѣрѣ этого стихотворенія и ясной схолии къ нему одного весьма древняго кодекса, первый указалъ этому стихотворенію надлежащее мѣсто, помѣстивъ его въ числѣ стихотвореній св. Григорія.

Поэтическими произведеніями св. Григорія Леунклавій занимался съ большимъ увлеченіемъ; видно, что произведенія эти произвели чарующее впечатлѣніе на знаменитаго ученаго. Онъ не только усердно работалъ надъ ними, но и внутренно наслаждался ими, не только хорошо изучилъ ихъ, но и глубоко полюбилъ ихъ. Своему восхищенію поэтическими произведеніями св. Григорія Леунклавій посвящаетъ даже одно собственное стихотвореніе (*elogium*); въ немъ онъ, подъ впечатлѣніемъ своего восторженнаго удивленія имъ, нѣсколько преувеличенно дѣлаетъ слѣдующій отзывъ о достоинствахъ стихотвореній и поэтическомъ гениі ихъ автора, предпочитаемаго Леунклавіемъ даже лучшимъ древне-классическимъ поэтамъ и самому Гомеру:

„Когда я читаю и перечитываю божественныя стихотворенія Григорія, я теряю всю любовь къ произведеніямъ Мэонида (Гомера). Насколько золото лучше мѣди, серебро—олова, насколько небесное выше земного, настолько древніе риторы ниже Григорія въ краснорѣчій, а поэты—въ поэзіи“ (1).

(1) „Rursum Gregorii quam dia poemata vatis
Pellego, Maeonidae mox abit omnis amor,

Какъ ни важны, однако, заслуги Леунклавія и Биллія, но, строго говоря, упомянутые труды ихъ мало подвинули впередъ дѣло изученія твореній св. Григорія Богослова. По самому свойству своему эти труды, относясь собственно къ латинской обработкѣ сочиненій св. Григорія, скорѣе имѣли дѣлю—и на самомъ дѣлѣ могли—облегчить способъ пользованія послѣдними, чѣмъ задачу строго-научной разработки ихъ. Дѣло въ томъ, что греческій текстъ сочиненій св. Григорія, за незначительнымъ исключеніемъ, оставался въ томъ же совершенно видѣ, въ какомъ напечатанъ онъ былъ въ Базельскомъ Гервагіанскомъ изданіи 1550 года. Ни филологической, ни историко-критической работы къ нему, въ научномъ смыслѣ, не было еще приложено.

Имѣя въ виду это обстоятельство, парижскіе ученые, во главѣ съ Фридерикомъ Морелемъ, въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, предприняли греко-латинское изданіе сочиненій Григорія, подъ именемъ новаго изданія Якова Биллія. Такое изданіе, основанное на трудахъ и ученомъ авторитетѣ Биллія, и вышло въ двухъ фоліантныхъ томахъ въ Парижѣ, подъ редакціей Ф. Мореля, сначала въ 1609—1611 гг., затѣмъ, аucta ex interpretatione Morgelli, тамъ-же, наконецъ въ 1690 г. въ Лейпцигѣ, хотя издателямъ почему-то заблагоразсудилось прикрыть это мѣсто изданія на заглавномъ листѣ именемъ города Кельна. Впрочемъ, это послѣднее изданіе, изобилующее множествомъ всевозможныхъ ошибокъ, не заслуживаетъ научнаго вниманія: сдѣланное послѣ всѣхъ, оно вышло хуже всѣхъ.

Самую распространенную извѣстность получило парижское изданіе 1630 года. Въ предисловіи къ нему издатели говорятъ, что они предприняли греко-латинское изданіе на основаніи Базельскаго кодекса Гервагіанскаго изданія 1550 г., тщательно сличеннаго и провѣреннаго съ королевскими Галльскими и Италійскими кодексами знаменитымъ Яковомъ Билліемъ, отличнымъ знатокомъ того и другаго языка, и т. д. На самомъ дѣ-

---

Vilius aes auro velut est, ut cedere plumbum
 Argento, ut superis inferiora patet,
 Gregorius priscos palma sic vicit adempta
 Carminibus vates, rhetoras eloquios»

Стихотвореніе это помѣщено въ предисловіи къ Бенедиктинскому изданію, pag. CLXXIX.

лѣ, однако, изданіе это не представляетъ столько достоинствъ, сколько обѣщаютъ въ предисловіи къ нему его ученые издатели. Слова ихъ должны быть въ значительной мѣрѣ ограничены. Всѣ преимущества этого новаго изданія сравнительно съ прежними пужно отнести къ одному латинскому тексту со всѣми его научными приспособленіями, надъ которыми Биллій, дѣйствительно, работалъ до самой смерти своей. Что же касается до греческаго текста, то Биллій трудился надъ нимъ ровно столько, сколько требовалось съ его стороны старанья для согласованья греческаго текста съ латинскимъ въ томъ видѣ этого послѣдняго, въ какомъ онъ вышелъ изъ подъ его личной обработки. Неблагодарная въ научномъ смыслѣ задача улаживанія греческаго текста съ латинскимъ, а не наоборотъ, естественно, должна была отразиться одинаково неблагоприятно на томъ и другомъ текстѣ. Основной греческій текстъ Герваріанскаго кодекса подъ рукой Биллія потерялъ такое сильное измѣненіе, что позднѣйшимъ издателямъ стоило большого труда очистить его до его первоначальнаго вида. Латинскій текстъ, съ его богатымъ ученымъ аппаратомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ оставленъ Билліемъ, скорѣе представлялъ ученый матеріалъ для перевода съ комментариемъ къ нему, чѣмъ въ собственномъ смыслѣ точно обработанный переводъ. Масса примѣчаній, схолій, разночтеній, поправокъ и поясненій, какими Биллій испестрилъ латинскій текстъ, собравъ и смѣшавъ ихъ безъ разбора, представляетъ такой беспорядочный агрегатъ, что трудно узнать безъ счастливаго дара непосредственнаго вдохновенія, какое чтеніе подложно и какое подлинно, заимствовано ли оно изъ манускриптовъ, или же еще откуда-нибудь, — объясненіе ли оно, догадка или исправленіе. Самъ Морель сознается, что Биллій ни ясно, ни прикровенно, ни прямо и опредѣленно, ни косвенно и предположительно нигдѣ не объяснилъ — какое *λέγειν καὶ ὀφείβειν* онъ одобряетъ и какое отвергаетъ, почему повсюду разсѣяны и поставлены одно на мѣсто другаго или чтенія, или мнѣнія его. Отдѣлъ стихотвореній парижскаго изданія 1630 г. всего менѣе носитъ на себѣ слѣды строгой критической обработки. Стихотворенія составляютъ всего только шестую часть II-го тома, въ которомъ они помѣщены, занимая начальные 308 страницъ изъ всѣхъ 1851 стран. волюмина. Число всѣхъ стихотвореній по Биллію достигаетъ 166. Но при внимательномъ обзорѣ ихъ оказы-

вается, что и эта незначительная цифра ихъ, сравнительно съ числомъ стихотвореній св. Гр. Богослова по познѣйшимъ изданіямъ, должна быть еще уменьшена. Она составлена изъ огульнаго, валоваго счета, въ который входятъ частію стихотворенія на одномъ латинскомъ языкѣ, частію повторенія однихъ и тѣхъ же стихотвореній съ особымъ счетомъ, частію раздѣленія и даже раздробленія стихотвореній на части, съ обозначеніемъ также отдѣльнаго счета послѣднихъ. Изъ стихотвореній на одномъ латинскомъ языкѣ одно изложено у Биллія по правиламъ стихотворнаго метра, другія приведены просто въ прозаическомъ пересказѣ содержанія. Первое напечатано на стран. 197, въ отдѣлѣ: *carmina iambica*, подъ № XI и подъ заглавіемъ: „*Vitae finem optat*“; противъ него на поляхъ Биллій замѣчаетъ, что греческаго оригинала этого стихотворенія онъ не могъ отыскать ни въ итальянскихъ, ни въ германскихъ библіотекахъ. Послѣ него, однако, Толлій издалъ это стихотвореніе на греческомъ и латинскомъ языкахъ⁽¹⁾. Въ одномъ латинскомъ прозаическомъ изложеніи напечатаны стихотворенія на 301 стр., подъ заглавіемъ: „*De episcopis*“, и на послѣдней, 308 стран., два заключительныя стихотворенія. Эти послѣднія стихотворенія напечатаны у Биллія подъ общимъ заглавіемъ съ названнымъ предыдущимъ, но съ обозначеніемъ отдѣльнаго счета (*aliud*) и съ раздѣленіемъ на два особыя стихотворенія. Между тѣмъ, по лучшему изданію (Кайль), въ параллельномъ греко-латинскомъ текстѣ, опи, во первыхъ, носятъ иное заглавіе: „*De regum humanarum vanitate*“ (*Εἰς τῶν ἀνθρωπίνων βασιλευσῶν*), во вторыхъ, оба они составляютъ одно цѣлое стихотвореніе и при томъ—такъ, что послѣднее стихотвореніе по Биллію составляетъ первую половину цѣльнаго стихотворенія, а первое—вторую часть его. Съ этимъ недостаткомъ Билліева изданія, т. е. съ дробленіемъ цѣльныхъ стихотвореній на различныя по своей величинѣ самостоятельныя части съ особымъ счетомъ, а подчасъ—и съ особымъ заглавіемъ этихъ послѣднихъ,—пріемомъ, не выдерживающимъ ни исторической, ни логической критики, встрѣчаешься въ стихотвореніяхъ не одинъ разъ. Кромѣ вышеприведеннаго примѣра укажемъ еще на 180 стран., гдѣ подъ №№ 109 и 110 (по порядку общей нуме-

(1) *Insign. itin. Ital. Traject. ad Rhen.* 1696 г., стр., 93, № II.

раціи) напечатаны два отдѣльные стихотворенія подѣ заглавіемъ 1) „Молитва ко Христу въ болѣзни“ (oratio ad Christum in morbo), 2) „Другая молитва (oratio alia), тогда какъ оба эти стихотворенія, по Кайльо, составляютъ одно цѣлое поэтическое произведеніе (II т. стр. 863). Есть и такіе, довольно странные въ ученѣмъ трудѣ, случаи, что одно и то же стихотвореніе въ одномъ мѣстѣ напечатано въ цѣльномъ, логически и ритмически неразрывномъ видѣ, а чрезъ нѣскольکو страницъ впередъ или назадъ тоже самое стихотвореніе попадается разорваннымъ на двѣ части съ особымъ счетомъ обѣихъ половинъ. Такимъ образомъ, одно и тоже стихотвореніе въ общей нумераціи занимаетъ три отдѣльныхъ цифры.

Примѣромъ можетъ служить стихотвореніе, подѣ заглавіемъ: „Плачь и моленіе ко Христу“; на 195 стран. оно помѣщено въ цѣльномъ видѣ, какъ одно органически неразрывное поэтическое произведеніе; а между тѣмъ, на 178 стран. тоже самое стихотвореніе разорвано на двѣ неравныя половины (первая—изъ 5, вторая—изъ 3 стиховъ) и напечатано въ видѣ двухъ отдѣльныхъ стихотвореній, подѣ заглавіемъ 1) „Θρήνος“, 2) „Ἐτερος Θρήνος“. Вообще говоря, повторенія стихотвореній или частей ихъ въ разнообразныхъ комбинаціяхъ: четверостишіяхъ, трехстишіяхъ и пр. составляютъ одинъ изъ наиболѣе рѣзко и непріятно бросающихся въ глаза недостатковъ Билліева изданія. Встрѣчаются повторенія одного и того же стихотворенія даже до трехъ разъ. Такъ на примѣръ, четверостишіе:

*„Σκεύαζε βαυτὸν ἄς τάχος, πρὸς οὐρανὸν
Ψυχὴν πτεράσας τῷ λόγῳ τὴν τιμίαν
Μηδὲν περισσὴν, ἀλλὰ πᾶν ὄψας βάρος
Βίου ματαίου. καὶ κακῶν τῶν ἐνθάδε.“*

составленное изъ 13, 14, 15 и 16 стиховъ стихотворенія подѣ заглавіемъ: „На свое удаленіе“ (*Εἰς τὴν ἀναχώρησιν*), напечатаннаго на стран. 181, повторяясь въ стихотвореніи: „Къ себѣ самому“ (*τοῦ αὐτοῦ παραίνεσις*) на стр. 197, образуетъ наконецъ на стр. 252 само по себѣ цѣлое, отдѣльное стихотвореніе, подѣ заглавіемъ: „Гимнь ко Христу“. Въ вышеупомянутомъ стихотвореніи: „На свое удаленіе“ мы не находимъ послѣдняго стиха: „Σχοπεῖτε καὶ προμοῖτε,

λαῶν ποιμένες“, заключающаго это стихотвореніе по изданію Кайльо (стр. 865). Между тѣмъ, этотъ искомый стихъ вмѣстѣ съ шестью послѣдними стихами названнаго стихотворенія на стр. 197 образуетъ особую поэтическую композицію съ надписью: „Εἰς Θεόν“. Такимъ образомъ одно поэтическое цѣлое раздроблено на 3 особыя части. Стихотвореніе на той же (197-й) страницѣ съ вышеприведеннымъ заглавіемъ: „Κεῖς σοῦ самому“, оканчиваясь указаннымъ четверостишіемъ, своими предыдущими семью стихами повторяетъ стихотвореніе подъ тѣмъ же заглавіемъ на стр. 180. На 198 стр. трехстишіе подъ заглавіемъ: „Εἰς διάβολον“ взято изъ стихотворенія на 177 стр. подъ заглавіемъ: „Ἄλλος (Θροῦνος) πρὸς Χριστόν“.

Изучая и сравнивая стихотворенія по изданію Биллія съ тѣми же произведеніями св. Григорія по другимъ позднѣйшимъ изданіямъ, въ первомъ, изобилующемъ, какъ сказано и показано, повтореніями, мы замѣтили по мѣстамъ еще недостатокъ противоположнаго свойства. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ оказывается пропускъ стиховъ или даже строфъ, либо въ срединѣ, либо въ концѣ стихотворенія. Такъ, на 97 страницѣ, въ стихотвореніи: „Θροῦνος“ (у Биллія не совсѣмъ ладно — *Θροῦνοι*) предъ послѣднимъ двустишіемъ недостаетъ элегической строфы:

„*Τέτρομαι πολλοῖσι κακοῖς καὶ ἄλγεσι βαρῶς
Σοὶ δὲ, Χριστέ, χάρις, ὅς με πυροῖς πάθεισιν*“,

и такимъ образомъ это стихотвореніе у него состоитъ изъ 18 стиховъ, вмѣсто 20. Далѣе, на 154 стр., въ гномическомъ стихотвореніи, написанномъ двустишіями (*Γνωμικὰ δίστιχα*), у Биллія отсутствуютъ двустишіе:

„*Ἄ δυσμενεῖς φοβοῦσι τῶν ἄλλων πλέον,
Ὁ σταυρὸς καὶ βαπτισμοῦ ἢ κοινωνία*“,

и такимъ образомъ все стихотвореніе состоитъ у него изъ 144 стиховъ (или 72 двустишій), а не изъ 146, какъ у Кайльо. На стр. 181, въ стихотвореніи: „На терпѣніе“

(εἰς τὴν ὑπομονήν) у Биллія, послѣ пятого стиха, недостаетъ ямбическаго двустишія:

„Ὡς μηδὲν εἰς πύρωσιν ἔλθη τῶν κακῶν·
Ἡ πείραν εἶναι καὶ πάλην τοῦ δυσμενοῦς“,

такъ что стихотвореніе, вмѣсто 9 стиховъ, какъ у Мураторія (1), состоитъ только изъ 7.

Въ стихотвореніи: „Гимнъ Богу“ (ὕμνος εἰς Θεόν), на стр. 252, у Биллія не оказывается стиха:

„Пάντα σε καὶ λαλέοντα, καὶ οὐ λαλέοντα λιγαίνει“,

который по Бенедиктинскому изданію Кайльо, (стр. 287) сличившаго греческій текстъ этого гимна съ ватиканскимъ кодексомъ, составляетъ шестой стихъ этого гимна; между тѣмъ, латинскій переводъ его у Биллія состоитъ сполна изъ 16 стиховъ; объясненія этой разности въ количествѣ стиховъ оригинала съ переводомъ у Биллія не находимъ. Наконецъ въ прекрасномъ ямбическомъ стихотвореніи „О добродѣтели“ (стр. 204), по изданію Биллія состоящемъ изъ 996, а по изданію Кайльо—изъ 998 стиховъ, по первому недостаетъ 448-го стиха:

„Καιροῦ φθόρου τε παίγμιον τιμώμενον“,

и 821-го:

„Εἰς ὄψιν οὐκ ἐδέξατ' εἶναι γὰρ κακοῦ“.

Что касается внѣшней стороны Билліева изданія поэтическихъ произведеній св. Григорія, то и въ этомъ отношеніи, съ точки зрѣнія удобства пользованія стихотвореніями, разсматриваемое изданіе представляется не совсѣмъ безукоризненнымъ. Невольно обращаетъ на себя вниманіе, съ этой стороны, прежде всего, порядокъ, или точнѣе, беспорядокъ Билліева изданія стихотвореній св. Григорія. Трудно догадаться, какимъ соображеніемъ руководился Биллій, давая стихотвореніямъ свой порядокъ расположенія ихъ, по какому принципу онъ дѣлалъ дѣленіе и распредѣленіе ихъ. Стихотворе-

(1) Ludw Ant Muratorii, Anecdota Gr, Pat. 1709, стр. 172.

нія богословскаго характера перемѣшаны у него съ стихотвореніями историческими, догматическія—съ нравственно-дидактическими, энграммы—съ гимнами, ямбическія стихотворенія—съ элегическими. О порядкѣ хронологическомъ, т. е., о расположеніи стихотвореній по порядку слѣдованія ихъ другъ за другомъ во времени можно думать всего меньше. Уже стихотвореніе: „De vita sua“, поставленное на первомъ мѣстѣ, написано въ 381 г. десятью годами позднѣе стихотворенія: „De rebus suis“ (напис. въ 371), занимающаго у него второе мѣсто. Правда, это первое стихотвореніе почему-то не идетъ у Биллія въ общій счетъ, который начинается у него только со втораго стихотворенія. Но стихотвореніе подъ № V: „De suis calamitatibus“ написано, въ свою очередь, на десять лѣтъ позднѣе (382 г.), стихотворенія: „Iusjurandum Gregorii“ (нап. въ 372 г.), поставленнаго у него подъ № XVII, и на три года позднѣе эпитафій Василию Великому (нап. въ 379 г.), занимающей у него 64 мѣсто. Далѣе, стихотвореніе подъ № XIX: „Adversus carnem“ написано двумя годами позднѣе (383 г.) стихотворенія: „De se ipso adversus invidos (нап. въ 381 г.), занимающаго у Биллія по порядку мѣста № 122. Стихотвореніе: „Ad Hellenium pro monachis exhortatorium“ (нап. въ 372 г.) хронологически на 11 лѣтъ раньше стихотворенія: „De Dei desiderio“ (нап. послѣ 383 г.), но у Биллія первое (подъ № XLVII) на двадцать одинъ номеръ ниже послѣдняго (подъ № XXVI), и т. под. Остается такимъ образомъ предположить, что Биллій пытался дать своему расположенію стихотвореній порядокъ систематическій. До нѣкоторой степени, дѣйствительно, можно замѣтить у Биллія систематизацію поэтическаго матеріала, распределяемаго, какъ будто, по извѣстнымъ группамъ стихотвореній, если только у него имѣютъ какой-либо смыслъ отдѣльныя категоріи нумерацій (римскими цифрами), объединяющихъ собой каждую группу стихотвореній отдѣльно одна отъ другой. Но что это за группы и какъ онѣ дѣлили и распределяли матеріалъ—это другой вопросъ. Стихотворенія любой группы у него ни между собой не представляютъ строго выдержаннаго сходства по одному извѣстному признаку, ни съ стихотвореніями другой категоріи не представляютъ дѣйствительнаго различія по тому-же признаку, и потому одинаково доступны для перемѣщенія изъ одной группы въ другую. Мы уже за-

мѣтили выше, что у Биллія самыя разнообразныя и разнохарактерныя по содержанию и формѣ стихотворенія въ расположеніи перемишаны между собой. А это произошло оттого, что онъ не опредѣлилъ точно одного извѣстнаго признака (*fundamentum divisionis*), на основаніи котораго можно бы было расположить подлежащій матеріалъ въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ. Располагая въ своемъ изданіи стихотворенія, Биллій то беретъ признакомъ дѣленія ихъ внутреннее содержаніе стихотвореній (*argana*, т. е. стихотворенія таинственныя, богословско-догматическія, стр. 161), то — ихъ внѣшнюю сторону, метрической размѣръ (*carmina iambica*, стихотворенія ямбическія, стр. 187 и д., *Tetrasticha*, четверостишія, стр. 156 и д.), то, не подводя ни подъ какой признакъ, ставитъ благодарную съ точки зрѣнія удобовмѣстимости рубрику: „*carmina varia*“ (92 стр. и д.), къ которой онъ, съ одинаковымъ основаніемъ, могъ бы отнести *всѣ* стихотворенія св. Григорія.

Къ внѣшнимъ недостаткамъ разсматриваемаго изданія нужно отнести также отсутствіе въ немъ обычнаго въ изданіи поэтическихъ произведеній каждаго классика дѣленія стихотвореній по стихамъ. Недостатокъ этотъ ощутителенъ, въ особенности, въ справкахъ и вообще критическомъ изученіи текста ихъ.

Говоря о недостаткахъ парижскаго изданія 1630-го года, мы вовсе не желаемъ умалить важности его и заслуги его издателей. Мы потому и остановились съ нѣкоторой подробностью на этомъ изданіи, что оно, вплоть до второй половины настоящаго столѣтія, было и лучшимъ и единственно-полнымъ изданіемъ сочиненій св. Григорія Богослова. Но, само собой разумѣется, что и оно съ своими несомнѣнными преимуществами, сравнительно съ прежними изданіями, имѣло лишь временное значеніе; при своихъ не маловажныхъ недостаткахъ, а главное — при своей неполнотѣ оно далеко не могло считать законченнымъ дѣло изученія рукописей Григорія и не ожидать, въ свою очередь, пополненія матеріала.

Послѣ Биллія, въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII столѣтія было найдено весьма много новыхъ, еще не изданныхъ въ свѣтъ поэтическихъ произведеній св. Григорія. Важнѣйшія изданія ихъ отдѣльно отъ словъ и писемъ Григорія Богослова были сдѣланы: *Толлемъ*, напечатаннымъ въ 1696 г. in—4, въ греко-латинскомъ текстѣ, 20 стихотвореній въ

„Insignibus Itinerarii Italici“, р. 1—105; Trajecti ad Rhenum, и трудолюбивымъ Люд. Ант. *Мураторіемъ*, издавшимъ въ 1709 году, in — 4, также на греческомъ и латинскомъ языкахъ, 222 эпитафій и эпиграммы Григорія Назіанзина въ „Anecdotis Graecis“, р. 1—217; Patavii. Въ большую заслугу Мураторію должно быть поставлено то, что онъ не только издалъ этотъ весьма цѣнный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почти единственный для исторіи IV-го вѣка матеріалъ, но и освѣтилъ его своими учеными примѣчаніями, снабдивъ еще его variis lectionibus различныхъ манускриптовъ.

Оба эти изданія новыхъ стихотвореній Григорія, сдѣланныя Толліемъ и Мураторіемъ, вмѣстѣ съ парижскимъ изданіемъ 1630 г. Билліа легли въ основу того прекраснаго послѣдняго греко-латинскаго изданія сочиненій св. отца, которымъ мы обязаны необыкновенному трудолюбію и учености французскихъ Мавриніанъ⁽¹⁾. Это по своей тщательной обработкѣ образцовое изданіе было начато при стеченіи крайне неблагоприятныхъ для него обстоятельствъ, которыя растянули исторію его больше, чѣмъ на столѣтіе. Инициатива этого „гигантскаго“ предпріятія, какъ его называетъ въ своемъ предисловіи ко 2-му тому изданія А. Б. Кайльо, принадлежала, кажется, Бенедиктинцу Якову Фришу; онъ первый, по крайней мѣрѣ, взялся за этотъ трудъ въ первомъ десятилѣтіи XVIII-го столѣтія, но на самомъ порогѣ своей учено-трудоваго дѣятельности онъ скончался смертью. Тогда дѣло перешло въ руки Франциска Луварда, который принялся за него съ рѣдкой энергіей и одушевленіемъ. Нужно удивляться, какъ могъ онъ разобраться въ изумительной массѣ рукописнаго матеріала и какъ успѣлъ хотя бы только

---

(1) Французскіе Мавриніане, называвшіеся такъ по имени одного изъ учениковъ Бенедикта-Мавра, въ 1618 году, въ противовѣстѣ іезуитамъ, составили въ Парижѣ ученую конгрегацию, главною задачей которой, по уставу, данному генераломъ ордена, Григоріемъ Тарисскимъ (Gregor Tarisse) и кардиналомъ Ришолье, было служеніе наукъ. Мавриніане, отличавшіеся солидною классической ученостію, оказали большія услуги церковно-исторической наукѣ и литературѣ изданіемъ произведеній многихъ христіанскихъ классиковъ.

пересмотрѣть его. Въ однихъ только парижскихъ библіотекахъ Лувардъ критически сличилъ между собой болѣе 200 кодексовъ. Онъ выписалъ множество чтеній и разночтеній, заимствованныхъ изъ манускриптовъ королевскихъ, Колбертинскихъ и Мазаринскихъ, и собственноручно внесъ ихъ на поля греко-латинскаго парижскаго изданія 1630 года. И хотя Луварду не суждено было привести къ концу предпринятаго труда, какъ это не суждено было ни предшественнику его Якову Фришу, ни непосредственному продолжателю его, Прудснцію Марону, однако Луварду бенедиктинское изданіе обязано своей существенной частью, обязано своимъ фундаментомъ, на который твердо оперлись послѣдующіе продолжатели. Переходя изъ рукъ въ руки за смертью одного сотрудника за другимъ, драгоценный матеріалъ получилъ наконецъ окончательную обработку для *перваго* тома, который, въ 1778 году и вышелъ въ Парижѣ подъ редакціей Д. Клеманцета. Полное его латинское заглавіе слѣдующее: „S. Patris nostri Gregorii Theologi opera omnia, quae extant... opera et studio monachorum ordinis S. Benedicti e congregatione S. Mauri Tom. I. Paris sumt. viduae Desaint, 1778. Но этотъ первый томъ давно желаннаго изданія обнимаетъ только одни „слова“ Григорія. Работы по приготовленію 2-го тома были надолго прерваны „tumultu publicarum discordiarum“, т. е. ужасами французской революціи, пошатнувшей во Франціи основы самой религіи и разрушившей свящ. ордена монаховъ. Казалось, что подлинная рукопись Мавриніанъ была совсѣмъ затеряна. Но 60 лѣтъ спустя, французскому аббату, А. В. *Caillau*. не разстававшемуся съ завѣтною мыслью объ этомъ кодексѣ, хранившемся въ душѣ его, какъ манна хранилась въ ковчегѣ завѣта, и постоянно представлявшему предъ своими глазами 2-й томъ бенедиктинскаго изданія, дѣйствительно посчастливилось отыскать въ Парижѣ драгоценную рукопись Мавриніанъ; такъ что въ 1840 году послѣдняя, наконецъ, явилась въ печати „post operam et studium monachorum O. S. B. edente et accurante D. A. V. Caillau. Paris et sumptibus Parent Debarres“, составивъ 2-й томъ къ упомянутому 1-му тому бенедиктинскаго изданія 1778 года. Этотъ томъ содержитъ *самое полное собраніе* писемъ и стихотвореній Григорія съ объяснительными примѣчаніями и извлеченіями изъ комментаторовъ: Козьмы Іерусалимскаго,

Никиты, Или и Пселла. Въ него именно вошло: 166 стихотвореній, изданныхъ Билліемъ; 222—Мураторіемъ и 20—Толліемъ; всего—408 стихотвореній. Количество стиховъ всѣхъ этихъ стихотвореній простирается до 17,531, а со включеніемъ въ счетъ стиховъ трагедіи: „Χριστός Πόβχων“—до 19,682. Всѣ стихотворенія раздѣлены на двѣ обширныя части (liber), изъ которыхъ первая (207—629 стр. включительно) обнимаетъ стихотворенія богословскія; вторая (631—1203)—стихотворенія историческія. Каждая изъ этихъ частей или книгъ, въ свою очередь, подраздѣляется на два отдѣла (sectio), изъ которыхъ первый отдѣлъ первой части (I, а, стр. 207—297) содержитъ стихотворенія догматическія; второй отдѣлъ той же части (I, в, стр. 299—629)—стихотворенія нравственныя (moralia). Первый отдѣлъ второй части (II, а, стр. 631—995) составляютъ тѣ историческія стихотворенія, которыя по содержанію своему относятся къ самому поэту; второй (II, в, стр. 997—1203)—стихотворенія, относящіяся къ другимъ лицамъ; къ этой же послѣдней группѣ стихотвореній отнесены эпитафіи 1109—1163) и эпиграммы (1165—1203) Трагедія: „Χριστός Πόβχων“ служитъ приложеніемъ (appendix). Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что въ отдѣлѣ историческихъ стихотвореній Кайльо, въ расположеніи ихъ, придерживается по возможности и хронологическаго порядка, опустивъ его совсѣмъ въ стихотвореніяхъ богословскихъ, время появленія которыхъ не можетъ быть опредѣлено и восстановлено съ точностью.

Это послѣднее изданіе Кайльо, совмѣстивъ въ себѣ всѣ лучшія стороны и достоинства прежнихъ изданій, не только чуждо ихъ недостатковъ, но имѣетъ и свои особенныя преимущества, что можно уже видѣть отчасти изъ самой систематизаціи матеріала. Какъ греческій, такъ и латинскій текстъ стихотвореній раздѣленъ и обозначенъ по стихамъ, по обычной въ классической поэзіи пятиричной системѣ дѣленія. Греческій текстъ снабженъ критико-сравнительно-филологическими и историческими подстрочными примѣчаніями. Ко всѣмъ прежнимъ латинскимъ переводамъ и переложеніямъ стихотвореній Григорія Кайльо отнесся со всею строгостью критики. „Латинскіе стихи Биллія, которыми онъ старался передать греческій подлинникъ, съ соблюденіемъ его размѣра“—говоритъ Кайльо—„принесли больше труда Биллію,

чѣмъ пользы читателямъ. Стѣсняемый законами метра, онъ часто передавалъ не хорошо не только слова, но даже и мысли автора“. Находя, такимъ образомъ, латинскую метрическую версификацію Биллія недостаточно соотвѣтствующей греческимъ стихамъ, онъ замѣнилъ ее своимъ собственнымъ переводомъ послѣднихъ, сдѣланнымъ вольною прозаическою рѣчью. Версификаціи же Биллія и по мѣстамъ версификаціи Фр. Мореля онъ помѣстилъ на нижнихъ поляхъ, сдѣлавъ снисхожденіе, изъ всѣхъ поэтическихъ опытовъ переложенія стихотвореній св. Григорія только этимъ двумъ издателямъ. Всѣ же латинскія метрическія версификаціи Толлія и Мураторія онъ исключилъ изъ своего изданія, замѣнивъ ихъ своимъ переводомъ.

Строгая безпристрастная критика, тщательная аккуратность и отчетливая методичность—вотъ главныя, отличительныя свойства этого изданія; знакомство съ нимъ надѣлаетъ читателя впечатлѣніемъ труда, явившагося не только результатомъ многосложныхъ изслѣдованій, добросовѣстности издателя его, его обширной христіанско-классической эрудиціи и полнаго изученія всего, что было сдѣлано прежде его предшественниками на томъ же поприщѣ, но и плодомъ глубокой любви его къ предпріятому дѣлу, плодомъ теплаго, непритворнаго чувства благоговѣнія къ великому церковно-литературному имени, богослову—поэту, Григорію Богослову. Это лучшее изданіе стихотвореній св. Григорія, съ сохраненіемъ всѣхъ его отличительныхъ особенностей, съ предисловіемъ къ нему Кайльо и съ примѣчаніями къ стихотвореніямъ комментаторовъ—Козьмы Іерусалимскаго и Никиты Давида, перепечатано было въ 1862 году Минемъ въ его извѣстномъ капитальномъ изданіи „Cursus compeltus“. Здѣсь стихотворенія Григорія Богослова, заняли два тома: 3-й и 4-й, XXXII и XXXVIII том. Patr. Grassae.

Въ своемъ сочиненіи мы будемъ приводить цитаты изъ стихотвореній св. Григорія по издацію ихъ Кайльо, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на параллельныя мѣста существующихъ изъ нихъ въ русскомъ переводѣ, при чемъ, за отсутствіемъ въ послѣднемъ дѣленія стихотвореній на стихи, указанія наши, по необходимости, будутъ относиться не прямо къ означаемымъ стихамъ, а къ страницамъ, на которыхъ можетъ случиться и два и три стихотворенія.

Что касается до дѣленія стихотвореній и группировки ихъ, то, при всѣхъ безспорныхъ библиографическихъ достоинствахъ послѣдняго, бенедиктинскаго изданія стихотвореній св. Григорія, мы не сочли удобнымъ воспользоваться для своего сочиненія классификаціей Кайльо, находя ее, въ отношеніи къ спеціальной задачѣ нашего сочиненія (св. Григорій Богословъ—какъ поэтъ) односторонней. Раздѣляя стихотворенія на общіе отдѣлы по одному и только одному лишь предметному содержанию стихотвореній, Кайльо не обнимаетъ своей классификаціей всего разнообразія художественно-литературныхъ формъ поэтическихъ произведеній св. Григорія Богослова, не даетъ видѣть уже внѣшнимъ образомъ, изъ одного только распредѣленія стихотвореній по ихъ настоящимъ поэтическимъ родамъ и видамъ, всей гибкости и плодovitости поэтическаго таланта св. отца. Мало того, Кайльо неизбѣжно допускаетъ въ своей общей классификаціи нѣкоторыя явныя погрѣшности съ строго-литературной точки зрѣнія, относя, напримѣръ, чисто лирическія произведенія къ разряду стихотвореній историческихъ. Мы рѣшились, поэтому, примѣнить въ своемъ сочиненіи дѣленіе стихотвореній болѣе подробное (детальное) и, какъ намъ кажется, болѣе точное, ближе подходящее къ характеру сочиненія и прямо вытекающее изъ самой задачи его.

Классификація стихотвореній и анализъ ихъ.

«Думаю, что въ стихахъ моихъ нѣтъ чего-либо вовсе безполезнаго; въ этомъ, если хочешь, удостовѣрьтея тебѣ самые стихи».

(Стихотвор. XXXIX, стихи: 62—63; стр. 901; по р. п. VI т. 93 стр.).

За исключеніемъ извѣстнаго, спорнаго по авторской принадлежности опыта цѣльной драматической композиціи—трагедіи „Страждущій Христосъ“ — (1) всѣ стихотворенія св. Григорія Богослова относятся къ области лирической поэзіи. Но помимо чистыхъ формъ лирики, поэзія его представляетъ весьма много среднихъ и смѣшанныхъ формъ, въ которыхъ художественно-литературный анализъ открываетъ слитыми элементы, порознь составляющіе характеристическое отличіе каждаго рода поэзіи въ отдѣльности. Основательное изученіе изящной древнеклассической поэзіи дало Григорію Богослову богатую почву для разнообразнаго выраженія его поэтическаго вдохновенія. Художественная литература древнихъ Грековъ представляла въ готовомъ видѣ такое обильное разнообразіе поэтическихъ родовъ и формъ, созданныхъ и усовершенствованныхъ гениемъ Эллиновъ на основаніи общихъ законовъ челоуѣческаго духа, что поэту—Богослову въ этомъ отношеніи оставалось только талантливо воспользоваться ими. Св. Григорій, дѣйствительно, исчерпалъ своими поэтическими произведе-

(1) Въ виду того, что трагедія «Страждущій Христосъ» (*Χριστός Πάσχων*) не принадлежитъ безспорно св. Григорію Богослову, и что вопросъ о подлинности ея породилъ обширную историко-критическую литературу, въ которой, выдвинувъ столь же вѣскіе и авторитетные доводы за принадлежность трагедіи св. Григорію Богослову, какъ и противъ нея, остается и доселѣ вопросомъ открытымъ, мы надѣемся сказать объ этой спорной трагедіи особо, въ отдѣльномъ трактатѣ.

ніями все богатое наслѣдіе древнеклассическихъ видовъ лирики, а по частямъ и эпизодически—почти все разнообразіе поэтическихъ формъ, вливая въ эти готовые формы античной поэтики продукты собственного поэтического творчества. Но такъ какъ чувство, основной элементъ лирической поэзіи, подѣ влияніемъ христіанскихъ идей и идеаловъ, осложнилось безконечнымъ разнообразіемъ оттѣнковъ, условливающихъ такое же богатое разнообразіе мотивовъ лирической поэзіи, то для выраженія своихъ душевныхъ настроеній христіанскій поэтъ не всегда могъ съ одинаковымъ успѣхомъ воспользоваться готовой поэтической формой, выработанной древнеклассической музой. Этимъ объясняется то обстоятельство, что на ряду съ стихотвореніями, отлившимися въ совершеннѣйшую форму высокихъ лирическихъ произведеній, есть много такихъ поэтическихъ опытовъ, которые, по ихъ, такъ сказать, формально литературному синкретизму, трудно отнести къ извѣстному специфическому типу поэтическихъ произведеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Григорій Богословъ, съ большою свободой варьируя древнеклассическія формы лирики для примѣненія ихъ къ христіанскимъ сюжетамъ, не только придалъ имъ своеобразный характеръ, но измѣнилъ даже техническое названіе ихъ. Такъ древнеклассическій видъ лирики—элегія подраздѣлился у него на частнѣйшія формы, подѣ новымъ названіемъ оригинальнаго творчества христіанской поэзіи: „*Εὐχαριστίου*“, „*Εὐχή*“, „*Ἰκετήρια εἰς Χοῦβτόν*“, „*Παρακλητικόν*“, „*Δέησις πρὸς Χοῦβτόν*“, и пр.

Для точнѣйшаго раскрытія поэтической природы, для опредѣленія и уясненія характера стихотвореній св. Григорія Богослова необходимо, такимъ образомъ, во 1-хъ сдѣлать подробную классификацію ихъ, раздѣляя и подраздѣляя стихотворенія на частнѣйшія группы и категоріи, имѣющія по своимъ внутреннимъ свойствамъ видовыя различія между собою, хотя и объединяемыя высшимъ родовымъ понятіемъ лирики; во 2-хъ разсматривать каждую группу стихотвореній Григорія, по возможности, въ историко-генетической связи съ древне-классическими образцами.

Сначала мы раздѣлимъ всѣ стихотворенія, по характернымъ свойствамъ ихъ поэтической природы и литературнымъ формамъ, на два обширныхъ класса: на стихотворенія I) *миро-эпическія* и стихотворенія II) *собственно-лирическія*.

Ч А С Т Ъ I.

Стихотворенія лиро-эпическія.

Къ стихотвореніямъ лиро-эпическаго характера относится весьма богатый отдѣлъ стихотвореній *дидактическихъ*, которыя, въ свою очередь, для удобства разбора, можно подраздѣлить на четыре категоріи: на 1) *гномическія*, или *гноическо-прагматическія* стихотворенія, 2) *историческія поэмы*, 3) *дидактическія поэмы* и 4) *стихотворенія обличительнаго характера (сатирическія)*.

1. ГНОМЫ.

Γνώμη (*γνώμαι*), лат. *sententia*, въ обыкновенномъ смыслѣ означаетъ изреченіе, которое, соединяя съ возможно-краткой формой выраженія возможно-большую полноту мысли, синонимично съ словами: *λέξις λόγως, λόγων, ῥῆσις, ῥῆμα, ῥῆτρα* (*dictum, dictionum*), *ἀπόθευμα*. Кратко и мѣтко выражая результаты нравственно-практическихъ наблюденій и выводы житейскаго опыта, гномы сходны съ пословицами и подобно этимъ послѣднимъ имѣютъ цѣлью поученіе, преподаніе нравственнаго урока, правила, наставленія. Различіе гномическихъ изреченій отъ пословицъ (*παροιμιον, παροιμία, αἶνος = dictum, verbum, proverbium, adagium*) состоитъ только въ томъ, что пословица живетъ и обращается въ устахъ народа, какъ общее его достояніе; она общеизвѣстна, хотя и никто не знаетъ—кто ея авторъ; „она ходитъ“—какъ выражается Даль—„подъ чеканомъ народности“. Съ изреченіями же гномическими продолжаютъ неразлучно жить, обыкновенно, и имена ихъ авторовъ. Какъ самая удобная и общедоступная форма вы-

раженія разнообразныхъ жизненныхъ наблюденій, моральныя сентенціи или гномы свойственны всѣмъ вообще народамъ, особенно въ древнѣйшую пору ихъ жизни, и вездѣ служили началомъ дидактической поэзіи. Но особеннымъ уваженіемъ и успѣхомъ всегда пользовались гномы на Востокѣ.

Въ древне-греческой литературѣ гномы встрѣчаются уже у Гомера, а у Гезіода гномы или сентенціи становятся сами по себѣ содержаніемъ цѣлыхъ опредѣленныхъ видовъ стихотвореній. Древнѣйшій родъ такой правоучительной или дидактической поэзіи встрѣчаемъ въ *ἔρουα καὶ ἡμέραι* (труды и дни) Гезіода. И въ твореніи Гезіода соединены еще два различные элемента—правила, касающіяся матеріальной жизни и нравственныя. Позднѣе, когда послѣднія начинаютъ составлять единственный предметъ дидактической поэзіи, образуется поэзія собственно гномическая. Временемъ высшаго развитія ионическо-гномической поэзіи у Эллиновъ былъ періодъ такъ называемыхъ семи мудрецовъ (Ол. 40—57) и греческихъ законодателей. Задачей ихъ гномической мудрости было частью—давать въ краткихъ изреченіяхъ и сентенціяхъ нравственно житейскія нормы и правила благоразумія (¹), частью—черезъ политическія предписанія и законы облагораживать жизнь и такимъ образомъ содѣйствовать развитію высшей культуры, въ которой нравственные и политическіе элементы, первоначальные опыты философіи и законодательства, нераздѣльно слитые между собою, выражались въ поэтической формѣ; чаще всего гномическія стихотворенія излагались въ формѣ строфъ, состоящихъ изъ двухъ или трехъ элегическихъ дистиховъ, которые обыкновенно назначались и посвящались какому-нибудь другу. Многія изъ гномическихъ стихотвореній, напримѣръ, Солона, имѣли на заглавномъ листѣ личныя посвященія *πρὸς Κριτίαν*, *πρὸς Φιλόχυτρον*, *πρὸς Φῶκον*, соединяя такимъ образомъ субъективный характеръ элегіи

(¹) Имъ, напримѣръ, приписываютъ афоризмы или «гномы», которые, какъ гласитъ преданіе, были начертаны золотомъ на воротахъ Дельфъ, стали въ Греціи семейными заповѣдями и частью перешли въ новѣйшія пословицы и поговорки: «Златая середина», «Познай самого себя», «Добродѣтель трудна», «Не называй челоуѣка, до его смерти, счастливымъ».

съ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ. Вначалѣ, впрочемъ, самой приличной формой для спокойнаго мірообсужденія и безстрастнаго изложенія житейской мудрости считался гекзаметръ. Позднѣе же, когда гномическія стихотворенія преобразовались въ такъ называемую гномическую элегію, метрической формой гномовъ сдѣлалось элегическое двустишіе, представляющее соединеніе гекзаметра съ пентаметромъ. Но на ряду съ этой формой по прежнему оставался въ употребленіи и гекзаметръ, которымъ написаны (въ числѣ 71-го) и такъ называемыя „золотыя изреченія“ (*χρυσὰ ἔγγρα*) Пифагора. Однако преобразование гекзаметрической формы гномическихъ стихотвореній въ элегическое двустишіе, (размѣромъ котораго написано одно изъ лучшихъ гномическихъ стихотвореній св. Григорія Назіанзина) весьма замѣтно отразилось на чисто-поэтическомъ элементѣ ихъ; мало того, самое преобразование это совершилось подъ вліяніемъ поэтического элемента. Хорошо приспособленная, по самой краткости своихъ строфъ, къ аккомпанименту простой и незатѣливой игры на музыкальномъ инструментѣ, гномическая поэзія позднѣйшаго размѣра содержитъ въ себѣ по мѣстамъ много вдохновенія, оживляющаго элегическій стихъ силою и теплотою, достойными Каллина и Тиртея. Такою силою и жизнью отличаются, въ особенности, гномическія элегіи Солона. Вообще же гномическія стихотворенія, благодаря мѣткости своихъ правилъ, изящной точности и прелести языка, были особенно драгоценны по своей пригодности для воспитательныхъ цѣлей. Они охотно заучивались юношами и навсегда запечатлѣвались въ ихъ памяти; они пережили въ исторіи литературы многія гениальнѣйшія произведенія классической древности. Даже послѣ діалоговъ Платона и правоучительной философіи Аристотеля не забыли Фокильда, Солона и Теогида. Золотые стихи Пифагора имѣли комментаторовъ еще во времена св. Григорія Назіанзина. Позднѣе же потомъ всѣ подобнаго рода стихи, какъ и апофтегмы и притчи въ прозѣ, перешли въ *нравственныя антологіи*, нацрѣмъ, Оріона, Стобея, и въ разнаго рода энциклопедіи и руководства. Послѣ разновременныхъ пересмотровъ и передѣлокъ, они встрѣчаются потомъ то съ печатью христіанскаго міровоззрѣнія въ греческой поэзіи

Псевдофокилида⁽¹⁾, въ собраніи *Сивиллиныхъ предсказаній*, въ мысляхъ епископа и мученика Пила, то съ характеромъ стоической философіи — въ латинскихъ дистихахъ Діонисія Катона.

Изъ христіанскихъ писателей, образовавшихъ свой талантъ и вкусъ на художественныхъ образцахъ древнеклассической литературы. св. Григорій Назіанзинъ первый съ уснѣхомъ воспользовался гномической формой поэзіи для выраженія христіанскихъ идей.

Къ гномическому роду стихосложенія относятся слѣдующія изъ его стихотвореній: 1) *Στίχων ἢ ἀχροστικῆς τῶν πάντων στοιχείων*. (Кп. I, отд. II, № XXX), 2) „*Γνωμαὶ διστίχοι*“ (Ibid., № XXXI), 3) „*Γνω-*

(¹) Съ именемъ Фокилида (см. Bergk, *Fragg. Poet. Lyric.* стр. 455—75) до насъ уцѣлѣло большое (приблизительно изъ 250 гекзаметровъ) нравоучительное стихотвореніе „*Πολύμα νοῦ φητι κῶν*“, соединяющее орфическо-гезіодическія сентенціи съ мѣстами изъ позднѣйшихъ гномическихъ поэтовъ и съ правилами ветхозавѣтныхъ дидактическихъ книгъ; по своему происхожденію стихотвореніе это одними изъ ученыхъ относится къ александрійскому періоду (Юс. Скалигеръ, Роде, Берней и др.), другими — къ одному изъ первыхъ четырехъ вѣковъ христіанской эры (Брункъ, Гайсфордъ, Эвальдъ и др.). Первые подъ псевдофокилидомъ разумѣютъ какого-либо просвѣщеннаго іудейскаго автора, который, не смотря на разобщающія отличія національности, въ дидактическомъ тонѣ, но мягко и безъ всякой полемиической примѣси рекомендовалъ грекамъ моральныя предписанія В. Завѣта. Послѣдніе усматриваютъ въ немъ какого-либо христіанина изъ образованныхъ грековъ, жившаго къ концу IV в. и сдѣлавшаго попытку, подъ именемъ Фокилида, согласить въ названной поэмѣ новое ученіе съ изреченіями древнегреческихъ поэтовъ. (См. *Vode, Geschichte d. Lit. Dichtk. Erst. Th.* стр. 247).

Гораздо ближе по композиціи, тону и языку къ гномамъ св. Григорія Богослова прекрасное гномическое стихотвореніе „*Γαμικὴ παραρῥήματα*“, дошедшее до насъ въ неполномъ видѣ (изъ 73 гекзаметровъ) подъ именемъ неизвѣстнаго поэта, *Πιννακία*. Въ немъ авторъ — по всей вѣроятности христіанинъ (См. Grässe, *Gesch. d. Liter. Aegypt. Assyrg., Juden, etc.* отд. 2 стр. 758) — съ большимъ поэтическимъ искусствомъ выставляетъ правила для брачныхъ супруговъ обоого пола; въ особенности же подробно осганавливается на отношеніяхъ жены къ мужу.

μικὰ διβτιχα“ (Ibid., № XXXII) и 4) „*Γνωμολογία τετραβτιχος*“ (Ibid., № XXXIII); къ этой же категоріи слѣдуетъ причислить и 5) стихотвореніе подъ заглавіемъ: „*Οροι ποχυμερις*“ (Ibid., № XXXIV).

По предметамъ своего содержанія гномическія стихотворенія св. Григорія Богослова такъ же богаты и обширно-разнообразны, какъ сложна и разнообразна самая жизнь человѣческая во всей совокупности ея духовно-нравственныхъ проявленій. Гномы его обнимаютъ, съ моральной стороны, жизнь человѣка во всевозможныхъ отношеніяхъ его общественнаго и домашняго быта, наставляютъ и нравственно-руководятъ христіанина среди самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ его личнаго положенія, при самыхъ различныхъ условіяхъ его званія и состоянія, его пола и возраста. И міряне и монахи, и пастыри и пасомые, и отцы и дѣти, и замужнія и дѣвственницы, и рабы и господа, и бѣдные и богатые,—всѣ одинаково въ гномической мудрости поэта-богослова находятъ каждый по себѣ и для себя правоучительное правило, руководственную норму или жизненно-опытный совѣтъ, съ которыми каждый, въ высшихъ религіозно-нравственныхъ интересахъ своихъ, долженъ собразовать свой образъ дѣйствій и поведенія въ томъ или другомъ случаѣ жизни. Съ другой стороны, гномическія стихотворенія св. отца не лишены и чисто историческаго значенія для характеристики внутренно-бытовой стороны современной ему эпохи. Въ гномическихъ правоученіяхъ своихъ св. Григорій съ особеннымъ успѣхомъ пользуется своимъ любимымъ методомъ заключенія „отъ противпаго“: отъ вѣшняго явленія—къ высшему внутреннему смыслу его, отъ чувственнаго—къ сверхчувственному, отъ современнаго, измѣнчиваго—къ вѣчному, постоянному, отъ заблужденія, порока—къ истинѣ, добродѣтели. Приѣмъ этотъ самъ по себѣ часто даетъ св. Григорію случай обрисовывать, правда отрывочными, но мѣтко схваченными, живыми штрихами современные ему недостатки, обличать господствующіе предрассудки и пороки. Такая широкая задача всесторонняго правоученія и руководства, заразъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности, только и доступна гномическому стихотворенію по самымъ свойствамъ его композиціи и характера. Не подчиняясь обыкновенному литературному требованію единства содержанія, достигаемаго строго-послѣ-

довательнымъ развитіемъ главной мысли и органически-тѣснымъ отношеніемъ частей къ своему цѣлому, гномическое стихотвореніе есть исключительный родъ словеснаго произведенія, въ которомъ христіанскій поэтъ, по широтѣ и разнородности предметовъ нравоученія, можетъ быть, по анастолу, „всѣмъ для всѣхъ“. Предъ глазами читателя поэтъ открываетъ въ своихъ гномахъ необозримо-широкое поприще человѣческой жизни и дѣятельности. Пестро, какъ самыя явленія жизни, проходятъ предъ нимъ, въ живой очередной смѣнѣ, разнообразныя отображенія и картины этой жизни. Съ каждымъ отдѣльнымъ стихомъ выступаетъ какое-нибудь новое житейское отношеніе, получая, подъ угломъ зрѣнія христіанскаго поэта, свою особую яркую полосу свѣта, уясняющаго внутренній смыслъ и значеніе его; въ каждомъ гномическомъ изреченіи новая нравоучительная мысль, новое назидательное правило или нравственно-практическій совѣтъ выводятся изъ наблюденія надъ какимъ-нибудь новымъ явленіемъ или комбинаціей явленій въ опытѣ жизни человѣческой, и олицетворяются въ новыхъ одушевленно-поэтическихъ образахъ и метафорическихъ формахъ.

Литературныя достоинства гномическихъ стихотвореній св. Григорія Богослова, обусловливаемая до известной степени самыми внутренними свойствами ихъ содержанія и характера, заключаются, между прочимъ, въ этомъ разнообразіи и безпрерывной смѣнѣ живыхъ образовъ, сильныхъ и мѣткихъ сравненій и уподобленій, толко-прозрачныхъ аллегорій, неожиданныхъ и поразительныхъ автitezъ. Благодаря этимъ совмѣстно-высокимъ качествамъ содержанія съ формою, гармоніи мысли съ образомъ выраженія ея, длинное, примѣрно въ 326 стиховъ, гномическое стихотвореніе, представляющее непрерывную цѣпь моральныхъ наставленій, читается не только безъ утомляющаго однообразія, но и съ большимъ до конца не ослабѣвающимъ подъемомъ.

Анализъ содержанія гномическихъ стихотвореній (строфъ) св. Григорія Богослова.

Всю обширную область гномовъ, подлежащихъ нашему вниманію, по тремъ главнымъ сферамъ отношенія нравственно-практическихъ обязанностей и правилъ христіанскаго

поведенія, рекомендуемыхъ моралью ихъ, можно раздѣлить прежде всего на три неодинаковыя по объему группы: 1) на гномы, касающіеся обязанностей христіанина въ отношеніи къ Богу; 2)—въ отношеніи къ другимъ людямъ („ближнимъ“) и 3)—въ отношеніи къ самому себѣ.

1) Въ отношеніи къ Богу.

Гномическія строфы св. Григорія Богослова, по предмету своему относящіяся къ первой изъ названныхъ трехъ категорій, весьма не сложны.

Принципомъ его моральныхъ наставленій разсматриваемой категоріи гномовъ служитъ высочайшій принципъ христіанства: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ“ (Мѡ. 22, 37) ⁽¹⁾ Эта „первая и большая заповѣдь“ служитъ исходнымъ пунктомъ гномическихъ правоченій св. Григорія.

Въ гномахъ его мы читаемъ: „Богъ есть сущность (*οὐβία*) и первая доброта“ ⁽²⁾. „Прежде всего бойся Бога“ ⁽³⁾ . . etc. „Оставивъ весь міръ и всякое здѣшнее бремя, направляй

⁽¹⁾ Развивая въ одной изъ своихъ проповѣдей это высшее христіанское начало, Григорій Богословъ говоритъ: «Еслибы у насъ кто спросилъ: что мы чувствуемъ и чему поклоняемся? Отвѣтъ готовъ: мы чтимъ любовь. Ибо, по изреченію св. Духа, Богъ нашъ любовь есть (Іоан. 4, 8) и наименованіе сіе благоугодно Богу всякаго другого имени» (Т. II, слово 23, стр. 231).

⁽²⁾ Стихотвор. XXXIV, ст. 1, стр. 614; по р. п. V т. 335 стр.

⁽³⁾ — XXXII, ст. 15, стр. 589; по р. п. IV т. 364 стр.; Ср.: «Начало премудрости страхъ Господень»; (Притч. Солом. гл. I, ст. 7).

Внутренній процессъ благотворности страха Божія, какъ христіанскаго расположенія духа, св. Григорій изображаетъ слѣд. образомъ въ одной изъ проповѣдей своихъ: «Гдѣ страхъ, тамъ соблюденіе заповѣдей; гдѣ соблюденіе заповѣдей, тамъ очищеніе плоти; гдѣ очищеніе плоти, тамъ озареніе; озареніе же есть исполненіе желанія для стремящихся къ предметамъ высочайшимъ, или къ Предмету Высочайшему, или къ Тому, что выше высокаго». Томъ III, стр. 258.

нарусь въ небесную жизнь (¹) „Желаю, чтобы ты богатѣлъ однимъ Богомъ, а цѣлый мѣръ почиталъ всегда наравнѣ съ паутиными тканями (²)“. „Только къ Богу одному и божественному будь безмѣрно привязанъ. Богъ ближе всегда къ призывающимъ Его. Онъ Самъ жаждетъ жаждущихъ Его, непрестанно и щедро источая Себя имъ. А если кто богаче тебя въ другомъ чемъ—сноси это равнодушно (³)“ „Бога имѣй началомъ и концомъ всякаго дѣла“ (*Αρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποιού Θεόν*) (⁴).

Но чтобы Богопочтеніе, во всѣхъ видахъ его проявленія, выражающихъ непосредственное отношеніе христіанина къ Богу, съ одной стороны, соотвѣтствовало своей внутренней высотѣ и важности и было достойно величія Божія, съ другой—чтобы оно было благотворно и спасительно для самаго христіанства, св. отецъ внушаетъ въ своихъ моральныхъ сентенціяхъ, какъ необходимое условіе для этого, чистоту и искренность расположенія души. „Оскорбительно для вѣры“—гласить его гномъ—„не въ сердцѣ ее имѣть, но поставлять въ какомъ-нибудь цвѣтѣ. Краску не трудно смыть, а я люблю то, что проникло въ глубину (⁵)“. „Въ жертву Богу преимущественно предъ всѣмъ прочимъ приноси душу (⁶)“, etc. „Непрестанно созидай умъ свой въ храмъ Богу, чтобы внутри своего сердца имѣть несокрушимую опору—царя (⁷)“.

(¹) Стихотвор. XXXI, ст. 59—60, стр. 587; по р. п. IV т. 363 стр.

(²) — XXXI, ст. 27—28, стр. 585; по р. п. IV т. 361 стр.

(³) — XXXIII, ст. 145—148; стр. 605; по р. п. V т. 206 стр.

(⁴) — XXX, ст. 1, стр. 583; по р. п. V т. 209 стр.

Сравн. рус. послов.: «Съ Бога начинай и Господомъ кончай», или «Безъ Бога—не до порога»; *Далая*, пословицы Рус. народа 1862 г. стр. 6.

(⁵) — XXXI, ст. 39—40, стр. 586; Сравн. у Гомера:

•*Εχθρός γάρ μοι κείνος ὁμῶς Ἄϊδαο πυλῆσιν*
•*Ὅς χ' ἕτερον μὲν κεύθῃ ἐνὶ φρεσὶν, ἄλλο δὲ εἶπῃ*

(Для меня ненавистенъ тотъ, какъ врата ада,
Кто одно скрываетъ въ сердцѣ, а другое говоритъ)

Ил. IX, 312.

(⁶) — XXX, ст. 23, стр. 583; по р. п. V т. 210.

(⁷) — XXXI, ст. 5—6; стр. 585; по р. п. IV т. 360 стр.

Нѣкоторыя изъ гномическихъ изреченій, относящихся къ этой серіи христіанскихъ наставленій—поклоняться Богу въ *духъ и истинѣ* (Іоан. 4, 24) и оправдывать вѣру дѣлами, любопытны съ точки зрѣнія характеристики времени св. Григорія, когда, какъ видно, любили больше *разсуждать* о Богѣ и религіи, чѣмъ *жить* въ духѣ религіи и христіанской любви къ Богу. „Болѣе будь привязанъ къ Богу, чѣмъ стой за ученіе о Богѣ. Всякое слово можно оспоривать словомъ. по жизнь чѣмъ оспоришь (1)“. „Возвышайся болѣе жизнью, нежели мыслью. Жизнь можетъ сдѣлать тебя богоподобнымъ, а мысль—довести до великаго паденія (2)“... „Благодать дается не тому, кто говоритъ, но тому, кто хорошо живетъ (3)“. „Пусть непрестанно трудится твой умъ, впечатлѣвая въ себѣ божественныя мысли и глаголы жизни. А на языкъ будь скупъ; потому что онъ весьма способенъ дѣлать вредъ, и чѣмъ скорѣе движится, тѣмъ меньше приноситъ пользы (4)“.

Что касается „скороподвижности“ языка въ отношеніи обычая клятвы, то христіанскіе гномы Григорія, направленные противъ этого нравственнаго недостатка, едвали менѣе примѣнимы и къ настоящему времени, чѣмъ къ вѣку Григорія.

„Избѣгай всякой клятвы. Ты спросишь—чѣмъ же увѣришь другихъ?—Словомъ и жизнью, согласною съ словомъ. Къ чему тебѣ призывать въ посредники Бога? Сдѣлай чтобы посредникомъ твоимъ были твои добрыя правы (5)“. „Весьма худо и давать клятву и требовать ея; въ обоихъ случаяхъ оскорбляешь правду (6)“.

(1) Стихотвор. XXXIII, ст. 11—12; стр. 397; по р. п. V т. 200 стр.

(2) — XXXIII, ст. 89—90; стр. 603; по р. п. V т. 203 стр.

(3) — XXXIII, ст. 24; стр. 399; по р. п. V т. 201 стр.

(4) — XXXIII; ст. 57—60; по р. п. V т. 202 стр.

(5) — XXXIII; ст. 169—172; стр. 607; по р. п. V т. 207 стр.

(6) — XXXII; ст. 77—78; стр. 593; по р. п. IV т. 367 стр.; сравн. русск. послов.: «Гдѣ клятва, тутъ и преступленіе»; Послов. Р. Нар. Даля; стр. 718.

2) Въ отношеніи къ ближнимъ.

Въ основаніи гномической морали Григорія Богослова касательно правилъ поведенія христіанина въ отношеніи къ ближнимъ лежитъ также нравственно-христіанское начало, выраженное въ евангельской заповѣди о любви къ ближнему (Мо. 22, 39; Иоан. 13, 34; 15, 12). Но такъ какъ любовь эта по своимъ видамъ и проявленіямъ, сообразно разнымъ условіямъ и отношеніямъ ближнихъ, весьма различна, то и сфера нравоученій, обнимаемыхъ этой второй группой гномическихъ изреченій Григорія, широка и разнообразна. Всю эту группу гномовъ, по принятому нами началу классификаціи, можно подраздѣлить, въ свою очередь, на изреченія общія, касающіяся всѣхъ вообще ближнихъ, и частныя, опредѣляемыя различными состояніями и отношеніями, въ которыхъ они поставляются въ жизни. Въ гномическихъ изреченіяхъ перваго отдѣла поэтъ-богословъ преподаетъ христіанину слѣдующія наставленія. „Милости Божіей ищи себѣ милостями къ ближнимъ“. (1).

„Версти самъ себя, а надъ надепіемъ другаго не смѣйся“ (2).

„Пріятно возбуждать къ себѣ зависть, но весьма постыдно самому завидовать“. (3).

„Чего вовсе не хочешь терпѣть отъ другаго, того и самъ не желай дѣлать другому“. (4).

„Разбирай больше самъ себя, нежели дѣла ближнихъ (5)“.....

„Хвали другаго, но не думай высоко о себѣ, когда тебя хвалятъ: опасно, чтобы не оказаться тебѣ ниже похвалъ. И другаго хвали, не торопясь, по прежде дознай опытно, чтобы не понести тебѣ стыда, когда окажется онъ худымъ (6)“.

„Лучше о себѣ слышать худое, нежели говорить худо о другомъ. Ежели кто, желая позабавить тебя, выставяетъ ближняго на посмѣшище, то воображай себѣ, что предме-

(1) Стихотвор. XXX, ст. 6; по р. п. V т. 209 стр.

(2) Ibid. — — ст. 24; по р. п. V т. 210 стр.

(3) Ibid. — — ст. 22; по р. п. Ibid.

(4) — XXXII, ст. 19—20; стр. 589; по р. п. IV т. 364 стр.

(5) — XXXIII, ст. 53, стр. 601; по р. п. V т. 202 стр.

(6) Ibid. — — ст. 97—100; по р. п. V т. 204 стр.

томъ смѣха служишь ты самъ; въ такомъ случаѣ слова его всего болѣе огорчать тебя (1)“.

„Не заботься во всемъ и всегда одерживать верхъ. Лучше уступить надъ собой побѣду съ пользой, нежели побѣдить со вредомъ. И у борцовъ почитается побѣжденнымъ не всегда тотъ, кто лежитъ внизу, но часто и тотъ, кто остается вверху (2)“.

Изъ частныхъ моральныхъ обязанностей христіанина, опредѣляемыхъ различными состояніями и отношеніями ближнихъ, въ какихъ находятся онъ, позъ рекомендуеть:

Касательно добродѣтельныхъ и порочныхъ:

„Старайся узнавать всѣ поступки добродѣтельныхъ (3)“.

„Добродѣтельному стыдно быть защитникомъ порочныхъ; это почти тоже, что собственной погою стать на стезю порока (4)“.

„Добраго всегда предпочитай педоброму. Обращаясь съ порочными, и самъ непремѣнно сдѣлаешься порочнымъ. Отъ худого человѣка никогда не принимай милости, потому что онъ старается чрезъ это найти у тебя извиненіе своимъ дѣламъ (5)“.

„Лучше наказаніе отъ праведника, нежели честь отъ порочнаго (6)“.

Относительно родителей, наставниковъ и учащихся:

„Легко отречется и великаго Бога, кто отрекся отца. И наставника въ благочестіи уважай какъ отца (7)“.

(1) Стихотвор. XXXIII, ст. 101—104; по р. п. т. V. стр. 204.

(2) — XXXIII, ст. 149—152; стр. 605; по р. п. V т. 206 стр.

(3) — XXX, ст. 3, стр. 583; по р. п. V т. 209 стр.

(4) — XXXI, ст. 49—50; стр. 587; по р. п. IV т. 362 стр.

(5) — XXXIII, ст. 189—192, стр. 607; по р. п. V т. 207 стр.

(6) — XXX, ст. 17; стр. 583; по р. п. V т. 210 стр.; Сравни русск. послов.: «Увѣче—не безчестье. За увѣче берутъ безчестье», и еще: «Хоть плетью выськи, только чести не лишай»; послов. Р. н. Даля, стр. 805.

(7) — XXXI, ст. 53—54; стр. 587; по р. п. IV т. 363 стр.

„Сыну никогда не входить въ споръ съ отцомъ—пове-
лѣваетъ законъ, а прежде закона—природа (1)“.

„Или вовсе не учи, или учи доброю жизнію. Иначе
будешь одною рукою притягивать, а другою отталкивать.
Меньше потребуется словъ, если дѣлаешь, что должно. Живо-
писецъ больше учитъ своими картинами (2)“.

„Особенно вамъ, служители алтаря, совѣтую не быть
окомъ, исполненнымъ тьмы, чтобы не оказаться первыми въ
порочной жизни. Ибо если свѣтъ темень, чѣмъ будетъ самая
тьма? (3)“.

„Учи глупыхъ соображаясь, сколько можно, съ ихъ
природой; тогда, можетъ быть, сверхъ чаянія, сдѣлаешь ихъ
благоразумными (4)“.

Относительно богатыхъ людей, господъ и слугъ:

„При дверяхъ у мудрыхъ стой неотступно, а у бога-
тыхъ не стой никогда (5)“.

„Ненавижу бѣдняка, дѣлающаго подарки богатому, какъ
человѣку, который сладко говоритъ, но забываетъ накор-
мить (6)“.

„Что значать слова: господинъ и слуга? Какое дурное
дѣленіе! У всѣхъ одинъ Творецъ, для всѣхъ одинъ законъ,
одинъ судъ. Принимая услугу, смотри на служащаго, какъ
на сослуживца (7)“....

(1) Стихотвор. XXXII, ст. 17—18; стр. 589; по р. п. IV,
364 стр.

(2) — XXXIII, ст. 13—16; стр. 599; по р. п. V т. 200 стр.

(3) — XXXIII, ст. 17—20; стр. таже и по р. п. тамъ же.

(4) — XXXII, ст. 71—72; стр. 593; по р. п. IV т. 366 стр.

(5) — XXX, ст. 18; стр. 583; по р. п. V т. 210 стр.

(6) — XXXII, ст. 61—62; стр. 591; по р. п. IV т. 366 стр.

(7) — XXXIII, ст. 133—136; стр. 605; по р. п. V т.

Относительно друзей и дружбы:

„Никакое приобрѣтеніе не лучше друга; но никогда не приобрѣтай себѣ въ друзья худаго человѣка (¹)“.

„Ничего не жалѣй для вѣрнаго друга, который пока-залъ себя не за чаркой, но въ трудную минуту жизни, который ничего не дѣлаетъ тебѣ въ угожденіе, кромѣ полез-наго. Знай предѣлы враждѣ, а не благорасположенію (¹)“.

„Глазъ другое видитъ, а себя не видитъ; даже и дру-гаго не видитъ, если очень слѣпъ. Посему надобно во вся-комъ дѣлѣ имѣть совѣтника. И рукѣ нужна рука, и ногѣ—нога (²)“.

3) Въ отношеніи къ себѣ самому.

Нравоучительныя изреченія поэта, относящіяся къ этой третьей группѣ, составляютъ самый обширный по объему и самый разнообразный по содержанію классъ гномовъ. Этотъ классъ, сильнѣе отразившій на себѣ печать поэтическаго дарованія автора, представляетъ лучшую и наиболѣе инте-ресную часть всей гномической поэзіи его. Богатству внут-ренняго содержанія этихъ гномовъ вполне отвѣчаютъ, въ большинствѣ гномическихъ строфъ, ихъ художественно-лите-ратурныя достоинства; съ искусствомъ необыкновенно тонка-го мотивированія идей христіанской ионки, составляющихъ внутреннюю сторону содержанія этихъ гномовъ, соперни-чаетъ изобразительность внѣшняго, стилистическаго выра-женія ихъ. Съ другой стороны, широкое разнообразіе пред-метовъ нравственно-практическихъ наставленій, входящихъ въ содержаніе гномическихъ изреченій разсматриваемой группы, представляетъ большую трудность для примѣненія въ данномъ случаѣ такой подробной и точной классифика-ціи, которая въ цѣломъ обнимала бы собой всю эту обшир-ную группу гномовъ до отдѣльнаго изреченія. Тутъ—что

(¹) Стихотвор. XXXIII, ст. 177—180; стр. 607; по р. п. V т. 207 стр.; сравн. русск. послов.: «Кто другъ прямой, тотъ братъ родной»; «Доброе братство милѣ богатства»; Даля, стр. 860.

(²) Ibidem., ст. 181—184.

ни гномъ, то—новый сюжетъ, новая поучительная мысль, новое сужденіе, правило или совѣтъ, не имѣющіе между собой никакой необходимой связи, часто совершенно разнородные и разнохарактерные, но всё вообще основанные на глубокой житейской опытности; такъ-что изслѣдователю, желающему во всей полнотѣ и точности объять своей классификаціей все это количественно и качественно многосложное разнообразіе гномовъ, пришлось бы чуть не для каждаго отдѣльнаго гномическаго изреченія ставить новую отдѣльную рубрику. Приѣмъ этотъ, разумѣется, всего менѣе удобный въ данномъ случаѣ. Изъ обзора же гномовъ въ общей, такъ сказать, огульной сложности подъ вышеозначенной рубрикой общаго дѣленія нельзя составить такого яснаго представленія о достоинствахъ гномическихъ строфъ этой группы, а главное—нельзя видѣть такого цѣльнаго и отчетливаго міровоззрѣнія христіанскаго поэта, какое получается изъ обслѣдованія систематизированнаго матеріала. Остается, такимъ образомъ, придерживаясь того же начала общаго дѣленія, сдѣлать возможное подраздѣленіе въ самой сферѣ вышеозначенной третьей рубрики, разложивъ ее на нѣкоторые частнѣйшіе пункты и по нимъ распредѣливъ, для удобства обзора, всю эту сложную группу гномовъ.

Къ этой третьей группѣ гномическихъ строфъ, какъ уже сказано, мы относимъ, въ своемъ анализѣ, изреченія, по предметамъ своимъ касающіяся правилъ поведения и обязанностей христіанина въ отношеніи къ самому себѣ.

Общимъ введеніемъ въ область содержанія всего этого отдѣла гномовъ можетъ служить прекрасное гномическое изреченіе (изъ XXXI стихотв. стихъ 7), по первоначальному происхожденію своему восходящее къ "удаленнѣйшей порѣ греческой умственной производительности: „*Πознаί сагаго себя*“ (*Γινώθῃ βεαυτόν*). По преданію, приписывающему это изреченіе одному изъ „Семи Мудрецовъ“, оно вмѣстѣ съ другимъ афоризмомъ: „Золотая середина“ (*Μηδέν ἄγαν*—„Ничего лишняго“) (1) было начертано, какъ уже замѣчено выше, золотыми словами надъ входомъ въ Дельфійское святилище. Эти два гнома потомъ послужили у Грековъ ядромъ

(1) Сравни у Григорія: „*Μέτρον ἄριστον ἄπαν*“, въ томъ же XXXI Стихотвор., ст. 42, стр. 587.

всѣхъ прочихъ изреченій и, такъ сказать, центромъ тяжести эллинской, философской мысли. Такимъ образомъ цитуемое нами въ качествѣ эпиграфа или скорѣе введенія къ анализируемой группѣ гномовъ изреченіе св. Григорія Богослова было счастливо высказано и съ большимъ уваженіемъ распространено уже за тысячу лѣтъ до времени жизни св. отца. Но кажущееся тожество двухъ сличаемыхъ нами гномовъ, строго говоря, не простирается дальше сходства въ нихъ одной внѣшней формы. Ничѣмъ не мотивированный древнегреческій афоризмъ съ точки зрѣнія христіанскаго поэта получилъ совсѣмъ иное освѣщеніе, новый глубочайшій смыслъ, внушающій христіанину не просто психофизиологическое самоисслѣдованіе и изученіе на общихъ началахъ и законахъ естествознанія, а внутреннее самопознаніе на метафизической почвѣ. Полная формула этого гнома у св. отца слѣдующая: „Познай самаго себя, изъ чего и какимъ сотворенъ ты, доблестный мой, и чрезъ это удобно достигнешь красоты Первообраза“. Ясно, что по смыслу гномическаго изреченія христіанскаго поэта, „чтобы удобно достигнуть красоты Первообраза“, самопознаніе христіанина должно обнимать кромѣ общихъ естественныхъ свойствъ и силъ природы человѣческой, какъ физической, такъ и духовной, въ частности, состояніе его нравственно-духовнаго поврежденія, въ отличіе отъ состоянія первобытной невинности („какимъ сотворенъ ты“),—должно обнимать не только то, что онъ есть, но и то, чѣмъ онъ можетъ и долженъ быть по его достоинству и назначенію, и по его силамъ и средствамъ, какія дарованы ему отъ Бога. Въ гномическомъ наставленіи христіанскаго поэта указывается и образецъ нравственнаго совершенства—въ богоподобномъ состояніи человѣка, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца, и идеаль для этого совершенства—въ Самомъ Творцѣ. Такимъ образомъ сфера самопознанія у христіанскаго поэта несравненно шире и глубже области самопознанія, какую могла имѣть и имѣла мораль языческаго параллельнаго гнома. Соотвѣтственно такому объему, такому характеру и тенденціи христіанскаго самопознанія поэтъ нашъ и преподаетъ въ своихъ гномическихъ изреченіяхъ правила и совѣты христіанину въ отношеніи къ нему самому. Частнѣйшая классификація этихъ гномическихъ изреченій, слѣдовательно, до извѣстной степени вытекаетъ изъ анализа содержания гнома, предпосылаемаго нами въ качествѣ общаго

введенія къ разсматриваемой группѣ гномическихъ стиховъ. Именно, представляется наиболѣе удобнымъ разсматривать всѣ эти гномическія строфы, со стороны содержанія ихъ, въ трехъ главныхъ отношеніяхъ или съ трехъ общихъ точекъ зрѣнія: *α)* съ точки зрѣнія правилъ и обязанностей христіанина, излагаемыхъ въ гномахъ, въ отношеніи къ душѣ; *β)*—въ отношеніи къ тѣлу и *γ)* нравственно-христіанскихъ наставленій въ отношеніи къ внѣшнему благополучію и временной жизни вообще.

α) Гномы, содержащія нравственно-христіанскіе совѣты въ отношеніи къ душѣ.

Гномическія наставленія поэта въ отношеніи къ душѣ, вытекающія изъ его глубокихъ, непосредственныхъ наблюденій надъ человѣческой жизнью и опирающіяся на общежитійскомъ опытѣ, такъ же, какъ и прочія всѣ, имѣютъ нравственно-практическую цѣль. Въ нихъ поэтъ, то предостерегая, то увѣщывая, то совѣтуя, то поучая, преподаетъ христіанину нормы для нравственно-духовной жизни и дѣятельности во всѣхъ главнѣйшихъ видахъ ея проявленія. Объектомъ его гномической морали здѣсь служатъ вообще душевныя силы и способности, привычки и наклонности человѣка. Но такъ какъ задача этой морали чисто практическаго свойства, то поэтъ здѣсь имѣетъ дѣло, собственно, съ нравственно-практическою способностью человѣческаго духа—волею, предлагая въ своихъ гномахъ средства къ воспитанію и укрѣпленію ея въ правилахъ христіанской нравственности и добродѣтели. Усовершенствованію воли въ этомъ направленіи и вообще такому стройному, гармоническому развитію всѣхъ духовно-нравственныхъ силъ и способностей, при которомъ христіанинъ лучше всего можетъ восходить къ своему назначенію и совершенству, особенно препятствуютъ, какъ извѣстно, страсти—господствующія порочныя наклонности, обнаруживающіяся въ рѣшительномъ преобладаніи надъ разумомъ и волею. На нихъ, поэтому, главнымъ образомъ, и сосредоточивается дидактизмъ этой категоріи гномовъ.

„Для чего“—говоритъ поэтъ въ одномъ изъ этихъ гномовъ—„мы слагаемъ во всемъ вину на бѣднаго врага, когда сами своєю жизнью даемъ ему надъ собою власть?“

Укоряй самага себя пли во всемъ, или въ большей части проступковъ. Огонь зажигаемъ мы сами, а злой духъ раздуваетъ пламя“. (¹)

„И отъ малой искры возгарается великое пламя, и сѣмя ехидны бывало не рѣдко пагубнымъ. Имѣя въ виду это, уклоняйся и того, что производитъ малый вредъ. Теперь вредъ не великъ, но со временемъ сдѣлается онъ большимъ (²)“.

Поэтъ внушаетъ своему читателю въ этихъ гномахъ строго оберегаться отъ непомѣрнаго, ненормальнаго развитія и превратнаго направленія одной силы или дѣятельности души на счетъ другой, одного чувства или однихъ влеченій въ ущербъ другимъ.

Совѣтуетъ „обуздывать гнѣвъ, чтобы не выступать изъ ума (³)“. „Гнѣвъ“—говорить онъ въ другомъ гномѣ—„не безопасный для всякаго совѣтника; что предпринято въ гнѣвѣ, то никогда не бываетъ благоразумно (⁴)“. Рекомендуетъ „удерживаться отъ обольщенія зрѣниемъ и знать мѣру языку (⁵)“, — „умѣрять свою смѣлость, которая ипаче будетъ дерзостью, а не мужествомъ (⁶)“. Внушаетъ „не слишкомъ себя обнадеживать и не вовсе терять надежду; одно ослабляетъ, другое

(¹) Стихотвор. XXXIII, ст. 205—208; стр. 609; по р. п. V т. 208 стр.

(²) — — — ст. 49—52; стр. 604; по р. п. V т. 202 стр. Внушая христіанину быть постоянно чуткимъ и внимательнымъ къ движениямъ своего сердца, чтобы предотвратить и предохранить себя отъ всякой порочной склонности или страсти въ самомъ началѣ ея развитія, Григорій Богословъ въ одномъ изъ словъ своихъ пишетъ: «Легче—не поддастся пороку въ началѣ и избѣжать его, когда онъ только къ намъ близокъ, нежели пресѣчь и стать выше его, когда онъ уже сдѣлалъ въ насъ успѣхи: какъ и камень легче подпереть и удержать въ началѣ, нежели поднять вверхъ во время его паденія». Слово 32; т. III, стр. 159.

(³) — XXX; ст. 8, стр. 583; по р. п. V т. 210 стр.; и сгр. XXXII, ст. 13—14; стр. 589; по р. п. IV т. 364 стр.

(⁴) — XXXII; ст. 115—116; стр. 595; по р. п. IV т. 368 стр.

(⁵) — XXX; ст. 9; стр. 583; по р. п. V т. 210 стр.

(⁶) — XXXI; ст. 43; стр. 587; по р. п. IV т. 362 стр.

ведеть къ нравственной несостоятельности (1)“. Не совѣту-
еть „имѣть ни справедливости неумолимой, ни благоразумія,
избирающаго кривые пути. Лучше всего — во всемъ мѣра (2)“. Убѣждаетъ „не за всякою славою гнаться и гнаться не слиш-
комъ“; „лучше быть, пещели считаться добрымъ. А если не
можешь себя умѣрить, лови славу, но не суетную и не мод-
ную. Что пользы обезьянѣ, если примуть ее за льва (3)“.
„Суетная слава—это западня для людей не далекихъ умомъ (4)“
„Тебѣ предстоятъ скорби, удовольствія, надежды, опасенія,
богатство, нищета, слава, безславіе, престолы; пусть течеть
все это, какъ хочеть. До человѣка, утвердившагося на доб-
ромъ основаніи, не касается ничто непостоянное (5)“. А
чтобъ утвердиться на такомъ „добромъ основаніи“, св. отецъ
убѣждаетъ: „дѣлая хорошее, стараться и стоять въ этомъ,
потому что къ худому переходъ скоръ (6)“.

„За хорошимъ началомъ“—говоритъ онъ въ другомъ
гноми — „слѣдуетъ и прекрасный конецъ; справедливость
этого показываютъ самыя послѣдствія дѣлъ (7)“. Далѣе опы-
тный христіанскій поэтъ обращаетъ вниманіе въ разсматри-
ваемыхъ гномахъ на тѣсное внутреннее взаимоотношеніе и
связь психическихъ дѣятельностей какъ между собою, такъ
и съ физическимъ благосостояніемъ внѣшняго организма.
Въ силу этого, нравственно понимаемаго, закона онъ гово-

(1) Стихотвор. XXXIII, ст. 41—42; стр. 599; по р. п. V т. 201 стр.

(2) — XXXI, ст. 41—42; стр. 587; по р. п. IV т. 362 стр.;
Сравни. совѣтъ его своему другу Тимоѳею въ одномъ изъ писемъ
къ нему: «Не хвалю ни крайней безчувственности, ни сильной
чувствительности къ страданіямъ; первое безчеловѣчно, послѣднее
не разумно. Но должно идти серединой» (Пис. 137, стр. 237,
VI т.).

(3) — XXXIII, ст. 93—96; стр. 603; по р. п. V т. 203 стр.

(4) — XXXII, ст. 10; стр. 589; по р. п. IV т. 364 стр.

(5) — XXXIII, ст. 85—88; стр. 603; по р. п. V т. 203 стр.

(6) — XXXII, ст. 11—12; стр. 589; по р. п. IV т. 364 стр.

(7) — — — ст. 1—2; *ibid.* Къ этому пословичному изре-
ченію Назіанзина: *᾿Αρχῆς καλῆς κάλλιστον εἶναι καὶ τέλος* и
грамматически и логически очень близка русская пословица:
«Путному началу благой конецъ». Посл. Р. Н. Даля, 541 стр.

рить, напримѣръ: „Для меня равно худы—и негодная жизнь и негодное слово. Если имѣешь одно, будешь имѣть и другое (¹)“. Или еще нагляднѣе и изобразительнѣе: „Чувственная любовь, пылство, ревность и бѣсъ—равны между собою. Къ кому пришли они, у того погубленъ умъ (²)“. Впущая „залѣплять воскомъ уши отъ гнилаго слова, св. Григорій говоритъ: „между словомъ, слышаніемъ и дѣломъ разстоянія не велики“ (*μικρὸν μέβον*) (³). Въ силу того же совершенно вѣрно подмѣченнаго психо-физиологическаго закона поэтъ называетъ черезъ чуръ озабоченное сердце „молью (*βύς*), которая точитъ кости; тѣло цвѣтеть, когда избѣгаетъ заботъ (⁴)“. „Скорби“, говоритъ онъ въ другомъ гномѣ, „преждевременно рождаютъ сѣдины; чего лишилъ насъ образъ жизни, того не возстановитъ время (⁵)“.

Въ противодѣйствіе развитію порочныхъ наклонностей и страстей, которыя, имѣя основаніе въ самолюбіи и чувственности, всего болѣе препятствуютъ достиженію духовной свободы и нравственному совершенству, св. отецъ убѣдительно совѣтуетъ возможно шире и глубже развивать и образовывать умъ. Гномическіе совѣты его въ этомъ отношеніи такъ же высокоинтересны по своему общечеловѣческому значенію и симпатичны, какъ интересны, правдивы и симпатичны самыя воззрѣнія его на умъ, уметвенное образованіе и высшіе умственные интересы. Совѣты эти проникнуты искреннимъ уваженіемъ и вполне сознательнымъ довѣріемъ къ благороднѣйшей способности чловѣка-уму, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

„Большая наковальня“—прекрасно выражается въ гномѣ св. отецъ—„не боится ударовъ; такъ и мудрый умъ отражаетъ отъ себя все вредное (⁶)“.

(¹) Стихотвор. XXXI, ст. 13—14; стр. 585; по р. п. IV т. 361 стр.

(²) — XXXIII ст. 165—6; стр. 607; по р. п. V т. 206 стр.

(³) — — — ст. 65—68; стр. 601; по р. п. V т. 202 стр.

(⁴) — XXXII, ст. 101—102; стр. 595; по р. п. IV т. 368 стр.

(⁵) — — — ст. 93—94; стр. 593; по р. п. IV т. 367 стр.

(⁶) — — — ст. 57—58; стр. 591; по р. п. IV, стр. 366.

„Свѣдущій кормчій избѣжитъ опасныхъ волнъ; а умственно-образовательный человѣкъ спасется отъ всякой бѣды (1)“.

„Изъ разумныхъ усть истекають пріятнѣйшія рѣчи; а горькая гортань только способна изрыгать брани (2)“.

„Слова неразумнаго человѣка — шумный плескъ моря, который бьетъ въ берега, но не наполаетъ береговыхъ растений (3)“.

Вообще св. Григорій Богословъ внушаетъ здѣсь читателю „признавать разумъ свѣтильникомъ (*Μύχνος*) всей своей жизни (4)“.

При этомъ онъ строго разграничиваетъ сферу теоретическаго знанія и разумѣнія отъ нравственно-практической сферы поступковъ и поведенія человѣка, расширяя горизонтъ первой до возможныхъ, въ условіяхъ здѣшней жизни, предѣловъ и ограничивая вторую кругомъ дѣйствій, дозволенныхъ съ точки зрѣнія морали, порядка и закона.

„Все разумѣй“ — назидаетъ онъ въ гномѣ — „но дѣлай, что позволительно дѣлать (5)“.

„Смотри, чтобы изъ-за видимости не ускользнула у тебя дѣйствительность (6)“.

„Окрияемый ученіемъ, не летай безъ дѣйствительныхъ крыльевъ, потому что безъ крыльевъ и птица не летаетъ (7)“.

„Уважай порядокъ и предпочитай могуществу, потому что самъ онъ есть могущество и всегдашній охранитель могущества (8)“.

„Соблюдая законъ, изгонишь вонъ страхъ; потому что всякій исполнитель законовъ — внѣ страха (9)“.

(1) Стихотвор. XXXII, ст. 53—54.

(2) — — — ст. 23—24, и 25—26.

(3) — — — ст. 89—90.

(4) — XXX, ст. 11, стр. 583; по р. п. т. V, стр. 210.

(5) *Νόει τὰ πάντα, πράσσε δ' ἃ πράσσειν θέμις*; *ibid.* ст. 13.

(6) *Ibidem.*, ст. 12.

(7) — XXXII, ст. 5—6; стр. 589; по р. п. IV т. 364 стр.

(8) — — — ст. 99—100; стр. 595; по р. п. IV т. 368 стр.

(9) — — — ст. 51—52; стр. 591; *ibid.*, стр. 366.

Общимъ заключеніемъ къ этой категоріи гномическихъ изреченій могутъ служить слѣдующіе два гнома:

„Красотою почитай благолѣпіе души,—не то, что могутъ написать руки, а время разрушить, но то, что усматривается взоромъ цѣломудреннаго ума. А подобно этому и безобразіемъ признавай душевную гнусность (1)“.

„Вѣрь, что благоразуміе надежнѣе счастья. Одно есть быстрое теченіе обстоятельствъ, а другое—кормило. Ничего не предпочитай учености; она одна составляетъ собственность пріобрѣтшихъ ее (2)“.

β) Гномическія изреченія относительно тѣла.

Число такихъ изреченій у св. Григорія Богослова, сравнительно, не велико. Въ своихъ гномическихъ наставленіяхъ, относящихся къ этому предмету, св. отецъ стоитъ на общецерковной и святоотеческой точкѣ зрѣнія на тѣло, какъ на ближайшій и необходимѣйшій органъ (3) души. На тѣсную внутреннюю связь между душой и тѣломъ, обуславливающую ихъ взаимное благосостояніе, поэтъ указываетъ въ гномахъ уже приведенныхъ нами выше. Но чтобы этотъ необходимый

(1) Стихотвор. XXXIII, ст. 81—84, стр. 601; по р. п. V т. 203 стр.

(2) — — — ст. 217—220; стр. 609; по р. п. V т. 208 стр.

«Полагаю»—говоритъ св. Григорій въ другомъ мѣстѣ—«что всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость». Надгробное слово Василію В.; IV т. 63 стр.

(3) Сравн. слѣд. мѣст. изъ 14-го слова Григорія (II т. 7 и 8 стр.), гдѣ онъ говоритъ о тѣлѣ: «Я люблю его, какъ сослужителя и сонаслѣдника души. Рѣшусь ли истомить его? Но тогда некого мнѣ будетъ употребить въ сотрудника въ добрыхъ дѣлахъ; а я знаю, для чего я приведенъ въ бытіе, знаю, что мнѣ должно восходить къ Богу посредствомъ дѣла» (стр. 7). «Должно сказать вамъ, братія, что мы обязаны заботиться и о тѣлѣ—объ этомъ сродникѣ и сослужителѣ души; ибо хотя я и виню его, какъ врага, за то, что терплю отъ него; но я же и люблю его, какъ друга, ради Того, Кто соединилъ меня съ нимъ» (стр. 8).

органъ души, тѣло, вполне гармонировалъ съ тѣмъ, что св. отецъ прекрасно называетъ *εὐχობία* ⁽¹⁾ души и что довольно трудно передать на русскомъ языкѣ вполне соответственнымъ словомъ,—органъ этотъ, во 1-хъ, долженъ быть въ подчиненіи духа, во 2-хъ, долженъ быть хорошо настроенъ, по возможности, свободенъ отъ недостатковъ, недуговъ,—долженъ быть здоровъ. Имѣя въ виду то и другое, св. отецъ и рекомендуетъ въ нижеслѣдующихъ гномахъ, съ одной стороны, нравственно-дисциплинарныя правила по отношенію къ тѣлу, съ другой—обще-гигіеническія средства для него.

„Владѣй плотію“—внушаетъ онъ христіанину—„и смирай ея, какъ можно лучше ⁽²⁾“.

„Чрево говоритъ: дай.—Охотно дамъ, если, получивъ просимое, сохранишь цѣломудріе. А если жертвуешь этимъ должному, то получи отъ меня грязь (*κόπρον*), да и ту не въ избыткѣ. Когда же сдѣлаешься воздержнымъ, тогда дамъ и въ избыткѣ ⁽³⁾“.

„Умъ легокъ и не терпитъ обремененнаго чрева; потому что у противоположнаго съ противоположнымъ всегда борьба ⁽⁴⁾“.

„Никакое пресыщеніе не бываетъ цѣломудренно, потому что огню свойственно сжигать вещество ⁽⁵⁾“.

„Вода—прекрасный напитокъ; она не нарушаетъ ясности мыслей; а выпитая чаша вина мутитъ умъ ⁽⁶⁾“.

(1) Стихотвор. XXXIII, ст. 81, стр. 601.

(2) — XXX, ст. 7; стр. 583; по р. п. V т. 210 стр.

(3) — XXXIII, ст. 73—76; стр. 601; по р. п. V т. 203 стр.

(4) — XXXII; ст. 35—36; стр. 591, по р. п. IV т. 365 стр.

(5) — — — ст. 103—104; стр. 595; по р. п. IV т. 368 стр.; ср. гномич. изреч. въ стихотвор. XXXI, ст. 25—26; стр. 585.

(6) — — — ст. 31—32; стр. 591; ср. русск. послов.: «Пей воду, вода не смутитъ ума»; «Дали вина, такъ и сталъ безъ ума»; «Вино уму не товарищъ». Рус. послов. Даля. стр. 886.

„Вино — по природѣ своей, не знакомо съ цѣломудріемъ; тѣмъ и производитъ оно удовольствіе, что раздражаетъ (¹)“.

„Вино—это поджога остывшей страсти; а всякое подложенное въ огонь вещество усиливаетъ пламень (²)“.

„Для больного никакое богатство не предпочтительнѣе здоровья, и природа поступать премудро въ томъ, что всегда желаетъ здоровья (³)“.

γ) Гномическія наставленія въ отношеніи къ внѣшнему благополучію.

Подъ этимъ названіемъ мы объединяемъ въ особую группу довольно значительное число строфъ изъ анализируемыхъ гномическихъ стихотвореній св. Григорія Богослова, въ которыхъ онъ преподастъ совѣты христіанину относительно внѣшнихъ благъ и удовольствій, относительно различныхъ общественныхъ выгодъ и преимуществъ,—земной славы и почестей, богатства и бѣдности, и вообще относительно счастья или несчастья. Подобные предметы христіанскаго правоученія имѣли ближайшее, непосредственное отношеніе къ характернымъ явленіямъ современной св. отцу дѣйствительности, обуславливались духомъ его времени и отвѣчали пуждамъ послѣдняго. Съ этой стороны гномическія изреченія Григорія на темы о нравственно-христіанскомъ отношеніи къ различнымъ видамъ внѣшняго благополучія не лишены въ извѣстной степени историческаго интереса. Пока христіане, въ первые вѣка, составляли гонимое меньшинство, ихъ вѣра и міровоззрѣніе были, естественно, цѣльнѣй и чище отъ примѣсей; въ четвертомъ же вѣкѣ, особенно къ концу его, когда христіанство проникло въ массу, послѣдняя неизбежно привнесла съ собою много элементовъ изъ языческаго міровоззрѣнія и жизни. Слѣды традиціонныхъ формъ языческой жизни, подъ совокупнымъ вліяніемъ языческой религіи и національныхъ особенностей, съ особенною силою

(¹) Стихотвор. XXXII; ст. 33—34.

(²) — — — ст. 105—106.

(³) — — — ст. 87—88.

и живучестію должны были обнаружиться въ области чисто-практической,—въ сферѣ житейскихъ отношеній къ разнообразнымъ внѣшнимъ благамъ, къ матеріальнымъ интересамъ и цѣлямъ земного благополучія. Въ этой именно практической сферѣ уже во времена Григорія Назіанзіпа рѣзко отпечатлѣлся нравственный упадокъ христіанскаго общества. Надъ чистыми, истинно-христіанскими началами жизни получили перевѣсъ въ его время эпикурейскія наклонности: чувствительность подъ видомъ различныхъ матеріальныхъ привязанностей и эгоистическихъ цѣлей, припыла въ то время весьма широкіе размѣры. Лучшую характеристику этого нравственнаго упадка христіанскаго общества въ четвертомъ вѣкѣ даетъ самъ же св. отецъ.

„Мы не знаемъ предѣла въ стяжаніи“—между прочимъ говоритъ онъ по поводу современнаго ему общественнаго бѣдствія (опустошенія полей градомъ)—„поклоняемся золоту и серебру, какъ древніе Ваалу, Астартѣ и Хамосу, ставимъ въ великое драгоцѣнные и блестящіе камни, мягкія и пышныя одежды; гордимся множествомъ рабовъ и скотовъ, расширяемся по равнинамъ и горамъ. однимъ уже владѣемъ, другое приобрѣтаемъ, а иное намѣреваемся приобщить къ своему владѣнію,—желаемъ другой вселенной для удовлетворенія своей любостыжательности, и не довольствуемся предѣлами, какіе положены Богомъ, потому что они тѣсны для нашихъ пожеланій и алчности (1)“.

Страсть къ деньгамъ, къ наживѣ, къ богатству, служившему, въ свою очередь, источникомъ ненормальной роскоши и противохристіанскаго культа мамоны, сдѣлалась господствующимъ недугомъ времени, характернымъ признакомъ его. „Нынѣ“—пишетъ Григорій въ письмѣ къ Кесарію, своему брату—„все воспламенено страстью къ деньгамъ, и для нихъ не щадятъ люди души своей, а нимало не поставляютъ для себя и единственной славы, и безопасности, и обогащенія въ томъ, чтобы мужественно противоборствовать времени и поставить себя какъ можно дальше отъ всякой нечистоты и скверны (2)“. Въ стихотвореніи „о жизни своей“ св. Григорій Богословъ пишетъ: „нѣкто на шире ска-

(1) Т. II стр. 67.

(2) Т. VI, письмо 7, стр. 105—106.

заль, что всѣми владѣеть вино, другой утверждать, что всѣми владѣють женщины, а мудрецъ замѣтилъ, что владѣеть истина. Но я назвалъ бы державной силой золото: имъ безъ труда приводится у насъ все въ движеніе (1)“. Стрость къ золоту породила и до чудовищныхъ размѣровъ развила среди современниковъ Григорія особый, въ высшей степени характерный для своего времени родъ религіозно-гражданскаго преступленія—*гроборасхищеніе*, раззореніе гробницъ и могилъ съ цѣлью обокражи мертвецовъ. О размѣрахъ этого преступленія можно судить уже потому, что св. отецъ написалъ противъ гроборасхитителей болѣе полсотни обличительныхъ стихотвореній. Охвативъ всѣ слои современнаго св. Григорію общества, стрость къ золоту, къ деньгамъ разрѣшалась, такимъ образомъ, въ высшихъ классахъ—роскошью извѣжешностью,—разрѣшалась *пороками*; въ низшихъ—воровствомъ, святотатственнымъ грабительствомъ,—разрѣшалась *преступленіями*. Какъ сильно развилась и развѣтвилась въ ширь и глубь въ христіанскомъ обществѣ уже второй половины IV вѣка нравственная зараза въ видѣ роскоши худшихъ временъ язычества и какой рѣзкій контрастъ и несообразность представляютъ нравы и обычаи христіанскихъ современниковъ св. Григорія Богослова съ простотою и чистотою жизни первенствующихъ христіанъ, особенно хорошо видно изъ слѣдующаго замѣчательнаго мѣста сочиненій св. Григорія.

„Намъ нужно“—рисуетъ намъ св. Григорій картину домашней обстановки жизни своихъ современниковъ,—„чтобы полъ у насъ усыпался былъ часто, и даже безвременно, благоухающими цвѣтами, а столъ орошенъ былъ самымъ дорогимъ и благовоннымъ муромъ, для большаго раздраженія нашей нѣги; нужно, чтобы юные слуги предстояли предъ нами—одни въ красивомъ порядкѣ и строю, съ распущенными, какъ у женщинъ, волосами, искусно подстриженными, такъ чтобы на лицѣ не видно было ни одного волоска,—въ такомъ убранствѣ, какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза; другіе—со стаканами въ рукахъ, едва дотрогиваясь до нихъ концами пальцевъ и поднося ихъ какъ можно ловчѣе и осторожнѣе; третьи, держа вѣера надъ

---

(1) Lib. II, Sec. I, Стихотвор. 11, ст. 868—871; стр. 721; по р. п. VI т. 33 стр.

нашими лицами, производили бы искусственный вѣтерокъ, и этимъ зефиромъ, павѣваемымъ руками, прохлаждали бы жаръ нашего утучненнаго тѣла. Нужно кромѣ того, чтобы всѣ стихіи,—и воздухъ, и земля, и вода,—въ обилии доставляли намъ дары свои, и столъ нашъ весь былъ уставленъ и обремененъ мясными яствами и прочими хитрыми выдумками поваровъ и пекарей; чтобы всѣ они паперерывъ старались о томъ, какъ бы больше угодить жадному и неблагодарному нашему чреву.... У насъ пѣнится въ чашахъ вино: пей до упоенія, даже до безчувствія, если хватитъ силъ! Да еще одно изъ винъ отошлемъ назадъ, другое похвалимъ за его запахъ и цвѣтъ, о третьемъ начнемъ съ важностью разсуждать, и бѣда, если кромѣ своего отечественнаго не будетъ у насъ какого-нибудь иностраннаго вина“. Эта нравоописательная картина, изображаемая св. Григоріемъ въ одной изъ проповѣдей его ⁽¹⁾, вполне достойна сближенія съ параллельнымъ мѣстомъ изъ одного прекраснаго обличительнаго стихотворенія его „На богатолюбцевъ“.

„Жадность вездѣ отвратительна. Но не такъ представляется это тебѣ“—обращается св. отецъ къ богатолюбцу— „у котораго разумъ подавленъ. Однимъ ты уже владѣешь, другаго желашь, третьяго надѣнешься; а для иного есть у тебя сводчики и подговорщики (*προμυῆγορες καὶ μαβτροποὶ*) въ родѣ тѣхъ, которые услуживаютъ по части сладострастныхъ наслажденій. Ты поклоняешься золоту; скопляешь одежды въ сундукахъ своихъ; всегда окруженъ ты скупщиками хлѣба, торгуешь самымъ безвременьемъ (*ἀκαιρίας*). Одни плачутъ, другіе питаются надеждой, потому что надежда—легкая греза на яву. А ты на однѣ житницы кладешь печать, а другія предусмотрительно открываешь, соображаясь, какъ думаю, съ теченіемъ обстоятельствъ. Увы! увы! Ты берешь подать съ несчастія бѣдныхъ, собираешь плоды съ чужаго невзгодія; затруднительное положеніе для тебя своего рода жатва.... Что же приобрѣтаешь? Какія страшныя сокровища? У тебя на столѣ груды всякой съѣдобной всячины; это отрада узкой гортани, о которой—всѣ твои заботы; у тебя вздутость живота, болѣзнь пресыщенія; у тебя

---

(1) Именно въ Словѣ «О любви къ бѣднымъ» т. II, стр. 16—19.

огромные дома, съ золотыми потолками и блестящія картинами; и въ нихъ большая часть стоитъ пустою; у тебя слуги, наряженные на подобіе женщинъ; у тебя тѣнстыя и прохладныя убѣжища; у тебя пьянство, вокальныя оргіи, дружныя рукоплесканія, при которыхъ растлѣвается красота образа Божія. Ты надмѣваешься своимъ блескомъ, передъ всѣми въ городѣ высоко posiшь свою голову, хвастаешься высокоостію своего чина и заносишься предъ другими больше, чѣмъ у змѣи одинъ рядъ чешуи надвипуть на другой“ (1).

Въ этой характеристикѣ нравственно-бытоваго состоянія своихъ современниковъ, обуславливающаго—при тѣсной аналогіи съ историческими обстоятельствами времени Соломона—близкую параллель гномовъ нашего поэта съ изреченіями „Экклезіаста“, Григорій указываетъ на всѣ тѣ главнѣйшіе элементы общаго нравственнаго недуга своего времени—чувственности, противъ которыхъ направлень ниже слѣдующій отдѣлъ гномической поэзіи его. Это—поклоненіе золоту, страсть къ богатству, къ роскоши, къ низменнымъ матеріальнымъ наслажденіямъ и чувственнымъ удовольствіямъ, къ гордости неблагородной пробы и тщеславію.

„Не будь привязанъ къ счастью“ (ὄλβον) (2) убѣждаетъ

(1) Стихотвор. XXVIII, ст. 66—78, 85—101; стр. 539; по р. п. V т. 216—217 стр.

(2) Съ словомъ ὄλβος по лучшему этимологическому производству отъ Ὀφέλλω умножаю, увеличиваю, οφέλος польза, корысть, прибыль, или отъ ἄλφο, ἄλφαίνω промышляю, наживаю, приобретаю etc. въ древнегреческой классической литературѣ чаще всего соединялось понятіе о счастіи, оснванномъ, именно, на внѣшнемъ, матеріальномъ благополучіи, на богатствѣ; по этому ἔλβος и πλοῦτος, выражая какъ бы одно цѣльное, нераздѣльное понятіе, употреблялись вмѣстѣ, въ тѣсной связи одно съ другимъ; наприм., въ *Иліадѣ*: 16, 596; 24, 536; *Одис.* 14, 206; сравн. 3, 208, 4, 208 6, 188; 18, 19; etc. Между тѣмъ какъ для выраженія счастья въ смыслѣ внутренней, нравственной гармоніи челоуѣческаго духа съ внѣшними условіями жизни, которая (гармонія) зависитъ не отъ слѣпнаго случая, а отъ степени развитія и усовершенствованія самыхъ нравственныхъ качествъ, въ классическомъ греческомъ языкѣ существовало другое слово: *Εὐδαιμονία*; напр. у Плат. въ „Федрѣ“ р. 115 и др.

св. отецъ—„которое разрушается временемъ; а что время строитъ, время и разрушаетъ (²)“.

„Богатство — самый проворный присиѣшникъ (*τάχιτος ἰπρόστρης*) въ худомъ; потому что при могуществѣ (*χράτος*) всего сподручиѣ сдѣлать зло (¹)“.

„Стыдись наименованія порочнымъ, а не низкимъ по происхожденію. Знатность рода есть давнишняя гнилость. Лучше начать, нежели заключить собою родъ, равно какъ лучше самому быть красивымъ, нежели родиться отъ красивыхъ (³)“.

„Не обольщайся чрезъ мѣру пріятностями запаховъ, мягкостью осязанія и вкусомъ. Уступивъ имъ надъ собою верхъ, произведешь ли что мужественное? Различны между собою услажденія, приличныя женамъ и мужамъ (⁴)“.

„Удовольствіе для наслаждающагося имъ кратковременно; едва наступитъ, какъ и улетаетъ, подобно камню (⁵)“.

„Лучше вести счетъ дѣламъ своимъ, нежели деньгамъ; послѣднія текутъ, а первыя постоянны (⁶)“.

„Кто полагается на преходящее и приходящее, тотъ вѣрится потоку, который не стоитъ на одномъ мѣстѣ (⁷)“.

„Все съ себя сбрось, и тогда разсѣikai житейское море; но не пускайся въ плаваніе какъ грузный корабль, который готовъ тотчасъ потонуть (⁸)“.

„Не хвались добрымъ плаваніемъ, пока корабль твой не привязанъ къ берегу. У многихъ счастливо плавшая ладья разбивалась у пристани. Многіе погибали среди самыхъ тревоженій. Одно безопасно—не слагать вины на счастье (⁹)“.

(¹) Стихотвор. XXXII, ст. 81—82; стр. 593; по р. п. IV т. 367 стр.

(²) Ibidem., ст. 95—96.

(³) — XXXIII, ст. 141—144; стр. 605; по р. п. V т. 205 стр.

(⁴) Ibidem., ст. 69—72.

(⁵) — XXXII; ст. 85—86; стр. 593; по р. п. IV т. 367 стр.

(⁶) — XXXIII; ст. 55—56; стр. 601; по р. п. V т. 202 стр.

(⁷) — XXXI, ст. 11—12; стр. 585; по р. п. IV т. 361 стр.

(⁸) Ibidem., ст. 1—2.

(⁹) — XXXIII, ст. 105—108, стр. 603; по р. п. V т. 204 стр.

„Золото немытывается въ горнильѣ, а добродѣтельный — въ скорбахъ. Часто скорбь легче состоянія невредимости (1)“.

„Моль все истребляетъ; не заботься о богатствѣ и для погребенія своего; лучшая погребальная почеть — доброе имя (2)“.

Въ историческихъ явленіяхъ разсматриваемаго времени, помимо вышеупомянутаго общественнаго зла - гроборасхищенія, были, какъ видно изъ 76 - 78 и 116 стиховъ вышеприведеннаго стихотворенія поэта, и другія причины еще, которыми мотивированы слѣдующіе гномы Григорія.

„Тяжело жить въ бѣдности, но еще хуже разбогатѣть несправедно“ (*εὐπορεῖν κακῶς*) (3).

„Пищета лучше неправеднаго пріобрѣтсвія, какъ и болѣзнь лучше худаго здоровья (4)“....

„Подарокъ (*δῶρα*) заставляетъ и мудрецовъ видя не видѣть: золото — такая же ловушка для людей, какъ сѣть для птицъ (5)“.

„Когда говоритъ золото, тогда всѣ другія слова не дѣйствительны. Оно умѣетъ убѣждать, хотя и не имѣетъ языка (6)“.

Заключительнымъ наставленіемъ ко всей этой группѣ гномическихъ правоученій, резюмирующимъ общее содержаніе ея, можетъ служить слѣдующее хорошо выраженное гномическое изреченіе:

„Постоящую жизнь почитай торжищемъ. Если пустишь-ся въ торговлю, то останешься съ прибылью: потому что за малое получишь въ обмѣнъ великое, и за скоропреходящее — вѣчное. А если пропустишь случай, другаго времени для такого обмѣна уже не будетъ (7)“.

(1) Стихотвор. XXXI, ст. 51—52; стр. 587; по р. п. IV т. 363 стр.

(2) — Ibidem., ст. 55—56.

(3) — XXX, ст. 4, стр. 583, по р. п. V т. 209 стр.

(4) — XXXIII, ст. 129—130; стр. 605; по р. п. V т. 205 стр.

(5) — XXXII, ст. 91—92; стр. 593; по р. п. IV т. 367.

(6) Ibid. ст. 143—144; стр. 597; по р. п. IV т. 369 стр.; сравн. русск. пословицу: «Золото не говоритъ, да много творить»; «Богатый хоть вретъ, и то впрокъ идетъ». Р. П. Даля, стр. 57.

(7) — XXXIII, ст. 33—36; стр. 599; по р. п. V т. 201 стр.

Въ формѣ изложенія гномическихъ стихотвореній можно различать двѣ стороны: внутреннюю и внѣшнюю. Первая относится къ изобразительности слога и вообще къ поэзиі языка; вторая—къ грамматикѣ и метрицѣ.

Изобразительность рѣчи, характеризующая поэтическій стиль св. Григорія Богослова, во многихъ гномическихъ строфахъ его достигаетъ высокой степени художественности, возможной, конечно, для подобнаго рода словесныхъ произведеній. Гномы св. отца естественно обилуютъ всѣми тѣми формами языка поэзиі, которыя служатъ для выраженія особой силы и картинности,—которыя воплощаютъ и олицетворяютъ отвлеченныя мысли, придавая имъ краски, жизнь, одушевленіе. Примѣры такой поэтической образности въ стилѣ гномическихъ стихотвореній св. Григорія читатель могъ видѣть, отчасти, на многихъ изъ приведенныхъ нами гномовъ. Говоримъ—отчасти, потому, что по этимъ вышеприведеннымъ образцамъ нельзя, строго говоря, составить себѣ точное представленіе о силѣ и изяществѣ языка гномовъ св. отца. Внутренняя художественная сторона поэтическаго слога—это такая стихія, изучать и ясно воспринимать которую можно только непосредственно, на родномъ ея языкѣ, въ самомъ оригиналѣ. Если и вообще въ переводѣ всякаго болѣе или менѣе оригинальнаго писателя трудно вполне передать тѣ особенныя формы выраженія и обороты рѣчи, въ которыхъ отпечатлѣваются отличительныя свойства его, то переводчику талантливаго поэта, особенно въ переводѣ заурядной прозаическаго рѣчью, нечего и задаваться произвести на читателя впечатлѣніе, равносильное наслажденію оригиналомъ. При всемъ томъ, однакожъ, одна общая черта художественности гномическаго изложенія, именно эта отличающая стиль св. Григорія Богослова образность и картинность языка довольно рельефно выступаетъ и въ русскомъ прозаическомъ и въ добавокъ значительно устарѣломъ переводѣ гномовъ. Желая, на примѣръ, внушить своему читателю мысль, что внѣшнее богатство, привязывая челоуѣка къ землѣ и чувственнымъ удовольствіямъ, дѣлаетъ его неспособнымъ держаться на высотѣ стремленій, сообразныхъ съ истинно-христіанскимъ его достоинствомъ и назначеніемъ, поэтъ рисуетъ предъ его глазами картину нагруженнаго корабля, который, пустившись въ плаваніе по обширному морю, вотъ-вотъ готовъ потонуть подъ тяжестью своего

груза. Показывая христіанину, что вѣшнія блага находят-ся не во власти человѣка, а зависятъ отъ Бога, располагающаго судьбами и обстоятельствами человѣческой жизни—мысль, которая въ ветхозавѣтной дидактической литературѣ иллюстрирована на высоко драматическомъ примѣрѣ Иова, а въ греческой поэзи послужила основной идеей одного изъ совершеннѣйшихъ произведеній драматическаго гениа (Эдипа—царя, Софокла),—нашъ христіанскій поэтъ представляетъ эту мысль подъ видомъ цѣлой аллегоріи, занимающей отъ тѣхъ же образовъ моря и плаванія по нему корабля. Поэтъ совѣтуетъ своему пловцу не хвалиться „добрымъ“ плаваніемъ, пока корабль его не привязанъ къ берегу, а помнить больше всего и во время благополучнаго плаванія о бурѣ, потому что часто и счастливо плывшая ладья разбивалась уже у самой пристали“. Человѣка, не замѣчающаго въ себѣ развитія порочной наклонности, поэтъ изображаетъ подъ видомъ „зрячаго слѣпца, не умѣющаго открывать слѣдовъ звѣря и потому лишенаго вѣрнаго признака остраго зрѣнія“, и т. п. Вообще въ гномическихъ стихотвореніяхъ Григорія Богослова можно находить всѣ виды и формы изобразительной рѣчи. Покажемъ это на примѣрахъ.

Примѣры *метафоры*: „Светильникомъ всей своей жизни признавай разумъ“.

„Оскорбительно для вѣры—не въ сердцѣ ее имѣть, а поставлять въ какомъ-нибудь *цвѣтѣ*. Краску не трудно смывать, а я люблю то, что проникло въ глубину“.

„Огонь (порочную страсть) зажигаемъ мы сами, а злой духъ *раздуваетъ пламень*“.

Метониміи: „Золото—такая же ловушка для людей, какъ сѣть для птицъ“.

„Никакое *пресыщеніе* не бываетъ *цѣломудренно*; потому что огню свойственно сжигать вещество“.

„Изъ *мудрыхъ устъ* каплютъ самыя сладкія слова, а *горькая гортань* изрыгаетъ брани“.

Синекдохи: „Желаю, чтобы ты *богатѣлъ однимъ Богомъ*, а *цѣлый міръ* почиталъ всегда наравнѣ съ паутиными тканями“.

„Лучше имѣть *должникомъ Христа*, нежели всѣмъ обладать. Христось за *одинъ кусокъ хлѣба* даруетъ царство; а питая нищаго, ты *питаешь и одеваешь Христа*“.

Гиперболы: „Если хочешь быть богомъ (θεός) показывай свою дѣятельность не въ томъ, чтобы дѣлать зло, но въ томъ, чтобы дѣлать добро.“

„*Потоки (Ρεῖθρα)* сладости льются съ языка добро-рѣчиваго, а въ нескромныхъ устахъ рождаются гнилыя рѣчи“
„Для всякаго умершаго человѣка *цѣлая земля* есть гробъ“...

Иронія: „Лучше слегка принять пищи, нежели быть за богатымъ ужиномъ, но только во снѣ“.

„Что пользы обезьянѣ (въ отношеніи къ человѣку, старающемуся *казаться* знатнымъ) если примутъ ее за льва?“

„Если молодой ракъ ходитъ не прямо, то беретъ для этого примѣръ съ походки матери“.

Олицетворенія: Когда *говоритъ* золото, тогда всѣ другія слова не дѣйствительны. Оно *умнетъ убѣждать*, хотя и не имѣетъ языка“.

„Большая наковальня *не боится* стука и мудрый умъ отражаетъ отъ себя все вредное“.

Наконецъ, нерѣдко встрѣчается въ гномахъ форма, напоминающая *параллелизмъ* еврейской поэзіи. Этой формой отличаются, въ особенности, гномическія строфы XXXII-го стихотворенія. Напримѣръ: „Слова неразумнаго человѣка— шумный плескъ моря“.... „Зайца приводитъ въ страхъ шумъ листьевъ, а человѣка трусливаго пугаетъ и одна тѣнь“.
„Отъ ударовъ желѣза вспламеняются и камни,—плотно свитый бичъ образуетъ сердце“. „Злонамѣренный ораторъ извращаетъ законы, а благонамѣренный ораторъ—самая стройная гармонія“ (1)“.

(1) Въ русскомъ переводѣ параллелизмъ этихъ примѣровъ не такъ хорошо выдержанъ, какъ въ подлинномъ греческомъ текстѣ гномовъ:

•Φύλλον λαγωῦς εκφοβοῦσιν οἱ ψόφοι,
•Ανδρας δ' ἀνάνδρους αἰ σικαὶ τῶν πραγμάτων.

* * *

Πλήττων σίδηρος ἐκπυροῖ καὶ τοὺς λίθους
Σκληρὰ δὲ μάστιξ παιδαγωγεῖ καρδιαν.

* * *

•Ρήτωρ πονηρός τοὺς νόμους λυμαίνεται
•Αγνός δὲ ρήτωρ, εὐκρατος ἀρμονία.

Въ отношеніи грамматическомъ гномы св. Григорія Богослова представляютъ такое обильное разнообразіе, что исчерпываютъ все наличное богатство формъ и видовъ синтаксическихъ конструкцій греческаго языка. Гномическія правоученія излагаются: въ формѣ 1) личныхъ совѣтовъ (съ обращеніемъ ко второму лицу) *α*) *положительныхъ*: XXX: 1, 3, 6—15, 18, 20—21, 23; XXXI: 4—5, 33—36, 57—62; XXXII: 11—16, 71—72, 79—80, 99—100, 113—114, 125—126; XXXIII: 33—36, 53—54, 65—67, 81—84, 89—92, 97—100, 113—116, 141, 169—172, 197—200, —или *β*) *отрицательныхъ*: XXXI: 17—18, 55; XXXII: 5—6, 19—20, 55—56, 81—82, 98; XXXIII: 9—10, 29—32, 41—44, 45, 69, 93, 105, 149, 177, 209. Другія—и такихъ больше всего—въ формѣ простого, безотносительнаго (безличнаго) и часто пословичнаго изреченія (правила или положенія): XXX: 2, 4, 16, 19, 22; XXXI: 29—30, 45—46, 51—52; XXXII: 1—2, 31—38, 45—48, 57—58, 63—64, 73—74, 85—96, 101—112, 115—118, 127—128, 131—132, 135—136, 141—142; XXXIII: 21—24, 77—80, 129—132 и др. Сюда же можно отнести почти всѣ „опредѣленія, слегка начертанныя“ въ XXXIV стихотвореніи. Иныя—въ формѣ аптгитезы: XXX: 4, 13, 18, 22; XXXI: 43; XXXIII: 47—48, 177—180, 221—222, 225—226. Нѣкоторые гномы встрѣчаются въ вопросительной формѣ: XXXIII: 1, 12, 20, 30, 96, 133, 172, 215; другіе—въ формѣ условнаго предложенія съ союзомъ *ἴν* или *εἰ*; таковы: XXXI: 21—22; XXXII: 121—122; XXXIII: 6—7, 20, 34, 36, 74, 115—116, 157, 159, 185, 201, 222. Но самымъ излюбленнымъ и преобладающе-употребительнымъ грамматическимъ оборотомъ въ гномахъ св. отца, какъ наиболѣе подходящимъ для простого, краткаго и сжатаго, по точнаго, сильнаго и мѣткаго выраженія, является форма парѣчнаго предложенія, выражающаго сравненіе. Примѣры: „Лучше наказаніе отъ праведника, нежели честь отъ порочнаго“. (XXX: 17). „Лучше быть бездѣтнымъ, нежели имѣть глухыхъ дѣтей“ (XXXII: 41). „Лучше вести счетъ дѣламъ своимъ, нежели деньгамъ“ (XXXIII: 55). „Лучше быть, нежели считаться добрымъ“ (ib. 94). „Лучше о себѣ слышать худое, нежели говорить худо о другомъ“ (ib. 101). „Лучше начать, нежели заключить собою родъ, равно какъ лучше самому быть пригожимъ, нежели родиться отъ пригожихъ“ (ib. 143) и др. Вліяніе слога классиче-

скихъ греческихъ поэтовъ, и въ частности Софокла, на Григорія Богослова замѣчается, между прочимъ, въ стремленіи — и часто вполне удачномъ — послѣдняго подражать въ грамматической конструкціи своихъ гномическихъ строфъ той стилистической особенності античной поэзіи, которая заключается въ сопоставленіи въ одномъ предложеніи различныхъ формъ (падежей) одного и того же слова, или одного и того же корня слова. Лучшими образцами этой стилистической особенності въ языкѣ гномической поэзіи св. Григорія Богослова могутъ служить слѣдующіе примѣры:

„*Φίλοι φιλοῦσι καὶ ἃ τοῖς φίλοις φίλα*“
(XXXII, 27: Друзья любятъ и любимое друзьями).

„*Τὰναντία γὰρ τοῖς ἐναντίοις μάχη*“ (ib. 36: У противоположнаго съ противоположнымъ всегда борьба⁽¹⁾).

„*Πάν γὰρ τὸ ἐκ γῆς, γῆ τε καὶ εἰς γῆν πάλιν*“
(ib. 44: Все, что изъ земли, земля и въ землю обращается).

„*Οἰκτῶ γὰρ οἰκτός καὶ Θεῶ βλαθυμίζεται*“
(XXXIII, 160: У Бога милость взвѣшивается милостью; свес. XXX, 6) и др.⁽²⁾).

Въ другихъ же случаяхъ, допускаемыхъ гномическими строфами, эта стилистическая особенностъ очень близко граничитъ, просто, съ игрою словъ. Такъ напримѣръ.

(1) Т. е. въ отношеніи къ первой половинѣ гнома: «Умъ легокъ и не терпитъ обремененнаго чрева».

(2) Изъ классическихъ греческихъ поэтовъ сопоставленіемъ въ одномъ предложеніи разныхъ формъ (падежей) одного и того же слова отличается, въ особенности, Софоклъ. Припомнимъ у него слѣдующія мѣста. Въ *Антигонѣ*, ст. 13: «*δυοῖν ἀδελφοῖν ἑστερήθημεν δύο.*», т. е.: *объ* (Антигона и Исмена) лишились мы *обоихъ* (Этеокла и Полиника) братьевъ; тамъ же, ст. 73: «*φίλη μετ' αὐτοῦ κέσομαι, φίλου μέτα.*» т. е. любезная (ему) я лягу (въ могилѣ) съ нимъ, любезнымъ». Также и ниже, ст. 141: «*ἐπτά λοχαγοὶ γὰρ ἐφ' ἐπτά πύλαις.*» Въ *Эдипѣ царьѣ*, ст. 222: «*ἀστὸς εἰς ἀστούς;*» Въ *Аякѣ* ст. 267: «*κοινὸς ἐν κοινοῖσι;*» тамъ же, ст. 467: «*μόνος μόνοις;*» ст. 620: «*ἄφιλα παρ' ἀφίλοις;*» Въ *Трахейнахъ*, ст. 613: «*θυτῆρα καινῶ καινὸν ἐν πεπλωματι.*» и др.

тѣмъ, что стихи его расположены по своимъ начальнымъ буквамъ, слѣдующимъ порядку греческаго алфавита, и такимъ образомъ всѣхъ стиховъ въ стихотвореніи, составляющемъ родъ акростиха, по числу буквъ этого алфавита, 24.

Общій анализъ гномовъ св. Григорія Богослова приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ. Со стороны художественно-литературной многія гномическія строфы несомнѣнно имѣютъ такія достоинства, по которымъ они заслуженно могутъ быть отнесены къ лучшимъ поэтическимъ произведеніямъ его, хотя и не самымъ лучшимъ, какъ это не совсѣмъ вѣрно, на нашъ взглядъ, высказалъ Ульманъ. Въ своей мимоходомъ брошенной и ничѣмъ не обоснованной замѣткѣ о поэзіи св. отца, крайне строгій къ ней нѣмецкій профессоръ, въ видѣ уступки, удостоиваетъ своимъ лестнымъ отзывомъ ⁽¹⁾ почему-то именно гномы св. Григорія Богослова, оставляя безъ вниманія цѣлый отдѣлъ тѣхъ высоко-поэтическихъ произведеній его, которыя составляютъ, на самый взыскательный художественный вкусъ, образецъ искусства христіанско-религіозной поэзіи,—разумѣемъ чисто-лирическія произведенія его, элегіи и гимны. Нужно замѣтить къ тому же, что при сужденіи о поэтическихъ достоинствахъ гномическихъ стихотвореній Григорія Богослова и оцѣнкѣ ихъ необходимо дѣлать различіе въ этомъ отношеніи между самыми гномическими произведеніями св. отца, потому что различіе это между нѣкоторыми изъ нихъ, на примѣръ стихотвореніями XXXIII и XXXIV, простирается до полярной противоположности. Стихотвореніе XXXIII по всей справедливости можетъ быть названо истинно-классическомъ произведеніемъ. Элементы, составляющіе понятіе классически-изящнаго произведенія, соединились въ этомъ стихотвореніи въ замѣчательной полнотѣ и гармоніи. Богатство внутренняго содержанія заключающихся въ немъ гномическихъ строфъ тонко образованный художественный вкусъ

(1) Въ слѣдующихъ полныхъ словахъ: Uorzüglich gut gelingen ihm (Григорію) Gnomem, moralische Sprüche, kurz und inhaltreiche „Lehrgedichte“, т. е. «въ особенности хороши (удачны) у него *гномы*, моральныя изреченія, краткія и полновѣсныя дидактическія стихотворенія». Gr. v. Naz. C. Ullmann, 1825, стр. 292.

поэта вылилъ въ соответвенно-достойной формѣ, представляющей прекраснѣйшій образецъ благозвучія рѣчи и метрическаго совершенства. Живой, общечеловѣческой интересъ гномическиххъ совѣтовъ, поражающихъ глубиною и разнообразіемъ житейскаго опыта, соединился въ этомъ стихотвореніи съ изящностью изложенія, достойнаго пера Архилоха Паросскаго, сила и энергія мысли сочеталась съ звучностью, стройностью и подвижностью ритма. Этимъ послѣднимъ разсматриваемое стихотвореніе выигрываетъ очень много въ своемъ впечатлѣніи на читателя, такъ какъ метръ его не остается безъ вліянія на самыя внутреннія достоинства стихотворенія. Состоя изъ четырехъ сенаріевъ, строфическій размѣръ стихотворенія сообщаетъ ему особенную эллиптическую сжатость выраженія, которая, педопуская ни плеоназмовъ, ни растянутости періодовъ, даетъ возможность ярче блистать лучамъ природнаго остроумія поэта въ каждомъ отдѣльномъ тетрастихѣ и потомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваетъ ихъ въ общемъ, цѣльномъ впечатлѣніи. Къ этому стихотворенію всего больше идутъ собственные слова св. отца, которыми онъ характеризуетъ достоинства своей поэзіи вообще: „стихи мои вмѣщаютъ въ себѣ по большей части дѣльное и пѣчто игривое, но нѣтъ въ нихъ ни растянутости, ни излишества“ (*μαζρόν δ' οὐδέν οἶδ' ὑπέρχέρον*)⁽¹⁾ Словомъ, стихотвореніе XXXIII въ своихъ прекрасныхъ „*υψώμας πνευματικαῖς*“ не только „*υψηλοῦ βουφίης φυλάττει*“, какъ оно само, олицетворенно рекомендуясь трудомъ св. Григорія, говоритъ о себѣ въ своемъ надписаніи, но и служитъ несомнѣнно „памятникомъ“ необыкновеннаго поэтическаго таланта.

Затѣмъ, по степени художественно-литературныхъ достоинствъ остальные гномическія стихотворенія слѣдуютъ, кажется, размѣстивъ въ такомъ порядкѣ: XXXI, XXXII, XXX и, наконецъ, безспорно ниже всѣхъ стихотвореніе XXXIV. Сфера „опредѣлений“ (*δρῶν*), составляющихъ содержание этого стихотворенія, очень обширна; опредѣленія по предметамъ своимъ обнимаютъ весь кругъ челоѣческаго міросозерцанія: космологію, пневматологію, антропологию,

(¹) Стихотвор. XXXIX, ст 60—91; стр. 903.

эсхатологию и пр., захватывая, слѣдовательно, въ частности науки: физику съ астрономіей, соматологию и психологию съ эстетикой, религію съ иеикой, христологию съ сотериологіей и т. д. Но всѣ или почти всѣ опредѣленія въ этомъ стихотвореніи, въ существѣ дѣла, суть *номинальныя* опредѣленія. Напримѣръ: „*Огонь* есть естество горящее и стремящееся вверхъ“ (ст. 17). „*Вода*—естество текучее и падающее книзу“ (ст. 18). „*Воздухъ*—наполненіе пустоты и вдыхаемый потокъ“ (ст. 19). „*Тѣло*—вещество и протяженная дебелисть“ (*διαβλατὸν πάχος*; 21 ст.) „*Жизнь* есть сопряженіе души и тѣла; равно какъ *смерть*—разлученіе души съ тѣломъ“ (25—26). „*Независть* есть какое-то отвращеніе, поражающее вражду“ (162).

2. Историческія поэмы.

Подъ этимъ заглавіемъ, какъ предполагается отчасти уже самымъ понятіемъ его, мы разумѣмъ пьесы, которыя по природѣ своей слагаются, главнымъ образомъ, изъ двухъ элементовъ, болѣе или менѣе свободно сливающихся подъ музыку стиха въ цѣльную композицію: историческаго (содержанія) и поэтическаго (изложенія). Широкій просторъ, какой дается и въ этихъ стихотвореніяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, выраженію личныхъ ощущеній и мыслей поэта, сообщаетъ историческимъ поэмамъ характеръ субъективно-объективныхъ, лиро-эпическихъ произведеній. Въ зависимости отъ такого характера самое изложеніе поэмъ ведется скорѣе въ тонѣ элегіи, а мѣстами—сатиры, чѣмъ повѣствованія въ строгомъ смыслѣ слова. И въ этомъ элегическомъ тонѣ ихъ, въ живописи скорбно-меланхолическихъ мыслей и чувствъ поэта, проникающихъ стихотворенія, поэтической элементъ ихъ, не въ ущербъ историческому содержанію поэмъ, достигаетъ мѣстами высокаго совершенства.

Отдѣлъ историческихъ поэмъ, чтобы не смѣшивать его съ другими родами поэзіи, слѣдуетъ намъ кажется, ограничить только слѣдующими стихотвореніями.

„*Περὶ τὸν ἑαυτοῦ βίον*“ (Lib. II, Sec. I, № XI) и, какъ продолженіе этой поэмы или, скорѣе, приложение къ ней, составляющее съ ней почти одно цѣлое—„*Εἰς ἑαυτὸν καὶ περὶ ἐπισχόπων*“ (ibid. № XII); затѣмъ—„*Περὶ τῶν κατ' ἑαυτὸν*“ (ibid. № I) и

„*Ενύπνιον περὶ τῆς Ἀναστασίας ἐκκλησίας, ἣν ἐπήξατο ἐν Κωνσταντινουπόλει*“ (ibid. № XVI). Сюда же, какъ произведенія, помогающія ближайшему знакомству съ жизнью св. отца и съ правами вѣка его, можно отнести еще, изъ того же I-го отд. II-й книги цитуемаго изданія, стихотворенія:

„*Πρὸς τοὺς τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐρέας, καὶ αὐτὴν τὴν πόλιν*“ (№ X).

„*Εἰς ἑαυτὸν, καὶ πρὸς τοὺς φθονοῦντας*“ (№ XIV).

„*Εἰς ἑαυτὸν μετὰ τὴν ἀπὸ τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐπάνοδον*“ (№ XV).

„*Εἰς ἑαυτὸν*“. (№ XXX).

Едвали не самую большую извѣстностью изъ всѣхъ этихъ стихотвореній, благодаря своей исторической важности и своимъ высокимъ литературнымъ достоинствамъ, пользуется въ церковно-отеческой литературѣ самая обширная и по внѣшнему своему объему (въ 1949 стиховъ) поэма: „*Περὶ τὸν ἑαυτοῦ βίον*“. Собственно говоря, она составляетъ нѣчто въ родѣ *мемуаровъ* или скорѣе *новеллы* чисто христіанскаго характера. Она задумана и написана въ условіяхъ, когда пресвитеръ или епископъ, принимаясь за лѣтопись своей внутренней или внѣшней жизни, съ какою бы то ни было цѣлью, самъ становился для себя собственнымъ историкомъ. Весьма вѣроятно, что разсматриваемая поэма далеко не единственный опытъ въ своемъ родѣ изъ современной автору ея эпохи. Но отчасти, быть можетъ сравнительная малозначимость въ историческомъ отношеніи авторовъ подобныхъ произведеній, отчасти же маловажность послѣднихъ собственно въ литературномъ отношеніи послужили причиною, что изъ всѣхъ произведеній подобнаго рода до насъ дошли отъ золотого вѣка христіанской литературы только „*Περὶ τὸν ἑαυτοῦ βίον*“ св. Григорія Богослова, да „*Confessiones*“ бл. Августина, заимствовавшаго, какъ позволительно думать, идею для нихъ изъ превосходной поэмы Григорія Назіанзина.

И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта поэма св. Григорія, какъ лица столь интереснаго по своему глубокому и многостороннему образованію и столь важнаго по

своему общественному положенію среди современниковъ своихъ,—лица, такъ сказать, самой судьбой возведеннаго въ герои своей жизни, во многихъ отношеніяхъ необыкновенной и всецѣло поучительной,—что названная поэма его легла въ основу всѣхъ позднѣйшихъ историческихъ и библиографическихъ о немъ изслѣдованій, начиная съ жизнеописанія его одноименнымъ съ нимъ пресвитеромъ и кончая самоновѣйшимъ историческимъ изслѣдованіемъ о немъ современнаго французскаго аббата, Людовика Монто

Съ точки зрѣнія *побужденій и цѣли*, которыми мотивировано происхожденіе этой поэмы, она является апологіей, вызванной клеветами и злословіями противъ св. Григорія недостойныхъ завистниковъ его, по крайней мѣрѣ оправдываемой изумительными фактами, которые должны были волновать восточную церковь; цѣль написанія апологіи авторъ указываетъ самъ, говоря въ началѣ ея, что онъ приступилъ къ разсказу объ обстоятельствахъ жизни своей „чтобы не дать укрѣпиться лживымъ о немъ рѣчамъ; потому что злые люди любятъ на пострадавшихъ слагать вину въ томъ, что сами сдѣлали имъ худого, чтобы этою ложью еще болѣе причипить имъ зла, а себя избавить отъ обвиненій (1)“. Въ этой необходимости защиты св. Григорій пишетъ стихотвореніе о жизни своей, начиная съ самаго дѣтства своего. Содержаніе поэмы даетъ возможность раздѣлить ее всю на двѣ, не равныя по своему вѣншему объему, какъ и по своему апологетическому значенію, части, между которыми граничнымъ пунктомъ можетъ удобно служить моментъ вступленія св. Григорія въ Константинополь (ст. 607).

Въ первой части, составляющей около трети всей поэмы, послѣ вступленія, указывающаго на предметъ и цѣль стихотворенія, поэтъ кратко, но связно и послѣдовательно, разсказываетъ всѣ обстоятельства своей предшествовавшей жизни, доходя въ своемъ повѣствованіи до времени вступленія своего въ Константинополь (1—606). Во второй, составляющей, по намѣренію автора, центръ тяжести всего повѣствованія и обнимающей болѣе двухъ третей его, онъ съ большою подробностью описываетъ свою жизнь въ Константинополѣ, разсказываетъ какъ о своихъ достойныхъ

(1) Стихи 45.—49; стр. 677; по р. п. VI т. 6—7 стр.

удивленія и уваженія дѣлахъ, такъ и своихъ достойныхъ сочувствія несчастіяхъ и страданіяхъ, со всею искренностью благоговѣйпаго христіанина высказывая всѣ цѣли и побужденія всѣхъ своихъ дѣйствій. Такимъ образомъ поэма, во всей сложности своего содержанія, представляетъ не только исторію внѣшнихъ обстоятельствъ жизни св. Григорія, но и исторію его сердца. Если мы прибавимъ къ этому простоту и естественность изложенія ея, въ самой безыскусственности своей отражающаго чистоту души автора, и ея тонъ, дышащій искренностью и силою внутренняго убѣжденія, не трудно будетъ понять, какой успѣхъ она должна была имѣть по своей апологетической цѣли. Нельзя было выставить болѣе сильной и побѣдоносной аргументаціи для разоблаченія всей несостоятельности и злонамѣренности нареканій и клеветъ, возведенныхъ на св. отца, какъ изобразивъ изъ цѣльнаго и послѣдовательнаго изложенія фактовъ своей жизни полную внушительнаго величія и внутренней правды картину ея. Въ самомъ дѣлѣ, еще до рожденія своего посвященный на служеніе Господу, отъ пеленъ младенческихъ воспитанный подъ вліяніемъ совершеннѣйшихъ образцовъ благочестія, въ правилахъ религіи и религіозной жизни, не той, которая дорожитъ внѣшнимъ блескомъ общественнаго положенія и славою наружныхъ почестей, которая преслѣдуетъ выгоды матеріальнаго обезпеченія и дорогія связи по службѣ, а той, которая высшіе интересы служенія Богу и спасенія предпочитаетъ всѣмъ низменнымъ побужденіямъ, которая умъ и сердце, всю душу располагаетъ къ любви одиночества и пустыни, къ удовольствіямъ въ неизвѣстности, униженіи и безславіи,—св. Григорій и въ жизни общественной, на попринцѣ служенія церкви, къ которому призывали его интересы самой церкви, настолько руководился страхомъ Божиимъ, въ такой степени отличался христіанскимъ смиреніемъ, что состояніе простаго іерея казалось ему уже превышающимъ его силы и его заслуги. Сказывается ли тутъ честолюбецъ, который хотѣлъ навязать себя церкви, добиться высшихъ правъ путемъ искательствъ, стать епископомъ наперекоръ императору и соборамъ, похитить престолъ, предназначенный для другаго? Чѣмъ же объяснить эти оскорбительныя нападки и злословія, на которыя вынужденъ былъ отвѣчать св. отецъ? Чѣмъ не довольны были враги его и противъ чего собственно воору-

жались недостойные его сослужители церкви? „Несносно имъ было“—отвѣчаетъ намъ самъ авторъ поэмы—„что чело-вѣкъ самый бѣдный, сгорбленный, поникшій въ землю, одѣтый худо, обуздавшій чрево слезами, страхомъ будущаго и другими злостраданіями, странникъ, скиталець, не имѣ-ющій ничего привлекательнаго для взоровъ, сокрытый въ тмѣ земной, беретъ преимущество предъ людьми, отлича-ющимсяъ силою и красотою. Отъ нихъ слышны были такия почти слова: „мы лстимъ, а ты вѣтъ; мы чтимъ высокія сѣдалища, а ты чтишь богобоязненность: мы любимъ доро-гія блюда, а ты любишь дешевную пищу, въ которой вся приправа—соль, и презираешь солепую горечь высокомѣрія. Мы рабы времени и народныхъ прихотей, отдаемъ лядю свою всякому подувшему вѣтру, у насъ ученіе, на подобіе хамелеоновъ или полиповъ, принимаетъ непрестанно новый цвѣтъ, а ты—неподвижная наковальня. Какая падменность! Какъ будто всегда одна вѣра, что такъ слишкомъ стѣсняешь догматъ истины, ступая все по одной скучной стезѣ слова (1)“.

Мы не сомнѣваемся ни въ реальности выставляемаго по-этомъ мотива обвиненій его врагами, ни въ искренней правди-вости изложеннаго имъ образа мыслей и образа дѣйствій сво-ихъ, ни въ его невинности. „Подобныя нападкы, направленныя противъ такого мужа, подобныя истовыя усилія—очернить такую чистую добродѣтель—сущій позоръ эпохи“, говоритъ Гренъе. „Опровергать ихъ, вооружаться противъ нихъ—значило бы снова начинать послѣ св. отца бесполезную для него апологію и опять возвращаться къ анализу его чувствъ и его характера (2)“.

Предъ нами открывается другая сторона дѣла и на очереди иной анализъ—взглядъ на поэму, какъ на поэтичес-кое произведение.

Выше мы уже опредѣлили общо родъ и характеръ ея въ этомъ отношеніи. Поэма эта, по своему лиро-эпическому

(1) Стихи 696—715; стр. 714; по р. н. VI т. 27—28 стр.

(2) De pareilles attaques dirigées contre un tel homme, ces efforts furieux pour noircir une aussi pure vertu sent la honte d'une époque. Les réfuter, plaider cette cause, ce serait refaire après le saint lui-même une apologie superflue et rentrer dans analyse de ses sentimens et de son caractère. La vie et les poésies de S. Gr. De Nag. p. 203.

характеру, не можетъ служить выраженіемъ цѣльнаго и чистаго типа извѣстнаго рода поэзіи. Въ общемъ проникнутая тономъ элегіи, она далеко не свободна въ частностяхъ ни отъ элементовъ эпической поэзіи, ни отъ неотъемлемыхъ свойствъ и особенностей драмы. Она представляетъ въ цѣломъ постоянное соединеніе эпическаго разсказа съ драматическими монологами, живописныхъ картинъ съ разнообразными сердечными думами, общеназидательныхъ размышленій, богатыхъ пословичными изреченіями, съ личными и глубокими чувствами. Эти разнообразные элементы поэзіи, изъ которыхъ трудно отдать, въ художественномъ отношеніи, преимущество одному предъ другими, украшаютъ поэму чудными эпизодами. Въ нихъ, въ этихъ прелестныхъ эпизодахъ, „Dichterader“ св. отца, какъ пазываетъ, по силѣ неотразимой правды, Ульманъ поэтическую способность (собственно—„поэтическій родникъ“) его, изливается обильными и свѣжими струями классическаго генія поэзіи. Читателю, знакомому съ античными образцами художественной литературы живо припоминаются сцены и описанія, имѣющія близкое сходство съ эпизодическими картинами поэмы св. Григорія Назіанзина. Такъ напримѣръ картина шторма, застигнувшаго поэта на пути изъ Александріи въ Аѳины, куда, какъ въ центръ просвѣщенія тогдашняго времени, влекла его „страсть къ наукамъ“⁽¹⁾, невольпо вызываетъ на сближеніе съ мѣстомъ изъ Одиссеи, гдѣ также описываются несчастныя приключенія на морѣ съ героемъ ея.

„Совсѣмъ неблаговременно“—начинаетъ свое описаніе св. отецъ—„когда еще не утихло море, когда, по словамъ знающихъ дѣло, грозилъ опасностью какой-то хвостъ тельца“⁽²⁾ и плыть было дѣломъ дерзости, а не благоразумія, оставилъ я Александрію, гдѣ пожалуй уже нѣсколько познаній, и разсѣкалъ море, несясь прямо въ Элладу. Когда огибали мы Кипръ, бунтующіе вѣтры всколебали корабль. Земля, море, эфиръ, омраченное небо—все слилось въ одну ночь. На удары молній отзывались громы, плескались канаты у надутыхъ вѣтриль, мачта гнулась, кормило потеряло всю силу,

(1) Сравн. Слово 18; стр. 131, т. 2.

(2) Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда, при захожденіи солнца, восходитъ созвѣздіе тельца.

и ручку руля насильно вырвало изъ рукъ, вода стѣною стояла надъ кораблемъ и наполняла собою подводную его часть. Смѣшались плачевные крики корабельныхъ служителей, начальниковъ, хозяевъ корабля, путешественниковъ, которые всѣ, даже и не знавшіе прежде Бога, единогласно призывали Христа; потому что страхъ—самый вразумительный урокъ. Но ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ бѣдствій было безводіе на кораблѣ, который отъ сильныхъ потрясеній разсѣлся, и сквозь дно пролились въ глубину всѣ, какія были на немъ, сокровища сладкой влаги. Надобно было умереть, борясь съ голодомъ, бурей и вѣтрами. Правда, Богъ посылаетъ скорое отъ этого избавленіе. Вдругъ появились финикійскіе купцы, и хотя сами въ страхѣ, но по нашимъ мольбамъ, узнавъ о крайности бѣдствія, съ помощію багровъ и при могучихъ ударахъ руками, какъ люди сильные, вскочили они на корабль, и спасаютъ насъ почти уже мертвыхъ плователей, походившихъ на рыбъ, которыя оставлены моремъ на сушѣ, или на умирающей свѣтильникъ, которому недостаетъ питанія. Но между тѣмъ ревущее море, въ продолженіе многихъ дней, непрестанно больше противъ насъ свирѣпѣло. Послѣ многихъ поворотовъ не знали мы, куда плывемъ, и не видѣли себѣ никакого спасенія отъ Бога (1)“.

„Когда же всѣ боялись смерти обыкновенной, для меня“— продолжаетъ поэтъ—Богословъ „еще ужаснѣе была смерть внутренняя. Негостепріимно убійственныя воды лишали меня водъ очистительныхъ, которыя соединили бы меня съ Богомъ. Объ этомъ проливалъ я слезы; въ этомъ состояло мое несчастье; объ этомъ я, несчастный, простирая руки, возносилъ вопли, которые заглушали сильный шумъ волнъ, терзалъ свою одежду и, ницъ распростершись, лежалъ подавленный горестью. Всѣ плывшіе на кораблѣ, забывъ о собственномъ бѣдствіи, и, въ общемъ несчастіи ставъ благочестивыми, со мной соединяли молитвенные вопли. Столько были они сострадательны къ моимъ мученіямъ“! (ibid).

Чисто христіанскій элементъ, осложняющій коллизію описываемаго момента у нашего поэта, ставитъ неизмѣримо выше драматическій монологъ его предъ монологомъ Гомеровскаго героя въ подобномъ же случаѣ. „Когда не представлялось никакой доброй надежды, ни острова, ни твердой земли, пи

(1) Стихи 124—161; стр. 681 и д.; по р. и. VI т. 9—10 стр.

вершины горъ, ни горящаго свѣтильника, ни звѣздъ — путеуказателей мореходцамъ, ничего — ни большаго, ни малаго не было въ виду, что тогда предпринимаю? Отчаявшись во всемъ дольнемъ, обращаю взоръ къ Тебѣ, моя жизнь, мое дыханіе, мой свѣтъ, моя сила, мое спасеніе, къ Тебѣ, Который устрашаешь, поражаешь, **милуешь**, врачуешь и къ горестному всегда присоединяешь полезное“ (ibid).

Здѣсь, въ этомъ монологѣ, поэтъ воспроизводитъ, разумеется, собственныя мысли и чувства, наполнявшія душу его въ описываемый моментъ его жизни. Послушаемъ теперь поэта въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ онъ отъ имени, хотя и близкаго къ нему, но все же *не* своего лица. Способность живо и естественно проникаться чужими мыслями и чувствами принадлежить, бесспорно, къ наиболѣе отличительнымъ особенностямъ истиннаго поэтическаго дарованія (¹).

Мы имѣемъ въ виду трогательную сцену, въ которой престарѣлый отецъ поэта, простирая къ нему, знаменитѣйшему поборнику православія, руки и нѣжно отечески обнимая его умоляетъ его принять участіе въ управленіи Назіанвской церковію, быть помощникомъ ему въ руководствѣ и назиданіи его паставы, облегчить ему труды, становившіеся, по глубокой преклонности лѣтъ его, уже не подь — силу ему.

(Поэтъ влагаетъ слѣдующую рѣчь въ уста своего родителя).

„Тебя, любезнѣйшій изъ сыновей, умоляетъ отецъ, юнаго молить отецъ-старецъ, служителя молить тотъ, кто и по естеству и по двоякому закону твой владыка. Не золота, не серебра, не дорогихъ камней, не участковъ воздѣланной земли, не потребностей роскоши прошу у тебя дорогой сынъ

(¹) Извѣстно, какой популярной и вполнѣ заслуженной извѣстностью въ Иліадѣ Гомера пользуется у всѣхъ литературно образованныхъ людей знаменитая рѣчь престарѣлаго Троянскаго царя Пріама къ Ахиллсу, въ которой несчастный отецъ Гектора, стоя на колѣняхъ предъ грознымъ воиномъ, умоляетъ его, во имя его собственнаго отца, ожидающаго его возвращенія, пожалѣть удрученнаго старца, сынъ котораго никогда не возвратится къ нему живымъ, и возвратитъ ему, по крайней мѣрѣ, трупъ его.

Или. наиримѣръ, прекраснѣйшая сцена прощальной встрѣчи Гектора съ своею супругою у Скейской бани, когда Андромаха, въ слезахъ обнимая супруга, трогательно умоляетъ его не слишкомъ пренебрегать жизнью, столь дорогою его женѣ и ребенку. Подобное встречаемъ и въ поэмѣ св. Григорія.

мой, по домогаюсь того, чтобъ содѣлать тебя другимъ Аарономъ и Самуиломъ, досточестнымъ предстателемъ Богу. Вспомни, любезное чадо мое, что ты принадлежишь Даровавшему тебя. Не обезчести меня, чтобъ и къ тебѣ былъ милосердъ единый Отецъ нашъ. Сжался надъ моею старческой дряхлостью, уступи отеческой просьбѣ. Ты не живешь еще столько на свѣтѣ, сколько прошло уже времени, какъ я приношу жертву Богу. Сдѣлай мнѣ эту милость; сдѣлай, умоляю тебя, или другой предасть меня гробу. Подари не многіе дни остатку моихъ дней, а прочю жизнью своею располагай, какъ тебѣ любо (1)“.

Сколько кроткой задушевности въ тогѣ этой рѣчи,— рѣчи простой, но чрезъ эту-то простоту и неподражаемо-поэтической, благородной, возвышенной. Здѣсь говорить одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя.

Иной характеръ имѣетъ знаменитая *рѣчь поэта предъ соборомъ*; сильная, мужественная и авторитетная, но въ то же время сдержанная, спокойная и плавная она близко напоминаетъ въ безсмертной поэтѣ Гомера рѣчь также старца, но старца другаго типа, „сладкорѣчивыя рѣчи котораго лилися какъ медь благовонный“ (Ил. п. I ст, 249).

Рѣчь св. Григорія, произнесенная имъ въ собраніи ста пятидесяти епископовъ, имѣла цѣлю прекратить распрю, (2) волновавшую, къ великой скорби православныхъ христіанъ, тогдашнюю церковь, и содѣйствовать утвержденію мира въ ней. Несогласіе, существовавшее между церквями Восточною и Западною, или лучше сказать, между предстоятелями той и другой, вызвано было совмѣстнымъ пребываніемъ въ Антиохіи двухъ архіепископовъ, Мелетія и Павлина. Мелетій, при содѣйствіи епископовъ Восточной церкви, занимаемая кафедрю Антиохійской церкви, пользовался всѣми правами, принадлежащими кафедрѣ. Павлинъ же, утвержден-

(1) Стихи 500—517; стр. 701; по р. п. VI т. 21 стр

(2) Сравни у Гомера рѣчь Нестора, вызванную «горькой распрей» Агамемнона съ Ахиллесомъ, въ которой мудрый старецъ видѣлъ «горе и посрамленіе для грековъ, торжество для враговъ» и убѣждалъ Ахейанъ принять его благоразумный совѣтъ о примиреніи (Ил. I, ст. 254—61, 273—74).

пый въ архіепископскомъ санѣ епископами Западной церкви, оставался безъ кathedры. Предстоятели Западной церкви, давно уже стремившіеся къ преобладанію въ управленіи дѣлами церкви, недовольны были предпочтеніемъ Мелетія Павлину, и рѣшились лучше нарушить союзъ мира съ Восточною церковью, нежели допустить неисполненіе ихъ опредѣленій. Но чрезъ нѣсколько дней по утверженіи св. Григорія въ званіи архіепископа константинопольскаго, умираетъ Мелетій, предсѣдательствовавшій на соборѣ. Казалось бы, что смерть его представляла удобный случай къ водворенію мира въ церкви возведеніемъ на упразднившійся престоль антиохійскій Павлина. Но многіе изъ восточныхъ епископовъ, особенно младшіе изъ нихъ, водясь болѣе чувствами непріязни къ западнымъ епископамъ за ихъ стремленіе къ преобладанію, воспротивились избранію Павлина на мѣсто Мелетія и хотѣли противопоставить ему кого-нибудь другаго. Такимъ образомъ, со смертью одного изъ виновниковъ несогласій между епископами, непріязненные отношенія между ними не только не прекратились, а, напротивъ, еще болѣе обострились, раздѣливъ епископовъ на двѣ враждебныя партіи—Мелетіанцевъ и Павлиніанъ. Св. Григорій, понимавшій какъ важенъ и пужень для блага церкви миръ, произноситъ предъ соборомъ рѣчь, въ которой онъ сильно настаиваетъ на утвержденіи Павлина архіепископомъ антиохійскимъ.

„Примите мое предложеніе, предложеніе благоразумное, превышающее мудрость юныхъ; потому что памъ старикамъ не убѣдить ихъ кичности, которая всегда уступаетъ верхъ желанію суетной славы. Престоль пусть будетъ предоставленъ во власть тому, кто владѣетъ имъ доселѣ. Что худаго, если этого мужа (Мелетія) оплакивать будемъ долѣе, нежели сколько времени назначаетъ на это Ветхій Закопъ? Потомъ дѣло рѣшить старость и общій для всего нашего рода необходимый и прекрасный предѣлъ. Онъ (Павлинъ) преселится, куда давно желаетъ, предавъ духъ свой даровавшему его Богу, а мы по единодушному согласію всего народа и мудрыхъ епископовъ, при содѣйствіи Духа, дадимъ тогда престолу кого-нибудь другаго. И это пусть будетъ единственнымъ прекращеніемъ неустройствъ!..... Да утихнетъ наконецъ, да утихнетъ, говорю, эта буря, волнующая міръ! Сжалимся надъ тѣми, которые впали теперь въ расколъ (раздѣленіе въ церкви),

или близки къ нему, или могутъ впасть въ послѣдствіи. Никто изъ насъ да не пожелаетъ извѣдать на опытѣ, чѣмъ это кончится, если превозможетъ на-долго. Настала рѣшительная минута или сохраниться на будущее время нашему досточтимому и священному догмату, или отъ раздоровъ пасть невозвратно. Какъ непрочность красокъ, хотя и не совсѣмъ справедливо, ставятъ въ вину живописцу, или нравы учениковъ—въ вину учителямъ: такъ тайноводствуемый, а тѣмъ паче тайноводитель, если онъ худъ, не поруганіе ли таинству? Пусть побѣдятъ (т. е. епископы Западныя, поставившіе Павліана епископомъ Антіохіи) насъ въ маломъ, чтобъ самимъ намъ одержать важнѣйшую побѣду, быть спасенными для Бога и спасти міръ, ко вреду нашему погубленный. Не всякая побѣда приноситъ славу. Доброе лицепіе лучше худаго обладанія. . . . .

„Такъ сказалъ я; а они кричали каждый свое; это было то же, что стадо галокъ, собравшееся въ одну кучу, буйная толпа молодыхъ людей, общая рабочая, вихрь, клубомъ поднимающій пыль, бушеваніе вѣтровъ. Вступать въ совѣщаніе съ такими людьми не пожелалъ бы никто изъ имѣющихъ страхъ Божій и уваженіе къ епископскому престолу. Они походили на ось, которая мечется туда и сюда, и вдругъ всякому бросаются прямо въ лице. Но и степенное собраніе старцевъ вмѣсто того, чтобъ уцѣломудрить ихъ, юныхъ, имъ же послѣдовало (1)“....

Подобныхъ картинъ и живописныхъ сценъ много въ поэмѣ св. Григорія. Таково, напр., описаніе впечатлѣнія на константинопольскую паству намѣренія св. Григорія, вслѣдствіе многихъ огорченій его, оставить Константинополь.

„Никто бы, можетъ быть и не догадался“—говоритъ поэтъ—„но у меня вырвалось какъ-то прощальное слово“ которое изрекъ я въ скорби отеческаго сердца.

„Блюдите, сказалъ я, всецѣлую Троицу, какъ предалъ вамъ, возлюбленнымъ чадамъ, самый щедрый Отецъ; помните, любезнѣйшіе, и мои труды“.

„Едва народъ услышалъ это слово, одинъ нетерпѣливый громко вскричалъ, и, какъ рой пчелъ, выгнанный дымомъ изъ улья, вдругъ поднимаются и оглушаютъ криками и муж-

---

(1) Стихи: 1624 и д.; 1680—1689; стр. 761 и д.; по р. п. стр. 56—58.

чины и женщины, дѣвы, юноши, дѣти, старики, благородные и неблагородные, начальники, воины, живущіе на покоѣ; все равно кипятъ гнѣвомъ и любовію, гнѣвомъ на враговъ, любовію къ Пастырю. . . . . А я посреди ихъ безгласный въ какомъ-то омраченіи, не въ состояніи былъ ни остановить шума, ни обѣщать того, о чемъ просили. Одно было невозможно; отъ другаго удерживалъ страхъ. Задыхались отъ жара, все обливались потомъ. Женщины, особливо ставшія уже матерями, въ страхѣ папргали свой голосъ; дѣти плакали; а день клонился къ вечеру. Всякій клялся, что не отступится отъ своихъ домогательствъ, хотя бы храмъ сдѣлался для него прекраснымъ гробомъ, пока не исторгнетъ у меня одного желаннаго слова. Шѣго, какъ бы вынужденный скорбію, сказалъ: „ты вмѣстѣ съ собою изводишь и Троицу“. Тогда убоявшись, чтобъ не случилось какой бѣды, не клятвою обязался я, но далъ слово, за которое ручался мой правъ, что остаюсь у нихъ, пока не явятся нѣкоторые епископы, которыхъ тогда ожидали. Тогда и я надѣялся получить избавленіе отъ чуждыхъ для меня заботъ. Такъ съ трудомъ мы разошлись, для той и другой стороны пріобрѣти тѣнь надежды. Они воображали, что теперь я уже ихъ; а я рассуждалъ, что остаюсь у нихъ не на долгое только время (1)“.

Такова же картина, изображающая торжественный моментъ вступленія св. Григорія, въ сопровожденіи императора Θεодосія и православнаго духовенства, среди вооруженныхъ войскъ въ храмъ св. Софіи, который давно уже находился въ распоряженіи аріанъ, и который императоръ рѣшилъ самъ лично передать св. Григорію въ управленіе, и назначилъ день для сдачи его православнымъ.

„Наступило назначенное время. Храмъ окруженъ былъ воинами, которые въ вооруженіи, въ великомъ числѣ, стояли рядами. Туда же, какъ морской песокъ, или туча, или рядъ катящихся волнъ, стремился, непрестанно прибывая, весь народъ,—съ гнѣвомъ и мольбами, съ гнѣвомъ на меня, съ мольбами къ Державному. Улицы, ристалища, площади, всякое даже мѣсто, дома двухъ-и трехъ-этажные наполнены были снизу зрителями, мужчинами, женщинами, дѣтьми,

(1) Стихи: 1056—1070, 1087—112; и д. по р. и. 38—30 стр.

старцами. Вездѣ суеты, рыданія, слезы, вопли—точное подобіе города, взятаго приступомъ. А я доблестный воитель и воевода, съ этимъ немощнымъ и разслабленнымъ тѣломъ, едва переводя дыханіе, шелъ среди войска и Императора, возводя взоръ горѣ и ища себѣ помощи въ однѣхъ надеждахъ; наконецъ, не знаю, какъ вступилъ въ храмъ..... Было утро; но надъ цѣлымъ городомъ лежала еще ночь; потому что тучи закрывали собою солнечный кругъ. Это всего менѣе прилично было тогдашнему времени; потому что при торжествахъ всего пріятнѣе ясная погода. Въ этомъ и враги находили для себя удовольствіе; они толковали, что совершаемое негодно Богу. И мнѣ причиняло это тайную въ сердцѣ печаль. Но какъ скоро я и порфиросеицъ были уже внутри священной рѣшетки, вознеслась отъ всѣхъ общая хвала призываемому Богу, раздались восклицанія, простерлись вверхъ руки; вдругъ, по Божію велѣнію, сквозь расторгшіяся тучи возсіяло солнце, такъ что все зданіе, дотолѣ омраченное, мгновенно сдѣлалось молніевиднымъ, и въ храмѣ все припяло видъ древней скипіи, которую покрывала Божія свѣтлость. У всѣхъ прояснились и лица и сердца (1)“.

Хорошо, также, и полно драматизма описаніе потомъ знаменательнаго въ жизни его момента, когда онъ избиралъ себѣ путь и образъ жизни.

„Нужна была, наконецъ, мужественная рѣшимость. Во внутреннее судилище собираю друзей, то есть, помыслы свои—этихъ искреннихъ совѣтниковъ. И когда искалъ я лучшаго изъ лучшаго, страшный круговоротъ объялъ мой умъ..... Если состояніе мое изобразить какимъ-нибудь сравненіемъ, то я походилъ на человѣка, который задумываетъ отдаленное какое-то странствованіе, но избѣгая плаванія по морю и трудовъ мореходныхъ, отыскиваетъ путь, на которомъ было бы больше удобствъ. Приходили мнѣ на мысль Ілія Освятианинъ, великій Кармилъ, необычайная пища, достояніе Предтечи—пустыня, нищетолюбивая жизнь сыновъ Іоанадавовыхъ. Съ другой стороны пересиливали любовь къ Божественнымъ книгамъ и свѣтъ Духа, почерпаемый при углубленіи въ Божіе Слово, а такое занятіе—не дѣло пустыни и безмолвія. Много разъ колебался я туда и сюда, и наконецъ умирилъ

(1) Стихи: 1325—1341; 1353—1370; стр. 745 и д. по р. н. 46—48 стр

свои желанія, и скитающійся умъ установилъ на среднѣхъ, а именно слѣдующимъ образомъ.

Я примѣчалъ, что люди, которымъ правится дѣятельная жизнь, полезны въ обществѣ, но бесполезны себѣ; видѣлъ также, что живущіе внѣ міра почему-то гораздо благоустроеннѣе и безмолвнѣе умомъ взираютъ къ Богу; но они полезны только себѣ, любовь ихъ заключена въ тѣсный кругъ, а жизнь, какую проводятъ, необычайна и сурова. По этому вступилъ я на какой-то средній путь между отрѣшившимися и живущими въ обществѣ, занявъ у однихъ сосредоточенность ума, а у другихъ—стараніе быть полезнымъ для общества (1)“.

Вообще эпическій элементъ поэмы, вводящій въ нее много прекрасныхъ образовъ, картинъ, описаній и живыхъ, вѣрныхъ изображеній характеровъ составляетъ ее выдающееся поэтическое достоинство. Образчиками мѣткого и точнаго очертанія характеровъ и типовъ могутъ служить въ поэмѣ характеристики родителей поэта, друга его, императора Оеодосія и особенно циника Максима. Кромѣ того, въ эпизодическихъ картинахъ поэтъ представляетъ живописное изображеніе современнаго ему состоянія церквей, особенно со стороны возмущавшихъ тогда ересей и дѣяній 2-го вселенскаго собора.

По всему этому рассматриваемое стихотвореніе св. Григорія „О своей жизни“, какъ въ общей полнотѣ или цѣлости, такъ и въ частяхъ, представляется истинно-поэтическимъ произведеніемъ.

Анализируя его какъ именно художественно-литературное произведеніе, мы обозначили его лирической характеръ съ преобладающимъ элегическимъ тономъ, отмѣтили его эпическій элементъ въ описательно-повѣствовательныхъ эпизодахъ, указали отчасти драматическія мѣста его. Въ послѣднемъ отношеніи, именно съ драматическимъ анализомъ, намъ, быть можетъ, слѣдовало бы внимательнѣе и глубже отнестись къ поэмѣ. Авторъ психологъ ея, настолько наблюдательный, чтобы изучить людскіе типы и характеры, обладатель фантазій настолько живой, гибкой и зоркой, чтобы переселяться въ душу и въ отдѣльное положеніе каждаго, настолько сильной памятью, чтобы удерживать въ ней резуль-

(1) Стихи: 277 — 311 ; стр. 680 и д. ; по р. п. 14—15 стр.

таты всѣхъ своихъ наблюдений, — обладавшій, благодаря всѣмъ этимъ совмѣстно качествамъ, даромъ, говоря уму, оживлять воображеніе и трогать сердце, — располагалъ, очевидно, богатыми средствами для драматическаго творчества. Драматическая поэзія развивается, какъ извѣстно, изъ эпоса, но по свосму характеру она совмѣщаетъ въ себѣ существенныя свойства столько же эпической поэзіи, какъ и лирической, будучи *объективно-субъективной*; она есть, такъ сказать, *наглядное* представленіе *внутренней* жизни человѣка, отражающейся во *внѣшнихъ* дѣйствіяхъ. Для того же, чтобы это представленіе произвело впечатлѣніе, жизнь эта должна быть не только глубоко сознаана, но и искренно прочувствована поэтомъ на столько, чтобы возбудить глубокое и искреннее сочувствіе, какъ учитъ Гораций — „если хочешь, чтобы я плакалъ, надо, чтобы ты самъ прежде плакалъ, и тогда твою печаль меня растрогаетъ“. Эти основные элементы драматической поэзіи живыми струями пробиваются въ поэмѣ св. Григорія Назіанзіна, не измѣняя, однакожъ, какъ ни сильны и натуральны онѣ, широкаго, общаго лиро-эпическаго теченія ея, отлагающагося именно въ *историческую поэму*, а не въ драму. Намъ представляется поэтому натяжкой видѣть и доказывать въ этой поэмѣ просто-на-просто драму или трагедію, какъ это дѣлаетъ, касаясь этой поэмы, почтенный авторъ статьи „О стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова“, въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ. Мы соглашаемся съ нашимъ уважаемымъ ученымъ, что самый сюжетъ разсматриваемаго стихотворенія заключаетъ въ себѣ много драматическаго, что „собственная жизнь Григорія, по его представленію, была какъ бы трагическою борьбою первоначально-сердечнаго давняго его желанія съ требованіями друга и духовныхъ его чадъ, а потомъ — пастырской ревности о православіи съ коварствомъ неправославныхъ“. Но сдвали можно уступить, безъ нѣкоторыхъ оградиченій, слѣдующимъ соображеніямъ автора.

„При обычныхъ требованіяхъ отъ трагедій ужасныхъ и потрясающихъ душу коллизій, несчастія Григорія конечно могутъ показаться слишкомъ малыми и неважными для того, чтобы изъ взаимнаго соединенія ихъ можно было составить трагическую картину. Самую скорбь Григорія, которую пропитано его стихотвореніе, ише пожалуй назовутъ слѣдствіемъ излишней чувствительности: Правда, кто привыкъ ува-

жать коллизіи только въ дѣлахъ рыцарской чести или внѣшней привязанности, тотъ здѣсь не пойдетъ для себя ничего сроднаго и даже пожалуй будетъ скучать при чтеніи этого стихотворенія. Но тотъ, кто смиреніе не считаетъ слабостью, кто не рѣшается посвящать себя высокому церковному служенію прежде строгаго предварительнаго самоиспытанія, кто убѣжденъ въ высокой важности іерархическаго сана и кто, наконецъ, ясно представляетъ себѣ высокое значеніе въ дѣлѣ оправданія предъ Богомъ святой и правой вѣры: тотъ легко пойметъ, какъ естественна и справедлива эта глубокая скорбь, которую приписываютъ себѣ св. Григорій Богословъ, при возложеніи на него пастырскихъ обязанностей и при враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ него со стороны неправославныхъ, а слѣдовательно тотъ не можетъ не сострадать ему отъ глубины своего сердца. Давно бы, кажется, пора понять, что тѣ ужасныя коллизіи, въ какихъ поэтическое воображеніе представляетъ намъ напри- мѣръ Макбетовъ, Ричардовъ, Отелловъ, возбуждаютъ въ насъ отвращеніе только къ тяжкимъ и громкимъ преступленіямъ, раскрываемымъ во всей крайности ихъ развитія, но въ то же время дѣлаютъ слишкомъ спусходительными къ ежедневнымъ нашимъ правственнымъ проступкамъ и неблагороднымъ своекорыстнымъ желаніямъ; между тѣмъ кто не знаетъ, что по непремѣнному требованію религіи и эти послѣднія мы не должны считать маловажными и не должны быть къ нимъ равнодушными. Слѣдовательно, поэтическое изображеніе и такой строгой правственной бдительности, по которой страшатся высокихъ степеней общественнаго служенія, какъ самыхъ тяжелыхъ несчастій, глубоко сокрушаются о самыхъ мгновенныхъ внутреннихъ преткновеніяхъ и паденіяхъ, должны имѣть для всѣхъ существенную важность.

Въ драматическихъ произведеніяхъ ищутъ особенно живаго очертанія характеровъ какъ главнаго дѣйствующаго лица, такъ и соприкосновенныхъ къ нему лицъ. Этому требованію какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ стихотвореніе Григорія „о своей жизни“. Передавая свою собственную болѣе духовную внутреннюю жизнь, тѣ скорбныя мысли и чувствованія, какія порождены неожиданнымъ возведеніемъ на высшія церковныя степени, св. Григорій какъ хорошо знакомитъ читателей съ самимъ собой, такъ въ то же вре-

мя сообщаетъ живую, вѣрную характеристику своихъ родителей, друзей и недруговъ.....

Въ частности, постепенное развитіе коварнаго замысла лжеепископа Максима раскрыто совершенно-вѣрно въ отношеніи психологическомъ, а также живо и осязательно и для чувства; здѣсь можно встрѣтить и рѣзкое сатирическое изображеніе лицемѣрія Максима, а вмѣстѣ съ симъ и добродушное снисхожденіе къ его слабостямъ, и воодушевленное негодованіе на безчестное его домогательство архіепископскаго престола. Посему, хотя въ этой характеристикѣ нѣтъ упоминанія ни о трупахъ, ни о крови, ни о кинжалахъ, ни о ядѣ, почти всегдашнихъ атрибутахъ трагедіи, но тѣмъ не менѣе покушеніе—сдѣлать предметомъ своей корысти и честолюбія самое высокое и священное званіе, это покушеніе представлено очень возмутительнымъ и оскорбительнымъ для сердца, проникнутаго должнымъ благоговѣніемъ къ святыпѣ.

Рѣчь, влагасмая поэтомъ въ уста его родителя, при своей краткости поражаетъ особенною естественностію и способностію поэта проникаться чужими мыслями и чувствами. А собственно его молитва на кораблѣ, рѣчь его предъ соборомъ—это потокъ словъ, прямо и искренно льющихся отъ сердца. Самое размышленіе, направленное противъ господствующихъ аріанскихъ мнѣній, и общее сужденіе о заблужденіяхъ другихъ еретиковъ, противъ которыхъ онъ ратовалъ всею силою своей благочестивой ревности и благопокорнаго терпѣнія, и это сужденіе, при всей отвлеченности нѣкоторыхъ мыслей, также пригодно и умѣстно, какъ напр. разсужденія англійскихъ правителей о политическомъ состояніи европейскихъ государствъ и о современныхъ войнахъ въ историческихъ драмахъ Шекспира (1)“.

Объ одной упоминаемой здѣсь, и, въ самомъ дѣлѣ, очень характерной сторонѣ поэмы Григорія „О жизни своей“, какъ и стихотворенія „О себѣ самомъ и о епископахъ“, именно ихъ сатирическомъ элементѣ, мы умалчиваемъ здѣсь затѣмъ, чтобы сказать объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Смѣшанному поэтическому характеру этой поэмы вполне соответствуетъ ея стихотворная форма: поэма написана

(1) Труд. К. Д. А. за 1863 г. т. I, стр. 425—428.

гибкимъ, живымъ, энергичнымъ размѣромъ ямбическаго триметра.

Стихотворенія: „Къ Константинопольскимъ іереемъ и къ самому городу“ (№ 10), „О себѣ самомъ и на завистниковъ“ (№ 14), „На возвращеніе свое изъ Константинополя“ (№ 15), „О себѣ самомъ“ (№ 30), въ которыхъ св. Григорій также выражаетъ жалобы на своихъ враговъ и завистниковъ, не безынтересны, быть можетъ, въ историческомъ отношеніи, но поэтическихъ достоинствъ не имѣютъ. Какъ произведенія поэтическія они не выдерживаютъ сравненія не только съ разсмотрѣнной нами поэмой „О жизни своей“, но и съ „Стихотвореніемъ, въ которомъ св. Григорій скрытымъ образомъ поощряетъ и насъ къ жизни во Христѣ“. Это стихотвореніе (№ 1) и при своей нѣсколько излишней пространности, при нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ противъ единства основной идеи пьесы и опредѣленности плана, все же достойно имени своего автора, какъ поэта. „Истинная поэтическая образность, повсюду замѣтная въ этомъ стихотвореніи“—справедливо замѣчаетъ о немъ вышецитованный авторъ—„можно сказать, есть лучшее нагляднѣйшее доказательство того, какъ поэтическіе образы при собственной своей живости гораздо болѣе говорятъ за скрытно-изображаемую идею, гораздо болѣе удовлетворяютъ эстетическому чувству, чѣмъ точное и прямое обозначеніе идеи, какъ будто какой-нибудь темы въ ораторскихъ произведеніяхъ (1)“.

Общее содержаніе этого стихотворенія, проникнутаго скорбно-меланхолическимъ тономъ элегіи, сходно съ содержаніемъ вышепомѣванныхъ историческихъ стихотвореній—плачь и жалобы автора на свои многоразличныя бѣдствія и страданія, преимущественно, отъ враговъ, которые сравниваются св. отцомъ, то со звѣрями, то со свирѣпою волною моря, то съ плачевною бранію, то со стремленіемъ палящаго огня (2)“. Но есть много частныхъ, которыя проливаютъ большой свѣтъ на уясненіе нравственнаго существа поэта, на направленіе и характеръ истинныхъ склонностей души и сердца его, на его дорогія, нѣжно воспоминаемыя привязанности, его глубоко-задушевные идеалы.

(1) Ibid. стр. 422.

(2) Стихи: 21—22, стр. 631; по р. ц. IV т. стр. 279.

„Меня не связало супружество—этотъ потокъ жизни, эти узы тягчайшія изъ всѣхъ, какія налагаютъ на людей вещество, какъ начало трудовъ. Меня не плѣнили прекрасныя волны шелковыхъ одеждъ; не любилъ я продолжительныхъ трапезъ, не любилъ пресыщать прожорливое чрево—эту погребельную мать плотоугодія; не любилъ я жить въ огромныхъ и великолѣпныхъ домахъ; не расслаблялъ я сердца музыкальными звуками, нѣжно потрясающими слухъ; меня не упоевало нѣгою роскошное испареніе благовонныхъ мазей. И серебро, и золото предоставлялъ я другимъ, которые, сидя надъ несмѣтнымъ богатствомъ, любятъ предаваться заботамъ, и не много находятъ для себя услажденія, но много труда.... Мое лучшее богатство—Христосъ. Который непрестанно возноситъ умъ мой горѣ, а не поля засѣянная пшеницею, не прекрасныя рощи, не стада воловъ или тучныхъ овецъ, не дорогіе служители.... Никогда не обольщало меня желаніе судейскаго мѣста, на которомъ засѣдая величаво, могъ бы я высоко поднять вверхъ брови; не важно для меня имѣть могущество въ городахъ или между гражданами, — увеселяться самыми живыми и личтожными грезами, которыя какъ приходятъ одна за другою, такъ и улетаютъ, или хватать руками мимотекущій потокъ, какъ нѣчто твердое ловить тѣнь и сжимать ее руками, простирать длани къ туману и осязать его. . . . Одна слава была для меня пріятна—отличаться познаніями, какія со брали Востокъ и Западъ и краса Эллады—Аѳины; надъ симъ я трудился много и долгое время. Но всѣ эти познанія, повергнувъ долу, положилъ я къ стонамъ Христовымъ, чтобы они уступили Слову великаго Бога. . . .

Мнѣ надлежало бы прежде всего укрыть плоть свою въ пропастяхъ, горахъ и утесахъ; тамъ, бѣгая отъ всего, отъ самой сей жизни, отъ всѣхъ житейскихъ и плотскихъ заботъ, живя одинъ вдали отъ людей, носить бы я въ сердце всецѣлаго Христа, къ единому Богу вознося чистый умъ, пока не облегчила бы меня смерть, наступивъ вмѣстѣ съ исполненіемъ надеждъ. Такъ надлежало бы! Но меня удержала любовь къ милымъ родителямъ; она, какъ грузъ, влекла меня къ землѣ; даже не столько любовь, сколько жалость—эта пріятнѣйшая изъ всѣхъ страстей, пропикающая всю внутренность и всѣ составы костей, жалость къ богоподобной сѣдинѣ, жалость къ скорби, жалость къ безчадію

жалость къ заботливости о сынѣ, съ какою, непрестанно предаваясь сладостнымъ трудамъ, трепещуть за него, какъ за глазъ своей жизни (1)“.

Эти слова напечатлѣваютъ въ душѣ читателя высокой образецъ монаха по убѣжденію, по вмѣстѣ съ тѣмъ и чело-вѣка съ сердцемъ. Читая и вчитываясь въ вышеприведенныя слова, раздѣльно и въ согласіи съ другими параллельными мѣстами того же стихотворенія и другихъ произведеній его вѣришь въ искренность его призваній, понимаешь и чувствуешь его энтузіазмъ.

Свои страданія св. Григорій Богословъ считаетъ до такой степени сильными, бремя креста своего столь тяжелымъ, что понять эти страданія, по его мнѣнію, способенъ только тотъ, кто самъ испыталъ подобное, „кто оцущалъ одинаковую съ нимъ любовь, одинаковое страданіе и подобную скорбь (2)“ . Къ тому только онъ и обращается въ поэмѣ съ довѣріемъ къ своимъ душевнымъ страданіямъ, „какъ уязвленный зубами ехидны только тому охотно пересказывать объ этомъ, въ кого безжалостная ехидна съ своимъ палящимъ ядомъ влила ту же пагубу; потому что такой только человѣкъ знаетъ нестерпимость боли (3)“.

Вообще это стихотвореніе можетъ служить превосходнымъ источникомъ внутренне біографическихъ данныхъ для характеристики св. поэта. И въ этомъ отношеніи оно составляетъ необходимое дополненіе къ поэмѣ его „О жизни своей“, занимающейся изложеніемъ больше внѣшнихъ обстоятельствъ жизни поэта. Но съ этой поэмой оно, при разности своего стихотворнаго, гекзаметрическаго размѣра, имѣетъ много общаго въ художественномъ отношеніи,— по образительности языка, исполненнаго метафоръ, аллегорій и сравненій, изяществу картинъ, силѣ и искренности одушевленія, достигающаго мѣстами высокаго лиризма, напоминающаго возвышенный тонъ псалмовъ Давида: „Кто дастъ главѣ моей или вѣждямъ текущій источникъ, чтобы потоками слезъ очистить мнѣ всякую скверну, сколько должно

(1) Стихи: 63—100; 261—274; стр. 645; по р. и. т. VI, стр. 280—281; 288.

(2) Стихи: 240—241; стр. 645; по р. и. стр. 287.

(3) Ibidem.

оплакавъ грѣхи? . . . Пусть всякій, взирая на меня, приходитъ въ трепеть, приобретаетъ новыя силы бѣжать отъ черной Египетской земли и горькихъ тамошнихъ дѣлъ и царя Фараона, шествуетъ же въ божественное отечество! Пусть не останется опъ плѣбникомъ на бесплодныхъ равнинахъ Вавилона сидѣть на берегахъ рѣки, отложивъ въ сторону всѣ плѣсенные органы и заливаясь слезами, по спѣшить въ предѣлы святой земли, избѣжавъ Ассирійскаго рабскаго ига, которое обременяло его доселѣ, и положить своими руками основаніе великаго храма! Съ тѣхъ поръ какъ и злосчастный оставилъ эту священную землю, не прекращалось во мнѣ желаніе возвратиться туда; мучительное страданіе повергло меня въ старость, потуплены въ землю мои глаза, скорбь растетъ въ сердцѣ, стыжусь смертныхъ и безсмернаго Царя; такова моя одежда, и таково мое сердце, что не смѣю ни возвести взоровъ, ни отверзть усть⁽¹⁾. . . .

Самое вступленіе въ поэму, состоящее изъ молитвеннаго воззванія къ Господу Спасителю, представляетъ замѣчательный образецъ вдохновенной поэзіи.

Отдѣльныя эпизодическія изображенія и сравненія, особенно замѣчательныя поэтомъ изъ вѣшней природы, поражаютъ красками жизни и дѣйствительности. Укажемъ хоть на образное сравненіе поэтомъ пагубныхъ нападеній врага на душу его съ разрушительнымъ дѣйствіемъ стремительнаго потока на величественное дерево. „Такъ на берегахъ осенней рѣки гордящуюся сосну или вѣчнозеленый чинаръ, подрывшись подъ корни, погубилъ сосѣдній ручей. Сначала поколебалъ онъ всѣ опоры, и на стремниплѣ поставилъ высокое дерево, а потомъ поклонилъ къ рѣкѣ держащееся еще на топкихъ корняхъ, и сорвавъ съ стремнины, бросилъ въ средину водоворота, повлекъ съ великимъ шумомъ и отдалъ камнямъ, гдѣ бьетъ непрестанно дождь, и вотъ отъ сырости согнившій, ничею не стоящій пенъ лежитъ у береговъ. И на мою душу, цвѣтущую для Христа Царя, попалъ жадный, неукротимый врагъ, низложилъ ее на землю, и большую часть погубилъ; а то не многое, что осталось еще, блуждаетъ тамъ и здѣсь⁽²⁾“.

(1) Стихи: 346—364; по р. н. 291 стр.

(2) Стихи: 529—542; по р. и. 298 стр.

Касаясь и въ этомъ стихотвореніи случая съ нимъ при отпращиваніи изъ Фаросской земли въ Ахаію, поэтъ дополняетъ картину шторма и своего положенія въ данный моментъ слѣдующими чертами:

Двадцать дней и ночей лежалъ я на кормѣ корабельной, призывая въ молитвахъ царюющаго въ горнихъ Бога; пѣнистая волна, подобная горамъ и утесамъ, то съ той, то съ другой стороны ударяла въ корабль и не рѣдко низвергалась въ него; отъ порывистаго вѣтра, свистящаго въ канатахъ, потрясались всѣ паруса; зѣврь въ облакахъ почернѣлъ, озарялся молніями и повсюду колебался отъ сильныхъ ударовъ грома. Тогда предалъ я себя Богу, и избавился отъ врага моря, усмиреннаго святыми обѣтами⁽¹⁾“.

Къ одному же типу съ перечисленными историческими поэмами принадлежитъ прелестнѣйшее поэтическое произведеніе подъ заглавіемъ: „Сонъ о храмѣ Анастасіи“. По внѣшнему объему своему это стихотвореніе гораздо меньше каждой изъ поэмъ его о жизни своей (оно состоитъ всего изъ 104 стиховъ, или 52 элегическихъ двустипій); но въ эстетическо-литературномъ отношеніи оно несравненно выше всѣхъ историческихъ поэмъ, да и вообще изъ всего собранія стихотвореній св. Григорія Назіанзина не много найдется поэтическихъ произведеній, достойныхъ занять мѣсто рядомъ съ этимъ стихотвореніемъ. Поэтъ беретъ въ немъ лишь одинъ, но самый важный и дорогой моментъ изъ Константинопольской жизни своей — свои отношенія къ храму Анастасіи — предмету самыхъ пѣжныхъ и ревностныхъ заботъ его, самой глубокой, пламенно-восторженной любви его. Какъ плодъ этой искренней, трогательной любви, какъ невольное, естественное изліяніе однихъ чистыхъ ощущеній и чувствованій, свободныхъ отъ всякихъ стороннихъ импульсовъ, это прекрасное стихотвореніе, одно и само по себѣ, можетъ составить главу изъ исторіи сердца св. Отца. А какъ художественно-сконцентрированное, такъ сказать *resumé* самаго блестящаго періода въ исторіи пастырско-учительной дѣятельности св. Григорія, оно въ высшей степени любопытно и поучительно для всякаго интересующагося церковною проповѣдію въ первые вѣка христіанства. . . . .

---

(1) Стихи: 312—321; по р. п. 290 стр.

Преобладающимъ мотивомъ этого стихотворенія служитъ тотъ же скорбно-элегическій тонъ, который характеризуетъ и прочія историческія поэмы. Но значительная примѣсь въ этихъ послѣднихъ сатирическаго элемента отгѣняетъ ихъ тономъ раздраженія, негодованія, сказывающагося по мѣстамъ въ несовсѣмъ сдержанныхъ выраженіяхъ и производящаго болѣе или менѣе рѣзкіе диссонансы. Здѣсь же, въ этомъ превосходномъ стихотвореніи, поэтъ переливаетъ въ сердце читателя свою задумевную скорбь, въ разлукѣ съ своею любимою паствою и особенно дорогимъ для него храмомъ св. Анастасіи, въ звукахъ тихой, спокойной, трогательно-пѣжной элегической лиры. . . По содержанію стихотвореніе это можно раздѣлить на двѣ части. Въ первой (1—62 ст.), подъ видомъ сповидѣнія объ Анастасіи, и днемъ и ночью занимавшей мысли и чувства св. Григорія и на родилѣ его, онъ съ одушевленною живописностью воспроизводитъ одинъ изъ счастливейшихъ моментовъ проповѣданія имъ въ этомъ незабвенномъ храмѣ слова Божія. . .

„Сладкимъ покоился я сномъ, и почпое видѣніе представило мнѣ Анастасію, къ которой въ продолженіе дня неслись мои мысли. . . . Мнѣ представлялось, что сижу на высокомъ престолѣ. . . . По обѣ стороны ниже меня сидѣли старцы (пресвитеры), вожди стада, отличающіеся возрастомъ. Въ пресвѣтлыхъ одеждахъ предстояли служители (діаконы), какъ образы ангельской свѣтозарности. Изъ народа же, одни, какъ пчелы, жались къ рѣшеткѣ, и каждый усиливался подойти ближе; другіе тѣнились въ священныхъ преддверіяхъ, равно посиѣшая и слухомъ и ногами; а иныхъ препровождали еще къ слышанію словъ моихъ пестрыя торжища и звучація подъ ногами улицы. Чистыя дѣвы, вмѣстѣ съ благонравными женами, съ высокихъ крышъ преклопали благочинный слухъ (1)“.

Такова обстановка сладкаго сповидѣнія. Въ массѣ слушателей великаго проповѣдника Анастасіи безразлично смѣшались и христіане и язычники, и православные и еретики. И съ какимъ вниманіемъ слушала оратора эта многотысячная и разновѣрная масса! Съ какою жаждою ловила она каждое слово его и съ какими порывами энтузіазма, „какъ

(1) Стихи: 1—20; по р. п. IV т. 329—330 стр.

волны моря, воздвигаемыя вѣтрами“ (36 ст.), выражала она свои впечатлѣнія! Могучее животворное дѣйствіе пламенной христіанской рѣчи оратора чувствовали на себѣ и язычники; его слово побѣждало ихъ гордое прекословіе, его убѣжденіе съ успѣхомъ торжествовало надъ ихъ предубѣжденіемъ. Отрадпо было и ему видѣть, какъ подъ обаятельнымъ неотразимымъ впечатлѣніемъ его „*πνεύματος αἰδομένου οὐδμάτων*“ (1) толпа его слушателей постепенно росла въ массу вѣрующихъ; дикая, невоздѣланная почва мало-по-малу обрала въ обильную пажить. Пріятно было видѣть ему, какъ его „*εὐεπίη*“ усаждала всѣхъ, и краспорѣчивыхъ и свѣдущихъ въ священномъ словѣ благочестія, и пашихъ, и пришлыхъ, и даже тѣхъ, которые весьма далеки отъ нашего двора, будучи жалкими читателями безсильныхъ идоловъ. Какъ теплыми лучами очерненная виноградина не совсѣмъ уже не зрѣла, но начпааетъ по немногу умягчаться, и не совсѣмъ зрѣла, но отчасти черпа, отчасти румяна, по мѣстамъ уже зардѣлась, а по мѣстамъ наполнена кислымъ сокомъ: такъ и они различались зрѣlostію поврежденія, и я восхищался уже необходимостію обширнѣйшихъ точиль.

Таково было мое видѣніе; но голосъ пѣтуховъ похитилъ у меня съ вѣждой сонъ, а съ нимъ—и Анастасію. Нѣсколько времени носился еще предо мною призракъ призрака, но и тотъ, постепенно блѣднѣя, скрывался въ сердцѣ; оставались же при мнѣ одна скорбь и бездѣйственная старость. О тебѣ скорблю, моя Тронца! о васъ сокрушаюсь, дѣти мои! Что ты сдѣлала со мною, зависть (2)“?

Трогательныя выраженія этой непритворной скорби, этихъ сокрушеній св. Григорія о разлукѣ его съ своею любимою паствою и столь близкимъ его сердцу храмомъ св. Анастасіи составляютъ вторую часть стихотворенія (63—104 ст.).

„Много, правда, потерялъ я напастей на морѣ и на сушѣ отъ враговъ и отъ друзей, отъ пастырей и отъ волковъ, отъ мучительной болѣзни и отъ старости, которая дѣлаетъ меня согбеннымъ; но никогда прежде этого не по-

(1) «Потоковъ пламенѣющаго духа»; стихъ 31.

(2) Стихи: 37—53; по р. п. 330—334 стр.

стигала меня такая скорбь. Не плакалъ такъ о великомъ храмѣ порабощенный Ассиріянами народъ, когда ведень былъ далеко отъ отечества; не плакали такъ Израильтяне о Кивотѣ, который взятъ былъ иноплеменниками; не рыдалъ такъ и прежде нихъ Иаковъ о похищеніи любимаго сына; не сокрушается такъ и косматый левъ объ убитыхъ лопцами дѣтицахъ, и пастухъ о потерянномъ стадѣ, и птица о невольномъ покинутомъ гнѣздѣ на гостепріимномъ деревѣ, и полищъ объ оставляемомъ имъ ложѣ; какъ я донынѣ сѣтую о повоустроенномъ храмѣ, объ этомъ плодѣ моихъ трудовъ, которымъ пользуется другой⁽¹⁾“.

Дальше, подъ наплывомъ ощущеній растроганной души языкъ поэта достигаетъ высшей силы энергіи и патетизма, сообщающаго стихотворенію глубоко трогательный тонъ вопля плѣнныхъ евреевъ въ тоскѣ по своему дорогому Сіонѣ.

„Если когда-нибудь сердце мое забудетъ о тебѣ, Анастасія, или языкъ мой произнесетъ что-нибудь прежде твоего имени; то да забудетъ меня Христосъ! Какъ часто, и безъ великихъ жертвъ и безъ трапезы, очищаль я людей, собранныхъ у Анастасіи, самъ пребывая вдали, внутрь сердца создавъ невещественный храмъ и возліявъ слезы на божественныя видѣнія! Никогда не забуду, если бы и захотѣлъ, не могу забыть вашей любви, дѣвственники, пѣнопѣвцы, лики своихъ и пришлыхъ, восхищающіе попеременно пѣніемъ, вдовицы, сироты, не имѣющіе пристанища, немощные, взирающіе на мои руки, какъ на руки Божіи, и сладостныя обители, пренитывающія въ себѣ старость⁽²⁾“!

Прекрасный размѣръ этого стихотворенія элегическимъ двустопіемъ какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ характеру поэмы, отличающейся такою задумчивостію тона, такою силою и искренностью чувства, такою чарующею нѣжностью души автора ея.

(1) Стихи: 63—76; по р. п. 331—332.

(2) Стихи: 77—88; по р. п. стр. 332.

3) Дидактическія поэмы.

Если не самый многочисленный, то самый объемистый классъ стихотвореній, по количеству стиховъ захватывающей болѣе трети всего числа стиховъ въ поэтическихъ произведеніяхъ Св. Григорія (именно, 6600 стиховъ изъ всѣхъ 17,531, не считая трагедій) составляютъ у него стихотворенія, прототипомъ которыхъ, въ древне-греческой поэзіи, могли служить поэту дидактическія поэмы Гезіода. Сюда мы относимъ слѣдующія стихотворенія: изъ I кн. I отд. подъ №№: 1—16, 18—28; изъ I кн. II отд.: 1—7, 9—11, 20—24, 35—40; изъ II кн. II отд.: 1—7. Стихотворенія эти, весьма разнообразныя по предметамъ содержанія своего, по формѣ изложенія, по характеру и литературнымъ достоинствамъ, можно разсматривать какъ особый, сравнительно совершеннѣйшій видъ гномической, рефлексивной поэзіи. Съ этой послѣдней дидактическія поэмы св. Григорія Богослова тѣсно граничатъ своею, такъ сказать, мозанчностью, своимъ словичнымъ характеромъ и своими нравственно-практическими или прагматическими цѣлями назиданія. Но между стихотвореніями гномическими и стихотвореніями разсматриваемаго отдѣла есть и большія различія. Между тѣмъ какъ въ гномическихъ стихотвореніяхъ, какъ видѣли мы— что ни стихъ или строфа, — то отдѣльная мысль, особое наставленіе, часто, кромѣ метрической связи, не имѣющее никакого внутренняго отношенія къ своему предыдущему стиху, — каждая изъ дидактическихъ поэмъ, въ общемъ, проникнута, до известной степени, одной какой-либо идеей, отличается, въ большей или меньшей мѣрѣ, сложностью композиціи, при чемъ лучшимъ стихотвореніямъ поэтъ сообщаетъ занимательность посредствомъ различныхъ

эпизодовъ, поэтическихъ отступленій, живописныхъ описаній и т. под. При той свободѣ, съ какой поэтъ пользуется всеми средствами языка для украшенія своихъ поэтическихъ произведеній, онъ и въ изложеніи этихъ стихотвореній допускаетъ безразлично все формы: монологическую, діалогическую и эпистолярную. Въ художественно-литературномъ отношеніи стихотворенія этого отдѣла не все одинаковаго достоинства. Это замѣчаніе относится къ дидактическимъ поэмамъ св. Григорія гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ ко всемі прочимъ разрядамъ его стихотвореній.

Многія стихотворенія изъ отдѣла дидактическихъ мотивировались причинами, можно сказать, сторонними въ отношеніи къ поэзіи. Впрочемъ, по своему времени, по требованіямъ современности поэта они могли имѣть и, надо полагать, имѣли свой *raison d'être*, свое значеніе и свой интересъ, вовсе не чуждый живаго, сердечнаго, до извѣстной степени поэтическаго элемента. Мы не станемъ останавливаться съ разборомъ, хотя бы и краткимъ, на каждомъ изъ стихотвореній подлежащаго отдѣла. Наша задача—имѣть дѣло только съ поэтическими произведеніями св. Григорія. А такихъ и въ настоящемъ дидактическомъ отдѣлѣ такъ много и настолько хорошихъ, что уже ихъ только однихъ было бы, кажется, достаточно для того, чтобы упрочить мѣсто и значеніе св. отца въ ряду классическихъ поэтовъ греческой литературы.

Анализъ дидактическихъ поэмъ.

Съ внутренней стороны—по роду и характеру предметовъ содержанія все дидактическія поэмы Григорія Богослова можно подвести подъ два общіе отдѣла: 1) стихотворенія богословскія и 2) стихотворенія моральныя. Первый изъ этихъ отдѣловъ самъ-собою распадается, въ свою очередь, на двѣ части; α) на стихотворенія догматическія и β) стихотворенія церковно-историческія.

Догматическую часть составляютъ собственно слѣдующія девять стихотвореній: „Объ Отцѣ“, „О Сынѣ“, „О св. Духѣ“, „О мірѣ“; два стихотворенія „О Провидѣніи“, ⁽¹⁾ „Объ

(1) У Биллія группа догматическихъ стихотвореній, надписывающихся общимъ именемъ *τὰ ἀπόρρητα* (стихотворенія та-

умныхъ субстанціяхъ“ и „О душѣ“. Къ этой же группѣ догматическихъ поэмъ слѣдуетъ отнести еще два стихотворенія „О вочеловѣченіи“ (противъ Аполлинарія) и апологетическое стихотвореніе „къ Немезію“.

Въ своихъ догматическихъ стихотвореніяхъ св. отецъ сжато, сильно и съ большимъ одушевленіемъ излагаетъ чистое христіанское ученіе объ Отцѣ, о Сынѣ, о св. Духѣ, ученіе о мірѣ, о провидѣніи, о добрыхъ и злыхъ ангелахъ и наконецъ—о душѣ человѣческой. Первое изъ этихъ стихотвореній составляетъ родъ величественнаго введенія по отношенію къ слѣдующему ряду догматическихъ поэмъ. Приступая къ „тайнственнымъ и недоступнымъ даже для небесныхъ силъ“ предметамъ „тайнственныхъ иъспокѣній“, поэтъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, на непрочной ладѣ пускающимся въ дальнее плаваніе,—или съ птицей, на малыхъ крыльяхъ уносящейся къ звѣздному небу. Но онъ находитъ для себя достаточно ободренія и утѣшенія въ мысли, что „Божеству часто бываетъ пріятенъ даръ не столько полной, сколько угодной Ему, хотя и скудной руки“. Въ общемъ, какъ и въ деталяхъ своихъ, своимъ содержаніемъ и тономъ, какъ и своимъ объемомъ и расположеніемъ частей къ цѣлому это первое стихотвореніе наводитъ на мысль, что въ подлинномъ текстѣ „тайнственныя иъспокѣнія“ поэта не были разрозненными между собою, отдѣльными пьесами, каждая съ своимъ особымъ счетомъ и самостоятельнымъ значеніемъ, а составляли одно общее связанное цѣлое, одну сложную поэтическую композицію, къ которой это начальное стихотвореніе служило вступленіемъ (интродукціей), а заглавія отдѣльныхъ стихотвореній могли служить только названіями отдѣльныхъ главъ одной поэмы. Къ этой мысли дастъ поводъ склоняться и то обстоятельство, что самое заглавіе

инственныя), состоитъ не изъ девяти, а изъ восьми стихотвореній. Изъ двухъ догматическихъ стихотвореній подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ: «О Провидѣніи», Биллій помѣщаетъ здѣсь только одно (по Бенедиктинскому изданію подъ № V, Lib. I s. I), а другое (по Бенедикт. изд. слѣдующее за нимъ, подъ № VI), онъ неосновательно причисляетъ къ смѣшанному отдѣлу стихотвореній, ни по содержанію, ни по характеру своему не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго.

начальнаго стихотворенія, какъ въ различныхъ кодексахъ, такъ и у разныхъ издателей не одинаково. По однимъ кодексамъ и сдѣланнымъ по нимъ изданіямъ стихотвореніе это надписывается: „*Περὶ τοῦ Πατρὸς*“; по другимъ и очень многимъ— „*Τοῦ αὐτοῦ*“. По Ватиканской же, напимѣрь, рукописи стихотвореніе это озаглавивается: „*Περὶ ἀρχῶν, ἣτοι περὶ Τριάδος*“. Биллій, по которому, какъ сказано уже, сдѣлано и русское изданіе, беретъ изъ послѣдней формулы только одну первую половину. Надписаніе „*Περὶ τοῦ Πατρὸς*“, раздѣляемое, между прочимъ, и цитуемымъ нами Бенедиктинскимъ изданіемъ, дѣйствительно, мало отвѣчаетъ содержанію стихотворенія. Объ Отцѣ въ стихотвореніи говорится не больше, чѣмъ сколько о Сынѣ, какъ равно и о Св. Духѣ; а о всѣхъ трехъ лицахъ вмѣстѣ (т. е. по заглавію: „*Περὶ ἀρχῶν, ἣτοι περὶ Τριάδος*“) — меньше, чѣмъ на половину всего стихотворенія. Несоразмѣрность — довольно рѣзко бросающаяся въ глаза, если не объяснять ее тѣмъ соображеніемъ, что всѣ догматическія стихотворенія въ подлинникѣ составляли одно поэтическое цѣлое, къ которому начальное служило какъ бы общимъ введеніемъ. Съ точки зрѣнія этого соображенія получаютъ свое полное освѣщеніе и слѣдующія возвышенныя слова изъ начальнаго стихотворенія: „А я положу на страницы предисловіемъ какъ бы тоже, что древніе богомудрые мужи — Моисей и Исаія, когда одинъ давалъ новописанный законъ, а другой напоминалъ о законѣ нарушенномъ. *Вонми небо и да слышитъ земля глаголы мои.* (Второз. 32, I, Ис. I, 2)! Духъ Божій! Ты возбуди во мнѣ умъ и языкъ, содѣлай ихъ громозвучною трубою истины, чтобы усладились всѣ, прилѣпившіеся сердцемъ ко всецѣлому Божеству (1)“!

Поэтическую цѣнность и значеніе изъ всей группы догматическихъ стихотвореній, строго говоря, имѣютъ только слѣдующія пять стихотвореній: первыя три — „Объ Отцѣ“, „Сынѣ“ и „Св. Духѣ“, седьмое — „Объ умныхъ субстанціяхъ“ и восьмое — „О душѣ“. Стихотворенія эти служатъ достойнымъ имени автора памятникомъ живѣйшаго участія его въ дѣлахъ вѣры, какое принималъ онъ не только какъ глу-

(1) Lib. I. отд. I стихотв. 1. ст. 17—24, стр. 207—209; по р. п. т. IV стр. 215—216.

боко-ученый епископъ, но и какъ призванный свыше поэтъ-пророкъ, не только—по долгу пастыря церкви, но и по внутреннему влеченію своего пламеннаго поэтическаго сердца, горячо вѣровавшаго во св. Троицу. Стихотворенія эти являются вполнѣ естественнымъ плодомъ глубокаго сочувствія и интереса поэта къ догматическимъ вопросамъ, волновавшимъ современное ему общество сверху до низу, и потому естественно получили они подъ перомъ христіанскаго поэта истинно поэтическое выраженіе. Сила чувства, преобладающая надъ спокойнымъ размышленіемъ, обращенія къ самому себѣ, къ своему сердцу, живость и по мѣстамъ драматизмъ изображеній, ярко отличаютъ эти богословскія стихотворенія отъ богословскихъ проповѣдей того же автора, хотя предметомъ тѣхъ и другихъ служатъ одни и тѣже отвлеченно-догматическіе вопросы. При сличеніи „таинственныхъ пѣснопѣній“ Григорія съ пятью „словами о богословіи“ его оказывается разница настолько же въ самыхъ произведеніяхъ, насколько и въ психическихъ средствахъ, имѣвшихся въ распоряженіи автора въ томъ и другомъ случаѣ. Въ догматическихъ проповѣдяхъ его читателя поражаетъ гибкій и пронизательный умъ; въ догматическихъ стихотвореніяхъ насъ трогаетъ своею непосредственностію и теплотою глубокая душа; тамъ царство богословской мысли подѣлено между неумолимой логикой и ея неизмѣнной спутницей—діалектикой; здѣсь въ области тайнъ вѣры простая истина является обрѣнку съ своей родной сестрой—красотой. Проповѣди служатъ типическимъ произведеніемъ чисто греческаго, національнаго ума, призваніемъ котораго всегда было: разложить идеи на составныя ихъ части, отмѣтить ихъ взаимную связь, поставить какъ можно эффектиче тезисы въ параллель съ антитезисами, образовать изъ тѣхъ и другихъ цѣпь такимъ образомъ, чтобы въ ней не было пропущено ни одного звена и вся она примыкала къ какой-нибудь безспорной аксіомѣ или группѣ частныхъ положеній, находить наслажденіе въ выковываніи, связываніи, соединеніи и такомъ искусномъ примѣненіи, въ спорѣ или апологіи, каждой изъ этихъ цѣпей, чтобы съ помощію ея довести своего противника, по возможности, *ad absurdum* и тутъ же посмѣяться надъ нимъ. Стихотворенія догматическія являются плодомъ сознанія, прошедшаго чрезъ горнило любвеобильнаго, согрѣтаго чувствомъ сердца,—являются, слѣдовательно, изъ источника, родствен-

наго и понятнаго всѣмъ людямъ вообще, а благочестивымъ христіанамъ въ особенности. Проникнутый благоговѣйнымъ чувствомъ, поэтъ старается здѣсь не доказывать, а показывать Божество“ (*„ἀναφαίνειν Θεότητά“*), какъ выражается онъ въ началѣ перваго стихотворенія; разсудочные доводы и логическія формы мышленія здѣсь замѣняются конкретными образами и формами метафорическими; и благодаря этимъ сколько живымъ и выразительнымъ, столько же общедоступнымъ и общезанимательнымъ аналогическимъ объясненіямъ и формамъ изложенія, высочайшія догматическія истины легко воспринимаются чувственнымъ представленіемъ, скоро переходятъ въ сердечное убѣжденіе и здѣсь обращаются въ животворную силу. Впрочемъ, различіе въ тонѣ, характерѣ и стилѣ догматическихъ проповѣдей отъ догматическихъ стихотвореній св. Григорія Богослова обуславливалось до известной степени различіемъ самыхъ задачъ и цѣлей тѣхъ и другихъ. Догматическія проповѣди св. отца направлены прямо противъ еретиковъ; ораторъ съ перваго же слова говоритъ тамъ, что „слово его—къ хитрымъ въ словѣ, къ людямъ, у которыхъ чешутся и слухъ, и языкъ и, какъ видитъ онъ, даже руки“, и потому тамъ онъ прямо, съ оружіемъ діалектики въ рукахъ, начинаетъ грозными словами пророка „се азъ на тя, горде“ (Иер. 50, 31). Здѣсь же, въ своихъ таинственныхъ пѣснопѣніяхъ, онъ въ самомъ предисловіи уже объявляетъ, что „слово его къ очищеннымъ (*καθαροῖσιν*), или къ трудящимся надъ очищеніемъ. А кто злочестивъ—бѣги прочь!“ Тамъ проповѣдникъ ставитъ себѣ цѣлью, если не убѣдить своихъ враговъ, то, по крайней мѣрѣ, доказать имъ, что не всякій и не всегда можетъ и долженъ богословствовать, разсуждать о высокихъ догматахъ вѣры. Здѣсь же христіанскій поэтъ ставитъ цѣлью своихъ пѣснопѣній, просто, „чтобы усладились всѣ, прилѣбнвшіеся сердцемъ къ всецѣлому Божеству“. Самыя стихотворенія эти относятся къ догматическимъ проповѣдямъ какъ сжатые выводы къ сложнымъ логическимъ приемамъ доказательствъ, не совсемъ лишеннымъ характера софистическаго краснорѣчія,—какъ положительныя, ясныя и плодотворныя истины къ частнымъ проблематическимъ положеніямъ, отрицаніямъ и противоположеніямъ, какъ синтезъ къ анализу. Такъ что своими догматическими стихотвореніями поэтъ вполне оправдываетъ свои слова, сказанныя имъ въ стихотвореніи „Къ Немезію“:

„у меня обычай—говорить кратко, въ немногіе стихи заключая обширное слово (¹)“. Въ этихъ стихотвореніяхъ, чуждыхъ отвлеченности и научнаго логическаго или систематическаго порядка въ изложеніи мыслей,—разумѣмъ именно лучшія пять вышепоименованныя нами стихотворенія,—св. отецъ тѣмъ болѣе является поэтомъ, чѣмъ менѣе стремится къ этой цѣли. Стихотворенія эти полны внутренней жизни уже въ силу полноты искренности собственнаго убѣжденія и одушевленія поэта; они дышатъ тѣмъ простосердечіемъ, которое невольно дѣйствуетъ на наше сердце, и такъ же много заключаетъ въ себѣ поэзіи, какъ наставительныя бесѣды пламенной отеческой любви или задушевные совѣты вѣрнаго и любимаго друга. Что касается собственно до художественности изображеній, то этимъ отличается въ особенности стихотвореніе „Объ умныхъ субстанціяхъ“—произведеніе, не лишенное „аттическаго вкуса“, т. е., пониманія отѣпковъ, легкой граціи, неувимой ироніи, простоты стили, изящества сравненій. И близость ангеловъ, по природѣ своей, къ высочайшему Свѣту, и отношеніе ихъ къ людямъ, міру и человѣку, и паденіе „самаго перваго свѣтопосца“, который „хотя и легокъ по природѣ, однакожь низринулъ до самой преисподней, и захотѣвъ быть Богомъ, весь сталъ тмою“, и наконецъ зло, привнесенное въ міръ отпадшими ангелами, при поэтическомъ воззрѣніи, нашли для себя весьма соотвѣтственныя картины въ видимой природѣ. Поэтическая образность объясненія взаимоотношенія разумныхъ существъ основана въ стихотвореніи на сравненіяхъ Бога съ солнцемъ, ангеловъ съ эфиромъ, людей съ воздухомъ. „Какъ солнечный лучъ изъ безоблачнаго неба, встрѣтившись съ отражающими его облаками, изъ которыхъ идетъ дождь, распространяетъ многоцвѣтную радугу, и весь окружающій эфиръ блещетъ непрерывными и постепенно слабѣющими кругами: такъ и природа свѣтовъ поддерживается въ бытіи тѣмъ, что высочайшій Свѣтъ лучами своими непрестанно осіяваетъ умы низшіе.... А свѣты вторичные послѣ Троицы, имѣющей царственную славу, суть свѣтозарные ангелы, столь же близкіе къ источнику свѣтовъ, сколько эфиръ къ солнцу. За ними слѣдуемъ

(¹) Lib. II Sect. II, стихотв. VII, ст. 304, 305; стр. 1087.

мы — воздухъ (1)“. Стоитъ отмѣтить съ поэтической точки зрѣнія и слѣдующее мѣсто изъ этой поэмы, въ которомъ поэтъ, не безъ драматизма, изображаетъ свое внутреннее смущеніе при взглядѣ на природу ангельскую въ отношеніи доступности ея грѣху. „На что рѣшишься, духъ мой? Въ трепетъ приходитъ умъ, приступая къ небеснымъ красотамъ; стало предо мною темное облако, и недоумѣваю — простираться ли впередъ, или остановить мнѣ слово. Вотъ путникъ пришелъ къ крутобереговой рѣкѣ и хочетъ перейти ее; но вдругъ.... поколебалась мысль; онъ медлитъ своей переправой; онъ долго борется въ сердцѣ, стоя на берегу; то необходимость внушаетъ ему смѣлость, то страхъ связываетъ рѣшимость. Не разъ заносилъ онъ ногу свою въ воду, и не разъ отступалъ назадъ; нужда, однакожь, беретъ наконецъ верхъ: страхъ побѣжденъ. Такъ и я, приближаясь къ тѣмъ, которые предстоятъ чистому Всецарю и преисполнены свѣтомъ, съ одной стороны, боюсь сказать, что и они доступны грѣху, чтобы чрезъ это и многимъ не проложить пути къ пороку; а съ другой стороны опасаясь изобразить въ пѣсни моей неизмѣняемую доброту, такъ какъ вижу и совратившагося князя злобы (2)“.

Изъ прочихъ дидактическихъ поэмъ догматическаго содержания заслуживаетъ вниманія стихотвореніе „Къ Немезіо“, одному „изъ превосходнѣйшихъ друзей (3)“ поэта. Дидактическій тонъ этого стихотворенія обусловливается апологетическимъ характеромъ его; цѣль его — убѣдить своего друга перейти изъ язычества въ христіанство. Замѣчательно это стихотвореніе во первыхъ тѣмъ, что въ немъ поэтъ, признаваясь въ своей любви къ эллинскимъ наукамъ и къ эллинскому образованію, „надъ которыми онъ трудился много и долго“ (4), на самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ такое обширное и основательное знакомство съ древне-греческой литерату-

(1) Стихотв. VII, ст. 1—7, 50—52, стр. 235 и д.; по р. и. т. IV, стр. 333.

(2) Ibid. ст. 27—41.

(3) Lib. II, S. II, стихотв. VII, ст. 306.

(4) Ibid. ст. 45; стр. 1073; ср. кн. II, отд. I, стихотв. I. ст. 96—99; стр. 636—37

рой, а равно и съ египетской мифологіей и религіозно-мифической обрядностью, какое сдѣлало бы завидную честь даже и любому языческому поэту классической Греціи. Во вторыхъ, любопытно въ этомъ стихотвореніи одно мѣсто, изъ котораго видно, что св. Григорій Богословъ, какъ будто подъ влияніемъ Оригеновскаго метода изъясненія св. Писанія, допускаетъ двоякій смыслъ въ немъ: „Одинъ внутренній-досточтимаго духа, а другой ви́шній. И одинъ внятсъ не многимъ, а другай многимъ на тотъ, полагаетъ онъ, конецъ, чтобы преимущество имѣли мудрые или чтобы съ трудомъ приобретаемое тверже соблюдалось, потому что то, что скоро приобретається, непрочно. Впрочемъ въ нашихъ Писаніяхъ — продолжаетъ св. отецъ, тѣло и само свѣтло и облекаетъ собою боговидную душу; это двойная одежда — багряница, просвѣчивающая нѣжною сребровидностію“ (1).

Наконецъ, было бы несправедливо отказать этому стихотворенію и въ поэтическихъ достоинствахъ. Не смотря на свою апологетическую задачу, оно чуждо отвлеченности, систематическаго порядка и логической сухости. Касаясь различныхъ обрядныхъ формъ и вѣрованій паганизма, слишкомъ живыхъ еще въ сознаниіи и памяти даже христіанскихъ современниковъ своихъ, не говоря уже о язычникахъ, поэтъ разоблачаетъ ихъ внутреннюю пустоту языкомъ образнымъ, обильнымъ мѣткими эпитетами, точными и близкими подобіями, живыми картинами и изображеніями; въ тонкой, едва уловимой ироніи своей надъ языческими нелѣпостями, онъ пользуется народными присловіями и пословицами, и противопоставляетъ античнымъ мифамъ живыя олицетворенія библейскихъ сказаній. Мѣстами эти олицетворенія, сопровождающіяся неожиданными переходами тона и формы рѣчи, достигаютъ высокаго поэтическаго паѳоса. Вотъ, для примѣра, строфы, въ которыхъ поэтъ влагаетъ рѣчь въ уста самаго Спасителя. „Теперь вѣщаетъ мой Христосъ. . . „Настала весна, а зима миновала, и наступило ясное благоведріе. Приступите же и насытитесь отъ Меня безмѣрнымъ

---

(1) Ibid. ст. 138—143. Въ другомъ стихотвореніи своемъ: «О подлинныхъ книгахъ богодухновеннаго писанія» Григорій называетъ внутренній смыслъ писанія «сокровеннымъ» (*κρυπτόν*). Кн. I, гл. I. Стихотв. XII, ст. 3, стр. 259.

свѣтомъ. Долго ли быть вамъ связанными въ темныхъ пещерахъ? Наступило уже время, о которомъ издавна даль вамъ обѣтованіе свѣтлый Духъ. Приступите, вкусите жизни, но примите и новое очищеніе“⁽¹⁾. Можно указать также въ этомъ стихотвореніи на примѣры любимаго потомъ оборота—фигуры отрицанія, живо напоминающаго стиль нашей русской народной поэзіи. Положимъ, въ слѣдующихъ стихахъ: „это не пѣснь сладкопѣвнаго лебедя..., это не жалобное пѣніе соловья..., но сладкопѣніе христоносныхъ устъ“⁽²⁾... „Опъ (Немезій) пошелъ отъ насъ не съ обманчивымъ серебромъ и золотомъ, не съ благородными крылатыми конями..., но приобрѣлъ онъ вмѣсто этого великую и свѣтлую жемчужину—Христа“⁽³⁾“.

Изъ группы церковно-историческихъ дидактическихъ стихотвореній, къ которымъ пужно отнести, на примѣръ: „О подлинныхъ книгахъ Писанія“, „Двѣнадцать патриарховъ“, „Моисеево десятословіе“, „Египетскія язвы“, „Чудеса пророка Іліи и Елисея“, „Родословіе Христова“, „Воплощеніе“, „Чудеса Христовы по Евангеліямъ: отъ Матѳея“, „отъ Марка“, „Отъ Луки“, „отъ Іоанна“, „Утишеніе бури“, „Притчи Христовы по четыремъ Евангелистамъ“, „Двѣнадцать Апостоловъ“,—нѣтъ, строго говоря, ни одного, которое можно бы было назвать истинно поэтическимъ произведеніемъ. Не представляютъ они чего-либо особеннаго и по внутреннему содержанію своему, за исключеніемъ, развѣ, стихотворенія „О подлинныхъ книгахъ богодухновеннаго Писанія“. Это стихотвореніе можно отмѣтить потому, что оно, не ограничиваясь простымъ перечисленіемъ книгъ Новаго Завѣта, опредѣляетъ цѣль написанія евангелій извѣстнымъ для каждаго евангелія, исключая евангелія Іоанна, особымъ обществомъ или кругомъ читателей: „Матѳеѣй описывалъ чудеса Христовы—говоритъ св. Григорій—для Евреевъ, Маркъ—для Италіи, Лука—для Ахаіи, а великій и небошественный проповѣдникъ Іоаннъ—для всѣхъ“⁽⁴⁾“.

(1) Ibid. стихи 133—238.

(2) Ibid. стихи 308—313.

(3) Ibid. стихи 328—331.

(4) Бн. I отд. I. Стихотв. XII, ст. 30 33; стр. 261.

Гораздо содержательнѣе, разнообразнѣе и интереснѣе стихотворенія моральныя, составляющія, въ сложности, болѣе двухъ третей дидактическаго отдѣла. Мы разумѣемъ подъ ними, именно, стихотворенія, заключающіяся въ I кн. II отд. подъ №№: 1—7, 9—11, 20—24, 35—40; и во II кн., II отд. подъ №№: 1—6.

Этотъ обширный и выдающійся отдѣлъ стихотвореній богатъ, памъ кажется, примѣрами, представляющими по своимъ литературнымъ приѣмамъ, формамъ, манерамъ, тону и, наконецъ, по своимъ достоинствамъ весьма близкую параллель съ лучшими типами древне-греческой лиро-эпической поэзіи. Наиболѣе характерныя черты аналогическаго сближенія мы постараемся отмѣтить при самомъ разборѣ произведеній дидактической музы поэта. Чтобы легче ориентироваться въ массѣ моральныхъ дидактическихъ поэмъ и сообщить изложенію наиболѣе типичныхъ изъ нихъ нѣкоторый порядокъ и систематичность, мы подраздѣлимъ и этотъ отдѣлъ съ точки зрѣнія точнѣйшаго внутренняго содержанія составляющихъ его стихотвореній на двѣ категоріи. Къ первой мы отнесемъ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ, воодушевляясь чистыми идеалами высшей христіанской жизни и добродѣтели, даетъ совѣты, касающіеся, собственно, аскетическо-христіанской жизни, и потому обращается съ ними, собственно, къ дѣвственникамъ. Ко второй категоріи—стихотворенія, излагающія правила практической жизни и дѣятельности въ духѣ безотносительно-христіанской добродѣтели и потому относящіяся къ каждому христіанину вообще.

Серія моральныхъ дидактическихъ поэмъ первой категоріи открывается большимъ, состоящимъ изъ 732 гекзаметровъ, стихотвореніемъ подъ заглавіемъ: „Похвала Дѣвству“. Въ этомъ надписаніи „*Παρθενίης ἔπαινος*“ Бенедиктинское изданіе слѣдовало лучшимъ спискамъ. По другимъ, менѣе авторитетнымъ, кодексамъ, вмѣсто „*ἔπαινος*“, оно надписывается „*ἐυχώμιον*“, или „*ἔπος*“, или „*λόγος*“. Въ нѣкоторыхъ же рукописяхъ формула заглавія: „*Παρθενίης ἔπαινος*“ дополнена прибавкой: „*καὶ ὑμνον*“. Можно, однако, не безъ основанія думать, что въ самомъ подлинникѣ стихотворенія этой прибавки не существовало. Она не гармонируетъ ни съ задачей стихотворенія, ни съ ясно обнаруженными въ немъ симпатіями поэта, ни съ самымъ намѣреніемъ его, точно формулированнымъ въ начальныхъ,

вступительныхъ словахъ къ стихотворенію. Если въ стихотвореніи въ параллель съ дѣвствомъ и восхваляется супружество, то изъ вниманія читателя едва ли можетъ ускользнуть, что восхваленіе супружества вытекаетъ здѣсь не изъ существа самой задачи стихотворенія, а только изъ приѣма, изъ способа выполненія ея, изъ того любимаго поэтомъ сравнительнаго метода, посредствомъ котораго онъ такъ мастерски умѣетъ, какъ въ прозаическомъ, такъ и въ поэтическомъ изображеніи, распорядиться свѣтомъ и тѣнью двухъ противопоставляемыхъ предметовъ.—Но перейдемъ къ самому анализу стихотворенія.

Его можно раздѣлить по содержанію на три части, изъ которыхъ первая двѣ обнимаютъ, приблизительно, одну первую половину всего стихотворенія (въ объемѣ, именно, 341 стиха, съ отнесеніемъ 214 стиховъ къ первой и 127—къ второй части), третья же часть, вдвое большая каждой изъ первыхъ двухъ, составляетъ одна вторую половину всего стихотворенія, обнимая остальные 391 стихъ его. Каждая изъ трехъ частей предваряется небольшимъ вступленіемъ, заключающимся въ метафорическомъ обращеніи и воззваніи поэта, во имя высшихъ религіозно-нравственныхъ побужденій,—въ первой и третьей части—къ Дѣвству, во второй—къ Супружеству. Въ воззваніи, предваряющемъ первую часть стихотворенія, поэтъ высказываетъ и о своемъ намѣреніи „воспѣть дѣвство отъ чистаго сердца въ чистыхъ пѣсняхъ“. А въ патетическомъ обращеніи къ нему, составляющемъ переходъ къ третьей части, онъ объявляетъ, что „самъ онъ будетъ защитникомъ дѣвства“.

Превосходныя гимнологическія строфы, которыми начнется поэма и въ которыхъ прежде всего изливается восторженно-поэтическое чувство любви христіанскаго автора къ высокому предмету пѣсни своей, должны быть отнесены къ лучшимъ лирическимъ мѣстамъ его стихотвореній.

„Увѣнчаемъ дѣвство нашими вѣнцами, отъ чистаго сердца воспѣвъ его въ чистыхъ пѣсняхъ!“

Это—прекрасный даръ нашей жизни, даръ блистательнѣйшей золота, илектра и слоповой кости.

Даръ тѣмъ, въ комъ огонь любви къ дѣвству повергъ долу перстную жизнь, подъяема отселѣ крыла ихъ ума къ превыспреннему Богу.

Хранители чистоты да внимають съ радостію пѣснimosй; потому что она есть общая награда всѣмъ цѣломудреннѣмъ; а завистливые да заградятъ двери слуха! Если же кто хочетъ отверсть, то очисти сердце ученіемъ!

Привѣтствую тебя, великое, благодарованное дѣвство-подательница благъ, мать безбѣдной жизни, Христовъ жребій, сожительница небесныхъ красотъ, которымъ неизвѣстны супружескія узы“!

Вслѣдъ за привѣтствіемъ Дѣвства во вступленіи къ первой части поэмы, авторъ, описывая „Источника Свѣтовъ“— Бога, повторяетъ съ буквальною точностію 6 стиховъ (14—19), составляющихъ 7—12 гекзаметры стихотворенія „Объ умныхъ субстанціяхъ“. Первая часть стихотворенія, слѣдующая непосредственно за вступленіемъ, въ отношеніи къ главному предмету содержанія, излагасмому собственно въ третьей части, составляетъ нѣчто въ родѣ общаго введенія, своимъ планомъ, композиціей и языкомъ довольно живо напоминающаго прологъ къ дидактической поэмѣ Гезіода „Труды и Дни“. Поэтъ начинаетъ прославленіе дѣвства словами Богопочтенія: „Первая Дѣва есть чистая Троица“. Затѣмъ онъ переходитъ къ свѣтозарнымъ представителямъ дѣвственности—ангеламъ, которые „не ищутъ увеселеній ни въ сунругахъ, ни въ дѣтяхъ, ни въ сладкихъ трудахъ и заботахъ о тѣхъ и другихъ“. Здѣсь опять поэтъ буквально повторяетъ семь стиховъ (31—34, 48—50) изъ того же стихотворенія „Объ умныхъ субстанціяхъ“ (13—16, 17—19). Дальше, связывая явленія дѣвства съ тайнами божественнаго домостроительства, поэтъ въ сжатыхъ, общихъ чертахъ воспроизводитъ исторію этого послѣдняго, начиная съ первобытнаго хаоса, когда „все покрывала черная безпросвѣтная ночь, когда солнце не пролагало съ востока огнистой стези, не являлась рогоносная луна—это украшеніе ночи; но все, смѣшанное одно съ другимъ и связанное мрачными узами первобытнаго хаоса, блуждало безъ цѣли“, и—кончая воплощеніемъ Христа отъ „чистой, дѣвственной Матери“ и явленіемъ со Христомъ благодати Его, когда „возсіяло для людей совершеннѣйшее дѣвство, отрѣшенное отъ міра и отрѣшающее отъ себя міръ, на столько высшее супружества и житейскихъ узъ, на сколько душа выше плоти, широкое небо—земли, неизмѣняемая жизнь блаженныхъ лучше жизни скоротечной, Богъ совершеннѣе человѣка.

Во второй части стихотворенія (съ 221 стиха) поэтъ, аллегоризируя мысль, предоставляет супружеству держать рѣчь самому отъ себя и за себя. Цѣль автора—чрезъ такое живое сопоставленіе супружества съ дѣвствомъ выставить въ болѣе яркомъ и привлекательномъ свѣтѣ достоинства и преимущества послѣдняго. Супружество начинаетъ съ положенія, что оно явилось на землѣ въ силу закона, установленнаго Самимъ Богомъ. „Богъ—родитель всего“—говоритъ оно.— „И прости мнѣ, Христось! прежде всего—мѣсто Твоимъ чистымъ законамъ; а потомъ—узы любви“⁽¹⁾. Эти „узы любви“ супружество находитъ въ многоразличнѣйшихъ явленіяхъ даже внѣшней природы, и на основаніи этихъ явленій оно устанавливаетъ фактъ всеобщности закона любви, выраженіемъ котораго служитъ супружество съ своими плодами—чадородіемъ. „И земля, и эфиръ, и море цвѣтутъ чадородіемъ—дарами супружества. Если же правда, что и для высоко-растущихъ пальмъ есть законъ любви, мужская и женская вѣтвь, соединенныя руками вертоградара въ веселее время приносятъ обильные плоды; если, какъ говорятъ испытывавшіе природу камней, изъ четы двухъ камней сошедшихся вмѣстѣ рождается новый камень: то и у неодушевленныхъ тварей есть супружество и узы любви“⁽²⁾. Дальше супружество выставляетъ на видъ важность свою въ культурно-историческомъ и социальномъ отношеніяхъ.— „Кто открылъ глубины, какія замыкали въ себѣ и земля, и море, и небо?—спрашиваетъ оно. „Кто далъ законы городамъ и еще прежде этого, кто воздвигъ самые города, и изобрѣлъ искусства? Кто наполнилъ торжища, дома и ристалища? Кто на войнахъ строитъ воинство и на пиряхъ столы? Кто въ благоухающемъ храмѣ собралъ пѣснословящій ликъ? Кто истребилъ звѣроправную жизнь, научилъ воздѣлывать землю и насаждать деревья? Кто пустилъ по морямъ гонимый вѣтрами черный корабль? Кто одною стезею связалъ и сушу и влажный понтъ? Кто, какъ не супружество“⁽³⁾“? Затѣмъ супружество развиваетъ свою мысль о преимуществахъ брачной жизни съ точки зрѣнія практическихъ удобствъ

(1) Lib. I. Sec. II, стихотв. I. ст. 237—239, по р. п. V т. 58 стр.

(2) Ibid. ст. 239—246.

(3) Ibid. ст. 249—260.

жизни, проистекающихъ отъ взаимопомощи супруговъ. „Соединенные узами супружества, мы замѣняемъ другъ другу и руки, и слухъ, и ноги. Супружество и малосильнаго дѣласть вдвое сильнымъ.... Общія заботы супруговъ облегчаютъ для нихъ скорби; и общія радости для обоихъ восхитительнѣе (¹)“. Потомъ переходитъ отъ внѣшней жизни къ внутренней, отъ обыденной, домашней, къ высшей, нравственно-религіозной, причѣмъ высказываетъ чрезвычайно свѣтлую мысль, что „супружество не только не удаляетъ отъ Бога, а напротивъ—болѣе привязываетъ, потому что большіе имѣють побужденій (²)“, и иллюстрируетъ эту мысль великолѣпнымъ сравненіемъ: „Какъ малый корабль, и при слабомъ вѣтрѣ, движется впередъ, быстро поспѣтый по водамъ распростертыми парусами, даже и руки безъ труда принуждаютъ его къ бѣгу ударами весель; большаго же корабля не сдвинетъ легкое дыханіе, напротивъ того, когда онъ съ грузомъ выходитъ на море, только крѣпкій и попутный вѣтръ можетъ придать ему хода: такъ и невступившіе въ супружество, какъ необремененные житейскими заботами, имѣють нужду въ меньшей помощи великаго Бога; а кто обязанъ быть попечителемъ милой супруги, имѣнія и чадъ, кто разсѣкаетъ обширнѣйшее море жизни, тому нужна большая помощь Божія, тотъ взаимно и самъ болѣе любитъ Бога (³)“. Дальше, оставляя не надолго свою положительную точку зрѣнія, бросаетъ взглядъ на жизнь съ противоположной отрицательной стороны. „Жизнь безъ любви не полна, сурова, не видна, бездомовна.... она не спасаетъ отъ страданій, не врачуетъ дряхлой старости, не доставляетъ высочайшихъ наслажденій, какія испытываютъ родители, снова оживая въ своихъ дѣтяхъ; она не скрѣпляетъ жизни пріятными связями. Не обязавшіеся супружествомъ не находятъ себѣ утѣшенія ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на пиршествахъ, но угрюмы, чужды для міра; родившіеся для жизни, не любятъ самаго корня жизни и въ сердцѣ у нихъ пѣтъ единопущія съ людьми (¹)“. Замѣчая, потомъ, объ отношеніи супружеской любви собственно къ добродѣтели,

(¹) Ibid. ст. 288—295.

(²) Ibid. ст. 276—277.

(³) Ibid. ст. 278—287.

супружество высказываетъ сначала общее положеніе, что „добродѣтель не чуждается этой любви (1)“. Затѣмъ это общее положеніе подкрѣпляетъ и оправдываетъ вѣскими доводами знаменитыхъ историческихъ примѣровъ: „плодомъ нѣжной супружеской любви были тайнозрители Христовыхъ страданій—пророки, патріархи, іереи, побѣдоносные цари, украшенные всякими добродѣтелями; потому что добрыхъ не земля изъ себя породила, какъ это говорить о чудовищномъ племени исполиновъ, но всѣ они—и продолженіе и слава супружества (2)“. И велѣдъ за этимъ перечисляетъ въ частности „превосходныхъ мужей“ добродѣтели и благочестія чрезъ всю ветхозавѣтную исторію, пачиная съ Эноха и кончая апостоломъ Павломъ. Сильнѣйшимъ же доказательствомъ въ пользу супружеской любви выставляется то, что „Христось воплотился хотя въ чистой, однако же въ человѣческой утробѣ, и родился отъ жены обрученной, половину человѣческаго супружества принявъ въ единеніе съ Богомъ (3)“. Заканчиваетъ свою рѣчь супружество совѣтомъ дѣвственницамъ прекратить споръ, „потому что и вы“—говоритъ оно имъ—„мой родъ: если вы не отцы, то отъ отцовъ получили жизнь (4)“.

Третья и по намѣренію автора главная часть стихотворенія открывается рѣчью главной героини его, Дѣвства—лица стоящаго къ супружеству въ ближайшемъ родственномъ отношеніи дочери къ матери, но съ противоположнымъ мировоззрѣніемъ, съ противоположнымъ характеромъ, симпатіями и точкою зрѣнія на предметъ разсужденія. Дѣвство выступать съ смиреннымъ видомъ, съ потупленными въ землю глазами, съ стыдливостью въ лицѣ, и начинать свою рѣчь съ выраженія признанія, что неохотно спускается оно съ высоты своихъ „горнихъ“, сверхчужденныхъ интересовъ и стремленій въ суетную среду, противъ воли и характера своего рѣшается занять кресло самозащиты. Но его побуждаетъ къ этому опасеніе, „чтобы кто изъ вос-

(1) Ibid. ст. 297.

(2) Ibid. ст. 299—304.

(3) Ibid. ст. 334—35.

(4) Ibid. ст. 340—41.

парившихъ и посящихъ на эфирнымъ пространствамъ на новооперившихся крылахъ дѣвства, услышавъ разсужденія, супружества, не ринулся тотчасъ на землю (1)“.

Соглашаясь съ тѣмъ, что „супружество есть корень дѣвственниковъ“ Дѣвство возражаетъ, что „человѣкъ бываетъ отцемъ не цѣлаго человѣка, а только плоти и крови,— того, что въ человѣкѣ худшаго“; оно ссылается при этомъ на любовь самой матери своей—Супружества къ своимъ дѣтямъ, находя эту любовь не полною. „Ты любишь въ дѣтяхъ не душу“—говоритъ оно матери—„а одно тѣло; сокрушаешься, когда тѣло изнемогаетъ, и радуешься, когда оно цвѣтетъ. „Отецъ и досточтимая мать больше болѣзнуютъ сердцемъ о неважныхъ тѣлесныхъ недостаткахъ въ дѣтяхъ, чѣмъ о важныхъ порокахъ и великихъ недостаткахъ душевныхъ; ибо тѣлу они родители, а душѣ—нѣтъ. Если я и называю тебя матерью, то относительно только худшей части (2)“. Относительно искусствъ, ремесль и „тщеславной мудрости, которая состоитъ въ ловкости рукъ, или въ паутиныхъ словахъ и твayahъ, смлестепныхъ изъ рвущихся нитей и распадающихся въ воздухѣ“, Дѣвство говоритъ, что „всему этому не супружество научило, но это малая часть первоначальнаго наказанія, какое постигло Адама; въ этомъ прокрадывается злобный змій, стрегущій мою пятую (3)“. Въ противовѣсь знаменитымъ историческимъ примѣрамъ великихъ мужей добродѣтели, Дѣвство выставляетъ на видъ отрицательные примѣры порочныхъ и негодныхъ людей, „для которыхъ“—замѣчаетъ оно Супружеству—„ты также составляешь корень (4)“. Оно напоминаетъ ему въ частности о Каинѣ, Фараонѣ, Ахавѣ, Иродѣ, Юліанѣ, вообще же—„о всѣхъ лжецахъ, человѣкоубійцахъ, коварныхъ, клятвопреступникахъ, похитителяхъ собственности ближняго, осквернителяхъ чужого ложа, которыхъ производило или производитъ еще на свѣтъ супружество (5)“. Создавая,

(1) Ibid. ст. 377—379.

(2) Ibid. ст. 398—404.

(3) Ibid. ст. 438—440.

(4) Ibid. ст. 447.

(5) Ibid. ст. 461—464.

однакожь, что такіе отрицательные примѣры—явленія, во всякомъ случаѣ, исключительныя, отъ подобныхъ которымъ не совсѣмъ можетъ считать себя свободнымъ и само Дѣвство, оно старается дальше въ самомъ принципѣ ниспровергнуть аргументъ въ пользу супружества, опирающійся на значеніи и важности дѣторожденія. Оно находитъ, что искусство зачать и родить сына ниже всякаго другаго искусства—живописи, напримѣръ, ваянія и проч., и достойно сравненія, развѣ, съ игрою въ кости. „Кто изъ людей“—спрашиваетъ оно—прилагалъ свое стараніе о томъ, чтобы зачать наилучшаго сына? И что за искусство—дать начало негодному сыну? Живописецъ съ картины пишетъ другаго не хуже подлинника; ваятель рѣжетъ изваянія подобныя образцу; золотыхъ дѣлъ мастеръ выдѣлываетъ изъ золота, что ему угодно; земледѣлецъ отъ добраго сѣмени пожинаетъ добрый колось, и трудъ его достигаетъ своей желанной цѣли. А родитель, ни худой, ни добрый, не знаетъ свойствъ своего порожденія, что изъ него выйдетъ. И добрый не поручится въ томъ, что произведетъ лучшаго. Иной, будучи Павломъ, произведетъ на свѣтъ сына христуобійцу—Анну или Каиафу, или даже какого-нибудь Іуду. А иной, самъ весь во грѣхѣ, какъ Іуда, становится родителемъ божественнаго Павла или Петра. Отецъ и того не знаетъ даже, родить ли онъ сына, или дочь (1)“ и пр.... Дальше идутъ общія разсужденія о преимуществахъ дѣвства предъ брачною жизнью въ отношеніи, напримѣръ, чистой, всецѣлой, безраздѣльной любви къ Богу, какой не знаетъ и неспособно знать супружество, питающее низменные интересы и потребности. „Человѣкъ или обладая всецѣло Христомъ, нерадитъ о женѣ, или, давъ въ себѣ мѣсто любви земной, забываетъ о Христѣ. Случалось видѣть“—поясняетъ Дѣвство—„какъ камнотесецъ, или выдѣлывающій что-нибудь изъ дерева, если онъ человѣкъ умный и разсудительный, когда надобно обѣчь по прямой линіи, закрываетъ одинъ глазъ рѣсницами, а другимъ напрягаетъ все зрѣніе, сосредоточенное въ одномъ направленіи, и вѣрно опредѣляетъ, гдѣ погрѣшило орудіе. Такъ и любовь, безраздѣльно сосредоточенная, гораздо ближе

(1) Ibid. ст. 476—491; по р. н. стр. 68; сравн. Lib. I, Sec. II, стихотв. VIII. ст. 30—31; стр. 393.

поставляетъ насъ ко Христу, Который любитъ любящаго; видитъ обращающаго къ Нему взоры, видитъ и выходитъ въ срѣтеніе приближающемуся. Чѣмъ болѣе кто любитъ, тѣмъ чаще смотритъ на любимаго, и чѣмъ чаще смотритъ, тѣмъ крѣпче любитъ ⁽¹⁾. О преимуществахъ дальше, въ отношеніи независимости отъ чувственныхъ страстей и простоты образа жизни, „У тебя“—говоритъ Дѣвство—„столь обремененъ яствами, а меня насыщаетъ небольшой кусокъ хлѣба, какимъ великій Христосъ питалъ и тысячи въ пустыняхъ. У тебя искусствомъ приготовленное питье; а мой напитокъ всегда обильно источаютъ родники, рѣки и глубокіе колодцы. У тебя лицо полно и одежды свѣтлы; а мое убранство—нечесанные волосы и темная риза. За то имѣю одежду, у которой бряцаютъ золотыя рясы—это Христосъ, лучшее внутреннее украшеніе души моей. У тебя мягкое ложе; а мнѣ постелью служитъ вретиче, древесныя вѣтви и земля, смоченная слезами. Ты неукротимѣ тельца; я потупляю въ землю стыдливый взоръ. Ты надрываешься отъ смѣха; у меня и улыбка никогда не являлась на щекахъ ⁽²⁾“. Наконецъ, Дѣвство говоритъ о своихъ преимуществахъ въ отношеніи свободы отъ различнаго рода домашнихъ непріятностей и огорченій, трудностей и лишеній, неизбѣжныхъ въ супружеской жизни. Но отстаивая свои преимущества и защищая свои высшіе интересы въ духѣ чисто христіанскаго воззрѣнія на дѣвственность, Дѣвство въ выводѣ своемъ приходитъ къ заключенію, что нельзя безусловно ни дѣвство оправдывать, ни супружество обвинять. „Снѣгъ“—говоритъ оно—„приличенъ зимѣ, а цвѣты—весенней порѣ, сѣдина—морщинамъ, а сила—юношескимъ лѣтамъ. Однако же и цвѣты бываютъ зимой, и снѣгъ показывается въ весенніе дни, и юность производитъ сѣдины; а случалось видѣть и бодрюю старость, и старика гораздо съ большими силами, нежели едва разцвѣтающаго юношу. Такъ, хотя супружество имѣетъ земное начало, а безбрачная жизнь упевѣчиваетъ Все-Царю Христу; однако же бываетъ, что и дѣвство низлагаетъ на тяжелую землю, и супружеская жизнь приводитъ къ небу. А потому, если

(1) Ibid. ст. 552—563.

(2) Ibid. ст. 609—621.

бы стали винить, одинъ—супружество, а другой—дѣвство, то оба сказали бы неправду⁴. (ст. 701—711).

Заканчиваетъ свою рѣчь Дѣвство воззваніемъ къ родителямъ, къ безбрачнымъ юношамъ дѣвамъ, „стринуть красоту, славу, богатство, родъ, счастье и всё обольстительныя порожденія гибельнаго грѣха, воздвигнуться отселѣ, взойти въ легкую жизнь, очиститься, стать единодушными съ чистыми небесными силами, чтобы, вступивъ въ сонмъ предстоящихъ великому Богу, съ веселіемъ воспѣть праздничный гимнъ Богу (1)“!

„Суди“ — говоритъ поэтъ—„хотя и привязаны были больше къ супружеской жизни, однакожь вѣщаютъ главу дѣвства (2)“.

Мы изложили содержаніе этой поэмы, быть можетъ, съ большей послѣдовательностью и подробностью, чѣмъ какой заслуживаетъ она по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Но мы руководились при этомъ не новѣйшими взглядами на достоинства поэтического произведенія, а литературными вкусами современниковъ поэта. Страсть къ риторикѣ, какую заажено было время поэта, нашла себѣ довольно типическое выраженіе въ этомъ произведеніи, написанномъ, къ тому же, на живую, крайне-современную въ IV христіанскомъ вѣкѣ, проникнутомъ аскетическими идеалами, и увлекательную тему о превосходствѣ дѣвства предъ супружествомъ. По словамъ Гренье „эта поэма составляла въ глазахъ современниковъ главное имя св. Григорія (3)“. Хотя Клермонскій профессоръ риторики и не сопровождаетъ этого замѣчанія въ своей монографіи какими нибудь документальными историческими данными, кромѣ своихъ похвальныхъ предиктивовъ: „C' est une belle oeuvre .... la plus importante et la plus célèbre (4)“, тѣмъ не менѣе въ вышеприведенныхъ словахъ его, намъ думается, мало невѣроятнаго.

(1) Ibid. ст. 718—723.

(2) Ibid. ст. 728—730.

(3) „Ce poème formait aux yeux des contemporains le principal titre de saint Grégoire.—La vie et les poesies de Saint Grégoire de Nazianze, par A. Grenier, стр. 179.

(4) Ibid. стр. 178.

Стоитъ только припомнить, какъ падки всегда были Греки ко всякимъ спорамъ и диспутамъ, какой популярной и любимой формой въ греческой литературѣ была занимательная форма параболическаго діалога вообще и какое сочувствіе, похвалы и широкое подражаніе, какъ у языческихъ, такъ и христіанскихъ писателей, вызвала, въ частности, извѣстная аллегорія „Выбора Геракла“ между „Добродѣтелью“ и „Порочною“, сочиненная софистомъ Продикомъ и сохранившаяся въ „Достопамятияхъ“ („*Απομνημονεύματα*“) Ксенофонта. Привлекательная и общедоступная форма аллегорическаго изображенія, подобная этому разсказу Продика о Гераклѣ на распутьи, какъ пельзя болѣе подходила къ нравственно-дидактическимъ цѣлямъ христіанской литературы первыхъ вѣковъ, имѣвшей дѣло съ жизнью „на распутьи“ между язычествомъ и христіанствомъ. Въ этомъ обстоятельстве, намъ кажется, и нужно искать объясненія сочувствія христіанскихъ писателей названному сочиненію Продика о порокѣ и добродѣтели, и тѣмъ болѣе — успѣха въ средѣ христіанскихъ читателей IV вѣка разсматриваемой поэмы св. отца о превосходствѣ дѣвства предъ супружествомъ. Эта поэма въ своемъ изложеніи обнаруживаетъ весьма замѣтное вліяніе аллегорическаго разсказа Продика, какъ и различныхъ вариаций его, въ родѣ, наприкладъ, знаменитаго пренія между „Рѣчью Правой“ и „Рѣчью Неправой“ въ „Облакахъ“ Аристофана, гдѣ поэтъ восторженно описываетъ старинное воспитаніе и величіе древней аттической жизни, протекавшей посреди нравственной чистоты и красоты.

Нельзя сказать, чтобы разсматриваемая поэма совсѣмъ не имѣла цѣнности въ поэтическомъ отношеніи. Въ мѣстахъ наибольшаго подъема воодушевленія изъ глубины души поэтъ выливаются звуки чистой, истинной поэзіи.

„Сними съ глазъ твоихъ этотъ печальный гной, окутывающій ихъ непроницаемымъ туманомъ, дай свободу доступа имъ къ свѣту, подними открытый взоръ свой къ радіусамъ нашего солнца, созерцай все чистой душой, и ты увидишь его—это дѣвство, это приношеніе наше Богу, которое ярче золота, блистательнѣе искра, чище и свѣтлѣе слоной кости (1)“.

(1) Ст. 523—528; стр. 327.

Въ этихъ строфахъ нельзя не видѣть искренности поэтическаго вдохновенія, возвышающагося надъ холодною изобрѣтательностію ученаго ритора. Въ характеристикѣ привычекъ, склонностей и привязанностей каждой изъ двухъ героинь стихотворенія, въ описаніи ихъ образа жизни есть немало трогательныхъ и сильно набросанныхъ картинъ. Напримеръ, изображеніе превратностей судьбы и непостоянства счастья въ супружеской жизни, неожиданныхъ, но тѣмъ болѣе убійственныхъ для взаимнаго благополучія супруговъ, потерь и связанныхъ съ ними скорбей и страданій. „Тяжкая доля не щадитъ иногда и самыхъ счастливыхъ моментовъ въ супружествѣ—моментовъ новобрачныхъ. Нынѣ женихъ, а завтра мертвецъ, нынѣ брачное ложе, а завтра гробъ; скорби перемѣшаны съ радостями; веселая пѣснь неожиданно оказывается... лебединою пѣснью. Однимъ воспламененъ брачный свѣтильникъ, а другимъ уже погашенъ. Одного малютка сталъ называть отцемъ, а другой—осиротѣлъ внезапно, какъ вѣтвь, обитая вѣтромъ. Сперва дѣвица, потомъ супруга, а потомъ вдова; и все это—иногда въ одну почъ и въ одинъ день. Срываетъ съ себя локопы (*πλοκάμιους*), отбрасываетъ далеко невѣстину парядъ, пѣжными руками терзаетъ свои щеки, въ горькихъ страданіяхъ забываетъ дѣвическій стыдъ, зоветъ несчастнаго супруга, оплакиваетъ опустѣвшій домъ и жребій вдовства, и безвременное горе (1)“.

Стихотворенія подъ заглавіемъ: „Совѣты дѣвственницамъ“, (*ὑποθήκαι παρθένους*) и „Къ Дѣвамъ“ (*Ποὸς παρθένους παρανετιχὸς*), состояція—первое изъ 689, а второе изъ 100 стиховъ, и слѣдующія непосредственно за поэмой: „Похвала Дѣвству“, можно разсматривать, какъ продолженіе этой послѣдней. Они относятся къ этой поэмѣ, какъ подробный, покоящійся на долготѣнномъ жизненномъ опытѣ, христіанско-иоическій комментарий къ общимъ теоретическимъ разсужденіямъ по вопросамъ христіанской аскетики и морали. Связью между названными стихотвореніями и вышеназженной поэмой служатъ первые пять стиховъ стихотворенія: „Совѣты Дѣвственницамъ“. Въ этихъ стихахъ поэтъ, объявляя результатомъ пренія, составляющаго

(1) Ст. 631—644, стр. 333.

предметъ содержанія предыдущей поэмы, побѣду Дѣвства надъ Супружествомъ и выражая свое полное сочувствіе возрѣніямъ перваго, тѣмъ не менѣе находитъ не лишнимъ предложить въ руководство Дѣвству и съ своей стороны нѣсколько житейскихъ совѣтовъ. „Самый лучший совѣтъ“, говоритъ онъ, „тотъ, который подастъ сѣдина (¹)“. Эти совѣты „сѣдины“, по своей общей нравственно-дидактической цѣли, направлены къ трезвому и зрѣлому практическому разъясненію условій, при которыхъ, на самомъ дѣлѣ, могутъ оправдываться тѣ соображенія о высокой важности и преимуществахъ дѣвственной жизни предъ супружеской, какія устами олицетворенія той и другой высказаны въ поэмѣ „Похвала Дѣвству“ далеко не безпристрастно съ каждой стороны. На самомъ дѣлѣ—„сколько дѣвство предпочтительнѣе супружества, столько непорочный бракъ предпочтительнѣе сомнительнаго дѣвства (²)“. Отсюда вытекаетъ у поэта частная задача: „держа ровно вѣсы, произнести равный судъ надъ дѣвственниками и надъ живущими въ супружествѣ (³)“. По самому существу этой задачи поэтъ вынуждается опять къ тому же приему изложенія мысли путемъ параллели между дѣвствомъ и супружествомъ, какой въ аллегорической формѣ проведенъ въ вышеизложенной поэмѣ. Такимъ образомъ и въ этомъ стихотвореніи поэтъ дастъ въ своихъ совѣтахъ больше, чѣмъ сколько обѣщаетъ заглавіе стихотворенія.

Не ограничивая своихъ внушеній и „добрыхъ“ совѣтовъ лицами только дѣвственниковъ и супруговъ, поэтъ обращается съ ними и „къ родителямъ, родственникамъ и цѣломудреннымъ попечительницамъ, въ рукахъ у которыхъ жизнь, позоръ и добрая слава дѣвицъ (⁴)“. Онъ старается провести въ сознаніе этихъ лицъ идею святости и неприкосновенности права человѣческаго сердца, права дѣвственной чистоты и равно личной, свободной любви, какъ основанія и залога семейнаго благополучія и счастья. Онъ убѣж-

(¹) Lib. I. Sec. II, стихотв. II, ст. 5; ср. ст. 340 стр. 359.

(²) Ibid. ст. 411—412, стр. 361.

(³) Ibid. ст. 409.

(⁴) Ibid. ст. 446—449; стр. 365; по р. и. V т. 95 стр.

даетъ родителей стараться хорошенько узнать стремленія, наклопности и волю дочери, прежде чѣмъ рѣшать и предрѣшать судьбу ея. „Когда дѣвица достигла совершенныхъ лѣтъ, чтобы вступить въ бракъ, или исполнить цѣломудренное намѣреніе“ — внушаетъ поэтъ родителямъ — „не удаляйте отъ замужества вашу дочь, желающую имѣть мужа, и не вводите насильно въ домъ къ мужу стремящуюся къ Богу (1)“. „Никто не долженъ противъ воли вести дѣвицу къ брачному ложу, когда она отдала свое сердце небесному жениху, какъ не должно полица совлекать съ его каменнаго ложа, или пѣвчую птицу выгонять изъ устроеннаго ею гнѣзда (2)“. Совѣты дѣвственникамъ даются въ топѣ теплыхъ, искреннихъ и любвеобильныхъ отеческихъ наставленій.

„Я заповѣдую дѣвству“, говоритъ поэтъ, „какъ кротко совѣтующій (*ῥπιόμιησις*) и сердечно любящій (*ἐκ θυμοῦ φιλέω*) отецъ; а вы, чада и дщери и сыны, послушайте любимаго отца. И если я что-нибудь значу у Бога, то не презрите (*ἀπίσῃτε*) совѣтовъ отца, подобно дѣтямъ Иліевымъ. Не дѣлайте этого, чада, чтобы и васъ не постигло одинаковое съ ними наказаніе (3)“. Источниками этихъ совѣтовъ, касающихся подробнѣйшихъ правилъ христіанско-аскетическаго поведенія дѣвственниковъ какъ въ отношеніи къ себѣ самимъ, такъ и—къ другимъ людямъ, служатъ поэту: α) личный житейскій опытъ поэта (приблизительно— для двухъ третей всѣхъ совѣтовъ стихотворенія); β) ветхозавѣтная исторія (152—207 ст.); γ) природа (534—618) и δ) искусство человѣка (619—641). Въ опытѣ жизни своей, на которомъ основана большая часть „совѣтовъ дѣвственникамъ“, св. наставникъ выказываетъ такую глубокую, многостороннюю наблюдательность, что съ позволенія ея можетъ судить, напримѣръ, о легкомысліи и вѣтренности человѣка даже по характеру движенія его ногъ и „въ самой походкѣ усматривать нѣчто блудническое (*πρόουον*) (1)“. Нѣкоторые изъ совѣтовъ св. отца касаются современной ему практики въ средѣ дѣвственниковъ, противъ которой

(1) Ibid. ст. 475, 478—9

(2) Ibid. ст. 457—461.

(3) Ibid. ст. 402—407, стр. 361, по р. и. V т. 81 стр

онъ со всею силою своего природнаго обличительнаго дарованія вооружается въ своихъ эпиграммахъ. Онъ убѣждаетъ дѣвственницу „не принимать въ *сотрудники* домашней жизни мужчину: хотя бы онъ былъ чище золота и тверже адманта, но все же онъ—горькая вода изъ Мерры (²)“.

По композиціи и формѣ изложенія „Совѣты дѣвственникамъ“ представляютъ довольно близкое сходство съ совѣтами Гезіода своему Персію. Подобно этимъ, совѣты Григорія имѣютъ въ общемъ гномическій характеръ и въ изобразительности своего языка и стиля они раздѣляютъ достоинства и недостатки гномическихъ стихотвореній. Есть много отдѣльныхъ выраженій и изображеній, которыя своею естественностью и живостью возвышаются до силы и простоты пословичныхъ изреченій. Есть очень удачныя метафоры, сравненія и противоположенія. „Очи твои“—обращается напримѣръ, поэтъ къ дѣвѣ—„храни цѣломудренными въ брачныхъ чертогахъ, т. е. въ вѣждахъ твоихъ“, „уста держи заключенными, подобно нераскрывшимся чашечкамъ цвѣтка, чтобы слово твое оставалось предметомъ желаній“ (³). „Добродѣтель всегда окружена бѣдствіями, какъ роза ненавистными и колючими шипами“ (⁴). Внушая дѣвственнику избѣгать злонамѣреннаго совѣтника, поэтъ говоритъ: „нынѣ онъ свѣтъ, а послѣ окажется тмою. Снаружи мѣдъ, а внутри смерть. Привлечаетъ сладостью, и губитъ скрытымъ ядомъ“ (⁵). Мѣстами, однакожъ, увлекаясь своимъ любимымъ оборотомъ сравненія, поэтъ забываетъ, повидимому, свои же собственныя слова (⁶), въ которыхъ онъ признается въ своемъ обычаѣ—соразмѣрять объемъ стиховъ съ потребностью выражаемой въ нихъ мысли и такимъ образомъ подчинять фор-

(¹) Ibid. ст. 81—82, стр. 343; ср. Стихотв. III ст. 52, и стихотв. VI, ст. 34.

(²) Ibid. ст. 96—98, стр. 345; ср. Стихотв. III ст. 67 и стихотв. IV, ст. 2—3.

(³) Ibid. ст. 78—81.

(⁴) Ibid. ст. 208—209.

(⁵) Ibid. ст. 115—116; ср. стихотв. III, ст. 91—92; стр. 383.

(⁶) Lib. II, Sect. II, стихотв. VII, ст. 304—5; стр. 1087.

му выраженія внутреннему содержанію ся. Давая, напри-
мѣръ, простой совѣтъ—хранить сердце чистымъ отъ чув-
ственныхъ пожеланій, обставляетъ одну эту мысль цѣлой
коллекціей сравненій. „А не сохраняетъ его тотъ, кто далъ
въ себѣ мѣсто хоть тонкому корню порока; отъ этого корня
раскинется туда и сюда множество вѣтвистыхъ стеблей. Отъ
нѣсколькихъ капель кровавой влаги ссѣдается молоко въ
большомъ сосудѣ. Одинъ камень, упавъ на поверхность
стоячей воды, мутитъ вдругъ прекрасный источникъ; множе-
ство круговъ, непрестанно образуясь въ одной точкѣ, раз-
сѣваются по водѣ и исчезаютъ на окружности. Отъ удара
въ одномъ мѣстѣ все тѣло вокругъ пухнетъ и чувствуетъ
боль. Не много вкушено, и сталь я мертвъ, потому что за
вкушеніемъ послѣдовали грѣхи, какъ за однимъ храбрецомъ
черезъ непріятельскую стѣну идетъ все войско. Не велика
рана, наносимая аспидомъ, но она мгновенно погружаетъ
въ предсмертный сонъ, и самая гибель бываетъ пріятна для
умирающихъ“ (1) Гораздо больше жизни, искренности вдох-
новенія и поэзіи въ заключительныхъ совѣтахъ и благоже-
ланіяхъ св. Григорія Богослова дѣвству, гдѣ поэтъ внуша-
етъ ему, чтобы оно, „отовсюду оградившись и хорошо утвер-
дившись въ Богѣ, стало совершенной жемчужиной между
камями, зарницей между звѣздами, голубицей между пер-
натыми, масляной между деревьями, лиліей въ поляхъ, благо-
тишіемъ въ морѣ. Возвысившись надъ чувственнымъ мі-
ромъ, ты стань, дѣва“—съ возрастающимъ одушевленіемъ
обращается къ ней поэтъ — „подлѣ свѣтозарнаго Христа, и,
взявшись рука въ руку, введи Его въ свой брачный чер-
тогъ, исполненный утѣхъ, вѣющей сладостями и благоухані-
ями; къ небеснымъ мурамъ примѣшай твое собственное му-
ро, съ невыразимой любовью слей свою любовь, къ свѣто-
зарной красотѣ присоедини свою красоту, чтобы Христось
обратился съ своею пѣжною любовью къ твоему славному
образу, чтобы Христось стать женихомъ твоимъ, чтобы
Христось, открывъ покрывало, съ радостью увидѣлъ до-
стойную по красотѣ пѣвѣсту, которая украшена драго-
цѣннѣйшими жемчужинами, сидитъ на богато-убранномъ
tronѣ, съ внушительной, благородной осанкой, — чтобы
столь прекрасную и величественную Онъ сдѣлалъ еще болѣе

(1) Стихи 278—292, стр. 355.

привлекательной, чтобы Христосъ ввелъ тебя въ Свои обители; исполненной радости; предложилъ тебѣ брачный пиръ среди величественныхъ хоровъ, при небесныхъ пѣснопѣніяхъ, увѣнчалъ твою главу живыми, вѣчно неувядающими цвѣтами радости, поставилъ предъ тобою чашу ароматическаго напитка, показалъ тебѣ тайны премудрости, отражающіяся здѣсь только какъ въ зеркалѣ, и открылъ истинный свѣтъ твоему чистому уму". (1)

Съ поэмой „Похвала Дѣвству“ весьма сходна и по сюжету, и по основному мотиву, и по плану, и отчасти по формѣ изложенія поэма подъ заглавіемъ: „Споръ Жизни Духовной съ Жизнью Мірской“ (*Συγκρασις Βίωσιν*). И здѣсь какъ и тамъ въ изложеніи предмета поэтъ употребляетъ тѣ же приемы и тотъ же видъ драматизаціи, выводи на сцену трехъ дѣйствующихъ лицъ: двѣ спорящія стороны и посредника, рѣшающаго ихъ споръ. Все содержаніе пьесы можно раздѣлить на три части: α) вступленіе (1—5), въ которомъ спорящія лица обращаются къ стороннему чело-вѣку съ просьбой „разсудить“ (*χοίρειν*) ихъ; β) самое преніе (6—244 стих.) и γ) объявленіе приговора судьей (245—255). Начинаетъ рѣчь и здѣсь, какъ и въ поэмѣ „Похвала Дѣвству“, лицо, представляющее въ лицѣ створеніи идею, противоположную симпатіямъ и идеалу поэта, а оканчивается съ торжествомъ побѣды такъ же, какъ и тамъ, просопо-нен собственныхъ чувствъ и стремленій его. При сходствѣ идей сближаемыхъ пьесъ одинаковы и приемы для выра-женія ихъ. Каждая изъ героинь поэмы, стараясь распо-ложить мнѣніе судьи въ свою пользу, выставляетъ за видъ, въ качествѣ аргументовъ, преимущества и выгоды своимъ въ противовѣсъ по добрымъ же осязательнымъ доводамъ про-тивной стороны. Характерно при этомъ по отношенію къ времени поэта то обстоятельство, что онъ выводитъ въ по-эмѣ Мірскую жизнь и подъ видомъ личности знатнаго, аристо-кратическаго происхожд. (ст. 41), падѣляетъ ее огром-нымъ богатствомъ (46—48), позволяющимъ ей роскошныя лакомства (96), дорогіе дѣла, духи, вокально-инструментальныя наслажденія (99—101). Нельзя до-пустить преденія, таницы и рукона-балыши худо жнической кисти дитя въ данномъ случаѣ

поэта, изобразившей олицетвореніе Мірской Жизни въ чертахъ, повидимому, не въ мѣру рельефно сгруппированныхъ и не въ мѣру ярко отцвѣченныхъ. Слова нѣтъ что тутъ— не безъ преувеличенія, но — преувеличенія не только умѣстнаго, но и вполне, можно сказать, естественнаго, допущаемаго и оправдываемаго законами художественно-поэтического творчества. „Роētis omnia licet“; позволительно и брать часть вмѣсто цѣлаго, когда эта часть, относительно идеи поэта, представляется наиболѣе характерною, *типичною*. Поэтъ не выдумываетъ здѣсь чего-либо изъ фантазій, и не противорѣчитъ здѣсь ни себѣ самому, ни современной ему дѣйствительности. И въ гномическихъ стихотвореніяхъ своихъ, какъ уже видѣли мы, и въ сатирическихъ поэмахъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, и въ проповѣдяхъ онъ изображаетъ мірскую жизнь въ замѣчательномъ разладѣ съ христіанскими началами и добродѣтелью. Та же страсть къ богатству, къ аристократизму, тѣ же изысканныя формы роскоши, тѣ же утонченныя виды наслажденій. Эти рельефныя черты поэмъ, слѣдовательно, запрашивались сами собою на вниманіе поэта изъ окружающей его обстановки, какъ самыя выразительныя примѣты фізіономіи ея; эти густыя краски брались изъ живой, наличной дѣйствительности, отображали преобладающіе элементы ея, характеризовали духъ и направленіе времени.

Роскошь—всегда и вездѣ обычная сфера богатыхъ; но элементы ея, но проявленія и формы ея, въ связи съ соціально-историческими условіями жизни и степенью интеллектуальной культуры неодинаковы не только у разныхъ народовъ, но и въ различные моменты исторической жизни одного и того же народа. Въ разсматриваемой поэмѣ поэтъ и сконцентрировалъ именно эти элементы богатства и роскоши въ одну картину, представляющую мірскую жизнь въ слѣдующемъ видѣ. „Золото, дорогіе камни, всевозможныя украшенія, разноцвѣтныя одежды, блистающія пурпуромъ, живописныя изображенія на стѣпахъ, на потолкахъ и на камняхъ, которыми выстланы полы; серебро частію скрытое въ нѣдрахъ земли—справедливо заключенное въ тѣхъ же гробахъ, откуда оно взято, а частію выставленное на показъ и блистающее на шпяхъ; кони, ковры, колесницы, колесничники, псы, ловчіе, отыскиватели звѣриныхъ слѣдовъ; все наслажденія для злаго господина—чрева, все угодное для гортани, со всего собирающей дань; по-

стельники, придверники, докладчики, усыпители, прѣтопосцы, окропляющіе ароматами, вытирающіе тарелки, отвѣдывающіе кушанье, производящіе тѣнь, наблюдающіе мановенія (*νεψυχιστῶν ἐπίβοχοι*); баптики, пробующіе горячую воду концами перстовъ, остриженные по-женски—эта услада глазъ,— вотъ принадлежности, вотъ обстановка и сфера богача“ (1).

Такимъ образомъ, хотя на сцену выводятся въ поэмѣ тины двухъ Жизней—„Мірской и Духовной“, но въ сущности дѣло сводится опять собственно къ спору между „Порокомъ“ и „Добродѣтельною“. По крайней мѣрѣ въ томъ впечатлѣніи, какое выносишь изъ чтенія поэмы, какъ-то невольно смѣшиваются одно съ другимъ, или, вѣрнѣе, одно вмѣсто другаго, какъ синонимы, понятія: „Жизнь порочная“, вмѣсто „Жизнь Мірская“, и „Жизнь добродѣтельная“, вмѣсто „Жизнь духовная“. Самъ поэтъ положительно даетъ поводъ къ такому смѣшенію, вводя въ уста „Духовной Жизни“ слѣдующія, на примѣръ, слова, обращенныя къ „Мірской Жизни“: „Ничто не кажется тебѣ страшнымъ; ты не боишься и самыхъ великихъ пороковъ, потому что роскошная жизнь препятствуетъ тебѣ судить здраво..“ (2) Съ литературной, собственно, точки зрѣнія поэма эта несомнѣнно принадлежитъ къ числу весьма колоритныхъ произведеній. Искреннее воодушевленіе поэта идеей пьесы весьма замѣтно и выгодно отобразилось и въ самомъ стилѣ ея. Интересъ и занимательность ея поддерживаются еще сатирическимъ элементомъ, тонкимъ, чисто національнымъ греческимъ юморомъ, проникающимъ по мѣстамъ рѣчь „Духовной жизни“: Развивая, на примѣръ, замѣчательную мысль, что бѣдность предпочтительнѣе богатства въ гигиеническомъ отношеніи, „Духовная Жизнь“ проируетъ: „И Богъ, уравнивая дары свои, бѣднымъ далъ крѣпость силъ, а богатымъ—лѣкарства. . . . Богатые не находятъ удовольствія и въ томъ, чѣмъ обладаютъ; часто ищутъ, кому-бы передать по наслѣдству свое бремя, завидуютъ здоровымъ, которые бѣднѣе ихъ. Чѣмъ же собственно богаты эти злополучные счастливыцы? Опухоль, простуда, подагры, ревматизмы, отяжелѣніе, блѣдность, раз-

(1) Стихи: 134—149; стр. 397—98; по р. и V т. 191—192 стр.

(2) Ст. 181—182.

слабленіе,—вотъ достояніе богатыхъ, вотъ выгодная нажива ихъ (1)“!

Языкъ поэмы сжатъ, силенъ, точенъ, ровенъ и близокъ къ простотѣ и красотѣ безыскусственной народной поэзіи; вмѣсто ловко подобранныхъ риторическихъ орнаментовъ, чѣмъ порой погрѣшаетъ поэтъ въ дидактическихъ стихотвореніяхъ, онъ употребляетъ здѣсь простыя, но мѣткія и характерныя народныя присловья и поговорки, выражающія практическія истины житейскаго опыта. Къ такимъ выраженіямъ и оборотамъ, сильнымъ, въ особенности, въ подлинномъ языкѣ, относятся, напримѣръ, слѣдующія: „Волость и изблизи пересѣчь стрѣлой не легко“ (87 ст.). „Ночь полагаетъ конецъ дню, а день—почи: радость смѣняется скорбію, а бѣдствіе оканчивается чѣмъ-нибудь пріятнымъ“ (178—179). „Одна ласточка не приноситъ прекрасной весны, а одинъ сѣдой волосъ — старости“ (242—243) и т. п. Наконецъ самая форма изложенія поэмы—поэтическій діалогъ, показывающая необыкновенную гибкость таланта поэта, живо напоминаетъ композицію одного изъ совершеннѣйшихъ произведеній классической греческой поэзіи—драматической пьесы Эсхила: „Скованный Прометей“. „Κόσμος“ и „Πενίαια“, олицетворяющія отвлеченныя понятія и являющіяся въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ въ „Συγκραβίς Βίωσ“ Григорія представляютъ близкую аналогію съ „Βία“ и „Κοῦτος“ Эсхилова Прометея.

Къ одной же категоріи съ разсмотрѣнными образцами, но только скорѣе по предметамъ содержанія, чѣмъ по художественно-литературнымъ достоинствамъ, слѣдуетъ отнести и слѣдующія мелкія стихотворенія: „Къ Дѣвѣ“ (№ IV, стр. 385); „Къ Монахамъ“ (№ V, *ibid.*); два стихотворенія „На Цѣломудріе“ (№№ VI, VII, стр. 387—389) и „Увѣщательное посланіе къ Гелленію о Монахахъ“ (Кн. II, отд. II, стихотв. I, стр. 997).

Переходя, затѣмъ, къ морально-дидактическимъ стихотвореніямъ второй категоріи, мы встрѣчаемся здѣсь съ пресвосходнымъ поэтическимъ произведеніемъ подъ заглавіемъ: „Περὶ Ἀρετῆς“. По содержанію своему оно распадается на двѣ неравныя части; въ первой (стих. 1—107), обнима-

(1) Ст. 117—118; 127—133.

ющей двѣ трети стихотворенія, поэтъ старается выяснитъ понятіе добродѣтели, опредѣлитъ или скорѣе изобразить природу ея, показать ея сущность, уловить, такъ сказать, жизненный первъ ея, указать ея глубочайшіе мотивы и ея сферу. Поэтъ достигаетъ этой цѣли путемъ безпристрастнаго и откровеннаго психологическаго анализа своего сердца въ его самыхъ глубокихъ и далеко не всякому самонаблюденію доступныхъ движеніяхъ и побужденіяхъ. Во второй половинѣ (108—156) онъ, сообразно своимъ выводамъ о существѣ и условіяхъ добродѣтели, даетъ христіанину поученскіе совѣты и наставленія. Въ частности: прямо съ первыхъ стиховъ поэмы авторъ старается опредѣлитъ „ἀρετή“; побужденія къ этому у него такъ-же сильны, какъ сильны мученія неудовлетвореннаго желанія: горячо любя добродѣтель, онъ не знаетъ—что она такое? Онъ сравнилъ бы ее съ „чистымъ потокомъ“, но въ такомъ разѣ остается безотвѣтнымъ вопросъ—„кто же когда видалъ и находилъ ее на землѣ“? Никто вѣдь не можетъ похвалиться сердечною чистотою. Если же она „не совершенно сребристый потокъ“, а допускаетъ въ себя и мутные элементы, представляя собой пестройную смѣсь—то что же она за добродѣтель“. „Снѣгъ по природѣ холоденъ и бѣлъ, а огонь—красноватъ и тепелъ. И они несоединимы между собой, а соединенные насильно, скорѣе разрушаются, нежели входятъ въ соединеніе. Какъ же съ добродѣтелью вяжется позоръ, съ чистотою-грязь, съ лучшимъ-худшее? Поэту извѣстно о прекрасной рѣкѣ Алфеѣ, что она протекаетъ чрезъ горькое море, а сладкія воды ея, между тѣмъ, ни мало не терпятъ отъ этого вреда. „По какъ для воздуха порча-туманъ, для организма-болѣзнь, такъ для добродѣтели — нашъ грѣховный мракъ“ (1—25). Однако, какъ ни трудно воспринять умомъ добродѣтель въ соединеніи съ грѣхомъ—дѣйствительность, тѣмъ не менѣе, не представляетъ добродѣтели въ чистомъ видѣ, безъ примѣси „мутныхъ элементовъ“. Собственный личный опытъ жизни поэта—самое лучшее и убѣдительнѣйшее доказательство, что на землѣ роковымъ образомъ неразлучны добро со зломъ, добродѣтель съ препятствіями къ добродѣтели. „Часто запосиль я ногу“, признается поэтъ, „чтобы идти къ небу, но какой-то гнетъ, сдавливающей сердце, тянулъ меня къ низу. Не рѣдко озарялъ меня пречистый свѣтъ Божества, но вдругъ становилось предо мною угрюмое облако, закрывало

великое сіяніе и снова омрачало духъ мой, потерявшій блеснувшіе лучи отрадной надежды. . . . Напрасно я томился во мракѣ и тоскливо порывался къ свѣту: въ какой мѣрѣ я стремился къ нему, въ такой же онъ убѣгалъ отъ меня. . . . Что значить эта постоянная неудача лучшихъ стремленій человѣка, эта неосуществимость жгучихъ желаній его чистаго сердца, эта неисповѣдимость путей Провидѣнія? (26—32). Почти полторы тысячи лѣтъ спустя, эти тревожные вопросы съ буквальной точностью выраженія, воскресли подъ перомъ двухъ повѣйшихъ поэтическихъ гениевъ, Байрона—въ его глубокой мистеріи: „Каинъ“, и друга его, Шелли — въ его увлекательной драматической поэмѣ: „Освобожденный Прометей“. Последняя, въ особенности, невольно направляется на аналогическое сближеніе съ разсматриваемой поэмой св. отца. Въ лицѣ Прометея Шелли человѣчество представлено постоянно встрѣчающимъ преграды и помѣхи своимъ желаніямъ и добрымъ стремленіямъ со стороны какой-то тиранически жестокой высшей силы. Поэтъ — богословъ только смотритъ на эту высшую силу чисто съ христіанской точки зрѣнія и этимъ безконечно возвышается какъ надъ мрачнымъ скептицизмомъ Байрона, такъ и надъ пантеизмомъ Шелли. Онъ олицетворяетъ эту силу въ вѣчномъ врагѣ человѣческаго рода — владыкѣ ада. „Какъ хитрый звѣрь“ — говоритъ онъ дальше—„закрываетъ одни слѣды другими; такъ часто врагъ затмѣвалъ во мнѣ способность различать доброе и злое, чтобы этою хитростью ввести въ заблужденіе ловца добродѣтели“ (35—36). Съ этой точки зрѣнія намъ понятна слѣдующая душевная несовѣдь поэта, въ горячемъ лирическомъ стихѣ изображающая этотъ мучительный и непреобѣдимый дуализмъ во внутренней личности поэта. „Богъ и страсти, время и вѣчность раздѣляютъ мою душу межъ собою. Одно предшсывать мнѣ плоть, другое — заповѣдь; одно — Богъ, другое—завистникъ; одно время, другое вѣчность. А я дѣлаю, что ненавижу, услаждаюсь зломъ и злораднымъ смѣхомъ смѣюсь ужасной участи: для меня и гибель пріятна. То я низокъ, то опять превыспренъ. Сегодня я возмущаюсь дерзостью, а завтра я самъ пагль. Какъ неостоянно время, такъ мѣпяюсь и я, и подобно полипу, принимаю на себя цвѣтъ камней. . . . Горячія проливаю слезы, но слезы эти—сами по себѣ, а грѣхъ—своимъ чередомъ. По плоти я дѣвственникъ; но не

знаю ясно, дѣвственникъ-ли и въ сердцѣ. Стыдъ потушаетъ глаза, а умъ безстыдно поднимаетъ ихъ вверхъ. Зорокъ я на чужіе грѣхи, но близорукъ къ своимъ. На словахъ я небесенъ, а сердцемъ родной сынъ земли. Спокоенъ я и тихъ; но едва подуетъ хоть легкій вѣтеръ, вздымаюсь бурными волнами, которыя не прекращаются, пока не наступитъ опять тишина“ (37—45, 48—55). Этотъ высокій лирическій порывъ самосознанія разрѣшается у поэта не въ какое-либо пессимистическое отвращеніе къ міру, разочарованіе жизнью и отчаяніе въ себя, а въ тихое, спокойное сознаніе человѣческой слабости предъ Богомъ и благоговѣйное чувство преданности Его Провидѣнію, Его волѣ, Его милосердію. „Долга моя жизнь“—тутъ же признается поэтъ— „а не хотѣлось бы разстаться съ нею“ (64—65). Человѣкъ безсиленъ предъ Всевышнимъ, но отъ человѣка и не требуется, въ дѣлѣ спасенія, непосильнаго для него; къ „величественной, но трудно достигаемой (*ἐπιμοχθον*) цѣли“, предназначенной ему Создателемъ, онъ можетъ и долженъ стремиться по мѣрѣ своихъ человѣческихъ силъ и возможности. „И тотъ изъ насъ совершеннѣйшій, кто среди многихъ золь носитъ въ себѣ немногіе кумиры грѣха, кто, при помощи великаго Бога, храня въ сердцѣ пламенную любовь къ добродѣтели, поспѣшаетъ на высоту, а грѣхъ гонитъ отъ себя прочь, подобно тому, какъ токъ рѣки, влившейся въ другую быструю и мутную и неукротимую рѣку, хотя и смѣшивается съ нею, однако же превосходствомъ своей чистоты закрываетъ грязный ся токъ“ (74—80).

Такимъ образомъ, поэтъ самымъ ходомъ пьесы, простымъ, естественнымъ и послѣдовательнымъ, подошелъ къ опредѣленію добродѣтели. „Добродѣтель—*ἡ μούνη καθαρῶ καθαρὸν θίος*—не даръ только великаго Бога, потому что нужно и стремленіе человѣка. Она не плодъ только человѣческаго сердца, потому что потребна превосходнѣйшая сила“ (87, 90—92). Въ добродѣтели, слѣдовательно, участвуютъ, по христіанскому поэту, три фактора: а) предрасположеніе или восприимчивость человѣка къ добру (*δεκτός καλοῦ*), съ какою сотворенъ онъ Своимъ Создателемъ; б) собственное активное побужденіе или стремленіе (*μενοινή*) къ ней человѣка, и в) высшая божественная сила или содѣйствіе (*ἀλλή, χάρις*) для нея. Въ живомъ сознаніи необходимости для добродѣтели этой послѣдней силы поэтъ находитъ

лично для себя глубокой источник отраднѣйшаго утѣшенія, энергіи и вдохновенія. „Я не очень легкокъ на ногу, но не безъ надежды на награду (*οὐχ αὐέροατος*) напрягаю свои мышцы по пути добродѣтели, потому что Христось—мое дыханіе, моя сила, мое чудное богатство. А безъ Него всё мы—жалкія игралица суеты, живые мертвецы, смердящіе грѣхами. Ты не видываль, чтобы птица летала, гдѣ нѣтъ воздуха, чтобы дельфинъ плаваль, гдѣ нѣтъ воды; такъ и чело-вѣкъ безъ Христа не заноситъ вверхъ ноги“. (99—107).

Дальше слѣдуетъ собственно прагматическо-дидактическая часть стихотворенія, излагающая въ гномической формѣ наставленія въ духѣ тѣхъ возрѣній на добродѣтель, какія изложены въ предыдущей части поэмы. Поэтъ предостерегаетъ христіанина отъ гордости и самонадѣянности, причемъ высказываетъ мысль, на которой основана мораль гениальнѣйшаго литературнаго произведенія классической Греціи — трагедіи Софокла: „Эдипъ-царь“. „Никто не можетъ считать себя счастливымъ прежде чѣмъ не перешоль онъ границы жизни“. (Заключительныя слова хора въ трагедіи: „Эдипъ-царь“). „Тотъ не достигъ еще цѣли“—слова поэта—богослова, „кто не увидѣлъ предѣла своего пути“ (112). Съ особенною настойчивостію поэтъ впускаетъ христіанину правило, которое онъ чаще всего рекомендуетъ и въ другихъ дидактическихъ стихотвореніяхъ своихъ ⁽¹⁾, именно, жить умѣренно. „Знать мѣру своей жизни“ (*μετὸ ἰδιεναὶ ἢς βιοτήτος*) онъ считаетъ „признакомъ цѣломудрія“ (117). „Равно для тебя худо“—убѣждаетъ поэтъ—„и отложить благую надежду, и возымѣть слишкомъ смѣлую мысль, что не трудно быть совершеннымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ твой умъ стоитъ на худой дорогѣ. Всегда старайся, чтобы стрѣла твоя попадала въ самую цѣль, смотри, чтобы не залетѣть тебѣ дальше заповѣди великаго Христа; остерегайся и не вполнѣ исполнить заповѣдь; въ обонхъ случаяхъ цѣль не достигнута“ (118—123).

(1) Кромѣ гномическаго стихотворенія (№ XXXI, ст. 42, стр. 587), правило это встрѣчается и въ другой, нижеслѣдующей поэмѣ подъ тѣмъ-же заглавіемъ; «*Περὶ ἀρετῆς*», ст. 488, стр. 439.

Подробнымъ анализомъ этого стихотворенія мы старались познакомить читателя, разумѣется, только съ содержаніемъ его, но мы не могли показать изъ него высокихъ литературныхъ достоинствъ этой поэмы, какъ произведенія истинно поэтическаго. Впечатлѣніе это можетъ быть только плодомъ цѣльнаго и непосредственнаго чтенія самой пьесы. Предметомъ ея служить вопросъ, самъ по себѣ, повидимому, отвлеченный, сухой и холодный, именно, нравственно-богословскій вопросъ о добродѣтели; но не смотря на это, поэтъ сумѣлъ сообщить своему изложенію этого предмета жизнь, силу и поэтическую образность. Этой силой и жизнью пропитаны, въ особенности, субъективный элементъ поэмы, раскрывающій душу поэта и необыкновенно наглядно и живописно изображающій, такъ сказать, приливы и отливы въ сферѣ ея внутреннихъ религіозныхъ ощущеній. Съ внутренними достоинствами поэмы прекрасно гармонируетъ художественность и внѣшней обработки его, гибкость и музыка языка, звучность и плавность стиха, строгая выдержанность гекзаметрическаго ритма.

Къ группѣ однородныхъ съ разсмотрѣнною поэмой морально-дидактическихъ стихотвореній, въ которыхъ поэтъ даетъ или друзьямъ своимъ, или другимъ людямъ въ различныхъ родахъ жизни различныя нравственныя наставленія и полезныя совѣты, пужно отнести слѣдующія: „Разговоръ съ Міромъ“ (*Πρὸς κόσμον διαλογισμὸς*)⁽¹⁾; „Блаженства и опредѣленія духовной жизни“ (*Διαφόρων βίων μακαρισμοί*)⁽²⁾; „Пристрастіе“ (*Περὶ πόθου*)⁽³⁾; „Смерть любезныхъ“ (*Περὶ θανάτου φιλουμένων*)⁽⁴⁾; „На тѣхъ, которые часто клянутся“ (*Πρὸς πολυόρκους διάλογος*)⁽⁵⁾; два стихотворенія подъ заглавіемъ: „Недобрые друзья“ (*Περὶ φίλων τῶν μὴ καλῶν*)⁽⁶⁾; два стихотворенія подъ заглавіемъ: „На любомудрую пищу“ (*Εἰς πενίαν φιλόσο-*

(1) Lib. I, Sec. II; № XI, стр. 467; по р. п. V т., 31 стр.

(2) Ibid. стихотвор. XVII, стр. 487; по р. п. IV т., 273 стр.

(3) Ibid. стихотвор. XX, стр. 493; по р. п. V т., 121 стр.

(4) Ibid. стихотвор. XXI; — — по р. п. V т., 120 стр.

(5) Ibid. стихотвор. XXIV; стр. 495; по р. п. V т., 173 стр.

(6) Ibid. стихотвор. XXII и XXIII; по р. п. V т., стр. 120.

φρον) (1); три стихотворенія подь заглавіемъ: „На терпѣніе“ (*Εἰς τὴν ὑπομονήν*) (2); четырехстишіе съ надписью: „Счастіе и благоразуміе“ (*Εἰς τύχην καὶ φρόνησιν*) (3) „Къ Юліану“ (*Πρὸς Ἰουλιανόν*) (4) „Къ Виталіану отъ сыповей“ (*Πρὸς Βιταλιανὸν παρὰ τῶν υἱῶν*) (5). „Отъ Никовула сына къ отцу“ (*Παρὰ Νικοβούλου πρὸς τὸν πατέρα*) (6) „Отъ Никовула отца къ сыну“ (*Νικοβούλου πρὸς τὸν υἱόν*) (7) и „Совѣты Олимпіадѣ“ (*Παραίνετικὸν πρὸς Ὀλυμπιάδα*) (8).

Эти стихотворенія могутъ быть оцѣниваемы съ различныхъ точекъ зрѣнія, но меньше всего—съ поэтической. Объединяющимъ признакомъ ихъ служить ихъ практическо-дидактическій элементъ. Но какъ по содержанію, такъ и по своимъ литературнымъ формамъ они очень разнообразны. Первое, т. е. содержаніе, опредѣляется, болѣе или менѣе, ихъ заглавіями. Въ послѣднемъ же отношеніи стихотворенія эти довольно замѣчательны. Здѣсь мы встрѣчаемся не только со всѣми тремя формами стилистическаго изложенія монологической, діалогической и эпистолярной, но и съ различными вариациями ихъ. Такъ, въ діалогическомъ изложеніи мы встрѣчаемся и съ сократическимъ методомъ діалоговъ Платона (въ стихотвореніи: „На тѣхъ, которые часто клянутся“) и съ формой Езоповой басни. Желая, на примѣръ, внушить читателю предпочитать благоразуміе счастію (въ стихотвореніи: „Счастіе и Благоразуміе“) поэтъ говоритъ:

(1) Стихотвор. XXXV и XXXVI; стр. 625; по р. п. V. 117 стр.

(2) Стихотвор. XXXVII и XXXVIII; стр. 627; и кн. II, отд. I, стихотвор. XXVIII, стр. 869; по р. п. V т. 118—119 стр.

(3) Кн. I, отд. II; стихотвор. XXXIX, стр. 627; по р. п. V т. 119 стр.

(4) Кн. II, отд. II; стихотвор. II, стр. 1017; по р. п. V т. 252 стр.

(5) Ibid. стихотвор. III; по р. п. V т. 291 стр.

(6) Ibid. стихотвор. IV, стр. 1037; по р. п. V т. 271 стр.

(7) Ibid. стихотвор. V, стр. 1049; по р. п. V т. 280 стр.

(8) Ibid. стихотвор. VI, стр. 1065; по р. п. V т. 240 стр.

„Одинъ вѣстоубецъ гдѣ-то сказалъ: „желаю тебѣ лучше каплю счастья, нежели бочку ума“. Но мудрецъ возразилъ ему:—для меня лучше капля ума, нежели море счастья“. Монологическія стихотворенія этой серіи отличаются краткостью и сжатостью, достигающими ипогда степени силы, простоты и ясности выраженія классическаго лаконизма. Напримѣръ, стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Недобрые Друзья“: „Тяжело сносить огорченіе. А если оскорбляетъ другъ—это низко. Если онъ угрызаетъ тайно—это звѣроподобно. А если это жена съ длиннымъ языкомъ—то живешь въ одномъ домѣ съ бѣсомъ. Если судья—то нужны громъ и молнія. А ежели—священно-служитель, тогда Ты, о Христе, выслушай и *разсуди прю* (Псал. 42, 1) ⁽¹⁾“. Или другое подъ заглавіемъ: „Пристрастіе“.—„Всякое пристрастіе опасно. Пристрастіе къ любимому—двойная опасность. Пристрастіе къ молодой дѣвицѣ—тройное жало. Если же она красива—это еще большее зло. А если представляется возможность жениться на ней—то самая внутренность сердца стала пищею огня“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ ⁽²⁾ къ ближайшему другу и родственнику своему, Никовулу, св. отецъ объясняетъ ему, что значитъ писать лаконически. „Это значитъ“ — говоритъ онъ—„не просто написать много слоговъ, но въ немногихъ словахъ заключить многое. Въ этомъ смыслѣ Гомера я называю самымъ краткимъ писателемъ, а Антиаха—многословнымъ. А почему? Потому что о длинѣ рѣчи сужу по содержанію, а не по числу буквъ“. Къ этимъ словамъ хорошо идутъ, какъ примѣры къ правиламъ, только-что приведенныя нами собственныя стихотворенія поэта. Въ эпистолярной формѣ изложены послѣднія пять дидактическихъ поэмъ въ порядкѣ вышешоименованныхъ нами стихотвореній разсматриваемой группы. Изъ этихъ поэмъ замѣтнѣе другихъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ выдѣляются послѣднія три: „Отъ Никовула сына къ отцу“, „Отъ Никовула отца къ сыну“ и „Совѣты Олимпіадѣ“. Стоитъ поговорить о каждомъ изъ этихъ стихотвореній отдѣльно. Никовуль старшій, къ которому поэтъ отъ имени сына его адресуетъ это довольно длинное (въ

(1) По р. п. V т. стр. 120—121.

(2) По р. пер. VI т. 18 письмо, 120 стр.

208 гекзаметровъ) стихотвореніе, приходился племянникомъ св. Григорію богослову, именно женатъ былъ на Алипіанѣ, дочери сестры св. Григорія, Горгоніи⁽¹⁾. Какъ видно изъ обширной переписки Григорія какъ съ нимъ самимъ, Никомуломъ, такъ и со многими друзьями своими о немъ или по поводу его⁽²⁾, это былъ человѣкъ превосходныхъ качествъ. По крайней мѣрѣ св. Григорій ревностно старался защитить его, когда онъ замѣшанъ былъ въ дѣлѣ возмутившихся рабовъ, и написалъ поэтому цѣлый рядъ рекомендательныхъ писемъ о немъ къ разнымъ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ⁽³⁾. Въ сынѣ его, даровитомъ⁽⁴⁾ юношѣ Никомулѣ, Григорій принималъ участіе, по собственному признанію его, „преимущественно предъ всѣми своими родными⁽⁵⁾“. Больше всего, разумѣется, интересовался онъ и былъ озабоченъ умственнымъ образованіемъ „прекраснаго⁽⁶⁾“ Никомула. Объ этомъ искреннемъ, дружески заботливомъ участіи св. отецъ засвидѣтельствовалъ въ своихъ рекомендательныхъ письмахъ къ различнымъ наставникамъ и воспитателямъ младшаго Никомула; этому же теплому участію мы обязаны и остановившимъ наше вниманіе стихотвореніемъ поэта. Оно написано имъ отъ имени юноши съ цѣлью исходатайствовать ему отъ родителей дозволеніе отправиться въ Грецію для поступленія въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Стихотвореніе начинается нѣсколько неожиданно (*ex abrupto*) ничѣмъ невызваннымъ и незаслуженнымъ со стороны родителей оскорбленіемъ ихъ попрекомъ юноши, который можно формулировать въ слѣдующемъ краткомъ положеніи: актомъ рожденія и даже воспитанія родители, какъ родители не приобрѣтаютъ еще себѣ права на особенную, сравнительно съ животными, любовь и уваженіе къ себѣ;

(1) По р. п. письмо 17, томъ VI, стр. 119.

(2) Письма: 19, стр. 121; 20, стр. 123; 25, стр. 129; 132, стр. 231; 159, стр. 257; 160, стр. 257 и др.

(3) Письма: 10, стр. 112; 161, стр. 258; 162, стр. 260; 163, стр. 261.

(4) Письма: 133, стр. 232; 158, стр. 256.

(5) Письмо 126, стр. 225.

(6) *Ibidem*.

рожденіе—не велико благодѣявіе (*χάρις*) для дѣтей, которыхъ отецъ съ матерью, рождая, не спрашиваютъ, желаютъ ли они этого, или нѣтъ. Не выдѣляя себя, такимъ образомъ, но связямъ кровнаго родства и близости къ родителямъ, изъ общаго закона „сладостной необходимости“ (*γλυκερῆς ἀνάγκης*), безразлично и безысключительно обязательнаго для всѣхъ животныхъ, Никовуль, „какъ человекъ, желалъ бы имѣть что-нибудь лишнее (*τι περιβόν*) передъ ними“ (ст. 37—38). Онъ не желаетъ ни золота, ни серебра, ни шелковыхъ тканей, ни блеска драгоценныхъ камней, ни большого участка плодородной земли, волнующейся нивами подобно равнинамъ Египта, ни мпожества рабовъ, ни четвероногихъ. Въ замѣнъ всего этого онъ желаетъ одного, именно „*μύθων χάριτος*“—быть сильнымъ въ словѣ. Въ этихъ двухъ словахъ Никовуль, можно сказать, резюмировалъ задачи и цѣль современной ему системы образованія, коренившейся, очевидно, въ живыхъ еще традиціяхъ, унаслѣдованныхъ отъ лучшихъ временъ изъ исторіи языческой Греціи. Въ циклѣ наукъ тогдашняго высшаго образованія, о которомъ мечталъ и къ которому стремился подобно Никовулю всякій способный юноша, желавшій играть видную роль въ обществѣ, центральнымъ предметомъ изученія было краснорѣчіе, вокругъ котораго группировались прочія дисциплины, имѣвшія въ отношеніи къ нему болѣе или менѣе служебное, вспомогательное значеніе. Этотъ циклъ наукъ, соотвѣтствовавшій, въ извѣстной мѣрѣ, нашему словесному или историко-филологическому факультету и излагаетъ здѣсь Никовуль съ пристрастнымъ увлеченіемъ, начиная съ царицы наукъ — краснорѣчія. Онъ восхваляетъ „пламенную силу (*πυρόεν μενος*) краснорѣчія“ въ трехъ его видахъ: въ рѣчахъ народныхъ, судебныхъ и похвальныхъ. За краснорѣчіемъ онъ ставитъ исторію, „потому что исторія—сладчина мудрости (*βυμφροστῆ βοφή*), умъ многихъ“ (*πολλῶν νόος*, 62). Дальше—грамматику (*Γραμματικῆ*), „которая превосходно способствуетъ благородному языку Эллады, сглаживая слово и умягчая варварскіе звуки“ (63—64). Затѣмъ—*λογικῆς τέχνης τὰ παλαιόβιατα*, приемы логическаго искусства, „которые закрываютъ сперва истину, пока чрезъ возможное превращеніе понятія не поставятъ ее въ полномъ свѣтѣ“ (65—66). Потомъ—ионку, „посредствомъ которой усовершенствовавшіеся мужи образуютъ въ чело-

вѣкъ добрыя нравы, какъ творогъ, который принимаетъ видъ плетеннаго сосуда“ (67—68). Наконецъ — физику и метафизику. Однако любознательный юноша, при всемъ своемъ неравнодушiи къ этимъ наукамъ, въ зависимость отъ которыхъ онъ ставитъ самое счастье человѣка (170), придаетъ изученiю ихъ только пропедевтическое значенiе. „Но изучивъ эти предметы въ юности“ — говоритъ Никомуль — и предамъ мысль свою Божественному Духу, буду изыскивать слѣды сокровенныхъ красотъ, непрестанно восходить къ свѣту, и Божественныя внушенiя прииму мѣриломъ жизни“ etc. (77 и д.). Съ сознаниемъ дѣйствительныхъ правъ и достоинствъ своихъ — и по многолѣтнему опыту, и по прекрасному, всестороннему и основательному образованiю, — поэтъ позволяетъ себѣ при этомъ указать юношѣ, какъ на примѣръ достойный подраженiя, на себя самаго. „Посмотри на великаго дѣда моего по матери“ — говоритъ устами самаго этого дѣда юноша; — „украшенный всевозможными свѣдѣнiями, собранными со всѣхъ концовъ земли во время пребыванiя у многихъ народовъ, послѣднимъ ключемъ своего ученiя содѣлалъ онъ Христа и высокую жизнь, къ которой и я, родитель, простираю взоры“ (89—93). Дальше начинаются трогательныя выраженiя самой просьбы. Мысленно обнимая своего родителя и касаясь рукой бороды его, по обычаю, обнаруживающему восточный ⁽¹⁾ характеръ поэмы, сынъ умоляетъ его „воспользоваться временемъ, которое можно ловить, пока приближается, и котораго напрасно станешь искать, когда оно пройдетъ. Свое есть время“ — убѣждаетъ юноша — „сидитъ садъ; время — воздѣлывать землю; время — отрѣзать вервь кораблей мореходныхъ; время — звѣроловамъ ловить звѣрей на горахъ; время — и для войны. Цвѣты родятся весенней порой. Такъ и для ученiя бываетъ своя весенняя пора въ жизни человѣка, когда пламенная любовь согрѣваетъ душу, когда тайниковъ сердца не избороздили еще многоразличные житейскiе слѣды. Юноша самъ для себя полагаетъ въ землю и добрый и худой корень жизни“ (100—112). Упрашивая уважить его „невинное желанiе“ (132), юноша обращаетъ вниманiе родителя на безчисленные примѣры снисхожденiя и уступчивости родителей даже

(1) Ср. 2 цар. 20, 9. Илиад. 1 пѣснь, 301 ст. и др.

худымъ желаніямъ своихъ дѣтей. А онъ, юноша, призывая во свидѣтели Бога, обѣщаетъ отцу, съ своей стороны, дарованія, нравственность, неутомимый трудъ и постоянное соединеніе въ одно дней и ночей (181—184). Онъ убѣждаетъ отца не бояться ни моря, ни дальняго пути; не жалѣть ни имущества, ни всякаго другаго средства для достиженія его благородной цѣли. „Вѣдь я могу похвалиться“, не безъ гордости замѣчаетъ сынъ, „что я для тебя дороже большаго имѣнія, потому что я у тебя первородный, и первый названъ отцовымъ именемъ, если это, какъ полагаю, что нибудь значитъ для родителей“ (188—193). „И такъ, отецъ мой, будь для своего сына не человѣкомъ, по Богомъ. Не награждай источника, который готовъ произвести изъ себя большую рѣку; не дай померкнуть въ свѣтильникѣ свѣту, отъ недостатка сляса; не дай засохнуть растенію отъ того, что не напоется росопосными влагами. Открой родникъ, поддержи свѣтъ, ороси дающее побѣги растеніе“... (199 и д.).

Стихотвореніе „Отъ Никовула отца къ сыну“ представляеть по содержанію своему отвѣтъ на предыдущую поэму, и въ этомъ отношеніи составляетъ съ ней, можно сказать, одно цѣлое. Но при единствѣ содержанія обоихъ стихотвореній нельзя не видѣть между ними существенной разницы въ тонѣ, слогѣ и композиціи. Эта разность, обуславливающаяся различіемъ возрастовъ и характеровъ лицъ, отъ имени которыхъ пишется то и другое стихотвореніе, въ весьма выгодномъ для поэта свѣтѣ обнаруживаетъ опять уже выше отмѣченную нами сторону таланта его—умѣнье обрисовывать характеръ личности въ самомъ слогѣ ея. Описывать индивидуальныя свойства лица, говоря о немъ, какъ о внѣшнемъ, стороннемъ объектѣ, доступно въ большой или меньшей степени каждому писателю. Но изображать тѣ же личныя свойства, говоря непосредственно за самое лицо, какъ субъекта—это, безъ сомнѣнія, признакъ таланта, развившагося подъ вліяніемъ извѣстной степени наблюденія и изученія внутренней человѣческой природы. Оба анализируемыя стихотворенія могутъ служить въ данномъ случаѣ выдающимся примѣромъ, въ которомъ неподдѣльное знаніе сердца и характера человѣка, въ различныхъ періодахъ жизни его, соединилось съ искусствомъ талантливаго выраженія знанія въ словѣ. Впечатлѣніе этой жизненно-реальной

правды, этой непринужденной простоты и естественности, съ какою обрисованы въ стихотвореніяхъ отецъ съ сыномъ, такъ полно, свѣжо и сильно, что почти несомѣстно съ представленіемъ объ одномъ и томъ же авторѣ обѣихъ поэмъ. Но крайней мѣрѣ образы лицъ, которыхъ видишь и слышишь въ этихъ стихотвореніяхъ, различая, какъ будто, даже отбѣики въ интонаціи живой рѣчи каждаго изъ нихъ, совсѣмъ заслоняють собой личность поэта. Что поэтъ на самомъ дѣлѣ прекрасно зналъ обоихъ лицъ, которыхъ онъ со столькими признаками индивидуальности выводитъ въ стихотвореніяхъ, это несомнѣнно изъ сохранившихся писемъ его къ нимъ, и, по довольно близкому родству его съ ними, вовсе не удивительно. Заслуга его въ этомъ скорѣе историческая, чѣмъ собственно литературная. Но что онъ изобразилъ эти индивидуальныя признаки въ условіяхъ художественно-литературнаго творчества, — изобразилъ съ такою художественно-психологическою правдою и рельефностью, что герои его стихотворенія являются не просто историческими лицами — двумя Никовулами IV вѣка, а литературными типами старца и юности, отца и сына, — это дѣлаетъ честь собственно поэтическому таланту автора. Обрисовка характеровъ обоихъ лицъ, отъ начала до конца каждаго изъ стихотвореній, проведена чрезвычайно тонко. Рѣчь ихъ обоихъ — рѣчь одного и того же автора-поэта. Но какъ не похожи они одинъ на другаго въ рѣчахъ своихъ! Съ первыхъ же словъ того и другаго открывается прямая противоположность ихъ характеровъ. Въ одномъ говоритъ кипучая юношеская порывистость и горячка, въ другомъ — степенная мужественная сдержанность и хладнокровіе; въ одномъ — самонадѣянность и запосичность, въ другомъ — житейская опытность и осторожность; въ одномъ — смѣлость, граничащая съ дерзостью, и увлеченіе, не желающее знать ограниченія, въ другомъ — благоразуміе, цѣнящее не меньше идеальныхъ и безспорно благородныхъ стремленій юношескихъ священные мотивы естественной любви дѣтей къ своимъ родителямъ. Одинъ опрометчиво, не осмысливая и не взвѣшивая словъ своихъ, начинаетъ съ оскорбленія отца, какъ родителя, и не совсѣмъ постѣдовательно оканчиваетъ мольбою къ нему; другой необыкновенно тактично, тономъ любящаго отца, мягко и спокойно начинаетъ съ выраженія одобренія предмета желаній и просьбы своего сына, потомъ незамѣтно

переходить къ отеческимъ внушеніямъ и оканчивасть благопожеланіями ему. Словомъ, оба лица, отецъ съ сыномъ, стоятъ и говорятъ передъ нами, какъ живые. Мы уже слышали сына; послушаемъ теперь отца въ отвѣтъ сыну.

„Желая быть сильнымъ въ словѣ, желаю ты, сынъ мой, прекраснаго. И самъ я улаждаюсь словомъ, какосъ Царь-Христосъ далъ людямъ, какъ свѣтъ жизни, какъ преимущественный изъ даровъ, приспосланныхъ намъ съ небеснаго круга; потому что и Самъ Опъ, превозносимый многими именованиями, ни однимъ не благоугождается столько, какъ наименованіемъ: Слово. Но выслунай рѣчь мою. Совѣтъ отеческій—самый лучший совѣтъ, и сѣдина имѣеть преимущество предъ юностью. Время родило исторію, а исторія родила высоко парящую мудрость. Поэтому уважь слова мои; это для тебя же лучше. Во всемъ прочемъ, сынъ мой, будь превосходище отца. Отецъ радуется, когда добрый сынъ беретъ надъ нимъ преимущество, и радуется больше, нежели когда самъ превосходитъ всѣхъ другихъ. Это согласно съ Божескими законами, которыми великій Отецъ связалъ вселенную, и, изъ любви къ Своему достоянію, неизменно утвердилъ Словомъ. Но желаю, сынъ, чтобы ты удерживалъ въ себѣ отцево свойство—имѣлъ больше стыдливости, нежели сколько теперь обнаруживаешь ся предъ родителями. И я былъ сынъ добраго отца; но изъ моихъ устъ никогда не выходило такого слова; даже и на языкѣ не держалъ я чего-либо подобнаго, потому что и Богу не угодны такія рѣчи“ (1—20 стих.) Дальше отецъ подлинно цитуетъ „неблагодарныя“ слова сына, какими юноша съ первыхъ же стиховъ своего стихотворнаго посланія оскорбляетъ родительское сердце, отважно заявляя, что не только въ рожденіи и воспитаніи дѣтей, но даже и въ любви къ нимъ родителей онъ не видитъ ничего, кромѣ выраженія общаго закона физиологической необходимости, одинаково раздѣляемаго съ людьми осами, рысами, волами, вепрями, рыбами и птицами. „Но кто же“—возражаетъ онъ топомъ скорѣе теплою отеческою любовью, чѣмъ упрека—„кто же обвинеть сына, кто порадѣеть ему лучшаго, кто дастъ свое согласіе, когда онъ хочетъ учиться, или желаетъ чего либо другаго, кто отдѣлить ему надлежащую часть имущества, если все, что сынъ получаетъ отъ отца, есть долгъ, а не милость, и если сынъ, не получивъ ничего, можетъ нарушить законъ

стыда, а получивъ, въ правѣ имѣть и языкъ и умъ неблагодарный?.... (33—38) „Итъ, сынъ мой, не этимъ, не отважною долженъ ты отплачивать своему родителю, потому что отважность, преступивъ мѣру, дѣлается дерзостью. Иначе какойнибудь болѣе раздражительный отецъ отъ моего лица скажетъ тебѣ подобное слѣдующему слово: „если природа позаботилась о дѣтяхъ, вложивъ родителямъ любовь къ нимъ, то природа же возбранила любить не любящихъ“ (75—80).

Заканчивая первую половину своего посланія, отецъ обращается къ своему сыну съ слѣдующимъ правоученіемъ. „Все это говорилъ я тебѣ, любезнѣйшій сынъ, чтобы паучить покорности твоей умъ, заставить тебя на вѣсахъ взвѣшивать слова свои и не давать имъ свободы, отсѣбать все лишнее, ограничиваться же достаточнымъ, не предаваться потоку молодости, но удерживать его стремительность. Когда говоришь, гораздо лучше многое затаить въ себѣ, нежели пустить на воздухъ какоенибудь неприличное слово“ (105—110). Къ главному предмету желаній своего сына старшій Никовуль переходитъ во второй половинѣ своего посланія и останавливается на немъ съ такой подробностью и такимъ наслажденіемъ, изъ которыхъ ясно видно, что сердечное расположеніе къ этому предмету сына вполне совпадаетъ съ душевнымъ сочувствіемъ къ нему отца. Здѣсь поэтъ нашъ пользуется новымъ случаемъ заявить себя со стороны своей особенной любви къ краснопорѣчю, о которомъ онъ не можетъ говорить, не вдаваясь въ панегиризмъ, Краснопорѣчье восхваляется здѣсь въ нравственномъ, умственномъ, политическомъ и общественномъ отношеніяхъ. „Даръ слова и царей руководить, и народъ привлекаетъ, процвѣтаетъ въ народныхъ собраніяхъ, царствуетъ на пирахъ, утишаетъ брани, дѣлаетъ человѣка кроткимъ, вѣжными и ласковыми рѣчами умягчая всякаго, сколько бы кто ни былъ упоренъ, подобно тому, какъ сила огня смягчаетъ желѣзо“ (188—192). Одушевленной восторженной любовью къ краснопорѣчю, Никовуль, или лучше сказать поэтъ устами Никовула, остроумно допускаетъ аллегорическое истолкованіе посредствомъ дара краснопорѣчя извѣстнаго мифа объ Орфеѣ съ его чудной гитарой, разумѣя подъ волшебной пѣснью его, именно, чарующую силу краснопорѣчя. Равнымъ образомъ и другія аналогичныя съ этимъ мифомъ преданія и саги древ-

не-греческой поэзии, отчасти легшія въ основу различныхъ эпизодовъ Гомеровыхъ поэмъ, нашъ поэтъ объясняетъ въ томъ же смыслѣ. „Думаю“—говоритъ онъ—„что Орфеева китара была не иное что, какъ даръ слова, пріятностью звуковъ увлекавшій всѣхъ, и добрыхъ, и худыхъ, а также и Амфіонова лира дѣлала покорными камни, то есть, упрямья и каменные сердца. Даръ же слова разумѣю и подѣтъ врачествомъ, которое далъ Лаэртovu сыну, когда шелъ онъ къ Цирцеѣ, спутникъ его, чтобы могъ онъ (Одиссей) оказать помощь своимъ товарищамъ, обращеннымъ въ свиней, и самъ не дошелъ до необходимости ѣсть свиной кормъ. Даръ слова вижу и въ томъ, что растворила Феонова супруга египтянка Полидамна, и подала Еленѣ, какъ добрый гостинецъ—безпечальность, негибѣльность и забвеніе всѣхъ бѣдствій..... Несомнѣнно, что даръ слова дѣлаетъ человѣка почтеннымъ въ кругу людей, какъ можешь заключить изъ примѣра Одиссея. Безъ одежды, измученнымъ и бѣдственнымъ скитальцемъ спасся онъ изъ моря, но какъ скоро въ умпой рѣчи изложилъ свою просьбу, уважила его царица и дѣва, и представила Феакіянамъ и царю Алкиною, какъ чужеземца, претерпѣвшаго кораблекрушеніе, заслуживающаго предпочтеніе предъ всѣми другими. . . . О даръ слова, чтобы восхвалить тебя, нуженъ особенный даръ!“ (199 — 217). Итакъ, самъ, такъ сказать, идя на встрѣчу внутреннему влеченію своего сына и уступая одинаково желанію собственнаго сердца, отецъ не только соглашается на просьбу сына, но и искренно радуется его стремленію и желаетъ ему полного успѣха и счастья на избираемомъ имъ поприщѣ. И благожеланія эти, вылившіяся изъ теплаго любящаго сердца въ прекрасные гекзаметрическіе стихи, составляютъ одну изъ лучшихъ поэтическихъ страницъ въ дидактическихъ стихотвореніяхъ поэта. Въ переводѣ на русскій языкъ страница эта представляется въ слѣдующемъ видѣ. „Положившись на свои собственные и родительскія молитвы, усердно, неуклонно и съ лучшими надеждами стремись, сынъ, куда желаешь; да будетъ у тебя тотъ же добрый спутникъ, который былъ у твоего отца. . . . Восхитилъ ли тебя аттическій соловей, или знаменитый городъ пріятной Финикіи—обитель авзонскихъ законовъ, или великій градъ Александровъ, откуда иной, нагрузивъ корабли великимъ богатствомъ, поспѣшастъ въ свое отечество; всякая страна да протека-

еть быстро подъ твоими поспѣшающими стопами, и произращаетъ подъ ними прекрасные цвѣты; да шумятъ предъ тобой привѣтливо рѣки, и всякое море легкими дыханіями вѣтровъ да приноситъ корабль твой въ пристань; делфинъ, въ свѣтлыхъ волнахъ едва зыблющейся морской поверхности извивая хребетъ змѣящимися кругами, да скачетъ по водамъ, ставъ путеводителемъ твоей жизни, какъ пѣскогда на хребтѣ своемъ носилъ онъ знаменитаго пѣвца. Для самыхъ наставниковъ да будешь ты окомъ краснорѣчія; да считаютъ они сына моего между первыми и любятъ его наравнѣ съ своими дѣтьми. А сладкую чашу наукъ жадный умъ твой да исчерпаетъ до самаго дна. Рука твоя да пишетъ золотыя письма на гибкихъ досечкахъ, и соты да каплютъ съ твоего свитка. А если весеннею порой, когда дыханія вѣтерковъ такъ усладительны для человѣка, или когда солнце бросаетъ сверху огнистыя лучи, сидя подъ древесными вѣтвями и углубившись мыслию, будешь трудиться надъ сочиненіемъ; то стрегущіе кузнечики и поющія птицы да сообщаютъ бодрость твоимъ тѣлеснымъ силамъ своими сладковучными пѣснями, вызывая на состязаніе въ пѣснопѣніи. . . . А что до меня, то, какъ приказывашь, ничего не пощажу, ни имущества, ни труда, къ какому обязаны родители, ни всего прочаго, что способствуетъ смертнымъ къ приобрѣтенію великихъ доблестей, потому что благоразумная бѣдность лучше порочнаго богатства“ (1).

Преподавъ затѣмъ нѣсколько правоучительныхъ наставленій своему сыну въ духѣ поученія Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ, Никовуль призываетъ на него благословеніе Бога и пожеланіемъ ему счастливаго достиженія цѣли заканчиваетъ поэму.

Стихотвореніе „Совѣты Олимпіадѣ“ (*Παροινετικὸν πρὸς Ὀλυμπιάδα*) замѣчательно какъ одинъ изъ наиболѣе выразительныхъ образчиковъ взгляда св. отца на женщину, и въ частности — на обязанности и поведеніе ея, какъ супруги.

Женщины, вообще, занимаютъ большое мѣсто въ моральныхъ произведеніяхъ св. Григорія. Онъ при разнообразныхъ условіяхъ своихъ домашнихъ и общественныхъ отно-

(1) Стихи: 222—260; по р. п. V т. 289—290 стр.

шеній къ нимъ и по различнымъ мотивамъ и писалъ много о нихъ и переписывался съ нѣкоторыми изъ нихъ. Эта сторона литературной дѣятельности его уже сама по себѣ на столько интересна и любопытна, что французскій ученый, Дабъ (Dabas), взялъ ее сюжетомъ для своей специальной монографіи, напечатанной имъ подъ заглавіемъ: „La femme au quatrième siècle dans les poesies de Greg. de Naz.“ (1), Bordeaux, 1868. И интересъ, какой представляютъ съ этой стороны произведенія св. отца, намъ кажется, вполне равносильны научной важности ихъ въ этомъ отношеніи для изслѣдователя, который, безъ всякой предвзятой мысли, поставилъ бы себѣ задачей выяснитъ міросозерцаніе христіанскаго писателя. При соображеніи такой колоритной черты въ характеристикѣ міросозерцанія св. Григорія, какъ взглядъ его на женщину, едвали можно склониться на сторону довольно распространеннаго въ научной литературѣ мнѣнія о немъ, какъ о суровомъ аскетѣ, ригоризмъ котораго доходилъ до мизогаміи. Какъ ни сильно расположеніе его къ религіозно-созерцательной жизни, какъ ни глубоко и искренно его сочувствіе дѣвственной жизни, эти внутреннія влеченія, правда, сообщившія характеру отца преобладающее направленіе, не привели его, однакожъ, къ крайностямъ аскетическаго ригоризма, разобщающаго человѣка съ міромъ и сердце человеческое съ мірскими мотивами и интересами. Подъ совмѣстнымъ влияніемъ счастливаго, семейнаго воспитанія—особливо золотой поры дѣтскихъ впечатлѣній,—многосторонняго и многолѣтняго опыта жизни въ цѣтрахъ высшихъ и разнообразныхъ культурныхъ проявленій ея,—рѣдкихъ интеллектуальныхъ способностей, въ которыхъ необыкновенная сила ума гармонировала съ чисто гуманитарной способностью—правдиво-поэтической нѣжностью сердца, въ душѣ Григорія рано пробудились и развились, въ противовѣсъ аскетическимъ стремленіямъ, чувства и симпатіи общечеловѣческія. „Если бы кто спросилъ меня“—пишетъ онъ уже въ старости въ одномъ изъ своихъ писемъ—„что всего луч-

(1) При всемъ желаніи прочитатъ это сочиненіе, намъ, къ сожалѣнію, не удалось достать его изъ-за границы. Оказалось, что оно печаталось только для автора и тѣснаго кружка друзей его и въ продажу не поступило.

ше въ жизни? Я отвѣтилъ бы: друзья (¹)“. А въ другомъ письмѣ, по поводу удаленія своего изъ Константинополя, признается: „У всякаго своя слабость, а я слабъ въ отношеніи къ дружбѣ и къ друзьямъ (²)“. И слова эти, на сколько можно судить по драгоценной для біографа Григорія переписки его съ друзьями, не были только словами.... Въ письмѣ его къ Амфилохію, между прочимъ, читаемъ: „И ты сталъ для меня добрымъ смычкомъ и стройною лирою, послѣдливши въ душѣ моей, послѣ того какъ, пиша ко мнѣ тысячи писемъ, усовершенился ты въ познаніи души моей (³)“.

Если съ однимъ только лицомъ дружба св. отца рекомендуетъ себя „тысячами писемъ“, которыя, какъ видно отсюда же, не оставались съ его стороны безотвѣтными, то какимъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ въ пользу общительности его, въ силу прекрасныхъ качествъ души и сердца его, должна служить дружественная переписка его съ цѣлыми сотнями разнохарактерныхъ лицъ, къ которымъ вообще онъ расположенъ былъ не менѣе, чѣмъ къ Амфилохію, а къ нѣкоторымъ—и до степени „слиянія сердець“, какъ называетъ онъ свою дружбу съ Василиемъ В. Слѣдующая, на примѣръ, выдержка изъ письма Григорія къ Софронію Ипарху вовсе не позволяетъ ограничивать это „слияніе сердець“ лицомъ только Василія В. „Другіе наслаждаются твоими совершенствами“—пишетъ св. Григорій Софронію—„а для меня и то велико, если буду имѣть и тѣнь бесѣды съ тобою чрезъ письма. Увижу ли тебя опять? Обниму ли когда тебя, мое украшеніе? Дано ли это будетъ остатку моей жизни? Если будетъ дано—благодареніе Богу! А если нѣтъ, то я умеръ уже большею своею частію“. (⁴)—Григорій называетъ свою склонность къ дружбѣ „слабостью“. Но эта слабость коренилась въ силѣ и глубинѣ любви его къ человѣку и людямъ, въ теплыхъ симпатіяхъ его всему, что такъ дорого въ жизни человѣка. Этою любовью и этими симпатіями согрѣты лучшія мѣста моральныхъ поэтическихъ произведеній его. Эти

(¹) Письмо 78; стр. 186, т. VI.

(²) Письмо 82; стр. 190.

(³) Пис. 150; стр. 250.

(⁴) Письмо 86; стр. 193.

же глубочайшія симпатіи, развитыя подъ неизглаживающимъ вліяніемъ трогательныхъ впечатлѣній семейнаго очага, любви и дружбы, согрѣвали его сердце, когда онъ писалъ о женщинахъ. Можно рѣшительно сказать, что Григорій—аскетъ не былъ никогда мизогинистомъ. Христіанская пустыня была дорогимъ и близкимъ его сердцу идеаломъ; къ ней всегда неслись его завѣтныя думы и желанія. Но вмѣстѣ съ ней онъ послылъ въ душѣ своей идеаль христіанской женщины, какъ супруги и матери, скопированный съ живыхъ и не менѣ близкихъ его сердцу образовъ Нонны и Горгоніи, Эмилии, Макрины и Феодосіи. Въ поэзіи его на ряду съ восторженными гимнами пустынѣ и дѣвству есть много трогательно-патетическихъ мѣстъ, которыя оказываются изліяніями сыновними или братскими. Избравъ себѣ совершеннѣйшій путь жизни, св. отецъ никогда не считалъ его обязательнымъ для спасенія каждаго христіанина. Онъ и не рекомендуетъ въ своихъ произведеніяхъ одинаково всѣмъ этой возвышенной жизни, которая, посвящая себя пустынѣ и дѣвству, дѣлаетъ людей ангелами на землѣ. Глубокій знатокъ человѣческаго сердца, онъ умѣлъ согласоваться съ нашими слабостями и нуждами жизни. Сколько души и любящаго участія заключается, на примѣръ, въ слѣдующихъ отвѣтныхъ словахъ его свосму другу Евсевію, который приглашалъ его на бракосочетаніе свое съ Евоніей. Извиняясь, что по болѣзни своей онъ не могъ быть на свадьбѣ, Григорій пишетъ. „Итакъ, пусть другіе призываютъ къ вамъ Эротовъ,—потому что на свадьбѣ въ обычаѣ и пошутить; другіе пусть изображаютъ красоту дѣвы, величаютъ любезность жениха, и брачное ложе вмѣстѣ съ цвѣтами осыпаютъ и словами привѣта. А я пропою вамъ брачную пѣснь: Благословитъ васъ Господь отъ Сіона, Самъ сочетаетъ ваше супружество, и узриши сыны сыновъ твоихъ“.... (1) Или въ слѣдующихъ словахъ его изъ поэмы: „Къ Виталиану отъ сыновей“.—„Быль бракъ и брачная вечеря; все было полно веселія; тамъ были брачныя дары, привѣтственные рѣчи, пріятныя забавы. Много было родныхъ, не мало сосѣдей; люди высшихъ чиновъ при царскомъ дворѣ украшали собою брачную трапезу; были досточестные іерои, которые соеди-

(1) Пис. 191., стр 292.

няли чету молитвами своими и вѣнцами. Вокругъ прекраснаго юноши толпились товарищи и величали жениха, уподобляя его красивой лѣторосли; а жены наряжали черпоокуую дѣву къ священному браку; отецъ восхищался дѣтьми. А насъ, какъ будто мы ходили на дикихъ звѣрей или на вепрей, или по дѣйствию жестокаго демона погубили человѣческой видъ,—насъ заперли въ домъ вдали отъ сестры.... Всего же болѣе огорчило меня одно. Я, искусный пѣвецъ, желалъ воспѣть бракъ и брачное ложе родной сестры, и своими брачными пѣснями утолить гнѣвъ отца; но, всегубительный демонъ! И это не было мнѣ дозволено, какъ челоуѣку ни къ чему негодному. Другой воспѣвалъ мою красу, эту черную ночь изъ-подъ золотистыхъ кудрей восходящую на серебряныхъ лавитахъ; другой славилъ мою вечернюю звѣзду, другой величалъ мою зарницу; и еще какой-то вовсе не мастеръ-пѣвецъ. А я лежалъ безмолвный, презрѣнный, покрытый облакомъ сѣтованія; не могъ быть и эхомъ, которое послѣдніе слоги разноситъ по высокимъ утесамъ, когда Папъ поетъ на горахъ пастушескія пѣсни. Оплачу кончину моихъ црвородныхъ пѣснопѣній, и не буду больше пѣть. Прощайте многозвучныя книги! Прощайте музы! Что за радость, если пѣснь моя не касается родительскаго слуха, если и Орфеево какое-нибудь пѣснопѣніе не привлекаетъ къ себѣ издали ни камней, ни звѣрей, ни птицъ на Одризскихъ утесахъ!“....⁽¹⁾ Въ этихъ прочувствованныхъ лирическихъ словахъ, сочетававшихъ внутренній христіанскій элементъ съ образностію аптичной поэзіи, меньше всего сказывается сердце суроваго, односторонняго аскета, расположеннаго къ мизогаміи и мизогиніи.

Григорій видитъ женщинъ въ монастыря и не презираетъ ихъ, не отворачивается отъ нихъ, а паставляетъ, руководитъ ихъ въ жизни съ тѣмъ же уваженіемъ и той же любовью. Трудно найти автора, который бы писалъ страницы болѣе деликатныя и трогательныя, болѣе чистыя и гуманныя объ обязанностяхъ брака и условіяхъ супружескаго благополучія, чѣмъ этотъ христіанскій поэтъ богословъ. Читая эту пѣсню, адресованную вышеназванной молодой дѣви-

⁽¹⁾ Кн. II. отд. II. стихотвор. III, стихи: 179—214; по р. п. V т. 298—299 стр.

цѣ, при ея замужествѣ, удивляешься, что вдохновенный пѣвецъ пустыни обнаруживаетъ такое вѣрное пониманіе житейскихъ отношеній, такое предупредительное знаніе дѣйствительности. Многія изъ его тонкихъ замѣчаній сдѣлали бы честь моралисту, который главное стараніе свое полагаетъ въ наблюденіи и изображеніи людей.

Поэма начинается слѣдующими словами пѣжно-серьезной отческой любви:

„Посылаю тебѣ, дочь моя, отъ себя—Григорія—свадебный подарокъ; въ немъ предлагаю тебѣ то, что всего дороже—отческіе совѣты.

Во первыхъ почитай Бога, а потомъ супруга—свѣточъ твоей жизни, руководителя твоихъ намѣреній. Его одного люби, ему одному весели сердце, и тѣмъ больше, чѣмъ пѣжнѣйшую къ тебѣ питаетъ любовь; подъ узами единодушія сохраняй неразрывную привязанность.....

Родившись жепщиною, не присвой себѣ важности свойственной мужчине; и не величайся родомъ, не надмевайся ни одеждами, ни мудростію. Твоя мудрость—покоряется законамъ супружества; потому что узелъ брака все дѣлаетъ общимъ у жены съ мужемъ.

Когда мужъ раздраженъ, уступи ему; а когда утомленъ, помоги пѣжными словами и добрыми совѣтами.

И укротитель львовъ не силою усмиряетъ разъяреннаго звѣря, у котораго въ бѣшенствѣ прерывается дыханіе, но укрощаетъ его, гладя рукою и приговаривая ласковыя слова.....

Кого не любить мужъ твой, того не хвали съ хитрымъ намѣреніемъ непримѣтно уязвить мужа словомъ. Если кому, то жепщинамъ прежде всего прилична простота сердца.

Радости и всѣ скорби мужа и для себя почитай общими. Пусть и заботы будутъ у васъ общія; потому что чрезъ это возрастаетъ домъ.

И твой совѣтъ можетъ имѣть мѣсто; но верхъ долженъ быть мужнинъ.

Когда мужъ скорбитъ, поскорби съ нимъ и ты пѣсколько, по вскорѣ потомъ, принявъ свѣтлое лице, разеѣй грустныя его мысли; потому что сѣтующему мужу самая падешная пристань—жена.

Твоимъ занятіемъ пусть будутъ прялка, шерсть и поученіе въ Божіемъ словѣ, попеченіе же о внѣшнихъ дѣлахъ предоставь мужу.

Не выходи часто за двери дома, въ мѣста пародныхъ увеселеній и неприличныхъ собраній; тамъ и у стыдливыхъ похищается стыдъ, тамъ взоры смѣшиваются со взорами; а потеря стыда—начало всѣхъ пороковъ.....

Домъ твой—для тебя и городъ и роуди. Не позволяй себя видѣть постороннимъ, кромѣ родственниковъ; не кажись и добропорядочнымъ мужчинамъ, даже многоуважаемымъ тобою, какъ скоро супругъ твой не хочетъ имѣть ихъ въ своемъ домѣ.

Ибо кто доставитъ тебѣ столько пользы, какъ добрый супругъ, если ты его одного любишь?

Уши свои украшай не жемчугомъ, но привычкой внимать добрымъ рѣчамъ, а для худыхъ рѣчей замыкать ихъ ключемъ ума.....

Пусть дѣвственная стыдливость въ присутствіи супруга разливаетъ у тебя подъ вѣждами чистый румянецъ. Покрывайся румянцемъ, когда смотрять на тебя другіе; а сама старайся ни на кого не смотрѣть, и къ землѣ опускай брови.....

Если у тебя необузданъ языкъ—всегда будешь ненавистна мужу. Продерзливый языкъ причинялъ часто зло и невипнымъ. Лучше молчать, когда и самое дѣло вызываетъ на слово, нежели говорить, когда и время не даетъ мѣста пескромному слову....

Ноги, идущія борзо, ненадежные свидѣтели цѣломудрія; и въ самой походкѣ бываетъ нѣчто наглос.

Выслушай и это: не предавайся неукротимой плотской любви, не во всякое время ищи удовольствій супружескаго ложа; убѣди супруга оказывать уваженіе къ святымъ днямъ.....

Но для чего мнѣ говорить подробно обо всемъ?

Могу дать тебѣ, дорогая моя, совѣтъ, но и его гораздо лучше есть у тебя Θεодосія—этотъ Хиронъ между замужними женщинами. Она для тебя—живой образецъ всякаго слова и дѣла ⁽¹⁾“.....

---

(1) По р. п. V т. 240—245 стр.

4. Обличительныя (сатирическія) стихотворенія.

«Ни въ чемъ не преткаться свойственно одному Богу. Но падать намѣренно, хвалиться худымъ дѣломъ, падать многократно, падать въ пороки важные и не стыдиться этого, а находить удовольствіе въ этомъ, не хотѣть уцѣломудриться и наказаніями, какими вразумляются люди самые жалкіе, но съ открытою головою кидаться въ опасность,—это самая ужасная и злокачественная болѣзнь». (Стихотвор. XXVIII, ст. 253 — 260; стр. 557; по р. н. V т. стр. 223).

Въ числѣ памятниковъ литературныхъ дарованій св. Григорія Богослова сохранились три цѣльныхъ и довольно значительныхъ по объему произведенія, отмѣченныя печатью сильнаго сатирическаго таланта. Это именно, стихотворенія: 1) „*Κατὰ γυναικῶν καλλωπιζομένων*“ (кн. I, отд. II, стихотвор. XXIX), 2) „*Πρὸς Μάξιμον*“ (кн. II, отд. I, стихотвор. XII) и 3) „*Εἰς ἐπιβόλους*“ (ibid. стихотвор. XIII).

На произведенія эти нельзя смотрѣть какъ на явленія, въ своемъ родѣ, случайныя, исключительныя, не имѣющія ни естественнаго основанія своего въ личныхъ духовныхъ свойствахъ поэта, ни внутренняго органическаго родства съ прочими литературными произведеніями его, ни, наконецъ, дѣйствительнаго и ближайшаго отношенія ихъ къ духу времени поэта, или по крайней мѣрѣ къ частнымъ, но исторически важнымъ обстоятельствамъ его современности.

Прежде всего эти три поименованныя стихотворенія св. отца обязаны своимъ происхожденіемъ врожденному индивидуальному свойству его поэтическаго таланта, составлявшему въ складѣ и характерѣ этого послѣдняго одну изъ весьма выдающихся чертъ. Объ этомъ съ несомнѣнностью можно заключать не только выходя изъ литературнаго анализа подлежащаго разряда стихотвореній, но и просто на основаніи невольнаго и непосредственнаго признанія въ этомъ самаго автора ихъ. Въ стихотвореніяхъ своихъ, какъ и въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ св. Григорій Богословъ неоднократно и неприкровоенно сознается, что склонность его избличать пороки и предразсудки чловѣческіе путемъ сатиры, къ собственному личному прискорбію его, постоянно брала перевѣсъ надъ всею силою его же собственнаго, сознательнаго и намѣреннаго противодѣйствія ся развитію въ немъ и ея проявленіямъ. Сюда относятся, именно, тѣ любопытныя мѣста въ его сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ съ непритворнымъ чувствомъ своего душевнаго негодованія вооружается противъ естественнаго врага своего — „многозвучнаго“ (1) языка, съ которымъ ему не разъ доводилось считаться. . „Языкъ“ — какъ это вынесъ поэтъ изъ своего личнаго опыта — „всею пагубнѣе для людей“. „Это — самое острое, самое рѣшительное оружіе“. „Онъ малъ (*βαίτη*), но ничто не имѣетъ такого могущества (2)“. По отношенію къ себѣ собственно поэтъ въ одной изъ своихъ автобіографическихъ эпиграфій прямо говоритъ, что „Слово даровало ему *обоюду острое* (*ἀμφήκη*) слово (3)“. Этотъ „обоюду острый“ даръ, по собственному признанію поэта, „всегда подвергалъ его множеству непріятностей (4)“. И замѣчательно, что онъ рѣдко называетъ свой языкъ безъ оскорбительнаго эпитета. Во избѣжаніе именно непріятностей изъ за „неукротимаго (5)“ языка своего съ его „дерзкимъ (6)“ словомъ св. отецъ под-

(1) *Πολυηχέος*; стихотвор. XXXIV, ст. 17., стр. 889.

(2) Тоже стихотвор. ст. 25—26, 65; стр. 885, 887.

(3) Стихотвор. XCIII, ст. 4, стр. 993.

(4) Стихотвор. XXXIV, ст. 177—178.

(5) *ἄδάμαστον γλωσσάν*, *ibid.*

(6) *ἄτράσθαλος λόγος*, *ibid.*, ст. 187.

часть прибѣгалъ, какъ извѣстно, къ весьма рѣшительнымъ дисциплинарнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ нему.

„Замѣтивъ, что необузданность языка моего выходитъ изъ границъ и мѣры“,—говоритъ поэтъ въ своемъ элегическомъ стихотвореніи: „*Εἰς τὴν... βιωπρὶν*“,—„я придумалъ противъ него отличное средство—подвергнуть слово полному заключенію въ высокоумномъ сердцѣ, чтобъ языкъ мой научился наблюдать, что ему можно говорить, и чего нельзя (¹)“. Въ стихотвореніи: „О жизни своей“ поэтъ въ одномъ мѣстѣ не совсѣмъ въ тонъ съ содержаніемъ предыдущихъ стиховъ и потому нѣсколько неожиданно для читателя обращается къ нему съ слѣдующимъ воззваніемъ, ясно отражающимъ въ звукахъ своихъ взволнованное состояніе поэта: „Вотъ вамъ мой говорливый (*λόλον*), не умѣющій соображаться со временемъ (*ἄκαιρον*) языкъ! Отдаю его; кто хочетъ отсѣки его безъ милосердія (*ἀντλεῶς*). И чтожь? Развѣ онъ не отсѣченъ уже? Если угодно, то дѣйствительно такъ. По крайней мѣрѣ давно онъ молчитъ, и долѣе еще будетъ молчать, можетъ быть, въ наказаніе за неблаговременность и въ наученіе, что не всѣмъ онъ пріятенъ“. (¹) Само собою разумѣется, что подобная мѣра, т. е., „ὄλη βιού“, хотя и признается поэтомъ отличнымъ средствомъ („*αριστον φάρμακον*“), на самомъ дѣлѣ была и не могла не быть только средствомъ палліативнымъ. Цѣль достигалась ею ровно на столько, на сколько поэтъ обладалъ терпѣніемъ и рѣшимостью воздерживаться отъ всякихъ поводовъ выступить противъ тѣхъ или другихъ современныхъ ему недостатковъ съ сильнымъ и смѣлымъ обличительнымъ словомъ сатиры. Но такъ какъ подвергать себя искусу „ὄλης βιού“ по долгу и по часту уже по самому положенію епископа въ центрѣ высшей духовно-общественной дѣятельности было дѣломъ физически невозможнымъ, то и причинъ негодовать на свой языкъ у св. отца было гораздо больше, чѣмъ онъ самъ-бы того желалъ. Ясно, что дѣло тутъ было собственно не въ языкѣ, какъ языкѣ, если мѣт-

(¹) Ibid. ст. 122—127; стр. 891.

(²) Кн. II, отд. I, стихотвор. XI, ст. 984—989, стр. 727; по р. ш. VI т. 36 стр.

кое „обоюду острое“ слово поэта подвергало его „множеству неприятностей“. Причина этого лежала гораздо глубже, именно въ *сильномъ сатирическомъ дарованіи* поэта, которое яркими лучами остроумія, въ большей или меньшей мѣрѣ, блеститъ почти во всѣхъ произведеніяхъ его не только стихотворныхъ, но и прозаическихъ. И всѣ эти разнообразныя эпитеты—„неукротимый“, „дерзкій“, „многозвучный“, „необузданный“, какими поэтъ называетъ языкъ свой, намъ кажется, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ выраженій, въ какихъ мягкій, любвеобильный христіанскій епископъ, больше всего страдавшій, по собственнымъ словамъ его, слабостью въ отношеніи къ дружбѣ и друзьямъ, съ прискорбіемъ изобличаетъ въ себѣ выдающійся талантъ сатирическаго писателя. Между прозаическими сочиненіями св. отца мы не найдемъ, конечно, цѣльнаго образца сатиры въ ея чистомъ типическомъ видѣ. Но по частямъ, эскизно, примѣровъ сатирическаго направленія и доказательствъ враждебной способности автора къ этому роду литературной дѣятельности представляютъ не мало и проповѣди, и письма его. Изъ проповѣдей обличительнаго направленія нужно отмѣтить, въ особенности, оба слова на Юліана и слова противъ еретиковъ: Евноміанъ и Аріанъ. Кроме того, сатирическимъ характеромъ, въ большей или меньшей степени, отличаются слова: „О любви къ бѣднымъ“, „О мирѣ“, „Слово въ похвалу философа Ирона, возвратившагося изъ изгнанія“ „Слово о соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи, и о томъ, что не всякій человѣкъ и не во всякое время можетъ разсуждать о Богѣ“; „Слово (42-е) прощальное, произнесенное во время прибытія въ Константинополь ста-пятидесяти епископовъ“, и др. На выдержку возьмемъ хоть слѣдующее мѣсто изъ слова противъ Евноміанъ (перваго или предварительнаго слова о богословіи); въ немъ, какъ извѣстно, авторъ вооружается противъ современнаго ему эпидемическаго искуса — говорливости, страсти къ богословствованію, которую онъ называетъ „болѣзнию языка“ („*Γλωσσολαγία*“). „Философствовать о Богѣ можно, только не всякому; это пріобрѣтается не дешево.... Да и не всегда можно философствовать и не передъ всякимъ и не всего касаясь, но должно знать—когда, передъ кѣмъ и сколько.... А у насъ на ряду съ прочимъ съ удовольствіемъ толкуютъ и о богословіи, послѣ конскихъ ристаній, театральныхъ представленій и пѣс-

пей, по удовлетвореніи чреву и тому, что хуже чрева (*καὶ τὰ ὑπὸ γαστέρα*), „потому что для послѣдняго сорта людей къ числу удовольствій отпосится и то, чтобы поспорить о такихъ предметахъ и отличиться тонкостью возраженій..... Я не о томъ говорю, что не всегда должно памятовать о Богѣ... Памятовать о Богѣ необходимѣе, нежели дышать. И я первый изъ одобряющихъ слово, которое повелѣваетъ *поучаться день и ночь*. (Псал. 1, 2). Но богословствовать непрестанно, богословствовать безвременно и неумѣренно— вотъ что я осуждаю. Медь, не смотря на то, что онъ медь, если припятъ въ излишествѣ и до пресыщенія, производитъ рвоту. Даже прекрасное не прекрасно, если оно не во время и не у мѣста, какъ на примѣръ мужской нарядъ на женщинѣ и женскій на мужчинѣ, геометрія во время плача и слезы на пиру.....

Положимъ, что ты высокъ, выше самыхъ высокихъ, а если угодно—выше и облаковъ; положимъ, что ты—зритель незримаго, слышатель неизреченнаго, восхищенъ какъ Илія, удостоевъ богоявленія, какъ Моисей, небесенъ какъ Павелъ. Зачѣмъ же и другихъ, не больше какъ въ одинъ день, дѣлаешь святыми, производишь въ богословы, и какъ бы вдыхаешь въ нихъ ученость, и составляешь многія сонмища пеучившихся книжниковъ? Для чего опутываешь паутинными тканями тѣхъ, которые наиболѣе слабосильны, какъ будто это дѣло мудрое и великое? Для чего противъ вѣры возбуждаешь шершней? Для чего располжась противъ насъ состязателей, какъ древняя міеологія—гигантовъ? Для чего сколько только есть между мужами легкомысленныхъ и недостойныхъ имени мужа, собравъ всѣхъ, какъ соръ (*ὄβπερ τινα βυροφετόν*) въ одну яму и своимъ ласкательствомъ сдѣлавъ ихъ еще женоподобнѣе, построилъ ты у себя новую мастерскую и не безъ ловкости эксплуатируешь глупость ихъ?... Если у тебя чешется языкъ, если ты не можешь остановить болѣзней рожденія и не разродиться словомъ, то для тебя есть много другихъ благодарныхъ предметовъ. На нихъ и обрати съ пользою педугъ свой. Рази Пифагорова молчаніе, Орфесвы бобы и эту пресловутую поговорку новыхъ временъ: *самъ сказалъ!* Рази Платоновы идеи, переселенія и круговращенія нашихъ душъ.... Рази эпикуровъ атеизмъ, его атомы и не философское удовольствіе; рази Аристотелевъ темного-объемлющій промыслъ, смертныя сужденія о душѣ и есте-

ственный человѣческій взглядъ на сверхъестественныя ученія; рази надменность стоиковъ, прозорство и шутовство циниковъ“. etc. (1).

Или раскроемъ превосходное „прощальное слово“, произнесенное въ присутствіи собравшихся въ Константинополь ста-пятидесяти епископовъ, проникнутое тонкимъ художественно-сатирическимъ юморомъ лучшихъ рѣчей Демосоена.

„Какъ мнѣ вынести эту священную войну?“ между прочимъ говоритъ здѣсь ораторъ.— „Ибо пусть эта война называется и священною, хотя она—война варварская. Какъ соединю и приведу къ единству этихъ одинъ противъ другаго возсѣдающихъ и пастырствующихъ, а съ ними и народъ расторгнутый и приведенный въ противоборство.... Несносны мнѣ конеристатели, зрѣлица и тѣ издержки и заботы, которымъ предастесь съ равнымъ неистовствомъ. И мы то впрягаемъ, то перепрягаемъ коней, предаемся восторгамъ, едва не бьемъ воздуха какъ они, бросаемъ пылъ къ небу, какъ изступленные, споря за другихъ, удовлетворяемъ собственной страсти спорить, бываемъ худыми оцѣпниками соревновапія, несправедливыми судьями дѣлъ. Пыль у насъ одинъ престоль и одна вѣра, если такъ влупають намъ наши вожди: завтра подуетъ противный вѣтеръ, и престолы и вѣра будутъ у насъ разные. Вмѣстѣ съ враждою и призінію мѣняются имена, а что всего хуже, не стыдимся говорить противное при тѣхъ же слушателяхъ, и сами не стоимъ въ одномъ, потому что любовь къ спорамъ дѣластъ насъ то такими, то иными и въ насъ бываютъ такія же перемѣны, отливы и приливы, какъ въ Еврипѣ. Когда дѣти играютъ и служатъ игрушкой для другихъ на площади, стыдно и псевойственно было бы намъ, оставивъ собственные дѣла, вмѣшаться въ ихъ игры, потому что дѣтскія забавы неприличны старости. Такъ, когда другіе увлекаютъ и увлекаются, я, который знаю иное лучше многихъ, не соглашусь стать лучше однимъ изъ нихъ, нежели быть тѣмъ, что я теперь, то есть свободнымъ, хотя и не знатнымъ. Ибо кромѣ прочаго есть во мнѣ и то, что не во мпогомъ соглашаюсь со многими, и не люблю идти однимъ съ ними путемъ. Можетъ быть это дерзко и невѣжественно, однакожь

(1) По р. и. т. III, стр. 7—9, 14—15; ср. VI т. 43—44 стр.

я подверженъ этому: На меня непріятно дѣйствуетъ пріятное для другихъ: я увеселяюсь тѣмъ, что для иныхъ огорчительно. Поэтому не удивился бы я, если бы меня, какъ человѣка безпокойнаго, связали и многіе признали сумазброднымъ..... Можетъ быть и за то будутъ порицать меня (какъ и порицали уже), что нѣтъ у меня ни богатаго стола, ни соотвѣтственной сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи. Не зналъ я, что мнѣ должно входить въ состязанія съ консулами, правителями областей, знатнѣйшими изъ военачальниковъ, которые не знаютъ, куда расточить свое богатство,—что и мнѣ, роскошествуя изъ досгопяія бѣдныхъ, надобно обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества, изрыгать на алтари. Не зналъ, что и мнѣ надобно ѣздить на отличныхъ коняхъ, блистательно выситься на колесницѣ,—что и мнѣ должны быть встрѣчи, приемы съ подобострастіемъ, что всѣ должны давать мнѣ дорогу и разступаться предо мною, какъ предъ дикимъ звѣремъ, какъ скоро даже издали увидятъ идущаго.

Если это было для васъ тяжело, то оно прошло. Простите мнѣ эту обиду. Поставьте надъ собою другаго, который будетъ угодеиъ народу, а мнѣ отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога. Тяжело, если буду лишениъ бесѣдъ, собраній, торжествъ, и этихъ окривляющихъ рукоплесканій, лишениъ ближнихъ и друзей, почестей, красоты города, величія, блеска повсюду поражающаго тѣхъ, которые смотрятъ на это и не проникаютъ внутрь. Но не такъ тяжело, какъ возмущаться и очерняться мятежами и волненіями, какія въ обществѣ, и принаровленіями къ обычаямъ народа. Они ищутъ не ісреевъ, но риторовъ; не строителей душъ, но хранителей имуществъ; не жрецовъ чистыхъ, но сильныхъ предстателей. Скажу пѣчто и въ ихъ оправданіе: я обучилъ ихъ этому; я, который *всѣмъ быхъ вся*, не знаю только, *да спасу* ли всѣхъ, или да погублю (1 Кор., 9, 22) (1).

Даже и въ томъ особенномъ видѣ духовнаго краснорѣчія, который ни по предмету своему, ни по своимъ задачамъ и цѣлямъ, ни по условіямъ мѣста, времени и обстановки своего произнесенія не имѣетъ ничего общаго съ элементами сатиры,—разумѣемъ *надробныя слова*,—даже и

---

(1) IV т. 43—45, 47—48 стр.

здѣсь св. отецъ не измѣняетъ своему обычному характеристическому складу рѣчи, и здѣсь примѣшивается къ общему элегическому тону та же сатирическая черта, которая отличаетъ всѣ лучшія, оригинальныя произведенія его. Примѣромъ можетъ служить, положимъ, слѣдующее мѣсто изъ надгробнаго слова Василию Великому. Предметомъ сатиры здѣсь послужила страсть аѳинскихъ юношей къ софистамъ.

„Съ какимъ участіемъ охотники до рысаковъ и любители сильныхъ ощущеній смотрятъ на состязующихся на конскомъ ристалищѣ? Они подпрыгиваютъ, восклицаютъ, бросаютъ вверхъ землю, сидя на мѣстѣ какъ будто правятъ конями, бьютъ по воздуху пальцами, какъ бичами, запрягаютъ и перепрягаютъ коней, хотя все это пимало отъ нихъ не зависитъ. Они охотно мѣняются между собою ѣздоками, конями, конюшнями, распорядителями зрѣлищъ; и кто же это? Часто бѣдняки и пищіе, у которыхъ нѣтъ и на день достаточнаго пропитанія. Совершенно такую же страсть питаютъ въ себѣ аѳинскіе юноши къ своимъ учителямъ и къ соискателямъ ихъ славы. Они заботятся, чтобы и у нихъ было больше товарищей, и учителя чрезъ нихъ обогащались. И что весьма странно и жалко, напередъ уже захвачены города, пути, пристани, вершины горъ, равнины, пустыни, каждый уголокъ Аттики и прочей Греціи, даже большая часть самыхъ жителей; потому что и ихъ считаютъ поддѣльными по своимъ скопищамъ (1)“.

Въ *письмахъ* Григорія, изъ которыхъ болѣе двухъ третей написаны въ духѣ его же собственныхъ теоретическихъ правилъ или требованій для письма, (2) сатирическое направленіе сказывается чаще всего въ отгѣнкѣ легкаго юмора и блескѣ остроумія, безъ замѣтныхъ слѣдовъ третьяго существеннаго элемента сатиры—перодованія. Если тамъ, въ проповѣдяхъ, подъ вліяніемъ „волненій своего отечскаго сердца и терзанія чувствъ своихъ (3)“, подъ вліяніемъ „*υέλω-στα ἐν δακρύοις*“ (смѣха сквозь слезы) (4), Григорій при-

(1) IV томъ, 69 стр.

(2) Письмо къ Пиковулу «о томъ, какъ писать письма»; по рус. пер. подъ № 49, т. VI, стр. 121.

(3) Первое слово о богословіи; т. III, стр. 6.

(4) Первое общ. сл. на Юліана; т. I, стр. 167.

глашаетъ „раздѣлить съ нимъ *негодаваніе* (1)“....., то здѣсь, въ письмахъ, онъ требуетъ какъ одного изъ существенныхъ качествъ письма „*приятности*“ (τὸ *χάρις*). „А требованію этому удовлетворимъ, если будемъ писать не вовсе сухо и жестко, не безъ украшеній, не безъ искусства, и, какъ говорится, не до чиста обстрижено, т. е. когда письмо не лишено поговорокъ, пословиць, изреченій, также остротъ и замысловатыхъ выраженій, потому что всеѣмъ этимъ сообщается рѣчи усладительность“ (2).

Къ такимъ „не до чиста обстриженнымъ“ образцамъ, богатымъ и пословицами, и остротами, и замысловатыми выраженіями, блестящими мѣстами неподражаемой игрой мыслей, т. е., искусствомъ автора совмѣщать въ одномъ образѣ, въ одномъ выраженіи, два—три смысла, по такъ, что каждый изъ нихъ ясенъ самъ по себѣ и отливается своимъ особливимъ свѣтомъ.—слѣдуетъ отнести, въ особенности, письма подъ №№: 2—4, 8, 16—17, 19, 92, 129—130, 135, 228.

Гораздо больше простора и свободы, а вмѣстѣ съ этимъ и больше естественности сатирической талантъ поэта нашель для себя въ стихотвореніяхъ.

Въ собственномъ смыслѣ сатирическими произведеніями (а не произведеніями только сатирическаго направленія) изъ всего обширнаго отдѣла дидактической поэзіи св. Григорія, могутъ быть названы только три въ самомъ началѣ этого отдѣла упомянутыя стихотворенія: 1) „На жепцинь—модницъ“; 2) „На Максима“ и 3) „На епископовъ“. Но кромѣ этихъ трехъ, безспорно, лучшихъ опытовъ сатиры есть у св. отца нѣсколько стихотвореній, которыя по своимъ характернымъ свойствамъ, опредѣляющимъ видовыя отличія поэтическаго произведенія, принадлежатъ также къ разряду сатирическихъ произведеній, хотя по объему и степени выраженія этихъ свойствъ и не представляютъ цѣльнаго типическаго характера своего вида,—цѣльной чистой формы сатиры. Къ такимъ съ точки зрѣнія теории поэзіи смѣшаннымъ, но съ значительнымъ преобладаніемъ сатирическаго элемента произведеніямъ мы относимъ слѣдующія стихотво-

(1) Ibid. стр. 155.

(2) Томъ VI стр. 122.

ренія: „На гнѣвливость“. (1) Два стихотворенія подъ заглавіемъ: „На челоуѣка високаго по происхожденію и невысокаго по нравственности“. (2) „На богатолюбцевъ“. (3) „О различіяхъ въ жизни и противъ лжеіереевъ“. (4) „На лицемѣрныхъ монаховъ“. (5)

По роду и характеру самыхъ пороковъ, странностей житейскихъ и заблужденій челоуѣческихъ, являющихся предметомъ содержанія сатирическихъ стихотвореній св. Григорія Богослова, послѣднія могутъ быть раздѣлены на два разряда. Стихотворенія, въ которыхъ изображаются и осмѣиваются странности и пороки болѣе или менѣе повторяющіеся въ цѣломъ челоуѣчествѣ, и въ извѣстной мѣрѣ относящіеся къ каждой эпохѣ, можно подвести подъ категорію *сатиры общей*. Другія, въ которыхъ осмѣиваются и изобличаются пороки и заблужденія только современниковъ поэту, и которыя, слѣдовательно, болѣе или менѣе характеризуютъ именно его эпоху, его вѣкъ, мы отнесемъ къ *сатиру частной*. Въмѣстѣ съ содержаніемъ, а отчасти и въ зависимости отъ него, сатирическія стихотворенія того и другаго рода различаются между собой и по тону изложенія. Въ стихотвореніяхъ, приближающихся къ типу общей сатиры,—къ нимъ мы относимъ: „На гнѣвливость“, „На челоуѣка високаго по происхожденію и не високаго по нравственности“ (оба стихотворенія); „На богатолюбцевъ“; и сатиру „На женщинъ — модницъ“,—преобладаетъ шутливо-юмористическій тонъ. Напротивъ стихотворенія, относящіеся къ сатиру другаго рода, частной,—подъ ними разумѣемъ, именно: „О различіяхъ въ жизни и противъ лжеіереевъ“, „На лицемѣрныхъ монаховъ“, „На епископовъ“, „На Максима“,—носятъ на себѣ рѣзко-обличительный характеръ. Источникомъ сатирическихъ стихотвореній первой группы служить простое, полное столько же остроумія, подчасъ довольно

(1) «Κατὰ θυμοῦ»; Lib. I, Sec. II № XXV, стр. 511.

(2) «Ἐὶς εὐγενῆ δυστροπον»; ibid. №№ XXVI и XXVII; стр. 541—545.

(3) «Κατὰ πλουτούντων»; ibid. № XXVIII, стр. 545.

(4) «Περὶ τῶν τοῦ βίου διαφορῶν καὶ κατὰ ψευδιερέων»; Lid. II, S. I, № XVII. 849.

(5) «Ἐὶς ἐπιπλάστως μοναζοντας»; ibid. № XLIV, стр. 915.

колкого, сколько и сновойнаго добродушія, осмѣяніе общественныхъ страпностей и пороковъ, предосудительныхъ съ нравственной точки зрѣнія вообще. Сатиры второй группы изливаются прямо изъ пламеннаго и грознаго негодованія на лицъ, презирающихъ самую святыню, попирающихъ одинаково законы религіи, постановленія церкви, какъ и требованія внутренняго нравственнаго чувства, возмущающагося злонамѣреннымъ нарушеніемъ и оскорбленіемъ правъ ближняго. Во всей своей неумолимой ѣдкости онѣ являются настоящимъ бичемъ пороковъ и зла, не преслѣдуемаго правосудіемъ, но заслуживающаго этого преслѣдованія. Безпощадно обнажая утопченныя сѣти коварства, своеволіе, властолюбіе и невѣжество лицъ, стоящихъ въ главѣ общества, или церкви, святотатственно стремящихся къ захвату этого высокаго положенія, вскрывая ихъ внутренне-душевныя язвы, глубокія и отвратительныя, но не совсѣмъ замѣтныя для сторонняго наблюдателя, въ яркихъ краскахъ изображая всю низость ихъ нравственнаго паденія, св. отецъ выводитъ оскорбителей религіи и добродѣтели на судъ всѣхъ современниковъ и потомства. Не одинаково, отсюда, и впечатлѣніе на читателя тѣхъ и другихъ обличительныхъ стихотвореній. Сатиры первой группы производятъ впечатлѣніе веселой, пріятной, остроумной и шутливой бесѣды чловѣка, отличающагося неистощимымъ запасомъ наблюдательности, глубокимъ знаніемъ жизни, свѣта и въ особености сердца чловѣческаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладающаго рѣдкимъ искусствомъ представлять въ смѣшномъ видѣ все то, что несогласно съ правилами и понятіями чистой нравственности. Простосердечіе, которымъ дышитъ эта бесѣда, легко примиряетъ читателя съ колючестью остроумія и мѣстами рѣзкостью выраженія сатирика; чувствуешь, что авторъ говоритъ отъ сердца, по опыту, и, обличая людскія слабости, предлагаетъ правоученіе. Сатиры частныя можно назвать негодованіемъ пламенной души, исполненной необыкновенной любви къ правдѣ и добродѣтели, но преслѣдующей во имя этой высшей правды только пороки и порочныхъ безъ всякаго отрадно-успокоительнаго просвѣта на хорошія стороны изображаемыхъ лицъ. Сатирикъ видитъ и бичуетъ здѣсь одно безобразіе, выражаетъ и поселяетъ въ душѣ читателя одно презрѣніе. Стилъ этихъ сатиръ, дышащій пламенемъ

чувства, поднимается до высоких нотъ истинно трагическаго тона. . . Обратимся къ содержанію.

Содержаніе стихотворенія „На гнѣвливость“ довольно точно соответствуетъ вопросамъ, которыми задается поэтъ въ 32-мъ стихѣ его: „Что такое недугъ этотъ (гнѣвливость)? Отъ чего бываетъ онъ? и какъ отъ него оберегаться?“

Но, какъ видитъ читатель, поэтъ не сразу, не прямо съ первыхъ стиховъ приступаетъ къ предмету своей рѣчи. Онъ предпосылаетъ ему нѣкоторое вступленіе, въ которомъ уже напередъ даетъ понять читателю стиль и тонъ стихотворенія, заявляя здѣсь, между прочимъ, что оружіемъ противъ изобличаемаго въ немъ недуга онъ избираетъ *остріе слова*; по поводу этого обстоятельства поэтъ проситъ читателя „не гнѣваться на слово“ и считаетъ нужнымъ тутъ же въ оправданіе свое замѣтить, почему ему необходимо будетъ, говоря о такомъ сильномъ злѣ, употребить „не мягкія слова“. „Когда огонь клокочетъ, клубясь яримъ пламенемъ, перскидывается съ мѣста на мѣсто, послѣ многократныхъ прираженій зажигаетъ, течетъ вверхъ съ живымъ стремленіемъ, и что ни встрѣчаетъ на пути, все съ жадностію пожираетъ, тогда надобно угнать его силою, бросая въ него воду и пыль. Или когда нужно истребить звѣря—страшилище темныхъ лѣсовъ, который реветъ, мечетъ огонь изъ глазъ, обливается пѣной, любитъ битвы, убійства, пораженія; тогда обружаютъ его псалями, поражаютъ коньями и изъ пращей. Такъ, можетъ быть, и я, при помощи Божіей, одолѣю этотъ недугъ, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаю его менѣе жестокимъ“. . . . (1)

Все стихотвореніе, такимъ образомъ, можно раздѣлить по содержанію на три части: вступленіе (ст. 1—34), разсужденіе на первые два вопроса: „Что такое гнѣвъ и отъ чего происходитъ онъ“ (ст. 35—183) и нравственно-дидактическіе совѣты по вопросу: „Какъ оберегаться отъ гнѣва“ (ст. 184—515). Изложеніе соображеній на первые два вопроса имѣетъ характеръ историко-психологическій, хотя нравственно-пазидательный элементъ и здѣсь тѣсно переплетается съ историческими примѣрами и психологическими изображеніями. Въ самомъ началѣ этой средней части поэтъ

(1) Стихи: 16—28.

приглашаетъ читателя „заглянуть въ разсужденія древнихъ мужей, которые углублялись въ природу вещей“. Онъ сводитъ эти разсужденія къ тремъ общимъ направленіямъ—матеріалистическому, сенсуалистическому и къ возрѣніямъ, занимающимъ средину между тѣмъ и другимъ. „Иные называютъ изступленіе—говоритъ авторъ—воскипѣніемъ крови около сердца. (¹) Это тѣ, которые болѣзнь эту приписываютъ тѣлу, какъ отъ тѣла же производятъ другія и большую часть страстей. А иные называли гнѣвливость желаніемъ мщенія, приписывая порокъ этотъ душѣ а не тѣлу.... Признававшіе же болѣзнь эту чѣмъ-то сложнымъ, и потому славяшіе и самое понятіе оной, говорили, что она есть воскипѣніе крови, но имѣетъ причину въ пожеланіи“. (²) Поэтъ не считаетъ здѣсь умѣстнымъ входить въ разсужденіе о томъ, какое изъ этихъ возрѣній справедливо, по съ своимъ личнымъ мнѣніемъ онъ наклоняется къ той точкѣ зрѣнія, съ которой *умъ* представляется *властелиномъ во всемъ* (*νοῦς πάντων ἡγεμών*). „Его и Господь далъ намъ поборникомъ противъ страстей. Какъ домъ—поясняетъ поэтъ—укрываетъ отъ града, какъ въ стѣнахъ находятъ убѣжище спасающіеся съ битвы, и кустарникъ служитъ опорой на крутизнахъ и надъ пропастями, такъ разсудокъ спасаетъ насъ во время раздраженія“. (³) Съ этой же точки зрѣнія поэтъ предлагаетъ и самое первое средство противъ раздражительности въ состояніи гнѣва на той степени, какая доступна еще убѣжденіямъ разсудка. „Какъ скоро покажется только дымъ того, что разжигаетъ твои мысли; то, прежде нежели возгорится огонь и раздуется пламень, едва почувствуешь въ себѣ движеніе духа, привергнись немедленно къ Богу, и помысливъ, что Онъ—твой покровитель и свидѣтель твоихъ движеній, стыдомъ и страхомъ сдерживай стремительность недуга, пока болѣзнь внимаешь еще увѣщаніямъ“. (⁴) Переходя затѣмъ къ психологической сторонѣ дѣла, къ изображенію чувства гнѣва во внѣшнихъ его проявленіяхъ, св. Григорій Богословъ какъ *поэтъ*—психологъ оказывается

(¹) . . . . *ἀλματος ξέσιν τοῦ γειτονοῦντος καρδίας*; 35—36.

(²) Стихи 37—45; по р. н. V т. 155 стр.

(³) Стихи 46—53.

(⁴) Стихи 54—60.

неизмѣримо выше ученаго *теоретика*—психолога, выступающаго съ своими „опредѣленіями“ въ безжизненномъ гномическомъ стихотвореніи подѣ тѣмъ же заглавіемъ. Живое и точное воспроизведепіе въ картинахъ и тонко подмѣченныхъ опытно-психологическихъ данныхъ даетъ поэту резонное основаніе высказать при этомъ замѣчательно вѣрныя и мѣткія сужденія. Характеристической особенностью чувства гнѣва, въ отличіе отъ другихъ душевныхъ аффектовъ, поэтъ отмѣчаетъ непреодолимую способность или стремленіе его проявляться вовнѣ—въ специфически-безобразномъ выраженіи лица и въ напряженіи всѣхъ мускуловъ. „Болезни другаго рода таинственны; таковы: любовь, зависть, скорбь, злая ненависть. Нѣкоторые изъ этихъ недуговъ или вовсе не обнаруживаются, или обнаруживаются мало, и болѣзнь остается скрытою внутри. Иногда сама скорѣе износится въ глубинѣ сердца, нежели сдѣлается замѣтною для постороннихъ. Но гнѣвливость—явное и совершенно обнаженное зло, это вывѣска, которая, противъ воли тѣла, сама себя показываетъ“. (1)

Примѣнительно къ этой отличительной особенности изобличасмой страсти поэтъ считалъ-бы полезнымъ ставить передъ разсерженными зеркало, „чтобы смотрясь въ него и смиряясь мыслию предѣ безмолвнымъ обвинителемъ ихъ страсти, сколько-нибудь сокращали чрезъ это свою наглость“. (2) Нельзя не согласиться въ пользу рекомендуемаго поэтомъ средства противъ гнѣва, если взглянуть вслѣдъ за этимъ на портретъ субъекта въ состояніи гнѣва, изображасмый кистью самаго поэта. „Ὄβλερ ὑραφένς εἰ τοῦ πάθους“ (Ты какъ живописецъ изображаешь эту страсть) говоритъ устами поэта, обращаясь къ собесѣднику своему, одно изъ лицъ, выводимыхъ св. отцемъ въ діалогъ другаго стихотворенія. (3) Но слова эти были бы умѣстнѣе въ данномъ случаѣ въ отношеніи къ самому поэту. Его портретъ разсерженнаго изображенъ съ такою глубокою наблюдательностію надъ человѣческой природой, съ такимъ умѣньемъ не только под-

(1) Стихи: 76—84.

(2) Стихи 87—90.

(3) Стихотв. XXIV, ст. 164, стр. 503.

мѣтить, но и отгнѣнить надлежащимъ колоритомъ самыя тонкія и отъ обыкновеннаго взора ускользящія физиогномическія детали, во всемъ ихъ сложномъ разнообразіи, соответственно разнообразію проявленій психическихъ моментовъ въ припадкѣ гнѣва,—до такой степени, словомъ, живо и типично, что перенесенный на полотно, съ соблюденіемъ всей данной обстановки, обрисованной въ текстѣ сатиры, портретъ этотъ могъ-бы сдѣлать честь лучшему жапристу.

„Глаза налиты кровью и искошены, волосы оцетинились, борода мокра, щеки у одного блѣдны, какъ у мертваго, у другаго багровы, а у иного какъ свинцовыя—такъ бываетъ угодно расписывать человѣка этому псистоному и злому живописцу; шея напряжена, жилы напряжены, рѣчь прерывистая и вмѣстѣ скорал, дыханіе, какъ у бѣнующагося, скрежетъ зубовъ отвратителенъ, носъ расширенъ и выражаетъ совершенное презорство, всплескиванія рукъ, топотъ ногъ, наклоненія головы, быстрые повороты тѣла, смѣхъ, потъ, утомленіе, киванья вверхъ и внизъ не сопровождаются словомъ, скулы раздуты и издають какой-то звукъ, какъ гумно; рука, стуча пальцами, грозитъ. И это только начало тревоги. Какое же слово изобразить, что бываетъ послѣ того? Оскорбленія, толчки, неблагоприличія, лживыя клятвы, щедрья изліянія языка, клокочущаго, подобно морю, когда оно покрываетъ пѣною утесы. Одно называетъ худымъ, другаго желастъ, инымъ обременяется, и все это тотчасъ забываетъ. Негодуетъ на присутствующихъ, если они спокойны; требуетъ, чтобы все съ нимъ было въ волненіи. Просить себѣ громовъ, бросаетъ молніи, недоволенъ самымъ небомъ за то, что оно неподвижно“. (1)

Сравнивая раздражительность въ гнѣвѣ съ другими несчастіями и недугами въ человѣческой природѣ съ точки зрѣнія вреда и гибельныхъ послѣдствій ихъ, св. отецъ не находитъ ничего хуже и ужаснѣе гнѣва. Даже такое очевидное зло, какъ пьянство, уступаетъ гнѣву. „Тамъ самое тяжкое послѣдствіе,—говоритъ онъ—„это то, что сдѣлаешься смѣшнымъ; и одинъ сонъ можетъ вскорѣ поправить дѣло. По скажите—есть ли какое средство противъ преступившей мѣру гнѣвливости?—Въ иныхъ болѣзняхъ прекрасное враче-

(1) Стихи 94—120.

ство—мысль о Богѣ. А гнѣвливость, какъ только перешла за границу, прежде всего заграждаетъ двери Богу. Самое воспоминаніе о Богѣ увеличиваетъ зло, потому что разгнѣванный готовъ оскорбить и Бога. Приводилось видать иногда, что и камни, и прахъ, и укориженное слово летѣли въ Того, Котораго нигдѣ, никто и никакъ не можетъ уловить; законы отлагались въ сторону, другъ становился недругомъ; и врагъ, и отецъ, и жена, и сродники—все уравнено однимъ стремленіемъ и одного потока“. (1) Однако со второй половины стихотворенія поэтъ переходитъ къ довольно подробному изложенію тѣхъ, такъ сказать, морально-дисциплинарныхъ средствъ, къ которымъ, по мнѣнію его, съ успѣхомъ можно прибѣгать для предотвращенія въ себѣ гнѣвнаго раздраженія. Онъ обращается за этими средствами и къ священо-ветхозавѣтной исторіи Евреевъ и къ языческо-классической исторіи эллиновъ, отчасти къ современной ему политической исторіи, а больше всего къ непосредственному благоразумію и христіанскому чувству. Онъ рекомендуетъ оживлять въ душѣ высокіе образцы великодушія Моисея, Аарона, Давида, Самуила, ап. Петра, наконецъ—высочайшій Образецъ кротости и терпѣнія „Того“, Кто, будучи Богъ и Владыка молній, какъ агнецъ безгласный веденъ былъ на закланіе, потерялъ столько закланій и заушеній, когда милосердіе Его испыталъ Малхъ даже на своемъ язвепномъ ухѣ“. (2) Приводитъ, съ другой стороны, на память примѣръ Стагирскаго философа, какъ онъ однажды „хотѣлъ ударить одного человѣка, котораго онъ засталъ въ постыдномъ дѣлѣ: но какъ скоро почувствовалъ, что въ него самого вступилъ гнѣвъ, борясь со страстью, какъ со врагомъ, остановился, и, помолчавъ недолго, сказалъ: „исобыкновенное твое счастье, что защищаетъ тебя мой гнѣвъ. А если бы не онъ—ты пошелъ бы отъ меня битымъ„. (3) Обращаетъ вниманіе на подвигъ великодушія Перикла, проводившаго со свѣтильникомъ въ рукахъ, до самыхъ дверей дома, своего ругателя, цѣлый день язвительно злословившаго его и преслѣдовавшаго укорижами. Возста-

(1) Стихи 164—177.

(2) Стихи 237—243.

(3) Стихи 261—267.

повлаетъ въ памяти, наконецъ, образъ благочестиваго государя Констанція съ его умнымъ отвѣтомъ одному саповнику, который, пытаясь раздражить царя противъ православныхъ, между прочимъ, какъ-то замѣтилъ ему: „какое животное такъ кротко, какъ пчела, но и она не щадитъ тѣхъ, которые собираютъ ея соты“. — „Ужели же не знаешь, превосходный мой“ — отвѣтилъ ему царь, выслушавъ слова его — „что жало не безвредно и для самой пчелы? Она жалитъ, но въ тоже время и сама погибаетъ“ (1). . . . . Въ отношеніи „второй заботы“, именно по вопросу: „какъ удержаться, чтобы не воспламениться гнѣвомъ отъ чужаго гнѣва, какъ воспламеняется огонь отъ огня?“ св. Григорій Богословъ, въ числѣ другихъ дѣйствительныхъ средствъ, предлагаетъ — смотрѣть на разгнѣваннаго, который „горячится и дышитъ дерзостью“, какъ на сумасшедшаго. „Ужели и на укоризны больныхъ станемъ отвѣчать укоризнами? Не равнодушно ли переносишь ты изступленіе бѣспующихся, разумѣю такихъ, которые невольно изрыгаютъ злословіе? Почему же не перенести сего отъ безумнаго и пришедшаго въ сильную ярость? . . . Что, если мимо тебя пробѣжитъ бѣшеная собака? Что, если верблюдъ, по естественной своей наглости, закричитъ во все горло, и протянетъ къ тебѣ шею? Пойдешь ли съ ними въ драку; или, по благоразумію, побѣжишь прочь? Что, если неоптребная женщина будетъ стыдить тебя своими срамными дѣлами“ (1)...

А ужъ если вооружаться противъ разсерженнаго, то лучше всего шутками. „Смѣхъ — самое сильное оружіе къ пренобѣжденію гнѣва. Какъ въ кулачныхъ бояхъ, кто въ сильной запальчивости по-пусту сыплетъ удары, тотъ скорѣе утомляется, пезели принимающій на себя эти удары, истощеніе же силъ — неискusstный въ бою пріемъ; такъ и тому, кто оскорбляетъ человѣка, который не сердится на его нападеніе, но смѣется надъ нимъ, всего болѣе бываетъ это огорчительно; напротивъ того, если встрѣчаетъ онъ се-

(1) Стихи: 289—300 стр. 527.; по р. п. V т. 164 стр.

(2) Стихи: 480—490.

бѣ сопротивленіе, это, доставляя новую пищу гнѣва, приносить ему нѣкоторое удовольствіе“ (1).

Предметомъ сатирическихъ стихотвореній: „*На человека высокого родомъ и худого по нравственности*“ служить осмѣяніе одного изъ тѣхъ странныхъ заблужденій, которыя, питаясь самолюбіемъ человѣческимъ, не менѣе распространены и въ наше время, какъ въ современное поэту, и развиты преимущественно въ высшихъ классахъ общества. И въ нашей отечественной литературѣ ложное пониманіе благородства, высокомеріе, на ряду съ другими общественными нравственными недостатками и предрасудками, осмѣивалось въ различныхъ сатирическихъ формахъ; припомнимъ сатиру Кантемира: „На зависть и гордость злоправныхъ дворянъ“; сатиру Воейкова: „Объ истинномъ благородствѣ“; басню Крылова: „Гуси“. Но во времена св. Григорія Богослова, когда тщеславіе знатностью происхожденія и привилегированнымъ благородствомъ крови поддерживалось еще въ самомъ христіанскомъ обществѣ живучестью и обаяніемъ древнихъ языческихъ традицій, оно было не просто только смѣшнымъ предрасудкомъ, но и однимъ изъ несомѣстныхъ съ духомъ христіанской религіи нравственно-общественныхъ недуговъ. Гордое, падменное самовозвышеніе, основанное на одной лишь родословной знатности, ревностный пастырь христіанскій считалъ достойнымъ осужденія, какъ порокъ, съ нравственно-христіанской точки зрѣнія. И съ церковной кафедры, въ живомъ проповѣдническомъ словѣ своемъ, онъ не разъ останавливалъ вниманіе своихъ слушателей на томъ, что такое истинное и что такое ложное благородство (2). Но особенно сильно и смѣло порицалъ св. Отецъ этотъ порокъ въ тѣхъ уродливыхъ формахъ его проявленія, когда *человѣкъ низкій въ нравственномъ отношеніи величается благородствомъ*. Въ двухъ обличительныхъ стихотвореніяхъ на эту тему онъ даетъ полный просторъ своему прирожденному остроумію, доказывая въ нихъ одну основную мысль, что „лучше быть добродѣтельнымъ, происходя отъ худого рода, не-

(1) Ст. 506—515; по р. п. стр. 171—172.

(2) Томъ I: стр. 272, II; 107, 260, 263, 302; III; 176.

жели благородному быть челоѡкомъ самымъ порочнымъ“. Онъ считаетъ такого порочнаго челоѡка „презрѣннѣе ряженой вороны, еслибы эта самая неуклюжая изъ птицъ, окрасившись чѣмъ нибудь бѣлымъ, стала изображать изъ себя лебедя“...

Общее содержаніе этихъ двухъ сатирическихъ стихотвореній, написанныхъ ямбическими стихами, сконцентрировано, въ формѣ краткой басни, въ начальномъ пятистишіи первой сатиры.

1.

„Нѣкто, челоѡкъ крайне-худой, но происшедшій отъ знаменитыхъ родителей, хвалился своими предками предъ другимъ, который неспатень былъ родомъ, но внушалъ удивленіе дѣлами. Тотъ, съ большою пріятностью улыбувшись, далъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: „мнѣ укоризна — родъ, а ты — укоризна роду“ (¹).

Въ дальнѣйшихъ стихахъ поэтъ только развиваетъ эту общую мысль и онагляживаетъ ее посредствомъ цѣлаго ряда сравненій и образовъ, сопоставленій и противоположеній, показывающихъ неистощимо-богатое воображеніе и неподдѣльно-добродушный юморъ св. Отца. „Если кто укорить тебя за то, что ты дурень лицомъ, или что имѣешь непріятный запахъ; ужели скажешь на это: у меня отецъ былъ пригожъ, или всегда умащался благовоніями? Если кто назоветъ тебя трусомъ и не имѣющимъ мужества: ужели возразишь: у меня предки пріобрѣтали много побѣдныхъ вѣнковъ въ Олимпіи? Равнымъ образомъ, когда уличаютъ тебя въ томъ, что ты пороченъ и неразуменъ, не говори мнѣ о своихъ родителяхъ, и не указывай на мертвыхъ. У иного гусли вызолочены, а онъ играетъ на нихъ—

(¹) Стихотвореніе XXVI, ст. 1—5.

только уши рѣжетъ; другой же беретъ какія не попадутся ему гусли, и выигрываетъ на нихъ благозвучную пѣснь. Кого же изъ нихъ, дорогой мой, признаешь ты гуслистомъ? Конечно, того, кто въ мастерской игрѣ своей соблюдаетъ гармонію? Но ты родился, какъ говоришь, отъ золотыхъ родителей, а самъ не хорошъ. Ужели же думаешь о себѣ высоко? И знаменитость рода поставляешь въ этомъ одномъ—въ давнихъ мертвецахъ, въ разказахъ старухъ?... Полно, другъ мой, ты шутишь!.... Не природою, а насиліемъ раздѣлены смертные на два разряда. По моему тотъ и рабъ, кто негоденъ, тотъ и свободенъ, кто совершенъ. А если въ тебѣ есть гордость; какое тутъ отношеніе къ роду? По отцѣ ли славенъ лошакъ, и украсишь ли его за то, что произошелъ отъ осла? Ни мало. Но какая слава и осламъ отъ лошаковъ?... Лучше быть добродѣтельнымъ, происходя отъ худаго рода, нежели благородному быть человѣкомъ самымъ порочнымъ. И роза выросла на грубомъ растеніи, хотя она и роза. Если же ты на вѣжной землѣ вышелъ терпомъ, то годишься только въ огонь“ (1)....

2.

„Если бы привелъ я къ тебѣ обезьяну, постаравшись нарядить ее львомъ; пришелъ-ли бы ты въ страхъ при видѣ ея?—Какъ это возможно?— А чтѣ? Не смѣшишь ли еще была бы для тебя ворона—эта самая неуклюжая изъ птицъ—если бы она, окрасившись чѣмъ нибудь бѣлымъ, стала изображать изъ себя лебедя? По моему, это было бы смѣшно. А если человѣкъ низкій въ нравственномъ отношеніи величается благородствомъ—не презрѣннѣ ли онъ ряженой вороны?... Смотри на быка, кто скажетъ, что это дельфинъ? Каждая вещь за то и признается, что она въ дѣйствительности. По вотъ два забавныя явленія на поприщѣ нашей жизни—живая тварь пресмыкающаяся по землѣ, превозносится до звѣздъ, и грамота дѣлаетъ худонравнаго благороднымъ! Какого ты предпочтешь купить себѣ коня, сильнаго и ры-

---

(1) Ibid. ст. 7—38.

систаго, или пи къ чему негоднаго, по за то извѣстнаго породой? Я думаю—перваго. Не проворныхъ ли выбираешь и цесовъ? — Да. — Что жъ? Не тоже ли наблюдаешь и во всемъ?—Конечно, тоже.—А себя, когда ты всѣхъ порочишь, называешь благороднымъ? Напрасно такъ шутишь.... Можетъ быть тѣхъ, отъ кого приходишь, признали благородными за богатство, а не за нравы“ (1)!

Стихотвореніе „*На богатолюбцевъ*“ направлено противъ порока, который самъ по себѣ, какъ страсть, въ смыслѣ, именно, общественнаго недуга, также не можетъ имѣть значенія характеристической черты какой-либо отдѣльной націи, какого-либо исключительнаго мѣста и времени. Страсть къ богатству и роскоши, а неразлучно съ этимъ и насиліе, гнѣвъ бѣдныхъ людей, притѣсненіе высшими низшихъ братій глубокой межей отѣпнеть въ исторіи каждаго цивилизованнаго народа, по преимуществу, особые періоды, обыкновенно совпадающіе съ эпохами подъема или же упадка его политическаго роста и его исторической роли. Хотя, разумѣется, степень проявленія „богатолюбія“ не одинакова у каждаго народа; еще болѣе можетъ относиться это замѣчаніе къ формамъ его проявленія, которыя у каждаго цивилизованнаго народа, сообразно господствующимъ эстетическимъ вкусамъ его, отчасти же и въ зависимости отъ географическаго положенія и климатическихъ условій страны, а вообще, подъ вліяніемъ всей совокупности характеристическихъ отличій извѣстнаго народа, могутъ окрашиваться въ своеобразный, національно — характеристическій колоритъ. Въ этомъ отношеніи и литературныя произведенія народа, особенно произведенія сатирическаго рода, болѣе или менѣе вѣрно и живо отображающія внутренню бытовую сторону его, всегда могутъ имѣть свой историческій интересъ. Съ этой же точки зрѣнія имѣетъ свой относительный интересъ и стихотвореніе св. Григорія „*На богатолюбцевъ*“. И интересъ его въ этомъ отношеніи уредилъ уже наше слово о немъ въ подлежащемъ мѣстѣ его разбора. Выше въ отдѣлѣ гномическихъ стихотвореній, когда рѣчь у насъ шла о той сторонѣ современной Григорію жизни, къ которой, именно, имѣеть

(1) Стихотвор. XXVII, ст. 1—30; стр. 543; по р. и. V т. 212—213 стр.

непосредственное отношеніе сатира „На богатолюбцевъ“, мы не покупились на большую выдержку изъ него. Сильно и картинно изображаетъ она изысканно-богатую роскошь современниковъ поэта, раскрывая предъ нами съ оборотной стороны жизнь золотого христіанскаго вѣка. Не менѣе ярко и образно поэтъ разоблачаетъ въ этомъ стихотвореніи софистику богачей, которые притѣсняли бѣдныхъ, по которымъ, между тѣмъ, оправдываютъ себя страннымъ указаніемъ на то, что есть люди и похуже ихъ. „Что ни есть у твоего ближняго“, пишетъ св. отецъ богачу, „все гвоздь тебѣ въ глазу... На помощь рукамъ у тебя готова и клевета. Ты заимодавецъ бѣднаго и вскорѣ потомъ и истязатель его. Ему грозятъ пытки и оковы. Ты называешь его и другомъ морскому разбойнику, и жалуешься на него въ томъ, будто воля его сдѣлалъ когда-то обиду твоимъ воламъ. Что же это за обида, скажи мнѣ?—Воля такого бѣдняка, а мычалъ громче и какъ будто еще вызывалъ на драку твоего вола, даже какъ будто уже одолѣлъ его. И тѣнь отъ его деревьевъ, падая на твои деревья, причиняетъ имъ вредъ. И мальчикъ его ходилъ по твоему полю. И ты представляешь свидѣтелей, а если по случаю самъ умешь — тебѣ вѣрять и безъ свидѣтелей, и у бѣдняка пронадаютъ и воля, и мальчикъ, и садъ..... Дальше, оправдываясь, ты говоришь:—Положимъ, я пагль. Чтò-жъ, развѣ не пайдутся мнѣ подобныя и изъ древнихъ, и изъ новыхъ? — Выставляешь примѣры. — Допустимъ, что я обогащаюсь несправедливо; но ипой захватывалъ во власть свою и цѣлыя народы и города, — и онять тотчасъ же прибѣгаешь къ примѣрамъ. На это хочу сказать тебѣ одну баснь, баснь очень приличную твоимъ лжеумствованіямъ. — Смѣялся пѣкто надъ совою. И сова отъ каждой насмѣшки увертывалась ловкимъ отвѣтомъ. Какая у тебя голова! говорили ей.—А какая у Дія? отвѣчала она.—Какіе свѣтлыя глаза!—Точно какъ у свѣтлоокой. — Голосъ неблагозвученъ!—А у сороки еще неблагозвучнѣе.—И ноги тонки!—А каковы тебѣ кажутся у скворца?—Но безъ труда отразивъ все это, какъ ни умна была сова, она уступаетъ въ одпомъ. Ей говорятъ: посуди же ты, умная, у каждаго есть чтонибудь одно, а у тебя все вмѣстѣ и все чрезъ мѣру — и глаза навькатѣ, и голосъ отвратителенъ, и ноги тонки, и голова велика. И дорогая сова, выслушавъ это, пошла со стыдомъ.—А отъ тебя не дождешься и этого; па-

противъ того, птица въ баснѣ гораздо умнѣе тебя. Все есть въ одномъ,—въ томъ и бѣда твоя“ (1).....

Лучшимъ изъ всѣхъ стихотвореній въ сатирическомъ родѣ слѣдуетъ отмѣтить сатиру: „*На женщинъ, любящихъ наряды*“. Она любопытна не въ одномъ только историко-литературномъ отношеніи, въ какомъ перѣдко и классическія по своему времени произведенія бывають непонятны въ послѣдствіи безъ историческихъ правоописательныхъ комментаріевъ на вѣкъ, котораго авторъ ихъ былъ выразителемъ. Она весьма интересна и въ живомъ, непосредственномъ, современномъ значеніи своемъ, и при томъ интересна и безусловно понятна, именно, какъ сатира. Четырнадцать ровно столѣтій прошло со времени появленія этой сатиры, а между тѣмъ въ вѣрномъ зеркалѣ ся современные модницы могутъ такъ же печально-хорошо узнать себя, какъ изумленно узнала себя въ зеркалѣ вѣкая особа у нашего дѣдушки Крылова.... Странно даже, тотъ родъ мнимо-изящныхъ вкусовъ и обычаевъ женскихъ, на какой нападаетъ въ своей сатирѣ св. отецъ относится къ такой области, гдѣ непостоянство, разнообразіе до безобразія и чисто женски-капризная измѣчивость признается и первымъ достоинствомъ, и непремѣннымъ правиломъ. И однакожь моды, манеры, утонченные приемы и формы кокетства знатныхъ гречапокъ IV-го вѣка съ большимъ успѣхомъ могли бы украшать ревностныхъ поклонницъ „последней моды“ нашего XIX-го столѣтія. Поэтъ какъ будто изображаетъ намъ въ своей сатирѣ будуары современныхъ намъ представительницъ моднаго свѣта, говоря о щегольливыхъ женщинахъ своего времени, что „у нихъ не было покоя ни дверямъ, ни ключамъ, ни зеркаламъ, ни притираньямъ, ни парикмахерамъ, такъ что весь домъ приходилъ въ содраганіе“ (2). Тутъ, въ сатирѣ его, находятъ свое осужденіе и такъ недавно еще безобразившіе головы женщинъ шиньоны, и игриво разсмѣшающіеся локоны и всѣ возможныя нынѣшнія косметическія средства: различныхъ родовъ и назначеній помады (для головныхъ волосъ, рѣсницъ, бровей, губъ), духи, румяна, бѣлила. При-

(1) Стихотвор. XXVIII, ст. 25, 32—49; 224—249; по р. п. V т. 215 и 222 стр.

(2) Стих. XXIX, ст. 285—286; стр. 581; по р. п. V т. 238 стр.

хотливыя моды, вздорныя туалеты, изысканныя условности и претсзін позы, выдержки манерь, образуютъ подѣ духовно-сатирическимъ перомъ автора смѣшныя, но живыя картины. Но обычаю своему онъ простираетъ далеко свой анализъ: комичныя явленія, уродливыя фигуры, забавныя сцены и сценки женскаго легкомыслія, слѣдуютъ другъ за другомъ, съ яркимъ разнообразіемъ возобновляясь изъ источника, который кажется исчерпаннымъ. Въ этомъ колоритнѣйшемъ образчикѣ произведенія истинно - греческаго сатирическаго таланта съ особенною рельефностью выразились и необычайная сила остроумія, и гибкость, и легкость, и яркость и топкая насмѣшливость и скорбныя потоы чувства разлада паличной дѣйствительности съ нравственнымъ идеаломъ.

„Не стройте, женщины, на головахъ у себя башенъ изъ накладныхъ волосъ, не выставляйте на показъ пѣшной шеи. Не прилично женщинамъ показывать мужчинамъ открытую голову, хотя бы и кудри, переплетенныя въ золото, обрамляли обнаженную шею съ или несвязанные волосы, какъ у скачущей менадѣ, развѣвались туда и сюда нескромными вѣтерками; неприлично носить гребень наверху, наподобіе шлема, или видную издали мужчинамъ и блестящую башню; неприличенъ ей и такого рода головной уборъ, что сквозь него просвѣчиваютъ твои волосы, вмѣстѣ покрытые и открытые, и сіяя какъ золото, гдѣ сбѣжало покрывало, выказываютъ мастерство твоей трудившейся руки, когда, поставивъ передъ собою слѣснаго наставника—своей истуканъ въ зеркалѣ, съ его помощію писала ты свою красоту....

Если природа дала вамъ красоту, не закрывайте ее притираниями, но чистую храните для однихъ супруговъ своихъ, и не обращайтесь на посторонняго жадныхъ очей: въ слѣдъ за очами неблагочинно ходить и сердце. А если не получили вы въ даръ красоты при рожденіи, то не покупайте ее подобно раснутымъ женщинамъ за нѣсколько оводовъ; непряча вѣдь эта красота: она легко стирается и стекаетъ на землю; она не можетъ удержаться на тебѣ даже во время смѣха, а тѣмъ болѣе—во время слезъ, ручьи которыхъ тотчасъ же изобличаютъ ее въ подлогѣ. Блестящія и полныя прелестей ланиты твои вдругъ, къ великому смѣху, являются разноцвѣтными: тамъ выходитъ черная полоса, тутъ выступаетъ красная, рядомъ показалась какого-то дву-

смысленнаго цвѣта съ крапинами,—точно дугъ, на которомъ растутъ попеременно цвѣты двухъ родовъ, и пріятные, и непріятные.. Поэтому, или не расписывай своего тѣла, или, расписавъ, постарайся сберечь.....

Походя на галку, описанную въ баснѣ, и зная, что эта птица, гордившаяся чужими перьями, векорѣ оцципала и предана осмѣянію, какъ и ты не подумаешь о послѣднемъ позорѣ, о пагубной красотѣ?....

Да и что пользы въ накладной красотѣ, когда старость покростъ морщинами лицо, дотолѣ цвѣтущее, когда дряхлость членовъ нельзя закрыть никакими прикрасами, и остатокъ плоти походить на что-то обожженное огнемъ и вынутое изъ шлепа?“ (1).....

Но что же и вреднаго—можетъ спросить читатель стихотворенія — во всѣхъ этихъ косметическихъ и мнимо-эстетическихъ средствахъ съ точки зрѣнія собственно христіанской морали? Не сводится ли тутъ все дѣло къ одной только наружности, недостойной не только негодования и скорби великаго отца церкви, но и просто—вниманія св. мужа?

Кто внимательнѣе прочтаетъ сатиру, тотъ не можетъ не замѣтить, что и въ этомъ полунутивомъ произведеніи, разоблачая смѣшную сторону неразумныхъ поступковъ, поэтъ не скользитъ только по одной комической наружности ихъ, но и съ оружіемъ смѣха, какъ опытный врачъ духовныхъ недуговъ, онь проникаетъ въ самую сокровенную глубь мотивовъ, дѣлей и слѣдствій изобличаемыхъ поступковъ, разсматриваетъ, обсуждаетъ и осуждаетъ ихъ какъ страсть, какъ порокъ, какъ грѣхъ, сколько смѣшной, столько же и пагубной по своимъ послѣдствіямъ. — Почитаемъ дальше св. отца. „Разказываютъ о гордомъ павлинѣ, что, когда изогнувъ шею въ видѣ круга, поднимаетъ онь свои золотистыя и звѣздами усеяныя перья, тогда пачинаетъ привѣтливо скликать своихъ жепъ: для меня удивительно будетъ, если и жепщина подкрашиваетъ лице свое не для похотливыхъ очей... И вѣдь смѣха достойно то, что, стараясь утаить свою живонисъ отъ мужичнъ, мужичнъ же вводишь въ секретъ своей красоты; потому что тѣ составы, которыми ты восхищаешься, приготовляли мужичны—строители безум-

(1) Ст. 1—39; 55—64, по р. н. стр. 227—229.

пой своей страсти. Это избрѣтеніе не цѣломудрія, но распутства; и распутство видно во всемъ томъ, на что ты ухищряешься для мужчинъ....

„Если ты къ супругу своему питаешь такую же любовь, какую и онъ къ тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ цвѣтущею дѣвою ввелъ тебя въ брачный чертогъ—это пріятно ему. Но если стараешься поправиться взорамъ другихъ, — это ненавистно твоему супругу. Лучше тебѣ внутри дома своего скрывать прелести, данныя природой, нежели неблагочинно выставять на показъ прелести поддѣльныя“ (1)....

Къ чему ведутъ „выставляемыя на показъ женскія прелести“ поэтъ изображаетъ дальше съ тонкимъ пониманіемъ оттѣнковъ женскаго характера и съ сжатою пластическою образностью чисто античной художественной кисти. Въ немногихъ штрихахъ, едва достаточныхъ для общаго контура небольшой картинки съ натуры, для абриса простой житейской сцены, онъ передаетъ, въ сущности, содержаніе цѣлаго психологическаго романа женщины, начиная съ случайной завязки или тайной интриги и кончая обыкновенной развязкой....

„Выставивъ на показъ свои соблазнительныя прелести, какъ сѣтъ для стада пернатыхъ, сперва станешь любоваться тѣмъ, кто тобою любитъ, и мѣняться взорами; затѣмъ начнутся усмѣшки и обмѣнъ словами, сначала незамѣтно, украдкой, потомъ все смѣлѣе, свободнѣе. Дальше.... но лучше не говорить, что, обыкновенно, слѣдуетъ дальше за этимъ. Самая невинная шутка женщины съ молодымъ человѣкомъ уязвляетъ какъ острое жало. Тутъ все неразрывно идетъ одно за другимъ, подобно тому какъ желѣзо, притянутое магнитомъ, само притягиваетъ другое желѣзо“ (2).

Поэтъ изливаетъ свое негодованіе на мужчинъ, которые, потворствуя безпорядочности женъ своихъ, „срамными дѣлами своими уподобляются свиньямъ. Они не только не гнушаются женскими прикрасами, но сами же подкладываютъ въ огонь сухія дрова, когда надлежало бы ихъ убавлять, а не прибавлять. И есть мужья, которые стараются еще превзойти другъ друга въ парядахъ женъ, чтобы одному не-

(1) Ст. 73—89; по р. п. 230 стр.

(2) 90—98 ст.

редь другимъ имѣть преимущество въ безразсудствѣ. Часто и при недостаточныхъ средствахъ употребляютъ они всѣ усилія, чтобы возбудить наглость женъ своихъ“ (1). Все это было бы не понятно поэту, если бы не было извѣстно, какъ необузданно сильна и слѣпа любовь, какъ страсть. „Разсказываютъ“—говоритъ опъ—„что цѣкто скитался по утесамъ, влюбившись въ пустой и не имѣющій вида отголосокъ, павываемый эхомъ. А другой воспылалъ любовью къ собственному своему изображенію, и бросился въ источникъ, чтобы обнять подобіе гибельной красоты своей. И еще одна уязвилась любовью къ прекраснымъ струямъ рѣки, въ безумной страсти не могла отойти отъ милыхъ береговъ, лобзала воду, черпала ее руками, и ловила пѣну; по и водами не могла угасить въ себѣ пламенѣющей любви. Такъ слѣпа и непреклонна любовь!....

„Ни мало не удивительно, если и ты расцвѣченая, розенерстая, одѣтая въ роскошныя трапи и откидывающая назадъ голову, сведешь съ ума молодого человѣка, и даже не одного, по всякаго, для кого расписываешь себѣ лице. Извѣстно, что одинъ искусный художникъ своею живописью ввелъ въ обманъ быка, изобразивъ красками на доскѣ корову.. Необычайна такая любовь — живые звѣри стремятся къ бездушнымъ изображениямъ! Подобно имъ и ты влечешь мужчинъ, у которыхъ звѣропривецъ умъ и женоненстова жизнь“ (1).

Дальше поэтъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія для характеристики современной ему великосвѣтской модной женщины, противопоставляя ей образъ скромной цѣломудренной женщины. „Не пужно ей (цѣломудренной) это золото, перемѣшанное съ драгоценными камнями и ссвозящимъ своимъ блескомъ поражающее взоры,—золото, въ видѣ цѣпи разложенное на груди, жемчужнымъ бременемъ отягчающее и обезображивающее уши, или увѣчивающее голову. Не дѣроги для нея эти золотыя одежды, эти хитрыя произведенія изъ тонкихъ нитей, то багряныя, то золотистыя, то прозрачныя, то блестящія. Не губительныя для кожи лица составы, не подрумяненные губы украшаютъ женщину. Ея красота не

(1) 104—112.

(2) Ст. 153--170, стр. 573; по р. п. стр. 233.

въ томъ, чтобы поверхъ расписанныхъ вѣждей посить черпую бровь, заворачивать внутрь увлажненные зрачки, изпѣженнымъ голосомъ привлекать къ себѣ благосклонный слухъ, руки и ноги стянувъ золотыми, вождельными и пріятными для тебя узамн, представлять изъ себя что-то рабское, тѣло и голову умащать роскошно-ароматическими духами, жевать во рту что-нибудь неупотребительное въ нищу (¹), держать въ непрестанномъ движеніи подбородокъ, и, какъ бы изъ презрѣнія къ цѣломудреннымъ, изъ зубовъ и изъ увлажненныхъ усть точить пѣну. Не восхищайся роскошью сѣдалищъ, не старайся выказывать себя сквозь искусно сдѣланныя и сквозящія створки, высматривая тѣхъ, которые на тебя смотрятъ. Не гордись ни множествомъ слугъ, ни служанками—этой угодливой свитой твоего сердца. Вѣстники весны—ласточка, плодоть—цвѣты; но служанкамъ можно заключать о госпожѣ. Подумай-ка обо всемъ этомъ. Хотя не важно неприличіе чего-нибудь одного; однако же все вмѣстѣ и одно при другомъ — несомнѣнная пагуба“ (²)..... „Если ты и не покараешься плотской похоти, а служишь только похоти очей; то и эта воздушная любовь есть уже болѣзнь“ (³). „Одинъ цвѣтъ пріятель въ женщинѣхъ — это добрый румянецъ стыдливости. Его живописуетъ панъ живописецъ. А красильныя вещества лучше побережемъ для стѣпъ и для такихъ женщинъ, въ которыхъ производитъ бѣшенство и пометъ молодыхъ людей“ (⁴).

Слѣдуетъ рядъ положительныхъ наставленій и совѣтовъ; поэтъ спѣшитъ оплодотворить сатиру спасительными назиданіями и очистить выставленныя имъ печальныя картины порока, вызывая образцы добродѣтели и цѣломудрія; во взглядѣ на добродѣтели и обязанности женщины поэтъ сходится, отчасти, съ воззрѣніемъ на тотъ же предметъ древнеклассиче-

(¹) Указывается на обычай щегольливыхъ женщинъ жевать дерево или другое что-нибудь твердое, чтобы, непрестанно возбуждая во рту слюну, поддерживать свѣжесть рта и не давать губамъ пересыхать.

(²) Стих. 227—254, по р. п. 236—237 стр.

(³) Ст. 171—172.

(⁴) Стих. 255—262.... «ἀπόσας λύσση βάρβωρος ἔστι νέων»; по р. п. стр. 237.

скихъ поэтовъ. „Лучшая драгоценность для женщинъ“, внушаетъ онъ, — „добрые нравы, то есть, сидѣть больше дома, бесѣдовать о Божіемъ словѣ, заниматься тканьемъ и пряжей (это обязанность женщинъ) распредѣлять работы служанкамъ ⁽¹⁾ и избѣгать съ ними разговоровъ, на устахъ, на глазахъ и на ланитахъ носить узы; не часто переступать за порогъ своего дома, искать себѣ увеселеній только въ обществѣ цѣломудренныхъ женщинъ и въ одномъ своемъ мужѣ, для котораго ты, съ Божія благословенія, разрѣшила дѣвственный поясъ“ ⁽²⁾. Кроткимъ, любвеобильнымъ, отеческимъ увѣщаніемъ и убѣжденіемъ слѣдовать его совѣтамъ поэтъ и заканчиваетъ свое стихотвореніе. „Послушайся моихъ совѣтовъ, женщина, и не поддавайся мысли—накладывать руку на лице свое. Съ такими женщинами, дочь моя, не плавай на одномъ кораблѣ, не ходи на общій совѣтъ, не живи подъ одной кровлей. Другимъ предоставь излишества; а ты бойся и похвалу выслушивать изъ устъ мужчинъ,—въ этомъ доброе имя женщинъ“ ⁽³⁾.....

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія стихотворенія „*Προς Μαξιμον*“, лучшаго изъ произведеній частной сатиры св. Григорія, намъ кажется, уместно сказать сначала нѣсколько словъ о самой личности Максима, противъ котораго направлена сатира. Довольно подробныя біографическія свѣдѣнія о немъ сообщаетъ самъ же поэтъ въ историческомъ стихотвореніи своемъ: „О жизни своей“.

Максимъ, родомъ изъ Александріи, былъ христіанинъ, но, получивъ образованіе въ школѣ циниковъ, онъ усвоилъ себѣ какъ внѣшніе знаки воспитанниковъ этой школы, такъ и ихъ дурные нравы, ихъ порочныя наклонности. Онъ ходилъ всегда не иначе, какъ съ палкою въ рукахъ и съ распущенными по плечамъ волосами, окрашенными въ модный

⁽¹⁾ Вспомнимъ слова Гектора женѣ своей, Андромахѣ, въ *Иліадѣ* Гомера:

•Шествуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами;
•Тканьемъ, пряжей займись, приказывай женамъ домашнимъ

•Дѣло свое исправлять..... (п. VI, ст. 490—493).

⁽²⁾ Ст. 265—272, по р. п. 238 стр.

⁽³⁾ Ст. 307—312.

золотисто-русый цвѣтъ, и старательно подвитыми въ локоны; но при этомъ носилъ грубый философскій плащъ, въ какой одѣвались и древне-христіанскіе аскеты (¹). Чувственность, гордость, корыстолюбіе и честолюбіе были отличительными чертами его характера. Принадлежа къ классу искателей приключеній, которыхъ (искателей) было тогда не мало, онъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія, а постоянно переходилъ изъ одного мѣста въ другое, изъ одной страны въ другую. Къ причинамъ этой скитальческой жизни нужно отнести и то еще, что онъ въ каждомъ мѣстѣ своего пребыванія или предавался открытому разврату, или попадался въ какомъ-либо важномъ преступленіи, вслѣдствіе чего, по опредѣленію суда, изгоняемъ былъ вонъ. Въ Египтѣ онъ даже былъ жестоко высѣченъ за разныя преступленія; слѣды этого наказанія долго оставались на немъ и послѣ и пригодились ему для успѣха одного изъ самыхъ „диничныхъ“ его замысловъ. По прошествіи многихъ лѣтъ скитальческой жизни по разнымъ мѣстамъ, онъ прибылъ, наконецъ, въ Константинополь, съ намѣреніемъ овладѣть епископскою кафедрою, на которую не задолго предъ этимъ возведенъ былъ св. Григорій. Съ этого момента св. отецъ и описываетъ его въ упомянутомъ стихотвореніи. „У насъ въ городѣ былъ человекъ женоподобный, какое-то египетское привидѣніе, злое до бѣшенства, песь, и песь изъ мелкихъ, уличный прислужникъ, безгласное зло, китовидное чудовище, красный, курчавый, косматый. Курчавымъ былъ онъ издавна, а космы избрѣтены вновь: искусство—второй творецъ. Всего чаще это бываетъ дѣломъ женъ, а иногда и мужчины золотятъ и завиваютъ волосы, обстриженные по философски. Употребите же въ дѣло, мудрецы, и тѣ притиранья, которыя на лицахъ у женщинъ. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, однимъ женщинамъ пользоваться этой привилегіей, которая служить безмолвною вывѣскою правовъ? Что Максимъ не принадлежитъ уже къ числу мужчинъ, это тайлось до времени, а теперь показала его прическа. Для насъ удивительно въ нынѣшнихъ мудрецахъ, что природа и наружность у нихъ двойственны, и жалкимъ образомъ принадлежать они обоимъ поламъ; по волосамъ и ходятъ па женщинъ, а по жезлу на мужчинъ.

(¹) Gregorius von Nazianz der Theologe, v. C. *Ullmann*, 200 стр.

Этимъ хвастался и Максимъ, какъ человѣкъ, значащій что-то въ городѣ; у него плечи всегда осѣнялись золотыми кудрями; съ волосъ, какъ изъ пращей, летали умствованія, и всю ученость носилъ онъ на тѣлѣ. Онъ, какъ слышно, прошелъ по многимъ лукавымъ путямъ.... Наконецъ онъ появляется въ Константинополѣ“ (1). Здѣсь не было извѣстно ни его имя, ни его прежняя жизнь; поэтому ему легко было обмануть православныхъ и расположить ихъ въ свою пользу. Онъ старался показывать себя ревностнымъ защитникомъ православія, строгимъ блюстителемъ всѣхъ установленій Церкви, восхищался проповѣдями св. Григорія Богослова и предъ всѣми выражалъ свое удивленіе къ его высокой образованности, чистотѣ и силѣ его ученія о св. Троицѣ; къ еретикамъ выражалъ презрѣніе и ненависть, какъ за ихъ нечестивое ученіе, такъ и за тѣ страданія, которымъ онъ будто бы подвергался за ревность къ православію. Онъ показывалъ при этомъ рубцы на тѣлѣ, которые на самомъ дѣлѣ были вышеупомянутыми слѣдами наказанія, заслуженнаго имъ разными преступленіями. Лицемерною святостью своею и безукоризненнымъ выполненіемъ роли ханжи онъ успѣлъ не только подкупить и привлечь къ себѣ расположеніе народа, но и вкратъ въ довѣріе и дружбу самаго св. Григорія Богослова. „Кто изъ добрыхъ“ — писалъ послѣ св. отецъ, — „въ состояніи примѣтить, какъ человѣкъ злонравный хитритъ, завязываетъ, приводитъ въ исполненіе свои козни, всегда умѣя закрыть себя тысячами увертокъ? И кто готовъ на негодный поступокъ, тотъ за всѣмъ наблюдаетъ и высматриваетъ удобное время. А кто расположенъ къ добруму, тотъ по природѣ мѣшковать и не склоненъ къ подозрѣнію чего-либо худаго; отъ чего добродушіе и уловляется удобно“ (2). Жертвою этого добродушія сдѣлался и св. Григорій: онъ настолько проникся уваженіемъ къ Максиму и къ мнимымъ достоинствамъ его, какъ доблестнаго исповѣдника вѣры, что часто принималъ его у себя, приглашалъ нерѣдко къ своему столу, читалъ вмѣстѣ съ нимъ, разсуждалъ о разныхъ предметахъ вѣры и о средствахъ къ ослабленію еретиковъ. Мало

(1) Lib. II, S. I, стихотвор. XI, стихи: 750—777; по р. п. VI т. 29 стр.

(2) Ibid. ст. 799—806.

того, въ похвалу его онъ произнесъ въ церкви слово, извѣстное въ твореніяхъ св. Григорія подъ заглавіемъ: „Слово въ похвалу философа Ирона, возвратившагося изъ изгнанія“. Хотя и здѣсь, въ этомъ похвальномъ словѣ онъ, обращаясь къ Максиму, называетъ его псомъ (приноравливаясь къ тому, что онъ былъ циникъ, отъ слова — *Κύων*, песъ), но называетъ такъ совсѣмъ въ иномъ тонѣ и иномъ смыслѣ, чѣмъ въ сатирѣ. „Приступи, песъ“—обращается онъ къ Максиму въ похвальномъ словѣ ему — „назову тебя такъ не за безстыдство, но за дерзновеніе, не за прожорство, но за то, что ограничиваешься насущнымъ; не за лаяніе, но за обереженіе добраго, за неусыпность въ охраненіи душъ, за то, что ласкаешься ко всѣмъ, которые тебѣ — свои по добродѣтели, а лаешь на всѣхъ чужихъ“ (¹).

И вотъ, въ то время, когда святой мужъ осыпалъ его похвалами, ласками, знаками самаго искренняго довѣрія и высокаго отличія, этотъ „ласкавшійся ко всѣмъ своимъ“ пёсь готовился исподтишка укусить своего благодѣтеля — замышлялъ захватить его мѣсто, а самаго св. Григорія изгнать вонъ изъ Константинополя.—Это обстоятельство, характеризующее личность Максима, нѣтъ никакого основанія ставить въ причинную связь съ происхожденіемъ самой сатиры на него, написанной по другому случаю. Grenier, находя этотъ частный случай слишкомъ мелочнымъ и мало важнымъ, считаетъ его недостойнымъ пера великаго епископа. По этому поводу онъ говоритъ: „Въ данномъ случаѣ выступаетъ опять старый человѣкъ (le vieil homme), такъ сказать, прекрасный греческій умъ. Христіанинъ выдержалъ побитіе камнями, прекрасный греческій умъ раздражился эпиграммой. Максимъ поддразнилъ (harcelait) его плохими стихами, и даже вызвалъ на родъ поэтической дуэли. Григорій не могъ удержаться отъ принятія вызова: представлялся прекрасный случай проучить невѣжду. Но для епископа—какая побѣда! Не лучше ли было бы противопоставить этой бездарности (à ce miserable) молчаливое терпѣніе презрѣнія (la muette patience du mépris)?“ (²).

(¹) По р. II т., 268 стр.

(²) Grenier, La vie et les poésies de saint Gregoire de Nazianze, pag. 200—201.

Если нужно говорить объ умѣстности возраженія св. Григорія, хотя бы и въ формѣ сатиры, именно въ данномъ случаѣ, то — развѣ только по поводу разсужденія на этотъ счетъ Гретье. Если въ сферѣ пастырско-христіанскихъ отношеній своихъ св. Григорій, по духу Христова ученія и сообразно заповѣди евангельской, въ борьбѣ со врагами противопоставлялъ, при случаѣ, смиреніе, простиравшееся до самоотверженія, то въ области интеллектуальной жизни и интеллектуальныхъ интересовъ, въ области литературнаго образованія и на почвѣ литературной борьбы тѣ же качества, смиреніе и „молчаливое терпѣніе презрѣнія“ едва ли могли имѣть значеніе для него подвиговъ добродѣтели. Этотъ образъ поведенія не могъ украшать его не только какъ „прекрасный греческій умъ“, но и какъ просвѣщеннаго представителя христіанства среди общества, состоявшаго изъ тѣхъ же „старыхъ греческихъ умовъ“. Это послѣднее обстоятельство, упускаемое изъ вида Гретье, очень важно, по нашему мнѣнію, при сужденіи по затрогиваемому имъ вопросу. Греки, аплодировавшіе художественно-поэтическимъ проповѣдямъ Григорія, и сопровождавшіе свои рукоплесканія пронзительнымъ крикомъ, поднимавшіе вверхъ витію (1), „жавшіеся какъ пчелы“ къ церковно-ораторской каюедрѣ его и даже на кровляхъ домовъ явно и скрытно записывавшіе за нимъ увлекательныя слова и рѣчи его, — греки эти были христіанами, но прежде всего — „старыми“ Эллинами. Гордые своимъ паціональнымъ образованіемъ, избалованные своими классическими авторами, они съ своей эллинской художественно-литературной жилкой и въ самомъ христіанствѣ искали элементовъ, сродныхъ съ унаслѣдованными ими литературно-эстетическими традиціями и отвѣчавшихъ ихъ природнымъ склонностямъ, и въ лицѣ представителя христіанства не различали, какъ французскій профессоръ XIX-го столѣтія, епископа отъ „прекраснаго греческаго ума“. Даже больше того, послѣдній они и понимали лучше, и увлекались имъ прежде всего. Св. Григорій и самъ хорошо понималъ импонирующее вліяніе своего прекраснаго греческаго образованія на христіанъ изъ грековъ и ясно видѣлъ благіе

(1) См. «Слово» 42, прощальное; т. IV, стр. 49—50; ср. стих. «Сонъ о храмѣ Анастасіи»; *ibid.* стр. 329.

результаты этого вліянiя; онъ зналъ, что по тому времени всякая „побѣда“ его, какъ „прекраснаго греческаго ума“ была съ тѣмъ вмѣстѣ и „побѣдой“ его, какъ „епископа“. Онъ и старался поэтому не о томъ, чтобы устранить или ограничить свое литературно-просвѣщенное вліаніе на общество, а только о томъ, чтобы обратить это вліаніе съ пользою для христіанской церкви. „Церковь находилась тогда“ — говоритъ самъ онъ — „въ такомъ еще тѣсномъ положеніи, что не мало для меня значило собирать и солому... Для меня очень было важно если и псѣ ходитъ на моемъ дворѣ, и чтить Христа, а не Геракла“ (1).

Въ силу изложенныхъ соображеній мы не удивляемся тому обстоятельству, что когда высоко авторитетнаго представителя греческо-христіанской церкви, который такъ горячо защищалъ для христіанъ классическое образованіе и такъ искренно поощрялъ христіанскихъ юношей-читать древнихъ авторовъ и изучать античную поэзію, упрекають въ томъ, что онъ и самъ-то мало понимаетъ въ этихъ классическихкихъ авторахъ, и на столько плохъ, какъ поэтъ, что можетъ позволить себѣ вызвать на литературное состязаніе съ нимъ любого проходимца,—не удивляемся, что онъ не прибѣгаетъ въ данномъ случаѣ къ приему, какой онъ находилъ достойнымъ себя, какъ ревностный служитель Божій, при побитіи его камнями у алтаря Господня. Терпѣливое перенесеніе имъ „угощенія его камнями“ въ храмѣ Божіемъ, какъ выражается самъ онъ (2), не сопровождалось и не могло сопровождаться ничѣмъ, что бы давало, такъ или иначе, поводъ къ униженію его и ко вреду самому дѣлу его служенія церкви. Смирное же и молчаливое перенесеніе позора въ разсматриваемомъ случаѣ могло быть истолковано въ неблагопріятномъ для него смыслѣ, могло компрометировать его въ глазахъ просвѣщенныхъ и словолюбивыхъ его соотечественниковъ, могло поселить въ нихъ если не недовѣріе, то недоразумѣніе. Наоборотъ, блистательный отпоръ цинику самымъ приличнымъ и умѣстнымъ въ данномъ разѣ оружі-

(1) Lib. II, Sec. I, стихотвор. XI, ст. 970—975; по р. п. VI т. 36 стр.

(2) См рус. пер. стихотворенія его «О жизни Своей»; т. VI, стр. 26.

емъ—бичемъ сатиры былъ торжествомъ не только для „прекраснаго греческаго ума“ — Григорія, но и для Григорія, какъ умнаго и вѣрнаго пастыря словеснаго стада Божія; потому что несомнѣнно усиливаль обаяніе его величавой личности, которое, въ свою очередь, не мало способствовало уже одному количественному приросту христіанства и такимъ образомъ содѣйствовало успѣхамъ христіанской церкви въ дѣлѣ вѣдѣннаго ея распространенія.

Вообще, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ чисто литературный авторитетъ и слава св. Григорія содѣйствовали высокому обаянію, среди современниковъ, личности его, какъ представителя христіанства, и въ какой степени служили чрезъ это самое успѣхамъ самой религіи, хотя бы въ указанномъ отношеніи, вовсе не такъ простъ и малозначителенъ, чтобы можно было отдѣлаться отъ него шутками даже и съ остроуміемъ французскаго профессора риторики.

Со стороны внутренняго содержанія своего сатирическое стихотвореніе „На Максима“ интересно для насъ по характеристикѣ взгляда св. Григорія на поэтическое творчество, и вдвойнѣ интереснѣе еще въ этомъ отношеніи потому, что авторъ иллюстрируетъ этотъ взглядъ свой живымъ, нагляднымъ, въ высокой степени выразительнымъ и типичнымъ изображеніемъ современныхъ ему поэтовъ въ лицѣ циника Максима. Не желая портить колорита этого изображенія, передадимъ его подлинными словами.

„Что это? И ты, Максимъ, смѣешь писать? Писать смѣешь ты? Какое безстыдство! Въ этомъ уже превзошелъ ты и псовъ.

Вотъ духъ времени — всякій смѣлъ на все! Подобно грибамъ, вдругъ выбѣгаютъ изъ земли и мудрецы, и благородные, и епископы, и художники. И дерзость эта пользуется полною безнаказанностью! Откуда, вдругъ, получилъ ты вдохновеніе? Или нечаянно напился ты прорицательныхъ водъ, и началъ потѣмъ источать стихи, не соблюдая даже и стихотворнаго размѣра? Какія невѣроятныя и неслыханныя доселѣ новости! Саулъ во пророкахъ; Максимъ въ числѣ писателей! Кто же послѣ этого не пророкъ? Кто сдержитъ свою руку? У всякаго есть бумага и трость; и старухи могутъ и болтать и писать.... Писать смѣешь ты? Скажи же: чьей руки дѣло — этотъ даръ — писать? Не далѣе, вѣдь, какъ вчера, для тебя рѣчи были то же, что для осла

лира, для быка — морская волна.... Теперь же ты у насъ Орфей, своими перстами все приводящій въ движеніе, или Амфіонъ, своими брацаніями созидающій стѣны. Таковы-то нынѣ псы, если захотятъ позабавиться! Вѣрно смѣлость эту вдохнули въ тебя старыя няньки, твои сотрудницы, за одно съ тобою слагающія рѣчи; для нихъ, конечно, ты лебедь; для нихъ, безъ сомнѣнія, музыкальны издаваемые тобою звуки“ (1).

Читатель видитъ, что въ этой шуточно-пasmѣшливой формѣ св. Григорій предъявляетъ, въ сущности, весьма серьезныя требованія отъ поэтического искусства, выходя изъ совершенно правильной точки зрѣнія на поэтическую способность, какъ на вражденный даръ поэта, а не какъ на выѣшнее только приобрѣтеніе путемъ навыка руки („Кто сдержитъ свою руку? У всякаго есть бумага и трость“...), и еще менѣе — какъ на прихоть, доступную всякому, кому придетъ „охота позабавиться“. Имѣя въ виду такой серьезный и правильный, взглядъ св. отца на поэтическую дѣятельность, весьма интересно сопоставить дальнѣйшія въ этомъ стихотвореніи слова его о себѣ, что „писать было — такъ же въ природѣ его, какъ въ природѣ воды — теченіе, какъ въ природѣ огня — жженіе“ (2), съ другими мѣстами изъ сочиненій его, свидѣтельствующими о томъ, что поэтъ — Богословъ ясно чувствовалъ въ себѣ для поэтического вдохновенія и дѣятельности „присутствіе Духа Божія“ (3), — что онъ былъ „органомъ Божиимъ, органомъ словеснымъ, который на-строилъ и въ который ударялъ добрый художникъ — Духъ“ (4). Непосредственное впечатлѣніе на читателя самыхъ стихотвореній св. Григорія Богослова, совершенно гармонирующее

(1) Lib. II, Sec. I, № XVI, стр. 909; по р. п. т. V, стр. 269.

(2) Ibid. стихи: 55—56:

«*Τράφεις κατ' ἀνδρὸς, ᾧ γράφειν ἐστὶ φύσις*

Ὡς ὕδατι ρεῖν, καὶ τὸ θερμαίνειν πῦρ»

(Scribis contra virum, cui scribere dedit natura,

Ut aquae dedit fluere, et igni calefacere).

(3) Epist. CI, стр. 93. по рус. п. т. IV, стр. 207.

(4) Томъ I, стр. 307. Сравн. также стихотвор. VII (Liber II, sect. II), стихи: 309—313, стр. 1087; по р. п. т. V т. 267 стр.

съ его теоретическимъ воззрѣніемъ на поэтическое призваніе и вполнѣ оправдывающее его собственное признаніе въ своей внутренней способности къ поэтической дѣятельности, не только не позволяетъ намъ сомнѣваться въ томъ, что великій христіанскій писатель ничуть не ошибался, противопоставляя себя какъ поэта, какъ художника слова античнымъ классикамъ, но и убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ далеко былъ отъ самообольщенія, требуя, чтобы ему на поприщѣ поэтической дѣятельности оказана была „*χάρις λέοντιος*“⁽¹⁾, львиная милость. Уступая силѣ столь осязательныхъ и рѣшительныхъ доказательствъ поэтической способности св. Григорія, какъ непосредственное впечатлѣніе самыхъ твореній его и его собственное искреннее и вполнѣ сознательное признаніе въ этомъ, мы сочли себя въ правѣ опустить безъ вниманія въ своемъ сочиненіи различныя стороннія соображенія и догадки ученыхъ критиковъ въ отношеніи къ поэтической дѣятельности св. отца, какими они, прямо или косвенно разсуждая объ этой дѣятельности, старались повсѣму мотивировать ее и объяснить происхожденіе стихотвореній Григорія Богослова. Исключеніе въ этомъ отношеніи мы сдѣлали только для одного изъ самыхъ распространенныхъ мнѣній, развиваемаго и доказываемаго нѣкоторыми критиками въ связи съ соображеніемъ о періодѣ жизни св. отца, къ какому относится его поэтическая дѣятельность.

Выходя изъ точки зрѣнія на стихотворенія Григорія какъ на плодъ не столько генія, сколько изумительнаго терпѣнія, нѣкоторые ученые (наприм. Флѣри) полагаютъ, что св. отецъ подчинялъ себя не лёгкимъ трудамъ стопосложенія и размѣра, какъ одному изъ видовъ аскетическихъ упражненій, имѣвшихъ цѣлью моральное самоумерщвленіе. Основаніемъ или точкой опоры для такого страннаго взгляда могло служить слѣдующее уклончивое объясненіе самаго поэта. „Во первыхъ, я желалъ, трудясь для другихъ, связать такимъ образомъ свою грѣховность, и при самомъ писаніи, писать не много, вырабатывая стихъ“⁽²⁾. Догадка

(1) Lib. II, Sec. I, № XXXIX, v. 53, стр. 903; по р. п. VI т. 93 стр

(2) Lib. II, sec. I, № XXXIX, vers. 34—36; по рус. п. т. VI. стр. 92.

критиковъ, основанная на этихъ прикровенныхъ словахъ, едва ли состоятельна какъ въ исходной точкѣ своей, такъ и въ самомъ выводѣ. Степень легкости или трудности для поэта стихосложенія не можетъ быть безусловнымъ критеріумомъ ни художественной цѣнности поэтическихъ произведеній, ни внутренняго наслажденія самаго поэта своимъ занятіемъ. Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ общей исторіей литературы, тотъ не нуждается въ указаніяхъ на примѣры гениальныхъ поэтовъ, которымъ трудно давалась обработка стиха. Невольно здѣсь припоминается намъ разсказъ о Софоклѣ, который однажды сказалъ, что три стиха стоили ему трехъ дней. „Трехъ дней!“, воскликнулъ посредственный поэтъ, услышавшій эти слова. „И бы въ это время написалъ ихъ триста“. — „Можетъ быть“, отвѣчалъ Софоклъ, „но они существовали бы только три дня“. Пушкинъ пользуется вполне заслуженною извѣстностью поэта, характеристическое отличіе стиха котораго — грація, при необыкновенной простотѣ и естественности. Владѣя стихомъ совершенно свободно, онъ безразлично относится къ разнымъ его размѣрамъ. „Но изъ того, что Пушкинъ совершенно свободно владѣлъ языкомъ вообще, стихомъ въ частности, не слѣдуетъ заключать, что стихотворенія не стоили ему никакого труда. Черновыя рукописи, сохранившіяся послѣ его смерти, показываютъ, съ какою тщательностію отдѣлывать онъ свою работу, какъ, не довольствуясь какимъ-нибудь словомъ или римой, онъ замѣнялъ ихъ другими, другія третьими ... и не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не находилъ самыхъ соотвѣтственныхъ, необходимо принадлежащихъ предмету“ (1). Даже прозаическіе классики, отличающіеся чистотою и художественностію стиля, прилагали большое стараніе къ обработкѣ языка и слога. Сочиненія Платона, которыя кажутся намъ написанными такъ легко и бѣгло, были сильно выработаны въ своей кажущейся простотѣ, и анекдотъ о тринадцати различныхъ изложеніяхъ пачальной мысли „Республики“, найденныхъ въ рукописяхъ автора, вѣроятно, основанъ на фактѣ. Изъ нашихъ отечественныхъ прозаическихъ писателей можно указать, какъ на примѣры

---

(1) Ист. рус. слов. А. Галахова (учебн. для средн. учебн. завед.). Спб. 1879. стр. 204—5.

въ томъ же отношеніи, на Тургенева. Пушкинъ, какъ и Тургеневъ, какъ и всякій другой классической поэтъ, безъ сомнѣнія, и знали хорошо, и помнили твердо изреченіе Горация, обращенное къ Пизонамъ: „Вы, о кровь Помпилія, не давайте одобренія тому стихотворному произведенію, которое не подвергалось продолжительной обработкѣ и не получило совершенной формы“ (1). И это не личное мнѣніе Горация, а мнѣніе всей классической древности.—Но въ самомъ ли дѣлѣ еще стихотворная техника такъ трудно давалась св. Григорію, что занятіе этимъ предметомъ могло имѣть значеніе для него моральнаго подвига? Позволительно сомнѣваться, если св. Григорій могъ въ одну ночь, съ вечера къ утру, написать прекрасное стихотвореніе въ размѣрѣ 400 стиховъ (2).

Въ связи съ этимъ объясненіемъ выставляется на видъ и то соображеніе, что св. Григорій посвятилъ себя поэзій уже на старости лѣтъ. „Уже то обстоятельство“—говоритъ Ульманъ—„что Григорій только въ глубокой старости и въ аскетическомъ уединеніи отъ міра посвятилъ себя поэзій, доказываетъ, что въ немъ не было таланта и силы поэтическаго духа; иначе поэтической талантъ его, безъ сомнѣнія, сказался бы раньше“ (3). По нашему мнѣнію то обстоятельство, что поэтическое поприще въ жизни извѣстнаго автора слѣдовало за какою бы то ни было другою, положимъ, проповѣдническою дѣятельностію его, еще не можетъ служить доказательствомъ того, чтобы авторъ этотъ не былъ поэтомъ по призванію. Это замѣчаніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, когда, какъ въ книгѣ Ульмана, выставляемое имъ обстоятельство берется само по себѣ, какъ голый фактъ или апіорное положеніе безъ всякой связи съ историческими причинами и требованіями такого именно проявленія во времени двухъ періодовъ общественной дѣятельности нашего автора, а не другаго, обратнаго. Мы уже не принимаемъ въ соображеніе тѣхъ вовсе не исключительныхъ случаевъ въ жизни знаменитыхъ поэтовъ, истинное призваніе которыхъ

(1) *Ars poëtica*, vv. 291 sqq.

(2) *La vie et les poésies de Saint Grégoire de Nazianze* p. A. Grenier, Clermont-Ferrand 1858; стр. 122.

(3) *Gregorius von Nazianz, der Theologe...* von C. Ullmann Darmstadt, 1825, стр. 291.

указывало имъ настоящую дорогу далеко не въ самой ранней молодости ихъ. А что касается мнѣнія, ограничивающаго „полноту и силу духа поэтическаго“ только полнотой и силой физической молодости, то этому мнѣнію нельзя отводить мѣста въ серьезной книгѣ хотя бы въ виду слѣдующей серіи примѣровъ изъ одной только греческой литературы. При полной творческой силѣ и дѣятельности поэтическаго таланта изъ греческихъ писателей дожили: Соловь — до 80 лѣтъ, Стесихоръ и Анакреонъ — до 85, Ксенофанъ прожилъ болѣе 100 лѣтъ и на 92 году жизни онъ, по собственнымъ словамъ, еще писалъ элегіи; Симонидъ, Эпихармъ и Софокль жили и писали до 90 лѣтъ; предаіе называетъ послѣднимъ трудомъ старца — Софокла одну изъ лучшихъ пьесъ его, трагедію: „Эдипъ въ Колопнѣ“; трагикъ Аристархъ не прекращалъ своей литературной дѣятельности до 100 лѣтъ; комикъ Филемонъ, достигшій 96-лѣтняго возраста и написавшій 90 пьесъ, работалъ до послѣдняго дня своей жизни (1). Почему же отказывать въ поэтической силѣ св. Григорію Назіанзину, который, проживъ до 90 — 92 лѣтъ, уже на 10-мъ году своей жизни, по собственнымъ словамъ Ульмана (2), написалъ пьесу: „De rebus suis“? Сороколѣтній возрастъ при такой продолжительной жизни долженъ быть, напротивъ, временемъ самаго высшаго разцвѣта творческихъ силъ и духа поэта. Ульманъ старается усилить свой доводъ указаніемъ на то обстоятельство, что Григорій занимался поэзіей „въ аскетическомъ удаленіи отъ міра“. Но кто же изъ двухъ справедливѣе — онъ ли, съ своей точки зрѣнія отрицательно истолковывающій это обстоятельство, или Шрекъ (Schröckh), по которому уединеніе св. Григорія отъ міра представляло, напротивъ, самое благоприятное условіе для сосредоточенія духовнаго поэта въ себѣ самомъ и для безпрепятственнаго выраженія въ стихотвореніяхъ высокопоэтическаго настроенія души его, — по которому потому-то именно въ этотъ періодъ жизни своей св. Григорій и предался исключительно поэтической дѣятельности, что періодъ этотъ, смѣнившій полную трудовъ и тяжелыхъ испытаній эпоху практическаго общественнаго служенія предстоятеля

(1) Всеобщ. Ист. Лит. подъ ред. Корша, вын. IV, стр. 632.

(2) Ibid. стр. 556.

церкви, представлялъ полную свободу, ширь и просторъ для полета его поэтической способности, для которой „durch die Einsamkeit selbst erst auf allen Seiten Wege geoffnet wurden“ (¹)? Думаемъ, что объясненіе Шрека ближе къ дѣлу. А что поэтическая способность родилась у Григорія не вмѣстѣ только съ старческими годами его, а съ самой жизнью его, Шрекъ не только не отказывается отъ этого мнѣнія, а тутъ же, объясняя вышеприведеннымъ соображеніемъ позднее обнаруженіе этой способности, прямо называетъ ее „die lange genährte und verschossene dichterische Fähigkeit“. Это послѣднее замѣчаніе пѣмецкаго церковнаго историка очень важно въ сопоставленіи съ свидѣтельствомъ о томъ же другихъ ученыхъ. Монто, полагая что Григорій посвятилъ себя поэзій для публики съ 57-ми лѣтняго возраста, замѣчаетъ: „*Безъ сомнѣнія* (нашъ курсивъ) онъ и прежде писалъ время отъ времени стихотворенія; но эта отрывочная поэзія его имѣла характеръ совершенно частнаго занятія, и не предлагалась публикѣ въ какомъ-нибудь болѣе или менѣе значительномъ сборникѣ“ (²). Монто, слѣдовательно, разграничиваетъ публичную поэтическую дѣятельность св. Григорія Богослова отъ частной, внося такимъ образомъ новую любопытную сторону въ затрогиваемомъ Ульманомъ вопросѣ. Еще серьезнѣе замѣчаніе Мураторія, высказанное имъ въ предисловіи къ своему изданію эпиграммъ и эпитафій Григорія. На основаніи самаго характера нѣкоторыхъ изъ этихъ стихотвореній, отображающихъ слѣды юношескаго увлеченія автора языческой словесностью, Мураторій считаетъ вѣроятнѣйшимъ происхожденіе ихъ въ самой ранней молодости поэта (³). Къ мнѣнію Мураторія очень близко подходитъ научная догадка *Magrin'a*, автора одной изъ популярнѣйшихъ теорій въ исторіи критики трагедій: „*Χριστὸς Πάβχων*“, приписываемой св. Григорію Богослову. Время написанія ея Григоріемъ (въ какомъ объемѣ и видѣ — другой вопросъ) онъ отодвигаетъ гораздо ранѣе

(¹) *Christliche Kirchengeschichte von Johann Matthias Schröckh*, стр. 437.

(²) *Revue critique, etc.* стр. 167—8.

(³) *Monitum in epitaph. v. epigr. S. Gr. Patrol. curs. compl. Migne; 1862; tom IV, стр. 9—10.*

эпохи возвращенія Григорія изъ Константинополя въ свое отечество (381—390), къ какой, обыкновенно, приурочиваются всѣ стихотворенія его. „Строго ученая, грамматически-правильная форма трагедіи побуждаетъ“, говоритъ Magnin, „относить происхожденіе ея къ ранней юности поэта, приблизительно — ко времени пребывания его въ Афинахъ, гдѣ онъ по окончаніи своихъ студій съ Василиемъ, былъ оставленъ въ университетѣ для занятія высшей кафедрой словесности. На этотъ-то мало извѣстный періодъ его жизни, непосредственно предшествовавшей посвященію его въ санъ пресвитера, т. е. до конца 362 года, вѣроятнѣе всего, и падаетъ время написанія имъ трагедіи“ (1). Этой догадкой, по мнѣнію Magnin'a, можно бы было объяснить и вмѣстѣ оправдать и показаніе древняго біографа св. отца что, такъ какъ эдиктъ отъ іюня 362 года возбранялъ христіанскимъ наставникамъ пользоваться въ чтеніяхъ своихъ текстомъ Гомера, Эсхила или Эврипида, даровитый профессоръ сумѣлъ отлично замаскировать этихъ классиковъ въ своихъ чтеніяхъ, облачивъ ихъ, такъ сказать, въ христіанское одѣяніе. Это объяснило бы, думаетъ Magnin, и то, почему въ трагедіи болѣе чѣмъ въ какомъ нибудь изъ другихъ стихотвореній своихъ, св. Григорій Назіанзинъ черпалъ изъ источниковъ языческой мудрости.

Но для доказательства несостоятельности гипотезы, допускающей запятіе св. Григорія Богослова поэзіей, какъ однимъ изъ тяжкихъ подвиговъ съ цѣлью моральнаго самоумерщвленія, намъ кажется, нѣтъ надобности даже выходить изъ предѣловъ текста самыхъ твореній св. отца. Мы видимъ и непосредственно убѣждаемся изъ нихъ, что поэзія, напротивъ, служила св. Григорію великимъ утѣшеніемъ въ скорбяхъ и страданіяхъ. „Поэзія — врачество отъ скорби“; это — обычное у него выраженіе и силу этого врачества онъ не разъ испытывалъ въ трудныя минуты жизни своей (2). А эта благодатная сила, разрѣшающая печаль, не можетъ быть дѣломъ случайности, а тѣмъ болѣе — пло-

(1) Journal des Savants 1849 г. стр. 286—7.

(2) См. напр. заключительные стихи стихотворенія: «О чело-вѣческой природѣ». Lib. I. S. II, № XIV, v. 129—132; по р. п. т. IV, стр. 258.

домъ, такъ сказать, дисциплинарно-моральнаго, механическаго упражненія въ стихослагательствѣ. Она бываетъ обыкновенно естественнымъ плодомъ естественнаго поэтическаго дара, какимъ въ высшей степени и обладалъ св. Григорій Богословъ. И подобно тому, какъ Гёте говорилъ о себѣ:

„Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnt“.

(Пѣснь моя—какъ пѣснь свободной птицы), подобно тому, какъ нашъ отечественный поэтъ находилъ, что призванные поэты

„. . . . рождены для вдохновенья,
„Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“,

подобно имъ и св. Григорій лично самъ находилъ въ поэзіи чистое наслажденіе:

„Какъ престарѣлый лебедь,
„Я пою въ своихъ стихотвореніяхъ о себѣ самомъ
„И нахожу въ нихъ утѣшеніе;
„Я засыпаю подъ счастливые звуки своихъ крыльевъ
„И слагаю пѣснь объ освобожденіи“ (1).

Поэзія была, можно сказать, инстинктивнымъ языкомъ его. Онъ „не могъ удержать въ себѣ удовольствія и дѣлался вдохновеннымъ“, по собственному признанію его (2), даже и въ проповѣдяхъ своихъ, и большая часть ихъ—поэмы, которымъ недостаетъ только ритма. Существенное же—сила и теплота чувства, живость, игривость, блескъ и одушевленная образность—здѣсь на лицо. А что касается до степени художественности самой формы его стихотвореній, гармоніи ритма, изящества вкуса въ выборѣ метровъ и чисто поэтическаго чутья къ специфическому значенію каждаго размѣра, въ этомъ напрасно завистливые соперники поэта старались пайти какой-либо предлогъ къ упрекамъ ему, и не напрасно за подобные упреки получали они въ отвѣтъ отъ него такіа возраженія: „Вы осуждаете размѣръ моихъ стиховъ, но это потому, что сами вы не соблюдаете размѣра, пиша ямбамъ

(1) Lib. II, S. I, № XXXIX, v. 55—57; по р. п. т. VI, стр. 93. Ср. перев. Гренъе: *La vie et les poesies d. S. G. de Naz.*, стр. 125.

и производя на свѣтъ какіе-то выродки стиховъ: какой слѣпецъ узнавалъ видящаго?... Не сходятся между собой предѣлы Мидянъ и Фригіянъ; не одинаковъ полетъ у галокъ и орловъ“ (1).

Въ обличительномъ стихотвореніи „На епископовъ“ и сходныхъ съ нимъ по содержанию стихотвореніяхъ: „О различіяхъ въ жизни и противъ лжеіереевъ“ и „На лицемѣрныхъ монаховъ“ поэтъ возстаетъ противъ злоупотребленій и тяжкихъ пороковъ въ средѣ самихъ предстоятелей и служителей современной ему христіанской церкви. Нападки его на виновниковъ этихъ злоупотребленій, недостойныхъ „христопосцевъ“ (2), весьма любопытны по самому предмету своему, но отличаются такой безопадной смѣлостью и горечью тона, которыя, до извѣстной степени, приближаютъ эти пьесы къ типу сатирическихъ произведеній Аристофана; таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе ихъ на читателя. Жалобы св. Григорія на властолюбіе, коварство, интригантство и произволъ епископовъ высказываются здѣсь въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ; испорченность современнаго ему духовенства изображается здѣсь въ самыхъ яркихъ и живыхъ краскахъ. Но вынося подобное впечатлѣніе изъ чтенія помянутыхъ стихотвореній, мы и въ данномъ случаѣ не рѣшаемся произвести надъ ними безусловнаго приговора повѣйшаго французскаго критика. Едва ли было бы справедливо, намъ думается, въ критическомъ разборѣ сатирическихъ произведеній IV вѣка примѣнить точку зрѣнія на дѣло XIX-го столѣтія, какъ это допускаетъ въ своемъ сочиненіи Гренье. Громадная разница между этими двумя эпохами заключается, въ данномъ случаѣ, разумѣется, не въ однихъ только литературно-эстетическихъ вкусахъ и понятіяхъ, а главнымъ образомъ въ самомъ состояніи и положеніи христіанской церкви, какъ съ внутренней, морально-дисциплинарной стороны ея, такъ и со стороны ея внѣшняго положенія въ государствѣ въ отношеніи къ инославнымъ и языческимъ народамъ. Нужно слишкомъ хорошо, со всею осторожностью и вниманіемъ обслѣдовать и изучить условія и характеръ церковно-

(1) Lib. II, S. I, № XXXIX, v. 69 — 72, 102 — 3; по р. п. т. VI, стр. 93—4.

(2) Lib. II, S. I, стихотвор. XIII, ст. 7; стр. 825.

историческаго момента, вызвавшаго сильную энергичную сатиру, прежде чѣмъ брать на себя смѣлость называть ее несправедливой и осуждать ея автора. „Пусть эта сатира“— говоритъ Ульманъ— „вызвана раздраженіемъ (gereizte Stimmung) Григорія поведеніемъ епископовъ, собственно, противъ него; *съ цѣломъ она содержитъ столь индивидуальныя и взятая изъ жизни черты, что она вполнѣ носитъ на себѣ печать истины*, и представляетъ намъ печальный результатъ того, что высшія церковныя должности, именно епископскія, замѣщались въ то время лицами, большею частію, не только весьма невѣжественными, но и нравственно въ высшей степени недостойными“ (1).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый и, какъ извѣстно, очень сдержанный въ своихъ выводахъ и безпристрастный изслѣдователь эпохи Григорія объясняетъ подробнѣе, какимъ недостойнымъ путемъ приобрѣтались тогда духовныя должности (die unwürdige Art, wie man zu geistlichen Stellen gelangte; стр. 511). „Рѣшительное вліяніе на выборъ епископовъ“— между прочимъ говоритъ онъ здѣсь— „одерживали попеременно власть двора, лицепріятіе духовныхъ и мопарховъ, и воля парода, который свои притязанія на право избранія, раньше предоставленное ему, а потомъ постепенно отнимаемое, часто отстанвалъ довольно бурно.... *И почти невѣроятно, чрезъ какіе происки, съ какимъ произволомъ, съ какимъ даже неистовымъ насиліемъ многіе епископы достигали своего почетнаго мѣста*. Примѣры сами собой представляются въ памяти каждаго знакомаго съ исторіей“. При такомъ порядкѣ, или вѣрнѣе, безпорядкѣ вещей совѣтъ игнорировали, очевидно, два главныхъ при избраніи на высшія церковныя должности условія или требованія: основательную подготовку къ нимъ и правильное передвиженіе отъ одной духовной должности и ступени къ слѣдующей высшей. И св. Григорій не въ однихъ только стихотвореніяхъ своихъ, но и въ проповѣдяхъ съ особенной силой настаиваетъ на соблюденіи этихъ важныхъ правилъ и съ особенною строгостью возстаетъ противъ нарушенія ихъ. Извѣстно, какъ горько сожалѣетъ онъ въ надгробномъ словѣ своемъ на Василія Великаго, что, между тѣмъ какъ при каждомъ

(1) Gregorius von Nazianz der Theologe, v. Ullmann, стр. 266.

искуствѣ и наукѣ употребляютъ все средства, чтобы усовершенствоваться въ нихъ, тутъ, при этомъ высшемъ и священнѣйшемъ призваніи совсѣмъ не считаютъ этого нужнымъ. „Нѣтъ ни врача, ни живописца“—говоритъ онъ— „который бы прежде не вникалъ въ свойства недуговъ, или не смѣшивалъ разныхъ красокъ, или не рисовалъ. А предсѣдатель въ церкви удобно высккивается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва посѣянъ, какъ уже и выросъ, подобно исполинамъ въ баснѣ. Въ одинъ день производимъ мы въ святые, и велимъ быть мудрыми тѣмъ, которые ничему не учились, и кромѣ одного произволенія, пичего у себя не имѣютъ, восходя на степень. Низкое мѣсто любить и смиренно стоять, кто достоинъ высокой степени, много занимался Божіимъ словомъ, и многими законами подчинилъ плоть духу. А надменный предсѣдательствуетъ, поднимаетъ бровь противъ лучшихъ себя, безъ трепета восходитъ на престоль, не ужасается, видя воздержнаго внизу. Напротивъ того, думаетъ, что, получивъ могущество, сталъ онъ и премудрѣе,—такъ мало знаетъ онъ себя, до того власть лишила его способности разсуждать“ (1). Или въ другомъ „Словѣ“, въ которомъ Григорій оправдываетъ удаленіе свое въ понть, по рукоположеніи въ пресвитера,—въ этомъ истинно классическомъ произведеніи по христіанско-пастырскому богословію, полно, глубоко и всесторонне раскрывающемъ идеаль истиннаго пастыря и архипастыря. „Мнѣ стыдно за другихъ“—между прочимъ говоритъ онъ здѣсь— „которые съ неумытыми, что называется, руками, съ нечистыми душами берутся за святѣйшее дѣло, и прежде нежели сдѣлались достойными приступить къ священству, врываются въ святилище, тѣснятъ и толкаются вокругъ святой трапезы, какъ бы почитая сей санъ не образцемъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію, не служеніемъ, подлежащимъ отвѣтственности, но начальствомъ, не дающимъ отчета. И такіе люди, скудные благочестіемъ, жалкіе въ самомъ блескѣ своемъ, едвали не многочисленнѣе тѣхъ, надъ кѣмъ они начальствуютъ; такъ что, съ теченіемъ времени и съ продолженіемъ этого зла, не останется, какъ думаю, надъ кѣмъ имъ и начальствовать, — когда все будутъ учить, вмѣсто того,

(1) Томъ IV, стр. 83.

чтобы, какъ говорить Божіе обѣтованіе, *быть наученными Богомъ* (Ис. 54, 13); всѣ станутъ пророчествовать, и, по древнему сказанію, по древней притчѣ, будетъ и *Саулъ во пророчѣхъ*. Иные пороки по временамъ то усиливались, то прекращались: но ничего никогда, и нынѣ и прежде, не бывало въ такомъ множествѣ, въ какомъ нынѣ у христіанъ эти постыдныя дѣла и грѣхи. Но ежели не въ нашихъ силахъ остановить стремленіе зла; то по крайней мѣрѣ ненавидѣть и стыдиться его есть не послѣдняя степень благочестія.....

Я никогда не думалъ, чтобы одно и тоже значило—водить стадо овецъ или воловъ, и управлять человѣческими душами. Тамъ достаточно и того, чтобы волы или овцы сдѣлались самыми откормленными и тучными. А на сей конецъ пасущій ихъ будетъ выбирать мѣста, обильныя водою и злачныя, перегонять стада съ одного пастбища на другое, давать имъ отдыхъ, поднимать съ мѣста и собирать, иныхъ кнутомъ, а большую часть свирѣлюю. У пастыря овецъ и воловъ нѣтъ другаго дѣла, развѣ иногда придется ему повоевать немного съ волками и присмотрѣть за больнымъ скотомъ. Всего же больше озабочиваютъ его дубъ, тѣнь, звуки рожка и то, чтобы полежать на прекрасной травѣ, у студеной воды, подъ вѣтеркомъ, устроить на время изъ зелени ложе, иногда съ стаканомъ въ рукѣ пропѣть любовную пѣсню, поговорить съ волами или овцами, и изъ нихъ же, что пожирнѣе, съѣсть или продать. А о добродѣтели овецъ или воловъ никому и въ голову не придетъ никогда позаботиться.... Но человѣку, который съ трудомъ умѣетъ быть подъ начальствомъ, еще гораздо труднѣе умѣетъ начальствовать надъ людьми, особенно имѣть такое начальство, которое основывается на Божіемъ законѣ и возводитъ къ Богу, — въ которомъ чѣмъ больше высоты и достоинства, тѣмъ больше опасности даже для имѣющаго умъ.....

Нынѣ же изгнанъ изъ сердца всякій страхъ, и его мѣсто заступило безстыдство; кто бы ни пожелалъ, для всякаго отверсты и знаніе и глубины Духа.... Моавитяне и Аммонитяне, которымъ не дозволено входить въ церковь Господню, у насъ свободно ходятъ въ самомъ святилицѣ. Для всѣхъ отверзли мы не врата правды, но двери злословія и наглости другъ противъ друга..... У насъ признакомъ добрыхъ и злыхъ — не жизнь, но дружба и несогласіе съ нами. Что

нынѣ хвалимъ, то завтра оуждаемъ; что другіе порицаютъ, тому дивимся; охотно поблажаемъ во всемъ нечестію,—столько мы великодушны къ пороку! Все стало, какъ въ началѣ, во времена безпорядочнаго хаоса, или, если угодно, другое сравненіе: какъ во время ночной битвы, при тускломъ свѣтѣ луны, не различая въ лице враговъ и своихъ, или какъ на морскомъ сраженіи и во время бури, оглушаемые порывами вѣтровъ, кипѣніемъ моря, напоромъ волнъ, столкновеніемъ кораблей, ударами веселъ, криками начальниковъ, стопами пораженныхъ, въ недоумѣніи, не имѣя времени собраться съ мужествомъ, мы нападаемъ другъ на друга, и другъ отъ друга гибнемъ..... Отъ сего, какъ и естественно, мы ненавидимы язычниками, и, что всего несноснѣе, не можемъ даже сказать, что ненавидимы несправедливо..... Горько и стыдно сказать—мы выведены даже и на зрѣлища народныхъ, насъ осмѣиваютъ въряду съ самыми развратными людьми, и ничто такъ не усладительно для слуха и зрѣнія, какъ христіанинъ, поруганный на зрѣлицѣ. До этого довели насъ наши междоусобія; до этого довели насъ тѣ, которые чрезъмѣру подвизаются за Благаго и Кроткаго, которые любятъ Бога больше, нежели сколько требуется“ (1).

И между самыми стихотвореніями Григорія вышеозглавленная сатира, направленная противъ нравственной распущенности большей части современнаго ему высшаго духовенства, и въ особенности, противъ крайней совѣстливой безцеремонности его по вопросу о правоспособности и подготовленности къ духовнымъ должностямъ, стоитъ далеко не одинокою. Въ стихотвореніи „*Εἰς ἑαυτὸν καὶ περὶ ἐπισκόπων*“ мы встрѣчаемся, на примѣръ, съ слѣдующей картиной „собора“ епископовъ. „Одни пришли отъ мѣняльнаго стола, другіе, съ загорѣлыми на солнцѣ лицами, изъ-за плуга, третьи — отъ заступа или мотыки, съ которой провели они весь день, иные—прямо отъ веселъ или войска, не освободившись еще отъ запаха морской воды или отъ рубцовъ на тѣлѣ, иные же — съ сажей на головѣ отъ пиротехническихъ упражненій“ (2). И дальше въ томъ же стихотворе-

(1) Томъ I, стр. 21—23; 64—67.

(2) Lib. II, S. I, стихотвор. XII, ст. 156—164; стр. 787. (По русски это стихотвореніе не переведено).

ни. „Какъ легко пыщѣ отыскиваются предстоятели общества, которые еще ничего не сдѣлавъ, идутъ прямо къ достоинствамъ! О скоропостижное превращеніе!... Вчера еще ты былъ на театральныхъ подмосткахъ въ числѣ актеровъ (и что ты дѣлалъ послѣ спектакля — пусть развѣдаетъ другой кто-нибудь), а нынѣ ты самъ представляешь намъ новое зрѣлище. Недавно еще ты былъ завязтымъ лошадиникомъ и поднималъ пыль къ небу, какъ иной возносить туда молитвы и благочестивыя мысли,—теперь же ты—такъ благонаравенъ и смотришь такъ застѣнчиво, хотя тишеюмъ, быть можетъ, и приобѣгаешь къ старымъ привычкамъ. Вчера продавалъ ты, какъ риторъ, право, вертѣлъ и такъ и сякъ законы, теперь ты сдѣлался вдругъ судьей, повымъ Даниломъ. Вчера сидѣлъ ты съ обнаженнымъ мечемъ на судѣ и воровствомъ и насиліемъ, и прежде всего надъ самыми законами, обращалъ трибуналъ въ настоящій вертепъ разбойниковъ, — и какъ кротокъ ты сегодня! Трудно бы было даже повѣрить, чтобы кто могъ такъ легко мѣнять свое платье, какъ ты свой образъ жизни“ (1). Осуждая обычай опредѣлять на епископскія должности безъ строгаго испытанія соискателей ихъ, поэтъ говоритъ здѣсь: „Разсказываютъ объ орлѣ, что онъ весьма умно (*πανόφως*) испытываетъ и распознаетъ на солнечныхъ лучахъ законное или незаконное происхождение (*νόθον μὲν καὶ τὸ μὴ*) птенцовъ своихъ. А мы, не мудрствуя лукаво, легко производимъ въ предстоятели народа (*λαοῦ προβάτας*) всякаго, кто только пожелеетъ, не соображаясь ни съ годами его, ни съ словами и дѣлами, хорошенько не опробовавъ даже звука монеты. Мы избираемъ на епископскія кафедры не тѣхъ лицъ, которыхъ способность къ этому испытана уже въ горнилѣ времени, а тѣхъ, которыя сами себя считаютъ достойными епископской кафедры“ (2).

(„*Οὐδὲ χρόνον πύρωσιν ἐνδεδειγμένους,
Ἄλλ' ἀντόθεν φανέντας ἀξίους θρόνων*“).

(1) Ibid. ст. 393 — 95; 402 — 406; 411 — 412; 415 — 416; 419—424.

(2) Ibidem стихи: 371—381; стр. 799.

На сколько и къ чему на самомъ дѣлѣ были „ἄγιοι“ подобныя епископы, мы уже видѣли изъ цитусмаго стихотворенія, въ самомъ началѣ котораго поэтъ полагаетъ, что левъ, пантера и аспидъ все-таки великодушнѣе и мягче въ сравненіи съ дурными (χαχοίς) епископами, которые все полны неизмѣримой гордости, а не любви, которые — волки въ овечьей шкурѣ; „убѣждай меня не словами, а дѣлами; я непавижу ученія, которымъ противорѣчить жизнь; выбѣленные гробы красивы снаружи; но отвратительный запахъ изъ нихъ отъ разложившихся частей удаляетъ отъ нихъ“ (¹). А къ чему были способны низшіе члены клира можно видѣть изъ того же стихотворенія, которое вообще очень любопытно по своей характеристикѣ нравовъ современнаго поэту духовенства. Изображаемый здѣсь священникъ весьма развязно предается всеѣмъ удовольствіямъ свѣтской молодежи, играетъ, поетъ, угождаетъ мамонѣ, считаетъ для себя открытыми все роды жизненныхъ наслажденій, несется по широкому пути жизни подобно разпузданному коню. „Для такихъ людей“ — говоритъ поэтъ — „невѣжество — хотя и зло, но все же — меньшее зло.... двуязычные въ своей вѣрѣ, они служатъ не закону Божию, а духу времени, непостоянны въ своихъ ученіяхъ, какъ волнующійся Эврипъ, какъ гибкая лоза; будучи льстецами и сладкимъ ядомъ для женщинъ, они съ пизшими — какъ львы, съ сильными же какъ собаки, послѣ каждаго стола вынюхивающія тонкимъ носомъ своимъ богатую поживу; гораздо болѣе трутъ пороги они вліятельныхъ, чѣмъ умныхъ людей; стремясь къ болѣе пріятному, чѣмъ къ полезному, они вводятъ чрезъ это въ пагубу еще и ближнихъ своихъ. Если хотите, отмѣчу и доказательства мудрости ихъ: одинъ хвалится своимъ благородствомъ, другой — своимъ краснорѣчіемъ, третій — своимъ богатствомъ, четвертый — своимъ родствомъ; тѣ же, которымъ всеѣмъ печѣмъ похвалиться, превосходятъ всеѣхъ своихъ непотребствомъ“ (²). Но больше всего возмущается здѣсь св. Григорій порокомъ, который и Спаситель порицалъ со всеѣмъ пламенемъ Божественнаго негодованія, и противъ котораго гораздо позднѣе св. Григорія выступилъ съ рѣзкимъ словомъ сатиры, рас-

(¹) Ibid. ст. 33—42.

(²) Ibid. ст. 330—348.

творенной горькимъ юморомъ, митрополитъ Солунскій Евстаоій; порокъ этотъ — лицемѣріе. Тонъ, слогъ и характеръ изобличенія св. Григоріемъ въ цитуемомъ стихотвореніи ⁽¹⁾ этого порока, который онъ называетъ „*Αἰσχρόων... αἰχρίστον*“ — (постыднѣйшимъ изъ постыдныхъ, ст. 696), представляютъ столь замѣчательную параллель съ специальнымъ сочиненіемъ Евстаоія „*Περὶ ὑποχρίσεως*“ ⁽²⁾, что нельзя не предполагать непосредственнаго вліянія на это послѣднее сильнаго, тонко-насмѣшливаго, но смѣло-откровеннаго и картиннаго сатирическаго стихотворенія св. Григорія Богослова. Осмѣивая лицемѣріе, поэтъ съ большимъ остроуміемъ и ироніей изображаетъ художниковъ его въ лицѣ іереевъ, которые „и бородой своей, и опущеннымъ взоромъ, и согбеннымъ станомъ, и мягкимъ голосомъ, и рассчитанной походкою, и всѣмъ на свѣтѣ старались показать видъ благочестія, котораго и тѣни не было у нихъ ни въ душѣ, ни въ сердцѣ“ ⁽³⁾.

Такимъ образомъ, представляется достаточно основаній полагать, что остріе жала сатиры „*Εἰς ἐπίσκοπους*“ вполне соотвѣтствовало острому характеру современныхъ поэту моральныхъ недуговъ, противъ которыхъ направлена она. Этого вовсе не отрицаетъ и самъ Гренье. „Зло было весьма велико“ — говоритъ онъ — „и намъ нѣтъ нужды умалять его. Большинство людей IV вѣка обогатилось чрезъ религію (*prenaient pour religion leur fortune à faire*). Въ стремленіяхъ къ паживѣ, путемъ захвата лучшихъ мѣстъ и безпрестанной перемѣны и промѣны ихъ на болѣе выгодныя, не было различія между свѣтскими и духовными лицами; всѣ домогались ихъ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ. Не видано было, кажется, никогда болѣе безстыдныхъ искателей приключеній (*d'aventuriers plus effrontés*).

Усугубляя дерзость развращенностью, всякій считалъ себя достойнымъ епископскаго сана. Гдѣ останавливались Василій и Григорій, тамъ не колебались невѣжество и по-

⁽¹⁾ Ст. 648 и д.

⁽²⁾ Eustathii metropolitae thessalonicensis opuscula. Ed. Fridr. Tafel, 4°. 1832. Francofurti ad Moenum; стран. 88 — 89; ср. въ особенности глав. 27, стр. 94.

⁽³⁾ Стих. 648—651.

рокъ; солнце епископата потеряло уже тотъ блескъ свой (*cette vertu éblouissante*), о которомъ говорятъ отцы; первый пришедшій съ удивленіемъ раскрылъ бы глаза. Знали одинъ стыдъ — молчать; избѣгали одного срама — не имѣть успѣха. Неудачные, неблагоразумные, неожиданные выборы, гдѣ, какъ оказывалось, для похищенія одобреній не нужно было ни усердія (*de Zèle*), ни знанія, ни искуса, были такой соблазнительной приманкой (*appât*), предъ которой не могла устоять слабость человѣческая. Примѣры, рождая надежду и въ то же время оправдывая се, доказывали, что смѣлость и шапсы ведутъ къ самой завидной фортунѣ, и что испытаніе — если испытывали — заключалось, самое большое, въ нѣсколькихъ дняхъ притворства и принужденія (*de dissimulation et de contrainte*). Священники стали какъ чернь, *factus est sacerdos sicut populus*.

Соборы установили мудрыя и драгоценныя правила; но кто заботился объ нихъ? Какая власть наблюдала за исполненіемъ ихъ? Еретическіе епископы, наперекоръ осужденіямъ и анафемамъ, свободно разъѣзжали по странѣ, проповѣдывали изъ деревни въ деревню свои заблужденія, посвящали во священники. Если государственные люди вмѣшивались въ церковные споры, они истолковывали или рѣшали ихъ по объѣтамъ интриги, въ ущербъ права“ (¹).

Въ этой характеристикѣ эпохи Григорія не воспроизводятся ли, въ сущности, черты изъ той же сатиры поэта „На епископовъ“, въ которой, напримѣръ, читаемъ:

„Смѣшно смотрѣть, что дѣлается нынѣ. Всѣмъ отверсть входъ въ незапертую дверь, и кажется мнѣ, что слышу провозвѣстника, который стоитъ посреди и возглашаетъ: „Приходите сюда всѣ служители грѣха, ставшіе поношеніемъ для людей, чревоугодники, утучнѣвшіе, безстыдные, высокомерные, виноиѣцы, бродяги, злорѣчивые, щеголи, лжецы, обидчики, скорые на лживыя клятвы, снѣдающіе народъ, непаказанно полагающіе руки на чужое достояніе, убійцы, обманщики, певѣрные, льстецы предъ сильными, низкіе львы надъ низкими, двоудушные рабы переменчиваго времени, полины, принимающіе, какъ говорятъ о нихъ, цвѣтъ камня ими занимаемаго, не давно оженившіеся, кипучіе, люди съ едва

(¹) *La vie et les poésies de S. Gregoire de Naz.*; pag. 197—198.

пробивающимся пушкомъ на бородѣ, или умѣющіе скрывать естественный огонь, питающіе въ глазахъ воздушную любовь, потому что избѣгаете явной, невѣжды въ небесномъ,— приходите смѣло: для всѣхъ готовъ широкій престолъ; приходите и преклоняйте юныя выи подѣ простертыя десницы: онѣ усердно простираются ко всѣмъ, даже и не желающимъ!..... Никто не останавливайся вдали, земледѣлецъ-ли ты, или плотникъ, или кожевникъ, или охотникъ на звѣрей, или кузнецъ, всякій иди: лучше самому властвовать, нежели покоряться властвующему. Брось изъ рукъ, кто большую сѣкуру, кто рукоятъ плуга, кто мѣхи, кто дрова, кто щипцы, и всякій иди сюда; всѣ толпитесь около божественной трапезы, и тѣснясь и тѣсня другихъ. Если ты силенъ, гони другаго, не смотря на то, что онъ совершенъ, много трудился на престолѣ, престарѣлъ, изможденъ плотію, мертвецъ между живыми и добрый священникъ Царя....

И плачу и припадаю къ стопамъ Твоимъ, Царь мой Христось; да не сръѣтитъ меня какая-либо скорбь по удаленіи отсюда! Изнемогъ настырѣ, долгое время борovníйся съ губительными волками и препиравшійся съ настырями; нѣтъ уже бодрости въ моихъ согбенныхъ членахъ; едва перевожу дыханіе, подавленный трудами и общимъ нашимъ безгласіемъ. Одни изъ насъ состязуются за священные престолы, возстають другъ противъ друга, поражаются и поражаютъ безчисленными бѣдствіями... Другіе, раздѣляясь на части, возмущають Востокъ и Западъ; начавъ Богомъ, оканчивають плотію. Отъ противныхъ сторонъ и прочіе заимствуютъ себѣ имя и мятежный духъ. У меня сталъ Богомъ Павелъ, у тебя—Петръ, а у него — Аполлосъ. Христось же напрасно пронзенъ гвоздями.... Предлогомъ споровъ у насъ Троица; а истинною причиною—невѣроятная вражда. Всякій двоедушешъ;—это овца, закрывающая собою волка, это уда, коварно предлагающая рыбѣ горькую спѣдь. Таковы вожди; а не далеко отсталъ и народъ“ (1).

Если, такимъ образомъ, въ существѣ дѣла французскій ученый соглашается съ этой характеристикой Григоріемъ своего времени, то едвали справедливъ онъ самъ, называя

(1) Lib. II, S. I. стихотв. XIII; ст. 75—111; 139—164; по р. и. VI т., стр. 77—80.

вслѣдъ за этимъ сатиру „несправедливой (injuste, стр. 198) критикой“, и, въ противорѣчіе съ самимъ собой, предпосылая извлеченію изъ сатиры только что приведеннаго нами мѣста слѣдующую оговорку: „Nous traduisons ces éclats d'imprudente passion sans les excuser, encore moins y souscrire“ (передаемъ эти взрывы неблагоразумной страсти, не извиняя ихъ, еще менѣе соглашаясь съ ними; *ibid.*). Ученому 19-го столѣтія, когда онъ сидитъ въ кабинетной тишинѣ и имѣетъ дѣло съ послушными книгами, удобно, разумѣется, распорядиться по произволу душевными движеніями и аффектами героевъ отдаленной поры христіанства, ободряя и рекомендуя одни изъ чувствованій ихъ, порицая и вычеркивая другія. Но не такъ-то легко было справиться съ этими „взрывами“ душевными самимъ борцамъ христіанства, жившимъ и дѣйствовавшимъ въ эпоху, которая, по словамъ соотечественнаго же цитуемому критику ученаго была „*époque de passion theologiques, d'enthousiasme religieux, d'ardeur littéraire*“ (¹), — эпохой, стало быть, во многихъ отношеніяхъ, исключительной въ исторіи христіанства. Знаменитые представители этой эпохи павѣрно не менѣе учепаго 19-го столѣтія понимали то зло, о которомъ краснорѣчиво говоритъ Гренъе, но несомнѣнно гораздо живѣе и непосредственнѣе чувствовали его, гораздо сильнѣе и глубже скорбѣли и болѣли изъ-за него. И можно ли назвать послѣдовательнымъ себя критика, который, не безъ справедливаго сожалѣнія замѣчая въ объясненіе широкаго развитія изобличаемаго сатирой зла, что въ то печальное время некому было заботиться о мудрыхъ и драгоцѣнныхъ правилахъ соборныхъ и съ авторитетомъ власти наблюдать за выполненіемъ ихъ, тутъ же называетъ „взрывами неблагоразумной страсти“ горячіе, самоотверженные и благороднѣйшіе порывы мужественно-христіанскаго сердца, направленные именно въ сторону этихъ мудрыхъ и драгоцѣнныхъ правилъ Вселенскихъ Соборъ. А что касается, собственно, до тона, до образа выраженія или изложенія стихотворенія, то здѣсь-то и имѣютъ свое полное значеніе слова, высказанныя Гренъе по поводу стиля сатиры Григорія „На женщинъ — модницъ“, въ отношеніи котораго

(¹) *Étude historique et littéraire sur saint Basile... par Eug. Fialon. Paris, 1865, стр. 1.*

онъ замѣчаетъ: „Тутъ не спрашивается о томъ—благородна или неблагородна экспрессія сатирика, мягка или сурова она; тутъ предоставляется полная свобода истинѣ, которая ставится выше всѣхъ лицемѣрныхъ приличій міра. Истина—это была единственная политика и единственная поэтика этихъ безстрашныхъ маралистовъ“ (1). Съ этой правильной точки зрѣнія, намъ кажется, можно „извинить“ тонъ и экспрессію сатиры, которой самъ поэтъ предпосылаетъ слѣдующія слова: „Хотя всѣ вы (епископы) единодушно почитаете меня человѣкомъ худымъ и несноснымъ, далеко гоните отъ своего сонма, поражая тучами стрѣлъ и явно и тайно (послѣднее болѣе вамъ нравится), а я скажу, что побуждаетъ меня и что внушаетъ мнѣ сказать сердце. Хотя не охотно; однако же изрину изъ сердца слово, какъ струю, которая, будучи гонима вонъ сильнымъ вѣтромъ, и пробѣгая по подземнымъ разсѣлинамъ, производитъ глухой шумъ, и гдѣ только можетъ прорваться изъ земли, расторгнувъ узы, выливается изъ жерла. То же теперь со мною: не могу удержать въ себѣ желчи. Но снесите великодушно, если скажу какое и колкое слово—плодъ моей горести“ (1).

Колкимъ, дѣйствительно, но воистину справедливымъ словомъ заключаетъ онъ и свою сатиру „На лицемѣрныхъ монаховъ“, говоря имъ, что—

*„Τας παχέας βάρους, καὶ γαστέρα ὄχλον ἔχουσαν
ἢ λεπτῆ, χορεῖν εἰσόδος οὐ δύναται“.*

(Утучненная плоть и расширѣвшее чрево не могутъ пройти сквозь узкія врата) (2).

(1) Il ne se demande point si l'expression dont il use est noble ou non, polie ou grossière, il lâche la vérité à toute bride par dessus toutes les bienséances hypocrites du monde. La vérité, c'était la seule politique et la seule poétique de ces intrépides moralistes. La vie et les poésies de S. Grégoire de Naz... par A. Grenier; pag. 195 sat. contre les femmes—coquettes.

(1) Стихи: 14—26; стр. 825; по р. п. VI т. 75 стр.

(2) Lib. II, S. I. стихотвор. XLIV; стих. 49—50; стр. 919; по р. п. V т. 247 стр.

Ч А С Т Ь І І.

Стихотворенія лирическія.

Лучшую и въ собственномъ смыслѣ поэтическую часть произведеній св. Григорія Богослова составляютъ его чисто лирическія стихотворенія, которыя, по цитуемому нами изданію Мавриніанъ, всѣ почти, за незначительнымъ исключеніемъ, находятся въ первомъ отдѣлѣ 2-й книги, подъ №№ съ XIX по LXXXIX включительно (стр. 857—991).

Въ этихъ превосходныхъ образцахъ христіанской лирики ярко и оригинально обозначился весь его поэтическій гений. Въ нихъ не видно ни слѣдовъ подражательности, ни вліянія риторики, ни подавляющаго элемента рефлексіи. Они не задуманы по какимъ-нибудь внѣшнимъ, стороннимъ для поэзіи мотивамъ, но выходятъ прямо изъ непосредственнаго источника поэзіи—сильнаго и глубокаго одушевленія, оплодотвореннаго чувствомъ христіанскаго сознанія. Они не сочинены искусственно, по законамъ теоріи поэзіи, не обработаны механически, по правиламъ стихометрической техники, а вылились и создались сами собой, какъ живой отголосокъ живѣйшихъ движеній сердца, какъ естественное проявленіе извѣстнаго состоянія души, отличающаго всѣхъ истинныхъ представителей поэтическаго дарованія, которые, выражаясь словами одного изъ нихъ, „рождены для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“.

Область чистой лирики, какъ сфера свободнаго, непосредственнаго проявленія внутренняго міра человѣка—сокровенной жизни души и сердца, всего болѣе сродна была мягкой, нѣжной, въ высшей степени впечатлительной и отзывчивой душѣ поэта, всего болѣе гармонировала съ личными особенностями его поэтическаго дарованія. Оттого лирическія стихотворенія его дышатъ такимъ теплымъ, искрен-

нимъ чувствомъ, такимъ могучимъ одушевленіемъ, глубокого захватывающимъ и увлекающимъ даже тѣхъ, кто читаетъ ихъ въ переводѣ.

Разнообразіемъ душевныхъ настроеній, опредѣляющихъ содержаніе лирическихъ произведеній поэта, различіемъ свойствъ и направленій чувства, сообщающихъ извѣстный тонъ и форму ихъ, условливается и разнообразіе видовъ лирической поэзіи св. отца; внѣшнимъ образомъ оно выражается у поэта уже въ самомъ подписаніи лирическихъ стихотвореній: „*θροῦνον*“, „*θροῦνητικόν*“, „*ἰκετήριον εἰς Χριστόν*“, „*δέησιν πρὸς τὸν Χριστόν*“, „*εἰς τὴν ἑαυτοῦ ψυχὴν*“, „*πρὸς τὸν αὐτοῦ θυμὸν*“, „*κατὰ τοῦ ποτηρίου*“.

Вообще говоря, лирическія произведенія Григорія Богослова всего чаще превращаются въ молитвенный вопль страждущей души; вопль этотъ, правда, принимаетъ разнообразное выраженіе то сильной скорби, томленія души, алчущей лучшей жизни, но изнемогающей въ борьбѣ съ внѣшними препятствіями и съ самой собою, то благоговѣйнаго трепета предъ безконечностью ума, воли и силы Творческой, то пламенной любви, жаждущей созерцать небесную, неизмѣняемую, нетлѣнную, неувыдающую красоту, то трогательнаго умиленія предъ всеобъемлющей Благостью—источникомъ жизни и наслажденія всѣхъ тварей, то порывистаго негодованія на ничтожество предметовъ, обольщающихъ человѣческое сердце, то безусловной покорности небу въ несчастіи, то искренняго, полнаго раскаянія въ грѣховныхъ дѣлахъ и нечистыхъ желаніяхъ. Но чрезъ всѣ почти лирическія стихотворенія поэта, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ гимновъ, проходитъ болѣе или менѣе сильно и замѣтно ихъ основной *элегическій* мотивъ. Такъ что даже тѣ стихотворенія, которыя, какъ не имѣющія опредѣленной формы, не могутъ быть строго отнесены къ одному какому либо роду поэтическихъ произведеній, имѣютъ больше точекъ соприкосновенія съ элегіей, чѣмъ съ какимъ нибудь другимъ видомъ поэтическаго творчества. Не смущаясь поэтому тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ поэтъ общимъ родовымъ именемъ *ἐλεγειακόν* называетъ только одно стихотвореніе (кн. II, отд. 1, стихотвор. XXVIII), считаемъ позволительнымъ, для удобства аналитическаго разбора лирическихъ

стихотвореній его, раздѣлить ихъ всѣ на два общіе отдѣла: а) *элегію* и б) *гимны*.

Если тѣсное внутреннее отношеніе лироэпическихъ стихотвореній Григорія,—гномовъ, сатиры, дидактическихъ и историческихъ поэмъ,—къ подобнаго же рода произведеніямъ древнегреческой литературы ставитъ его, какъ поэта, въ преемственную связь съ античными классиками; то внутренняя самобытность и непосредственность его чисто лирическихъ произведеній—элегій со всѣми ея разновидностями и гимна отводятъ ему по справедливости первое мѣсто *въ области новаго, оригинальнаго рода поэтическаго творчества—духовно-христіанской лирики*. Преобразовавъ названныя античныя формы поэзіи въ духѣ христіанскаго настроенія, св. Григорій *Назіанзинъ первый изъ христіанскихъ поэтовъ создалъ въ этомъ новомъ родѣ образцы, въ художественномъ отношеніи ничуть не уступающіе совершеннѣйшимъ произведеніямъ классической лирики*. На раскрытіи этого общаго тезиса, составляющаго самое ядро нашего изслѣдованія, мы остановимся нѣсколько подробнѣе. И прежде всего постараемся выяснитъ свое положеніе объ оригинальности лирической поэзіи св. Григорія Богослова изъ разсмотрѣнія природы и характера главной лирической формы его—элегіи.

1) Элегія.

Элегія, какъ особый видъ лирической поэзіи, у древнихъ Грековъ не имѣла того значенія, какое мы соединяемъ теперь съ этимъ словомъ. Тѣсно связанная въ своемъ происхожденіи съ музыкой, она опредѣлялась у нихъ болѣе размѣромъ, чѣмъ содержаніемъ. Слово *ἐλεγείον* означало именно двустушіе, состоявшее изъ одной строки гекзаметра и одной пентаметра, а *ἐλεγία* — стихотвореніе этого смѣшаннаго размѣра, отъ слова: *ἐλεγος*, которое Греки точно такъ же употребляли въ смыслѣ пентаметра, какъ слово *ἔπος* въ смыслѣ гекзаметра. Тотъ элегическій размѣръ примѣнялся ко всевозможнымъ сюжетамъ—къ вопросамъ нравственности, военнымъ и политическимъ воззваніямъ, разсужденіямъ въ формѣ пословицъ, изліяніямъ любви и горести, хвалебнымъ эпиграммамъ и грустнымъ эпитафіямъ, — такъ что совер-

шенно невозможно сказать, что именно составляет его прямую область. Если бы, таким образом, при определении древне-греческой элегии мы захотели руководствоваться ее содержанием, то нам пришлось бы дробить ее на следующие, мало общаго имѣющіе между собою, виды: политическо-военственную, этико-дидактическую, эротическую, буколическую, хвалебную, печальную, застольную (симпозионическую) и пр. Въ качествѣ именно общаго, родового признака всѣхъ этихъ разнообразныхъ видовъ элегии мы можемъ указать только одну особенность,—это общую имъ всѣмъ принадлежность къ области *личной*, или, какъ говорятъ нѣмцы, субъективной поэзіи. Эта постоянная и неизмѣнная черта элегической поэзіи выступаетъ весьма явственно даже тамъ, гдѣ античный поэтъ обсуждаетъ общественные вопросы,—какъ на примѣръ, въ элегіяхъ Солона, или пересказываетъ эпическіе мифы, какъ дѣлаетъ Аптимакъ въ свой Лидѣ. Эта же черта древней элегии, повидимому, внутренне роднитъ ее и съ элегической поэзіей св. Григорія Богослова. Но на этой-то внутренней особенности (Subjectivität), единственно общей у древней элегии съ элегической поэзіей св. отца, мы и думаемъ основать все неизмѣримое различіе ихъ между собой. Справедливо, что область античной элегии и вообще лирической поэзіи, какъ и элегии, подлежащей нашему разбору, есть одинаково область личной, субъективной поэзіи. Это до такой степени безспорно, что слово „субъективна“ можно приписать прямо какъ сказуемое къ подлежащему аналитическаго сужденія—элегія. Но дѣло въ томъ, что подлежащее въ этомъ сужденіи опредѣляется своимъ признакомъ только *номинально*, а не *реально*. Необходимо обратить вниманіе на то, *что*, именно, исчерпывалась субъективная область античнаго элегическаго поэта, и *что* составляетъ природу элегическихъ стихотвореній св. Григорія Богослова.

Стихію древне-элегическихъ и вообще лирическихъ поэтовъ, какъ греческихъ, такъ и римскихъ, составляютъ, строго говоря, не высшіе чисто-психическіе продукты, а низшія психофизиологическія отправления, то есть, главнымъ образомъ, органическія ощущенія и душевныя движенія (эмоціи), которыя въ своей совокупности образуютъ въ тотъ или другой моментъ такое или иное внутреннее настроеніе, смотря по эмоціональной окраскѣ ощущеній. Этой, въ тѣсномъ

смыслѣ, *душевно-чувственной* сферой внутренняго субъективнаго міра, составляющей въ психической жизни одну общечеловѣческую ея сторону, и ограничиваются античные лирики въ своихъ произведеніяхъ, не касаясь и не зная вышней *духовно-чувствительной* области. Чаще всего, именно, они выражаютъ въ своей поэзіи аффективные продукты, образовавшіеся въ душѣ подѣ вліяніемъ какой-нибудь, болѣе или менѣе сложной и разнообразной, группы внѣшнихъ впечатлѣній и вообще подѣ вліяніемъ данныхъ опыта. Всякое явленіе жизни, всякое событіе, какъ и всевозможныя положенія челоуѣка, опредѣлявшіяся духомъ времени, нравственно-интеллектуальнымъ уровнемъ общественной среды, соціальнымъ строемъ и формами политическаго общежитія, вызывали въ поэтической душѣ лирика тѣ или другія личныя ощущенія, чувства, желанія и вообще душевныя настроенія. Вращаясь въ кругу многоразличныхъ житейскихъ отношеній, въ сферахъ ближайшихъ, но относительно важныхъ и перѣдко самыхъ ограниченныхъ задачъ и интересовъ, предъявлявшихся текущей современностью, античные элегики и воспѣваютъ въ своихъ произведеніяхъ любовь къ отечеству, пріятныя общенія дружбы, скорбныя утраты и лишенія, пиршественныя удовольствія, прославленіе храбрости и физическаго героизма, восхваленія мудрости, радости и печали любви. За эти предѣлы психофизическихъ и всегда болѣе или менѣе чувственно-эгонистическихъ эмоцій, вызываемыхъ внѣшними впечатлѣніями и возбуждающихъ душу чисто въ естественномъ направленіи они не простираются, и не дапо имъ было входить въ сокровенныя глубины высшихъ отравленій нашей души, которыя совершаются въ ней подѣ вліяніемъ идеи безконечнаго.

У св. Григорія Богослова, напротивъ, главнымъ матеріаломъ для лирическаго творчества, служитъ *и самая душа, и данныя внутренняго чувства самосознанія и саморазмышленія ея о себѣ, и жизнь сокровенная*, которою душа наша непосредственно соединена съ Богомъ, и *вся безпредѣльная область* идей, чувствованій, желаній и стремленій, которыя, какъ изъ неизчерпаемаго источника, возникаютъ изъ этого животворнаго пачала, и, подобно волнамъ моря, приливаютъ и отливаютъ изъ глубины религіознаго одушевленія поэта. Эта область предстваленій и чувствованій, *которыя выходятъ за предѣлы всего земнаго*, или другими слова-

ми, область идей и идеаловъ, которые хотя и порождаются земною жизнью, но не находятъ въ ней удовлетворенія и вдохновляютъ поэта къ лирическимъ произведеніямъ высшаго и оригинальнаго типа, оставалась совсѣмъ невѣдомой для античныхъ лириковъ....

Итакъ, первая и кардинальная особенность св. Григорія, принадлежащая собственно ему, какъ самобытному лирическому поэту, касается *самой природы* его лирическихъ произведеній, составляетъ самую сущность ихъ содержанія. Сжато и кратко это внутреннее существо лирической поэзіи его можно, кажется, формулировать въ слѣдующемъ положеніи: оно (т. е. существо это) обнимаетъ совокупность религиозно-психическихъ процессовъ, въ которыхъ душа, сосредоточенная въ себѣ самой, разсматриваетъ саму себя и изображаетъ свои аффекты.

При свѣтѣ опредѣленія элегической поэзіи св. Григорія Богослова становится съ одной и существенной стороны достаточно, кажется, яснымъ, какихъ именно элементовъ не достаетъ въ предикатѣ ея „субъективна“ для отличія ея отъ древнегреческой элегіи. Если понятіе „субъективность“ принадлежитъ лирической поэзіи вообще, какъ ея родовой признакъ,—хотя, замѣтимъ кстати, какъ слово: субъективность, съ противоположнымъ ему: объективность, такъ и значенія, соединяемыя съ ними, древнимъ не были извѣстны, и введены въ употребленіе только позднѣйшими писателями,—то въ приложеніи къ элегіи нашего христіанскаго поэта этотъ терминъ полнѣе и точнѣе нужно опредѣлить, слѣдовательно, понятіемъ „субъективности“, *опирающейся на сверхъестественномъ міросозерцаніи*. Такимъ образомъ, разграниченіе понятій субъективности по отношенію къ природѣ древней и новой, античной и христіанской элегической поэзіи, обусловливается глубокимъ, радикальнымъ различіемъ, каковъ находится между паганизмомъ съ древней философіей—съ одной стороны, и христіанскимъ міросозерцаніемъ, открытымъ въ христіанскомъ вѣроученіи—съ другой. Если бы мы захотѣли подробнѣе остановиться на развитіи этой мысли, мы вышли бы изъ предѣловъ своей задачи. Достаточно для насъ обозначить различіе сопоставляемыхъ предметовъ крайними ихъ предѣлами. Міросозерцаніе древнихъ, питавшее субъективную поэзію ихъ, обнимаетъ преимущественно предметы, подлежащіе чувствамъ, оно—естественно (пату-

рально), ограничено; точкой отправленія различныхъ психическихъ процессовъ и явленій душевныхъ, касающихся чувственного міра, служить тотъ же чувственный міръ, подлежащій наблюденію внѣшнихъ чувствъ. Христіанское міросозерцаніе, служившее источникомъ нашему христіанскому лирику, всецѣло относится къ самому человѣку; оно, какъ говорятъ—трансцендентно, сверхъестественно. (1) Оно обнимаетъ истины сверхчувственныя, на которыя не можетъ дать намъ отвѣта міръ внѣшній, со всею его громадностью, и которыя касаются нашего безконечнаго назначенія; ближайшею же точкою опоры, на которой утверждается наша живая вѣра въ предметы сверхчувственнаго міра, и вмѣстѣ отправной точкой для христіанскаго міросозерцанія служатъ истины внутренней духовной жизни, идеи объ основныхъ силахъ духа, о его высшихъ потребностяхъ, внутреннихъ состояніяхъ, цѣляхъ и средствахъ. И непосредственное сознаніе безусловной важности этихъ истинъ для человѣка, тѣсно связанныхъ съ его настоящимъ и будущимъ благополучіемъ, проникаетъ, понятно, не одну мысль въ отдѣльности и не одно чувство, а всю душу, во всей гармонической полнотѣ ея силъ и способностей. Раздвинувъ вглубь и вширь ограниченные у древнихъ предѣлы знанія и разумѣнія, христіанская вѣра расширила вмѣстѣ съ этими душевными силами и въ естественной зависимости отъ нихъ и сферу чувства, сердечности и фантазіи. Возблеставъ на землѣ какъ новое солнце, разогнавшее своими лучами мракъ и тѣни, облежавшія умъ человѣческій, христіанское ученіе открыло цѣлый новый міръ, новый объектъ для созерцанія; и не только одинъ отвлеченно-мыслимый объектъ: съ новымъ міросозерцаніемъ, обогатившимъ умъ и знаніе, оно открыло и новую, невѣдомую область внутреннихъ ощущеній, душевныхъ движеній, аффектовъ, фантазіи. „Какъ молнія“—художественно выражается Вейсе—„свѣтлый взглядъ божественнаго откровенія прошелъ огненной струей по всему

---

(1) «Древняя поэзія»—говоритъ *Eischendorf*—«какъ рефлексъ религіозныхъ воззрѣній, чувствена, предметно-наглядна, чисто-человѣчна (*rein-menschlich*); христіанская поэзія сверхчувствена, чудесна, мистична, символична». *Jos. von Eischendorf*, «Geschichte der Literatur Deutschlands», I Th. S. 46.

сознанію человѣчества и повернулъ полюсы внутренняго магнита такъ, что стрѣлка духовнаго компаса, обращенная прежде только на земное, указала вдругъ на иное, высшее бытіе ⁽¹⁾. Въ этомъ „высшемъ бытіи“ ученіе Христа Спасителя открыло человѣку именно два полюса, къ которымъ и обратило его внутреннее сознаніе; изъ нихъ одинъ оно указало превыше человѣка, другой—въ самомъ человѣкѣ. Первый—Господь Богъ и Отецъ нашъ небесный, Котораго въ древнемъ мірѣ „не познали“ правильно не только язычники, но и избранный народъ Божій, евреи, и Котораго „неприступный Свѣтъ“, созерцаемый во Св. Троицѣ, явилось намъ Солнце правды—истинный свѣтъ міру (Іоан. 8, 12). Другой объектъ, раскрытый и уясненный намъ этимъ благодатнымъ свѣтомъ, представляетъ самъ человѣкъ. Изъ христіанскаго міросозерцанія человѣкъ впервые выразумѣлъ себя нравственно-свободною личностью; онъ возвысился до полнаго и яснаго представленія себя самаго свободнымъ я, то есть существомъ, духовно-сознающимъ себя, которое, при обладаніи всѣхъ силъ своихъ, въ самомъ себѣ имѣетъ начало своихъ дѣйствій, и въ силу такого самосознанія сталъ мыслить себя отдѣльнымъ и отъ Бога и отъ міра, и противопоставлять себя, какъ свободное я, и Богу и міру. Древнимъ хотя и не совсѣмъ чуждо было самосознаніе, въ смыслѣ пониманія человѣкомъ своего личнаго свободного я, но представленія ихъ на этотъ счетъ были темны, смутны, не полны и далеко не совершенны. Христіанское ученіе, углубивъ душу въ себя саму и проливъ въ нее благотворныя лучи свои, впервые освѣтило во всю ширь и глубь настоящую сферу сознанія себя человѣкомъ, и открыло намъ въ насъ самихъ обильнѣйшій источникъ, или вѣрнѣе, быть можетъ, сказать, горнило внутренннихъ ощущеній, желаній, идей, стремленій; вообще—душевныхъ движеній, расположеній и настроеній, охватившихъ внутреннюю жизнь нашу въ цѣломъ ея составѣ, во всей ея полнотѣ. И озаривъ такимъ образомъ сознаніе, христіанское ученіе указало ему его исходную и конечную точки и сообщило ему правильное направленіе, внушивъ намъ, что истинная жизнь есть

(1) *Карьеръ*. «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества»; т 3, стр. 6.

та, которой душа наша соединена съ Богомъ, Творцомъ и Испушителемъ,—что жизнь эта—сверхъестественная: начало ея—сверхъестественная милость, а конецъ—вѣчное лицемеріе Бога и обладаніе Имъ. И этой жизни И. Христосъ не только научилъ насъ, но Онъ—„второй и небесный Адамъ“ (1 Кор. XV, 47)—родилъ насъ въ нее; жизнь эту, полную тайнъ благодати, апостоль называетъ „сокровенной отъ міра, соединенной съ Богомъ (Кол. III, 3). Она-то, эта внутренняя жизнь, и служитъ главнымъ предметомъ содержанія лирическихъ произведеній святаго поэта. И едвали мы ошибаемся, говоря, что св. *Григорій Назіанзинъ первый изъ всѣхъ христіанскихъ поэтовъ воспользовался этимъ матеріаломъ для выраженія его средствами поэзіи*, и изобразилъ его такъ талантливо и художественно, что другимъ поэтамъ въ той же области не удалось уже потомъ не только заслонить его произведеніями своей музы, но и сравняться съ нимъ по достоинствамъ, какъ художественно-христіанскимъ поэтомъ.

Опредѣливъ природу лирическихъ произведеній св. Григорія Богослова, какъ оригинальныхъ опытовъ его поэтическаго творчества, перейдемъ ко второй отличительной сторонѣ ихъ субъективности—ихъ тону и характеру. Въ этомъ отношеніи лирическія стихотворенія св. поэта представляются наиболѣе колоритными изъ всѣхъ прочихъ произведеній его литературной дѣятельности. Они несутъ на себѣ въ высшей степени выразительный отпечатокъ самой личности его, и при замѣчательной своеобразности индивидуальныхъ чертъ ея, являются произведеніями сколько оригинальными, столько же и достойными изученія.

Первый положивъ основаніе христіанской элегии, какъ особаго самостоятельнаго рода художественно-литературнаго искусства, Григорій первый внесъ въ нее новое чувство—меланхолю. Говоря строго, этотъ терминъ не слѣдовало бы употреблять относительно поэзіи св. отца. Примѣняя его къ характеристикѣ элегій св. Григорія Богослова, мы пользуемся имъ потому только, что терминъ этотъ принятъ у многихъ изслѣдователей. Но мы должны оговориться, что придаемъ этому термину особенное значеніе, отличное отъ обычнаго словоупотребленія. Мы разумѣемъ подъ меланхоліей не простое, случайное, мимолетное и часто безотчетное, а тѣмъ болѣе прихотливое, капризное и вообще болѣе или

менѣе искусственное (аффекаціонное) чувство печали, унынія или грусти, а весьма сложное, искреннее, трезвое, сознательное и постоянное расположеніе души, обусловливаемое глубокими и серьезными причинами. Меланхолія Григорія проникаетъ всю его лирическую поэзію, за исключеніемъ развѣ гимновъ. Поэтъ изображаетъ въ своихъ элегіяхъ жизнь человѣческую во всей ея неподкрашенной паготѣ и неприглядности. Онъ слѣдитъ здѣсь человѣка во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ и во всѣхъ періодахъ его возраста — среди домашней и общественной жизни, среди богатства, растрачиваемаго въ изпѣженной роскоши, и нищеты, пробивающейся поденнымъ трудомъ, среди заботъ о дѣтяхъ, семьѣ, и — безотрадной жизни въ одиночествѣ, — слѣдитъ его ползающимъ въ дѣтствѣ и ползающимъ въ старости, въ избыткѣ силъ и мужества цвѣтущей молодости и въ болѣзненной слабости старческой дряхлости, — съ перваго дыханія у груди матери вплоть до могильнаго пріюта, — разсматриваетъ его прежде, чѣмъ былъ онъ, и — когда его уже нѣтъ больше, — тѣло безформенное и тѣло стнившее; видитъ его въ его двойкомъ гробѣ, въ утробѣ своей матери и въ нѣдрахъ земли; провожаетъ его и въ загробную жизнь и представляетъ его послѣднюю участь.... „Ничто“ — скажемъ словами Гренъе — „не ускользаетъ отъ его анализа, сколько строгаго, столько же тонкаго; ничто изъ тлѣнныхъ вещей, самыхъ завидныхъ и самыхъ очаровательныхъ, не находитъ пощады предъ его неумолимою ревностью.... Онъ развѣвываетъ наши иллюзіи, разметааетъ наши грезы, гонитъ наши восторги; онъ подноситъ къ нашимъ губамъ ядъ, скрывающійся въ каждомъ цвѣтѣ; онъ заставляетъ насъ дышать отвратительнымъ или вреднымъ запахомъ, который испаряется всякимъ земнымъ удовольствіемъ; онъ не допускаетъ никому ошибокъ, извиненій, отговорокъ; онъ идетъ изъ воротъ въ ворота, какъ пророкъ по улицамъ Ниневіи, предупреждая, пробуждая, угрожая и богатаго и высокоумнаго, и сильнаго и краснорѣчиваго, и красиваго и молодаго; онъ сбрасываетъ съ насъ маски и провозглашаетъ намъ эти старья, избыткя, осмѣянные, безплодные, однакожь истинныя и не старѣющіяся слова: *Суета суетъ и всяческая суета*, —

это послѣднее изреченіе изъ всѣхъ, пережитыхъ на землѣ, это заключительное резюме всей жизни“ (1).

Въ самомъ дѣлѣ, выходя отъ самаго рожденія человѣка, поэтъ говоритъ, что человѣкъ появляется на свѣтъ самымъ жалкимъ изъ всѣхъ животныхъ (2), — что онъ, точно вырвавшись изъ могилы, стремится къ другой могилѣ („ἐκ τῦμβοιο θορῶν, ἐπὶ τῦμβον ὀδεύω“), (3) и отъ гроба до гроба живетъ только для тлѣнія; (4) что провожатаемъ ему въ жизни служатъ горе и слезы, которыя онъ проливаетъ уже только что вышедъ изъ нѣдръ матери, прежде чѣмъ даже коснулся жизни, какъ бы напередъ оплакивая всѣ тѣ бѣдствія, съ которыми онъ долженъ встрѣтиться; (5) что жизнь наша — дикій потокъ, непрестанно волнующееся море; (6) всѣ пути ея для смертныхъ соединены съ неизбѣжными бѣдствіями, и даже тѣ изъ нихъ, которые, по видимому, манятъ благами и радостями, обставлены весьма многими и трудными препятствіями и самыя блага неразлучны съ скорбями: „какъ много я видѣлъ напастей, и напастей безъ малѣйшей дозы услажденія, такъ и не видалъ ни одного блага, которое бы совершенно было изъято отъ скорби“. (7) Такъ что „если бы кто взвѣсилъ на вѣсахъ“, говоритъ поэтъ, „все, что въ жизни пріятнаго и что прискорбнаго, то одна чашка, до верха нагруженная зломъ, пошла бы къ землѣ, а другая, напротивъ, съ благами жизни побѣжала бы вверхъ“. (8) Въ нѣкоторыхъ краткихъ элегіяхъ онъ сравниваетъ жизнь людей съ „прахомъ“ поднимасмымъ и бросаемымъ внизъ сильнымъ круговоротомъ вѣтровъ“, (9) съ „колесомъ, вертящимся на неподвижной оси“.

*„Τροχός τις ἐστὶν ἀστάτως πεπηγμένως,
Ὁ μικρός οὗτος καὶ πολύτροπος βίος.“*

(1) La vie et les poésies de S. Grégoire de Nazianze, стр. 148—149.

(2) Кн. I. Отд. II. стихотвор. XV, ст. 42.

(3) Ibidem. ст. 133.

(4) Ibidem. стихотвор. XIV, ст. 37.

(5) Ibidem. ст. 45—48.

(6) Ibidem. стихотвор. XV, ст. 53.

(7) Ibidem. стихотвор. XIV, ст. 55—56.

(8) Ibidem. ст. 59—62.

(9) Ibidem. стихотвор. XVIII, ст. 4—6.

*"Ανω κινείται, καὶ περιπαῖται γὰρ
 Οὐχ ἴσταται γὰρ, καὶ δοκῆ πεπεγμέναι.
 Φεύγων κραεῖται, καὶ μένων ἀποτρέχει.
 Σχιοτᾶ δὲ πολλὰ, καὶ τὸ φεύγειν οὐκ ἔχει.
 Ἐλκει, καθ' ἑλκει τῆ κινήσει τὴν στάβιν".*

(„)та краткая и многообразная жизнь есть какое-то колесо, вертящееся на неподвижной оси: то идет оно вверху, то склопается внизъ, и хотя представляется чѣмъ-то неподвижнымъ, однакоже не стоитъ на мѣстѣ; убѣгая, держится на одномъ мѣстѣ, и держась, убѣгаетъ; стремительно скачетъ, и не можетъ сдвинуться съ мѣста; силится движениемъ своимъ переменить положеніе, и отъ того же движениія приходитъ въ прежнее положеніе“) (1).

Наконецъ, въ элегіи „О путяхъ жизни“ подводи, такъ сказать, итогъ своимъ возрѣніямъ на здѣшнюю жизнь, ноетъ съ необыкновенною силою и энергіей чувства говорить:

„Все, все здѣсь скорбь для смертныхъ, все предметъ смѣха, легкой пухъ, тѣнь, призракъ, роса, дуновение, быстрый полетъ птицы, сонъ, непостоянная волна, стремительный потокъ, слѣдъ корабля, вѣтеръ, прахъ, подвижное колесо, которое своими оборотами, то скорыми, то медленными, приводитъ одно и то же: времена года, ночи, дни, заботы, смерть, печали, удовольствія, болѣзни, потери, удачи“. (2)

Изъ такихъ отдѣльно взятыхъ аккордовъ меланхолически настроенной души слагается, напимѣръ, слѣдующая элегическая композиція.

„Зачѣмъ пѣть у меня легкихъ крыльевъ ласточки или голубки? Съ быстротою бѣжалъ бы я изъ общества смертныхъ! Сталъ бы я жить въ глубинѣ пустынь, межъ дикихъ звѣрей; они лучше людей. Тамъ, по крайней мѣрѣ, текли бы дни мои безъ скуки, тревогъ и печали! Превосходя животныхъ своимъ умомъ, который познаетъ Божество и возносится до небесъ, я въ нѣдрѣ созерцанія вкусилъ бы сладость мирной жизни. Тамъ раздавался бы мой голосъ, какъ съ вершины горы, и я взывалъ бы къ обитателямъ земли: Люди, обреченные смерти, существа скорогибнущія, вы, ко-

(1) Стихотвор. XIX, ст. 1—7; стр. 493; по р. н. V т. 33 стр.

(2) Стихотвор. XVI, ст. 22—28; по р. н. IV т. 271 стр.

торые живете только для того, чтобы сдѣлаться добычею могилы и гоняетесь за пустыми призраками, долго ли станете вы влачить цѣнь вашихъ заблужденій. Вѣтренникъ! останови на минуту твои блуждающія мысли, и посмотришь вмѣстѣ на родъ человѣческій.

„Одинъ отличался бодростію и силою: статный и гордый, съ завидно сложенными гибкими членами, онъ властвовалъ надъ своими товарищами. Другой, блистая красотою, какъ утренняя заря, манилъ къ себѣ взоры всѣхъ; онъ сіялъ межъ мужчинами, какъ весенній цвѣтокъ. Иной знаменитъ подвигами своей боевой храбрости! а тотъ, любя страстно охоту, никогда не упускалъ добычи; онъ опустошилъ лѣса и горы. Этотъ былъ охотникомъ до пировъ и роскошныхъ обѣдовъ; утопая въ пріятностяхъ стола, онъ исчерпалъ своимъ чревомъ и сушу, и воды и воздухъ; по вотъ теперь онъ дряхлый, сгорбленный старикъ; красота его увяла отъ дыханія ледовитой старости.

„Прійдетъ старость, и прости сила и красота! Чувства отрекаются отъ удовольствій; и человѣкъ живетъ уже въ половину; большая часть его въ могилѣ.

„Тотъ надмеается своей ученостію; а этотъ съ гордостію указываетъ на могилы своихъ предковъ; иной дивитъ всѣхъ обширностію своего ума и блескомъ своихъ свѣдѣній. Другаго душитъ богатство; а онъ еще не доволенъ имъ. Судья чванится своими продѣлками! Тиранинъ, окруженный невольниками, которые обременены цѣнями и покрыты окровавленнымъ рубищемъ, тяготитъ землю и презираетъ небо.

„Бѣдные! скоро превратятся они въ груды пыли! И ихъ ждетъ общая участь. Бѣдняка и богача, царя и раба, всѣхъ обложитъ одна тма, и всѣ поселятся въ одномъ мѣстѣ. Одна выгода на сторонѣ великихъ земли: ихъ похоронять съ пышной церемоніей, погребутъ въ богатыхъ мавзолеяхъ; имена и титула ихъ останутся на мраморѣ или мѣди!

„Пусть иной умретъ не скоро, но все-таки умретъ! Никто не изъять отъ общаго закона. Всѣ, въ свою очередь, будутъ отвратительными черенами и обглоданными костяками!

„Исчезнетъ тогда и гордость! У бѣдняка не будетъ заботъ. Болѣзни, ненависть, преступленія, страсть, неуемность, преступныя удовольствія, все уничтожится! Смерть крѣпко держитъ своихъ плѣнниковъ, и дастъ имъ свободу

лишь въ тотъ день, когда воскресшія тѣла явятся, чтобы не умирать болѣе.

„Вы, у кого передъ глазами смѣняются всѣ эти зрѣлица, послушайте моихъ совѣтовъ! Не ввѣряйтесь лживому міру; гоните прочь обаяніе этого земнаго царя, этого хищника, посягающаго на ваши блага; его ласки влекутъ за собою смерть! Слава, достоинство, рожденіе, богатство,— все суета! Оставимъ это другимъ, а сами посѣдимъ къ себѣ, гдѣ сіяетъ неизрѣченный свѣтъ Троицы“ (1)!

Приведенныхъ нами примѣровъ и выдержекъ изъ элегическихъ стихотвореній Григорія, кажется, достаточно для доказательства рѣшительно преобладающей, господствующей роли въ нихъ меланхолическаго чувства. Но крайней мѣрѣ намъ представляется излишнимъ останавливаться съ болѣею подробностью, чѣмъ это требуется ходомъ нашего изслѣдованія, на томъ, что само собою бросается въ глаза, или лучше сказать—въ душу читателя по прочтеніи имъ къ ряду любой изъ элегій поэта. Не скопляя, поэтому, повыхъ рядовъ цитатъ въ подтвержденіе, на нашъ взглядъ, не нуждающагося въ немъ положенія, что меланхолическій элементъ въ лирической поэзіи Григорія составляетъ основную окраску ея, позволимъ себѣ отослать читателя, привыкшаго руководиться собственнымъ впечатлѣніемъ, къ самому тексту элегической поэзіи нашего автора. Здѣсь же на очереди возникаетъ вопросъ, отвѣтъ на который представляетъ болѣе трудную задачу для изслѣдователя. Какъ объяснить образованіе и развитіе въ знаменитомъ представителѣ высокаго и чистаго христіанскаго вѣроученія, въ богословѣ *κατ' ἑξοχὴν*, такой глубокой меланхоліи, въ грустный тонъ которой настроена вся почти поэтическая лира его?—Въ этомъ пунктѣ мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ задачей и интересомъ специально церковно-историческаго изслѣдованія о Григоріи Богословѣ; этимъ обстоятельствомъ отчасти обуславливается и сложность поставленнаго вопроса и трудность рѣшенія его при замѣчательной скудости научной литературы по этому предмету. Съ мнѣніемъ же пѣмцакаго доктора богосло-

(1) Кн. II, отд. I стихотвор., XXXII., стр. 879; по р. п. IV т. 321 стр. Сравн. переводъ въ «Маякѣ» за 1841 г. ч. XXIII, стр. 78.

вія, Шубаха, по которому „для разрѣшенія этого вопроса достаточно проливають свѣта жизнь и сочиненія св. отца, тщательнѣе изслѣдованныя“ (1), нельзя вполне согласиться. Въ томъ-то и трудность задачи, что оба эти предмета, и жизнь и сочиненія Григорія, сами нуждаются для себя въ солидномъ историческомъ комментарий. — Причины, которыя если и не исчерпываютъ всей сущности этого вопроса, то, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть устранены при рѣшеніи его, мы дѣлимъ сначала на общія, отвлеченно-философскія, и частныя, историческія. Причины перваго рода тѣсно связаны съ общими началами христіанскаго міросозерцанія и выясняются, въ особенности, при сопоставленіи его съ міросозерцаніемъ древне-классическимъ. Глубокое различіе между тѣмъ и другимъ по самому существу ихъ мы уже имѣли случай кратко опредѣлить, говоря о внутреннемъ содержаніи лирическихъ произведеній св. отца. Здѣсь же мы ограничимся только эстетическою или идеальною точкою зрѣнія, и обратимъ преимущественно вниманіе на то вліяніе, какое имѣло античное міросозерцаніе и христіанство на характеръ поэзіи и ея идеаловъ.

Краснорѣчивый истолкователь таинственныхъ путей Провидѣнія, епископъ Гиппона Августинъ, въ немногихъ словахъ выражаетъ противоположность, какъ въ религіи, такъ и искусствѣ, между языческимъ и христіанскимъ мірами. „Два рода любви создали два града. Любовь къ себѣ, доведенная до пренебреженія Богомъ, создала градъ земной; любовь къ Богу, доведенная до пренебреженія собою, создала градъ Господень“. Для характеристики древне-греческаго міросозерцанія, дѣйствительно, достаточно двухъ словъ: „любовь къ себѣ, доведенная до самообожанія“. Въ этихъ двухъ словахъ—вся тайна эллинизма. Основныя идеи, которыми проникнуто древне-греческое воззрѣніе на жизнь, прекрасно отражаются въ религіозныхъ вѣрованіяхъ грековъ. Но что такое была религія ихъ? Она, въ сущности, и была культомъ самообожанія, служеніемъ человѣческой природы, апофеозой красоты и красивой жизни. Геродотъ говоритъ, что „религію и боговъ создали Эллинамъ Гомеръ и Гезіодъ“

(1) De b. patris Gregorii Nazianzeni Theologi carminibus commentatio patologica... scripsit Matth. Schubach. 1871. стр. 19.

(Herod. 2, 52). Это замѣчаніе пубожнаго поэтическаго историка, быть можетъ, справедливѣе, чѣмъ самъ онъ думалъ; но—съ какой точки зрѣнія и въ какомъ смыслѣ? Съ одной и только одной художественно-поэтической точки зрѣнія, хотя бы и въ томъ самомъ смыслѣ, который кратко, по очень мѣтко формулировать въ выраженіи Гераклита: „боги — это безсмертные люди, а люди — смертные боги“ (1). Точнѣе, поэтому, Геродотъ могъ бы сказать, что Гомеръ и Гезіодъ создали Эллинамъ зачатую галерею художественныхъ произведеній, которая въ сонмѣ олимпійскихъ боговъ и богинь представляетъ типы человѣческой жизни, созданные фантазіей и перенесенные на пластическіе образы и картины. Эти образы и картины на эстетическій взглядъ безспорно прекрасны; но въ отношеніи религіознаго, собственно, чувства по меньшей мѣрѣ легкомысленны. И въ дѣйствительности греки и послѣ Гомера съ Гезіодомъ, какъ и раньше ихъ, оставались тѣми же атеистами, или, если угодно, пантеистами, не раздѣлявшими ни религіи отъ искусства, ни религіознаго чувства отъ чувствъ эстетическихъ. Взглядъ Грека на жизнь человѣческую самъ собой уже вытекалъ и опредѣлялся изъ воззрѣній его на божество. Если, какъ думалъ онъ, „все божественно и все человѣчно“ (*πάντα θεία καὶ ἀνθρώπινα πάντα*) (2), то и въ человѣкѣ все нормально, все въ наилучшемъ порядкѣ, все проявленіи его жизни разумны, на сколько они отвѣчаютъ единственно достойной человѣка цѣли жизни — полному, безмятежному наслажденію. „Эте народъ“ — характеризуетъ Эллиновъ Эрпестъ Репанъ — „безнечный, беззаботный, берущій жизнь, какъ вещь, изъятую отъ всего сверхъестественнаго, отъ всякой задней мысли“ (3). Самая старость для Грека не имѣла какого-либо морально-поучительнаго значенія; она не приносила ему иной мысли и иного чувства, кромѣ желанія поддержать въ себѣ бодрость тѣла и энергію духа для воспримчивости вышнихъ удовольствій жизни. Образъ смерти служилъ лишь только приправой къ этимъ удовольствіямъ. „Въ Греціи“ — говоритъ Шерръ — „сдѣланъ былъ удач-

(1) Die Philosophie der Griechen, von Zeller, Erst Theil s 580.

(2) Weleker. Griech. Götterlehre. B. I. s. 256.

(3) Saint-Paul, стр. 202.

ный опыт — построить всю жизнь художественнымъ образомъ“ (1). И дѣйствительно, самыя серьезныя идеи и учрежденія принимаютъ у Грековъ веселый отбѣнокъ, обращаются въ предметъ эстетическаго наслажденія и художественнаго созерцанія. Религіозныя церемоніи являются у Грековъ веселымъ банкетомъ, которымъ боги остаются очень довольны, потому что и на ихъ долю тамъ перенадѣтъ не малая толка вина и мяса. Самые высокіе праздники оказываются оперными представленіями. Трагедія, комедія, хоры танцующихъ, гимнастическія игры, составляютъ часть культа. Греку и въ голову не приходитъ, что почитаніе бога можетъ обнаруживаться умерщвленіемъ своей плоти, постомъ, трепетной молитвой, глубокимъ раскаяніемъ грѣшника. Ему не попятно, зачѣмъ нужно дѣлать ему насиліе своимъ человѣческимъ стремленіямъ. Нѣтъ разлада внутри человѣка, нѣтъ раздвоенія, тѣмъ болѣе нѣтъ ничего похожего на борьбу между духомъ и тѣломъ, между чувственнымъ и сверхчувственнымъ, какъ нѣтъ подобнаго раздвоенія въ самомъ божествѣ. Ему кажется, напротивъ, что не любитъ жизни, не наслаждаться ею — это и значить грѣшить, что жертва Богу — не „духъ сокрушенъ“, а духъ на высотѣ его восторга, — что нужно принять участіе въ веселіи боговъ, доставить имъ зрѣлище совершенной красоты пагаго тѣла, возвысить человека до нихъ самихъ при содѣйствіи всей роскоши, какую могутъ представить соединенныя усилія искусства и поэзіи. Для нихъ это-то чувство, это-то энтузіазмъ и есть набожность. — То же чувство создало и воспитало у античныхъ Грековъ и литературу съ искусствомъ: напрасно стали бы мы искать Бога у ихъ живописцевъ и ихъ скульпторовъ, какъ и у ихъ поэтовъ. Мы не хотимъ этимъ сказать того, чтобы въ древне-греческой литературѣ не было мѣста выраженію скорби и печали, какъ элементовъ не только поэтическихъ, но и жизненно-реальныхъ, обще-человѣческихъ. Всякій, сколько нибудь знакомый съ литературными произведеніями классической древности, можетъ привести изъ Гомера, Пиндара, Алкея, Симонида, Эврипида, Платона, равно какъ изъ Лукреція, Виргилія, Сенеки, Ювенала, цитаты, съ которыми многія мѣста скорбно-элегической поэзіи Григорія представляютъ буквальное сходство. Поэтъ для выраженія

(1) Всеобщая истор. литер., р. п. Пыпина, изд. 2, стр. 71.

своей душевной грусти употребляетъ нерѣдко тѣже слова и тѣже выраженія, пользуется тѣми же образами и подобіями, какія употребляли и древніе поэты (¹). Но подъ этимъ наружнымъ сходствомъ языка и буквы скрывается несоизмѣримая разница между первымъ и послѣдними какъ въ источникахъ ихъ душевной грусти, такъ и въ самомъ характерѣ ея. Грустные мотивы въ произведеніяхъ древне-греческихъ поэтовъ естественно вытекали изъ той-же основной стихіи ихъ матеріалистическаго міровоззрѣнія — чувства наслажденія жизнью. Грекъ любилъ жизнь до обожанія; а къ чувству страстной, восторженной любви къ любимому предмету всегда и неизбѣжно примѣшивается и чувство печали, уже при одной мысли — безвозвратно лишиться его, навсегда разстаться съ нимъ. И это грустное чувство развивается прямо пропорціонально съ чувствомъ любви къ этому предмету и наслажденія имъ. Смерть для Грека была однозначуща съ уничтоженіемъ; съ потерей жизни онъ исчезалъ для жизни, какъ „увядшій цвѣтокъ“, какъ „помертвѣлый листъ“, (²). А эта, собственно, физическая сторона жизни и смерти и составляла всю суть въ глазахъ матеріалиста — Грека; что же касается до нравственнаго смысла человѣческой жизни и будущаго состоянія, то первый не раздѣлялся у Грековъ отъ эстетическаго идеала, а послѣднее представлялось имъ въ такомъ видѣ, который для дѣятельнаго ума, собственно говоря, гораздо тяжелѣе, чѣмъ совершенное уничтоженіе. Какъ ни живо у нѣкоторыхъ изъ ихъ поэтовъ описаніе Элисейскихъ полей, служившихъ обиталищемъ душамъ героевъ, но народное вѣрованіе удѣляло безтѣлесному духу лишь призрачное и безцвѣтное существованіе въ безотрадномъ адѣ. Извѣстенъ прекрасный эпизодъ Одиссеи, въ которомъ герой ея рассказываетъ въ феакійской аудиторіи о своемъ посѣщеніи „страны тѣней“. На вопросъ Алкиноя — не видѣлъ-ли тамъ Одиссей кого-либо изъ славныхъ бойцовъ, сражавшихся обокъ съ нимъ подъ стѣнами Трои? — Одиссей рассказываетъ ему печальную повѣсть о нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ товарищей. Изъ нея характеренъ, въ осо-

(¹) Ср. наприм. прекрасное мѣсто Илиады I, XVII, ст. 446; а также Одис. I, XVIII, ст. 130; Соф. Аякс. ст. 125 и др.

(²) Ср. Илиад., VI, 146—149.

бенности, его рассказъ о свиданіи своемъ съ Ахиллесомъ. Ахиллесъ изумляется—что заставило отважнаго Одиссея рѣшиться проникнуть въ эти мрачные предѣлы, гдѣ мертвые, хотя и живутъ, но, лишенные чувства, „безжизненно вѣютъ“.... Когда Одиссей старается утѣшить его напоминаніемъ о безсмертной славѣ, окружающей его имя, безотрадный отвѣтъ Ахиллеса выражаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ его взглядъ на судьбу человѣчества, который мѣстами проглядываетъ въ убѣжденіяхъ поэта и составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ его любимаго героя. „Живая собака лучше мертваго льва“, говоритъ Ахиллесъ.

„Лучше бѣ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
„Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой па-
сущій,
„Пожели здѣсь надъ бездушными мертвыми царство-
вать, мертвый“.

Вотъ на какое безсмертіе обрекало язычество даже самыхъ лучшихъ и храбрѣйшихъ.

Какъ ни весело, поэтому, и счастливо, или лучше сказать, потому что весело и счастливо жили вѣчно юные Греки, забавляясь и жизнію и всѣми важнѣйшими элементами ея—религіей и богами, политикой и государствомъ, наукой и искусствомъ—они, не имѣя яснаго представленія о будущей жизни и твердаго убѣжденія въ безсмертіи души, были несчастны въ самомъ счастьи своемъ; они роковымъ образомъ были подвержены одному, можно сказать, естественному, по, въ сущности, ужасному недугу—смертобоязни: съ мыслью о смерти, какъ злополучномъ приговорѣ неумолимой судьбы, Грекъ не имѣлъ ни средствъ, ни основанія примириться; смерть была для него безусловнымъ зломъ, а опъ—безусловной жертвой ея. И чѣмъ счастливѣе, повидимому, жилъ и наслаждался жизнью опъ, тѣмъ чувствительнѣе онъ былъ къ страху смерти. Отсюда понятна и необыкновенная чувствительность греческихъ героевъ къ тѣлесной боли, и склонность ихъ къ стонамъ и слезамъ отъ ничтожнаго физическаго недуга. Пасъ удивляетъ въ Иліадѣ образъ Менелая „дрожащаго“ отъ легкой раны, нанесенной ему стрѣлой непріятеля (Пандора), и до того чувствительнаго къ страху смерти, что, повидимому, онъ едва не падаетъ въ обморокъ, пока

не успокоивается отъ увѣренія, что „шипы пернатой“ не проникли въ тѣло. Не менѣе страннымъ представляется намъ и драматическій интересъ одной изъ трагедій знаменитаго Софокла (Филоклетъ), основанной на страданіяхъ отъ боли ноги у ея героя и на его крикахъ и жалобахъ на эту физическую боль.

Сообразно источнику своего происхожденія грусть въ древнегреческой поэзіи и характеръ имѣла скорѣе грусти отчаянія, вслѣдствіе роковымъ образомъ неизбежнаго разлада между желаемымъ и осуществимымъ, чѣмъ печали и огорченія души вслѣдствіе свободно-нравственнаго и сознательнаго недовольства человѣка самимъ собою и окружающею его дѣйствительностію.

Не такова меланхолія, отличающая лирическую музу нашего христіанскаго поэта. Какъ ни грустны мотивы ея и ни унылы тоны ея, какъ ни густы краски ея и ни мрачны образы ея, въ произведеніяхъ ея нельзя подмѣтить ни одного звука, ни одной черты выраженія аффекта души, близкаго къ отчаянію древнеклассическихъ поэтовъ. Грусть св. отца и ея скорбные звуки, напротивъ, оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются вопли отчаянія языческихъ элегиковъ, и наоборотъ, звучать уныло тамъ, гдѣ раздаются восторженные аккорды наслажденія языческой лиры. Душѣ св. Григорія, мягкой, пѣжной, но всегда самой себѣ вѣрной и постоянной, оставались совершенно чуждыми и тѣ одинаково нечистыя внутреннія движенія, какими вдохновляются многіе и изъ новѣйшихъ лирическихъ поэтовъ, которые, пренебрегая свѣтомъ христіанской истины, отрицая и презирая сверхъестественную и небесную цѣль, предназначенную намъ Господомъ, заблуждаются не только „въ измышленіяхъ своихъ“, какъ говоритъ апостоль (Римл. 1, 21) о древнихъ людяхъ, но и въ своихъ душевныхъ *расположеніяхъ*, въ своихъ душевныхъ аффекціяхъ, что называетъ апостоль „помраченіемъ неразумнаго сердца“ (ibid). Ища въ этой жизни единственно счастья и нигдѣ не находя его, устремляя и напрягая свои дерзкіе помыслы къ высшимъ, таинственнымъ путямъ Провидѣнія здѣшней жизни и не будучи въ состояніи ни проникнуть въ нихъ, ни объяснить ихъ себѣ, они, мнимо или дѣйствительно, приходятъ въ отчаяніе; грудь ихъ раздирается черной безутѣшной и безъисходной печалью, и, волнуемые ею, они или ропщутъ на Бога, или—забавляясь и

разыгрывая на этихъ нотахъ скорби и унынія, находятъ единственное утѣшеніе для себя въ изліяніи этихъ раздражительно-минорныхъ звуковъ въ своихъ стихотвореніяхъ⁽¹⁾. Ничего общаго не имѣютъ—ни подобная поэзія съ поэзіей истинно христіанской, ни подобные поэты съ занимающимъ насъ представителемъ послѣдней—Григоріемъ Назіанзинымъ. Душевная скорбь его разлилась отъ настроенія всякихъ „пѣвцовъ суетно-міровой скорби“, какъ небо отъ земли. Свою скорбь онъ называетъ, подобно Павлу, печалью по Бозѣ и различаетъ ее отъ печали вѣка сего, которая содѣлываетъ смерть и которой онъ отвращался. „Обрацая взглядъ на самаго себя“—говоритъ А. Порфирій, — „поэтъ открываетъ очень много тайнаго и непостижимаго для своего ума, замѣчаетъ сильную борьбу въ своихъ желаніяхъ. обнаруженія чувственности, стѣсняющія высокій полетъ его духа, множество соблазновъ, угрожающихъ гибельною опасностію душѣ со стороны враговъ спасенія. Но всему этому онъ признаетъ земную жизнь тяжелою и суетною; но въ то же время мирится съ своею жизнію потому, что живо представляетъ себѣ Божественное промысленіе о судьбѣ каждаго человѣка, а также и потому, что одушевляется ожиданіемъ небесныхъ радостей и блаженнаго общенія съ Пресвятою Троицею, славѣ которой посвящена была вся его истинно-подвижническая жизнь. Его любовь къ Господу такъ жива и сильна, что нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ обществѣ людей праздныхъ и суетолюбивыхъ, незнакомыхъ съ занятіями богомыслія, порождаютъ въ немъ глубокую печаль. . . . Онъ является, въ элегіяхъ своихъ, предъ лицомъ Господа съ воплями сердечнаго сокрушенія за свои самыя легкія преткновенія, съ умиленнымъ прошеніемъ Его содѣйствія во всѣхъ своихъ дѣлахъ, а также съ выраженіями пламеннаго желанія созерцать Его не только очами вѣры, но и лицомъ къ лицу“⁽²⁾. Эта „печаль по Бозѣ“—далеко не то, что непонятный, неясный вопль души, бессильно рвущейся противъ безпричинныхъ золъ и скорбей здѣшней

(1) На Западѣ, какъ извѣстно, существуетъ цѣлая не малочисленная школа поэтовъ, которые обыкновенно называются «поэтами міровой скорби» («Dichter des Weltschmerzes»); наиболѣе выразительнымъ представителемъ ихъ можно считать Гейне).

(2) Труды Кіев. Д. А. за 1863 г. I т. 410—411 стр.

жизни; еще менѣе она—фатальный страхъ предъ роковымъ моментомъ, въ который парка прерветь нить жизни. Яспѣе всего выступаетъ въ этомъ весьма сложномъ психическомъ расположеніи внутреннѣйшее сознаніе несоизмѣримости потребностей нашей души со всѣми благами, со всѣмъ счастьемъ здѣшней жизни и алчба нашего высшего духовнаго удовольствованія, томленіе по высшемъ идеалѣ. Эта печаль—чистый продуктъ христіанства. Соединивъ идеаль челоуѣка съ вѣчностью, христіанство сроднило и новую литературу съ новымъ чувствомъ меланхолическимъ, отзывающимся тоскою души по ея истинной родицѣ, по ея отечествѣ въ небесахъ. Отсюда и эти лирическіе звуки скорби и гнѣсноплѣнія о обѣдствіяхъ земнаго страствованія. Разрушивъ древнеклассическій строй жизни, въ которомъ эстетическая религія вела къ совершенству путемъ наслажденія, Евангеліе выдвинуло новый принципъ—самоотреченія и страданія и формулировало неслыханное еще положеніе: „блаженны тѣ, которые плачуть“. Это повозавѣтное положеніе и стало исходной точкой для представителей какъ литературы христіанской во всѣхъ родахъ ея, такъ и христіанскаго искусства во всѣхъ его разновидностяхъ, и сообщило всѣмъ вообще произведеніямъ ихъ элегическій колоритъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ литературно-поэтическихъ формъ элегія оказалась наиболѣе подходящей подъ характеръ мыслей и чувствъ, вдохновляющихъ духовно-христіанскихъ писателей, и потому составила одинъ изъ самыхъ художественныхъ отдѣловъ въ христіанской лирической поэзіи.

Но помимо вышензложенныхъ общихъ соображеній относительно скорбнаго чувства, пропикающаго жизнь и сочиненія св. Григорія Богослова. меланхолическій характеръ поэзіи его обуславливался, безъ сомнѣнія, частными причинами. Мы могли бы раздѣлить эти частныя причины, сколько мы понимаемъ ихъ, на два разряда: а) на внутреннія, психологическія и в) внѣшнія, историческія. Къ первымъ, вытекавшимъ изъ коренныхъ свойствъ духовной природы поэта, изъ самаго склада и характера его интеллектуальныхъ способностей, прежде всего нужно отнести, кажется, слишкомъ сильно развитую въ немъ наклонность къ созерцательно-умозрительной дѣятельности мышленія. Но долго и по часто замыкаясь въ этой любимой имъ сферѣ чистаго умозрѣнія и всецѣло отдаваясь ей, мыслитель-поэтъ обнаруживаетъ

необыкновенную изобрѣтательность въ изысканіи своимъ богатымъ поэтически-философскимъ воображеніемъ поводовъ къ грустному, мелапхолическому настроенію. Эта характерная спекулятивная склонность его, побуждающая его допрашивать со всею строгостію логики свой умъ часто даже по такимъ вопросамъ, которые безотвѣтны по самому существу своему, проявляется, въ особенности, въ области идей метафизическаго характера. Въ элегіи: „*Περὶ τοῦ πρὸς Θεὸς πόθου*“ Григорій Богословъ съ искреннимъ сердечнымъ воплемъ сѣтуетъ на злополучный часъ рожденія своего потому только, что онъ, сколько ни усиливается, не можетъ постигнуть Бога. Сокрушаясь этимъ, онъ взываетъ къ своей матери: Матерь моя, для чего ты родила меня, когда не могу ни мыслию постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осіяло, правда, очи ума моего малое какое-то озареніе препебесной Троицы; но большая часть, къ скорби моей, ускользнула отъ меня, пролетѣвъ быстро, какъ молнія, прежде нежели насытился я свѣтомъ. А еслибы здѣсь могъ я постигнуть Тебя, возлюбленная Троица, то не сталъ бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился въ добрый часъ“ (1).

Но больше всего задастъ работы поэту изъ этой области самъ человѣкъ съ его двойственной природой. Главнымъ, исходнымъ началомъ и причиною нашего постоянного внутренняго безпокойства, нашихъ вѣчныхъ душевныхъ диссонансовъ и возмущеній, какъ и вообще кореннымъ началомъ всѣхъ золъ и бѣдствій, угнетающихъ человѣка и извнутри и извнѣ, св. Григорій признаетъ:

„*Πατὸς τ' ἀρχεγόνοιο πλάνης καὶ μητρὸς ἀλιτροῦν*
„Πάροφιν, ἡμετέρης μητέρα μαροβύνης“ (2).

Но это объясненіе не удовлетворяетъ аналитической стороны ума его. Глубже вникая въ человѣческую природу,

(1) Кн. II, отд. I, стихотвор. LXXXVII, ст. 13—20; по р. и. V т. 11 стр.

(2) «Заблужденіе первороднаго отца, гибельное обольщеніе матери—эту мать нашей продрозости». Кн. II, отд. I, стихотв. LXV, ст. 99, стр. 923; по р. и. IV т. 306 стр.; ср. стихотвор. XIV, ст. 67 и д.; стихотвор. IV, ст. 40 и др. мѣста.

и, какъ говорить онъ, философствуя о ней, побуждаемый неотступнымъ желаніемъ выяснитъ себѣ самое непонятное, самое темное и загадочное изъ всѣхъ созданій — существо человѣка, онъ находитъ непосредственную причину нашего постояннаго внутренняго разлада и дисгармоніи въ самомъ первоначальномъ созданіи и устройствѣ человѣка. Вся глубокая тайна ея заключается, именно, въ томъ, что человѣкъ — по самой природѣ своей существо двойное, сложенное изъ двухъ разнородныхъ элементовъ. Какимъ неравнымъ, тягостнымъ и обременительнымъ бракомъ сопряжена наша душа — простая, духовная, бессмертная субстанція съ матеріальнымъ, тлѣннымъ и уничтожимымъ тѣломъ — это св. отецъ хорошо знаетъ не изъ философіи только, а изъ живѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ ощущеній своей собственной наболѣвшей души и сердца. Но ему хотѣлось бы, именно, проникнуть въ самую тайну творческаго замысла этой связи души съ тѣломъ. И это-то желаніе его тѣмъ сильнѣе и томительнѣе, чѣмъ темнѣе и загадочнѣе самый предметъ его. Безсильный объяснить его, поэтъ дастъ въ своихъ элегіяхъ полный просторъ своему чувству грусти, своимъ слезамъ и сокрушенію, съ которыми онъ оплакиваетъ эту для него „*οὐλομένην βύβυλιαν*“, раздражая еще больше свою душу трогательными обращеніями къ ней съ такими напрасными вопросами:

„Кто сдѣлалъ тебя, душа моя, трупоносицею, кто крѣпкими узами привязалъ къ жизни, кто заставилъ непрестанно тяготѣть къ землѣ? Какъ ты — духъ — смѣсилась съ слабостью, ты — умъ — сопряглась съ плотью, ты — легкая — сложилась съ бременемъ? Все это противоположно между собою и противоборствуетъ одно другому.... Увы, какъ пагубно для меня такое сопряженіе“ (1). „Душа — Божіе дыханіе“ — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ о той же розни души съ тѣломъ — „и будучи небесною, она терпитъ смѣшеніе съ перстнымъ. Это свѣтъ, заключенный въ пещерѣ, однакожь божественный и неугасимый“ (2).

(1) Кн. I, отд. 2, стихотвор. XIV, ст. 64—68, 70; по р. н. IV т. 261 стр.

(2) Кн. I, отд. 1, стихотвор. VIII, ст. 1—2; по р. н. IV т. 240 стр.

Отсюда человекъ — „и величайшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣннѣйшій, и земной, и небесный, и тлѣнный и безсмертный“ (1). Двусторонностью природы его обуславливается и двойственность душевныхъ стремленій его, направляющихся къ двумъ прямо противоположнымъ полюсамъ — однимъ — „горѣ“, къ Богу; другихъ — „долу“, къ предметамъ, подлежащимъ чувствамъ (внѣшнимъ) и разрушающимся вмѣстѣ съ ними во времени. Отсюда и эта дисгармонія и эта борьба между тою и другою частью человека — превосходнѣйшей и низшей; отсюда, наконецъ, говоритъ поэтъ, человекъ любить и здѣшнюю жизнь, по родной привязанности своей къ землѣ, изъ которой взять опъ, и воспламеняется желаніемъ высшей жизни, причастной жизни божественной.

Вообще говоря, *метафизическій* элементъ, особенно съ его нравственно - религіозной стороны, занимаетъ въ лирическихъ стихотвореніяхъ Григорія — если позволительно подобное сравненіе — такое же важное мѣсто и имѣетъ такое же характерно - выдающееся значеніе, какое, примѣрно, въ лирическихъ произведеніяхъ Пиндара имѣетъ элементъ *миоическій*.

При изслѣдованіи вопроса о происхожденіи „метафизической“ печали св. Григорія Богослова, выражающейся въ субъективномъ элементѣ его лирическихъ стихотвореній, одинъ западный ученый авторитетъ, посвятившій отдѣльное сочиненіе обзору древне-христіанской литературы IV вѣка, находитъ въ элегіяхъ поэта слѣды нѣкоторыхъ колебаній и сомнѣній въ вѣрѣ. „Иногда“ — говоритъ Villemain — „онъ (Григорій) кажется просто подавленнымъ подъ тяжестью своихъ скорбей, когда онъ съ меланхолическимъ возрѣніемъ на жизнь человѣческую соединяетъ еще мученіе своихъ воспоминаній и свои сомнѣнія въ дѣлахъ вѣры. Рѣдко душа, сохраняющая еще религію, но уже стоящая на краю бездны, чувствуетъ болѣе горькую скорбь. Во внутреннемъ діа-

---

(1) Ср. въ надгробн. словѣ Кесарію: «малъ я и великъ, униженъ и превознесенъ, смертенъ и бессмертенъ: я вмѣстѣ земной и небесный! Одно у меня общесъ дольнымъ міромъ, а другое — съ Богомъ; одно — съ плотію, а другое — съ духомъ!» (Томъ I, стр. 265).

лоуѣ, полный того мрачнаго состоянія духа, которое граничитъ съ отчаяніемъ, только что не переходитъ въ него, онъ изображаетъ себя блуждающимъ, слабымъ, безъ отчества, безъ увѣренности въ надежномъ убѣжищѣ могилы, преодо- лѣваемомъ несчастіемъ, равнодушнымъ ко всему, кромѣ Бога, своего страха и своей надежды“ (1). Заканчивая эти- ми сильными словами свой трактатъ о Григоріи, Villemain, къ сожалѣнію, не подтверждаетъ ихъ самымъ текстомъ по- эта, не указываетъ самымъ примѣромъ—гдѣ же, въ какихъ именно стихотвореніяхъ его, или даже въ какомъ изъ нихъ выражается этотъ „*découragement qui touche au désespoir*“, высказываются эти „*trances de sa foi*“? Правда, девятыю страницами выше Villemain, собираясь рецензировать по- этическія произведенія Григорія, приводитъ, въ качествѣ наиболѣе характернаго образца тона и содержанія ихъ, прекрасное въ поэтическомъ отношеніи стихотвореніе его „О человѣческой природѣ“. Но этому стихотворенію онъ предпосылаетъ, въ видѣ интродукціи, слѣдующее удивитель- ное разсужденіе:

„Самая большая часть стихотвореній поэта суть *religieuses conceptions*, которыя, не смотря на различіе умовъ и время, имѣютъ не одну родственную сторону съ гре- зами поэтической фантазіи въ пани дни скептическаго пре- сщщенія и соціальнаго прогресса (*qui, malgré la différence des génies et des temps, ont plus d'une affinité avec les rê- veries de l'imagination poétique dans nos jours de satiété sceptique et de progrès social*). Сходныя черты, въ особен- ности, представляютъ тѣ изъ нихъ, строгая прелесть кото- рыхъ (*dont le charme austère*) упредила, кажется, самые

(1) «Quelquefois il paraît succomber sous le poids de sa douleur, lorsqu'à ce fonds mélancolique de la vie humaine il joint encore le tourment de ses souvenirs et les trances de sa foi. Rarement une âme que la religion soutient, mais sur l'abîme, éprouva plus amère tristesse. Dans un dialogue intérieur, plein de ce découragement qui touche au désespoir, mais n'y tombera pas, il se dépeint errant, infirme, sans patrie, sans l'avenir d'un tombeau assuré, et, à force de malheur, indifférent à tout, hormis à Dieu, sa terreur et son espérance». (Tableau de L'éloquence chrétienne au IV-e Siècle par M. Villemain, Paris, 1851; стр. 152.

лучшіе образцы вдохновенія нашего меланхолическаго вѣка, и которыя при этомъ вполнѣ сохраняютъ печать еще новой и даже въ сомнѣніяхъ его искренней вѣры“ (1).

Въ этомъ разсужденіи мы должны бы были видѣть если не прямо противорѣчіе, то весьма сильное возраженіе сдѣланному нами выше на тотъ же счетъ замѣчанію, которымъ, какъ помнитъ читатель, мы усуграиваемъ возможность сближенія стихотвореній св. Григорія Богослова съ тѣмъ, что Вильменъ (Villemain) называетъ „les rêveries“ (бредомъ, грезами, мечтательностью) „поэтической фантазіи въ наши дни скептическаго пресыщенія и социальнаго прогресса“,— если бы разсужденіе это не представляло страннаго противорѣчія критика самому себѣ. Со стороны *скептицизма и сомнѣній въ дѣль вѣры* ближайшую аналогію съ произведеніями „современнаго меланхолическаго вѣка“, по мнѣнію Вильмена, представляютъ тѣ самыя стихотворенія св. отца, которыя „*вполнѣ (tout) сохраняютъ печать вѣры*“. И наоборотъ: автора такихъ „прелестныхъ стихотвореній, ни на минуту не теряющихъ печати вѣры“, Вильменъ не дальше, какъ чрезъ девять страницъ своей рецензіи, уже видитъ въ религіозномъ отношеніи „на краю бездны, внутренно раздираемымъ тѣмъ мрачнымъ состояніемъ духа, которое граничитъ съ отчаяніемъ“. Между тѣмъ, въ другомъ опять мѣстѣ онъ говоритъ, что *le poëte n'est pas encore brisé par la douleur; et la religion lui donne moins d'effroi que d'espérance* („поэтъ еще не убитъ скорбью, и религія внушаетъ ему менѣе страха, чѣмъ надежды“) (2). На этихъ разнорѣчивыхъ и противорѣчивыхъ возрѣніяхъ Вильмена на поэта-богослова, намъ кажется, отобразился самый характеръ разнопредметныхъ изслѣдованій его, составляющихъ содержаніе его сочиненія. Излагая въ одной сравнительно небольшой книгѣ (въ 543 стр. in 8°) жизнь и литературную дѣятельность болѣе *двѣнадцати* первоклассныхъ христіанскихъ писателей IV вѣка, Вильменъ не могъ, очевидно, вполнѣ избѣжать недостатковъ поверхностнаго изученія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности. Въ трактатѣ его о Гри-

(1) Ibidem, стр. 143.

(2) Ibidem, стр. 149.

горіи Назіанзіиѣ мы встрѣчаемъ не строго научное и солидное изслѣдованіе, покоящееся на полномъ, обстоятельномъ анализѣ жизни и сочиненій писателя и проникнутое одною общою и объединяющею идеею, даже не ученый этюдъ, а довольно бѣглый, бойко изложенный, но легкій эскизъ, который Вильмень, какъ французъ, очевидно, писалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ не только отдѣльныхъ, тщательно не продуманныхъ пьесъ поэта, но даже отдѣльныхъ, разрозненныхъ мѣстъ одной и той же пьесы. Нельзя, пожалуй, по этому одному, чисто внѣшнему резону, сказать того, чтобы вышеприведенныя критическія тирады его были совсѣмъ неосновательны и безусловно несправедливы.

Читатель, бѣгло прочитывая нѣкоторыя стихотворенія св. Григорія можетъ и самъ, если не раздѣлить, до известной степени, съ Вильменомъ этого непосредственнаго впечатлѣнія на него текста поэта, то, по крайней мѣрѣ, усмотрѣть въ немъ нѣкоторое оправданіе для подобнаго впечатлѣнія и подобныхъ сужденій. Мѣстами поэтъ съ явной душевною горечью возмущается беспросвѣтнымъ мракомъ и безвѣстностью, облегающими умъ нашъ, съ сильными взрывами чувства вооружается противъ неравнаго распредѣленія въ человѣческой жизни золь и благъ, противъ всегдашняго торжества несправедливости надъ правдой, противъ жалкой приниженности, малоцѣнности и малозначимости добродѣтели. И это—далеко не топики, не общія какія-либо, блѣдныя и безцвѣтныя мѣста въ стихотвореніяхъ поэта; вѣтъ, въ эти живые протесты, въ эти энергичныя сѣтованія и жалобы поэтъ влагаетъ всю свою душу. Въ одномъ мѣстѣ поэтъ даже „отваживается“, выражаясь подлинными словами его признанія, на слѣдующее „правдивое“ (ἐπίστυμον) слово: „человѣкъ есть Божія игрушка (Παιγιον), подобная одной изъ тѣхъ, какія можно видѣть въ городахъ“ (1). Въ письмѣ къ Евдоксію ритору, жалуясь на свое безотрадное и безпомощное положеніе, какъ человѣка и пастыря церкви, св. Григорій Богословъ допускаетъ выраженіе: „Христось спить“

(1) Кн. 1, огд. II, стихотвор. XV, ст. 141—142, стр. 483; по р. н. IV т. 269 стр.

(*Χριστός καθ' ἐνδελ*) (1). Но въ большое впасть бы заблужденіе тотъ, кто, изолируя отрывочныя мѣста и отдѣльныя образныя выраженія поэтическаго языка св. отца,—выраженія, какими, скажемъ къ случаю, изобилуетъ высокопоэтическій языкъ нашихъ церковныхъ пѣсней, и какія въ контекстѣ получаютъ совсѣмъ иное освѣщеніе, — кто нашелъ бы въ нихъ основаніе обвинять поэта въ религіозномъ скептицизмѣ или приравнять его, въ своемъ выводѣ, къ новѣйшимъ европейскимъ поэтамъ, вдохновляющимся социальными или пессимистическими идеями. „*Στερόδοτερον ἀδάμαντος ἐνὶ φρεσὶ πίβειν ἔχοντα*“ — „въ сердцѣ у меня была вѣра тверже адаманта“, говоритъ поэтъ въ одномъ (2) изъ стихотвореній своихъ, и объ этомъ громко свидѣтельствуется и жизнь его, и вся его литературная дѣятельность. Заключеніе самыхъ грустныхъ и меланхолическихъ пѣснь поэта — неизмѣнно одно и тоже, именно — выраженіе живой и твердой силы вѣры. „Для людей“ — изъ глубины души его раздается голосъ этой адамантовой вѣры — „одно только благо, и благо прочное, — это небесныя надежды“ (3). Ободряемый этими „небесными надеждами“, до самаго заката дней св. подвижника свѣтившими ему отраднымъ лучемъ въ темной юдоли земной жизни, онъ неуклонно и неослабно шель къ Высшему Источнику всякаго блага, къ Прибѣжищу всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. И въ трудныя минуты многострадальной жизни своей, обуреваемый несчастіями и обременяемый тяжестью злополучій, св. мужъ скорбѣлъ душой гораздо больше за другихъ маловѣрныхъ людей, чѣмъ за себя самого. „Всего больше въ скорбяхъ моихъ озабочиваютъ меня малодушные“ — читаемъ мы въ элегіи его: „*Κατὰ τοῦ ποταμοῦ εἰς τὴν νόσον*“, — „боюсь, чтобы изъ нихъ кто не преткнулся при видѣ моихъ бѣдствій. Не много людей съ твердой душой, — людей, которые съ любовью принимаютъ всякое Божіе посѣщеніе, пріятно ли оно, или прискорбно для нихъ, и знаютъ, что всему есть причина, хотя и сокрыта она во глубинѣ Божіей премудро-

(1) Epistol. 80, стр. 72; по р. п. VI т. 177 стр.

(2) Кн. II, отд. I, стихотвор. XXXIV, ст. 155, стр. 891; по р. п. IV т. 354 стр.

(3) Кн. I, отд. II, стихотвор. XV, ст. 111—112; стр. 483.

сти“ (1). Мы даже склопы смотрѣть и на самыя драматическія монологи поэта, или, какъ называетъ ихъ Вильменъ, усматривающій въ нихъ присутствіе скептическаго элемента,—на „внутренніе діалоги“ его, какъ на выраженія, подъ видомъ олицетворенія въ собственномъ лицѣ поэта, свойствъ ума человѣческаго вообще, не охотно подчиняющагося, въ внешнихъ вопросахъ вѣры, истинамъ откровенія; по крайней мѣрѣ не всегда удовлетворяющагося ими. И съ этой точки зрѣнія самыя эти слѣды и броженіе скептическихъ идей въ религіозно-нравственныхъ процессахъ поэта, такъ художественно изображаемыхъ имъ въ этихъ „внутреннихъ діалогахъ“, получаютъ также высшую нравственно-дидактическую цѣль. Живое чутье французскаго критика вѣрно подсказало ему назвать эти драматическія монологи поэта „внутренними діалогами“. Но именно внутреннюю-то сторону ихъ онъ, намъ думается, и не совсѣмъ вѣрно представляетъ себѣ, усматривая въ ней мрачное состояніе души, близкой къ отчаянію. Не въ отчаяніи вовсе заключается драматизмъ подразумеваемыхъ имъ элегій поэта, и не съ духомъ его ведется внутренній діалогъ въ нихъ. Діалогъ въ нихъ, какъ и внутренняя борьба, ведется между естественнымъ, себѣ самому предоставленнымъ умомъ плотскаго человѣка, предрасположеннымъ и склоннымъ, даже и на самой высокой ступени своего развитія, къ слабостямъ человѣческимъ вообще, и — между внешнимъ сознаниемъ духовно-нравственнаго человѣка, руководимымъ сверхъестественнымъ свѣтомъ Божественнаго Откровенія и Христовыхъ заповѣдей. Въ степени энергіи этой-то внутренней борьбы между тѣмъ и другимъ, на нашъ взглядъ, и заключается драматизмъ подлежащихъ сужденію элегій поэта. Лучшій комментарий этого „внутренняго діалога“ находимъ мы въ слѣдующихъ простыхъ и ясныхъ словахъ самого поэта. „Два, точно два ума во мнѣ: одинъ добрый и онъ слѣдуетъ всему прекрасному, а другой худшій, и онъ преслѣдуетъ только худшее. Одинъ умъ идетъ ко свѣту и готовъ покоряться Христу; а другой—умъ плоти и крови влечется во мракъ и согласенъ отлаться въ плѣтъ вязью тьмы. Одинъ увеселяется земнымъ, ищетъ для себя полезнаго не въ по-

(1) Ст. 89—94; стр. 947; по р. и. V т. 38 стр.

стоянномъ, но въ преходящемъ, любить пиришества, ссоры, обременительное пресыщеніе, срамоту темныхъ дѣлъ и обманы, идти широкимъ путемъ, и, покрытый непропицаемой мглою перазумія, забавляется собственною пагубою; а другой восхищается небеснымъ и уповаемымъ какъ настоящимъ, въ одномъ Богѣ полагаетъ надежду жизни, здѣшнее же, подверженное различнымъ случайностямъ, почитать нечего не стѣющимъ дымомъ, любить пицету, труды и благія заботы, и идти тѣснымъ путемъ жизни. — Види ихъ борьбу, Духъ великаго Бога спускошелъ свыше и подаль помощь уму, прекращая возстаніе безкокойной плоти, или усмиряя волнующіяся воды черныхъ страстей. Но плоть и послѣ того имѣеть неистовую силу и не прекращаетъ брани; борьба остается перѣшительностью. Иногда переть смиряется умомъ, а иногда и умъ опять противъ воли послѣдуетъ превозмогающей плоти“ (1). Можно ли допустить, что св. поэтъ, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ здѣсь лично о себѣ самомъ, что онъ характеризуетъ этой картиной внутренней борьбы, дѣйствительно, *своє собственное* нравственное состояніе? Кто же рѣшится подумать, что величайшій изъ христіанскихъ подвижниковъ, этотъ исполинъ добродѣтели и образецъ почти недосягаемой нравственно-христіанской чистоты, успѣлъ на столько развить въ себѣ этотъ „*βαροχός τε καί αιματός υἱός*“, что, подъ непреодолимымъ вліяніемъ его, онъ непытывалъ страсть къ „пиришествамъ, ссорамъ, обременительному пресыщенію, срамотѣ темныхъ дѣлъ и обманамъ“, ощущалъ стремленіе и находилъ удовольствіе „идти широкимъ путемъ и забавляться собственной пагубой“, — и это тотъ самый, кто въ той же элегій говоритъ о себѣ: „Мое жилище — пещера, въ ней одиноко веду я жизнь. У меня одна только одежда, нѣтъ ни сандалій, ни огня; живу одной надеждой. Ложусь на солому; покрываюсь власницей“ (2). — Ясно, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ не съ индивидуальнымъ настроеніемъ самаго поэта, а съ общечеловѣческими чертами нравственной жизни, художественно-психологически скомбинированными въ общій типъ съ

(1) Кн. II, отд. I, стихотвор. XLV; ст. 71—96; стр. 923; по р. н. IV т. 305 стр.

(2) Ibidem; ст. 140—146; по р. н. стр. 308.

подъ видомъ этого: „*χειρότερος νόος* и сконцентрированными въ собственномъ лицѣ поэта (1).

Вышеупомянутое стихотвореніе „О человѣческой природѣ“, которое Вильменъ цитуетъ для подкрѣпленія своихъ соображеній, не только не противорѣчитъ высказываемому нами взгляду на внутреннюю сторону метафизическихъ элегій поэта, но положительно уясняетъ и оправдываетъ его. Содержаніемъ его служитъ изложеніе — по собственнымъ словамъ поэта — „борьбы противоположныхъ въ немъ мыслей“ (ст. 16). Внутреннюю сторону этой борьбы составляютъ именно метафизическія размышленія и разсужденія, толко перемѣшанныя съ жалобами на суету человѣческой жизни. Эти метафизическія разсужденія и жалобы, по предметамъ своихъ склонностей и по своимъ мотивамъ, отлагаются, именно, въ тѣ два типа религіозно-нравственной мысли и настроенія, которые въ вышеприведенномъ стихотвореніи (кн. II, отд. 1, стр. 923, стихотвор. XLV, ст. 71) поэтъ называетъ *διπλοῦν νομος*, именно—*ἑσθλός* и *χειρότερος*, и которые въ своемъ сочетаніи и въ сложности своихъ проявленій обнимаютъ и въ большей или меньшей степени характеризуютъ нравственную личность каждаго чловѣка вообще.

Какъ и во всѣхъ другихъ примѣрахъ діалогическаго изложенія, первая половина стихотворенія носитъ по содержанию своему отрицательный характеръ. Такой пріемъ нельзя назвать ни случайнымъ, ни въ существѣ дѣла безразличнымъ. Онъ основывается, въ одинаковой мѣрѣ, на наблюденіяхъ изъ виѣшней практической жизни, какъ и на законахъ художественно литературныхъ и законахъ естественной логики ума во всѣхъ процессахъ исканія истины. Истина, добро и красота, къ какой бы области ни относились онѣ и въ какихъ бы формахъ ни проявлялись, полнѣе и глубже распознаются и легче воспринимаются нами при со-

---

(1) При такомъ взглядѣ на дѣло намъ кажется и яснѣе и вѣрнѣе въ подлинномъ текстѣ стихотворенія выраженіе *νομος*, подъ которымъ поэтъ, какъ видно, разумѣетъ, именно, естественныя, общечеловѣческія проявленія духовно-нравственной жизни, и которое не совсѣмъ точно передается въ русскомъ переводѣ словомъ: *умъ*.

поставленіи ихъ съ ихъ отрицательными контрастами. Поэтъ предоставляет въ первой половинѣ стихотворенія полную, естественную свободу и чувству и разуму человѣка, чтобы въ концѣ пьесы довести его до сознанія спасительной истины путемъ самаго самосознанія. Сообразно этому первымъ обнаруживаетъ себя въ элегіи „*χειρότερος νόος*“; рѣчь его, исполненная сильныхъ и трогательныхъ жалобъ, сѣтованій и выраженій недовольства существующимъ нравственнымъ міропорядкомъ, не свободна и отъ нѣкоторыхъ сомнѣній, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ 85 стиха, заключающаго слѣдующее вопросное обращеніе къ душѣ: „*Εἰ δ' οὐ μοι θεΐθεν σί, τίς ἡ ψύξις*“ („а если ты не отъ Бога, то какая твоя природа?“). При всемъ томъ, однакожь, эта отрицательная половина стихотворенія, даже взятая отдѣльно, сама по себѣ, безъ живой связи съ существенной и важнѣйшей частью элегіи, заключающейся въ ст. 123 — 126, не производитъ того впечатлѣнія, которое могло бы оправдать вышеприведенный приговоръ Вильмена падъ поэтомъ. Вильмень справедливъ, бесспорно, когда онъ, опираясь на разсматриваемую элегію, какъ на одинъ изъ самыхъ характерныхъ примѣровъ, говоритъ о меланхолическомъ возрѣніи поэта на жизнь человѣческую. Но мы положительна не видимъ въ этой элегіи выраженія состоянія духа поэта близкаго къ отчаянію и религіознаго настроенія его па краю бездны. Мы не понимаемъ, какимъ образомъ критикъ, произнося этотъ приговоръ, упускаетъ изъ вида въ высшей степени важные для правильнаго пониманія этого стихотворенія заключительные стихи его, въ которыхъ *ἔσθ' ἄλως νόος*, съ торжествомъ полной и побѣдоносной силы вѣры надъ всѣми внутренними колебаніями и сомнѣніями, возглашаетъ: „остановись! Все ниже Бога. Покорись Слову. Не напрасно сотворилъ меня Богъ. Отъ нашего недомыслія такая мысль. Теперь мракъ, а потомъ дастся разумъ и все уразумѣешь, когда будешь или созерцать Бога, или горѣть въ огнѣ“.

Прочитавъ, такимъ образомъ, до конца элегію „О человѣческой природѣ“, въ цѣльномъ, связанномъ изложеніи ея, нельзя придти къ выводу о близости элегической поэзіи св. Григорія Назіанзина къ „скептическому пресыщенію современнаго намъ меланхолическаго вѣка“. На высшіе и всегда самые близкіе человѣческому сердцу вопросы о жизни и

духъ современное скептическое пресмыщеніе въ извѣстной элегіи нашего отечественнаго поэта: „Даръ напрасный, даръ случайный, Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дапа?“ — отвѣчать, дѣйствительно, почти отчаяніемъ:

„Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Одпозвучный жизни шумъ“.

Христіанскій же поэтъ-богословъ на аналогичные вопросы о цѣли и смыслѣ здѣшней жизни отвѣчаетъ въ своей элегіи твердыми словами вѣры: „Не напрасно сотворилъ меня Богъ. Думать такъ — значитъ предаваться малодушію. Непопытное теперь раскроется въ будущей жизни, когда отверзнутся человѣку райскія двери“.

Развивая одинаковый съ нашимъ воззрѣніемъ взглядъ на меланхолическо-элегическое настроеніе поэта, достопочтенный авторъ цитируемой нами статьи о стихотвореніяхъ св. Григорія говоритъ: „При изображеніи суеты человѣческой жизни поэтъ сначала изображаетъ (въ элегіи: „О малоцѣпности вѣшняго человѣка и о суетѣ настоящаго“) картину довольства и счастія всѣмъ извѣстныхъ животныхъ (IV, 265), а вслѣдъ за тѣмъ въ контрастъ представляетъ явленія прошедшей жизни человѣчества (267 стр.) и неудовлетворимость высокихъ желаній человѣческихъ въ этой жизни. Поэтому, по прочтеніи такого стихотворенія, въ душѣ читателя остается самое ясное представленіе того, что мы здѣсь не дома, не въ отечествѣ, и что наша жизнь вовсе не такова, какою должна быть, не смотря на увѣренія крайнихъ прогрессистовъ. Между тѣмъ одно прибавленіе (въ элегіи: „О человѣческой природѣ“) „не напрасно сотворилъ меня Богъ“ — не позволяетъ томиться безотрадною и безнадежною скорбію. При этомъ само собою приходитъ на память извѣстное стихотвореніе Лермонтова „И скучно и грустно“, въ похвалу которому вслѣдъ за Бѣлинскимъ критики истощили все свое краснорѣчіе; при сравненіи съ стихами Григорія о суетѣ жизни, оно представляется не болѣе какъ слабымъ произведеніемъ жалкаго мечтателя. Это особенно потому, что въ стихотвореніи Лермонтова говорится только о томъ разочарованіи, которое бываетъ при апатическомъ пресмыченіи предметами страстныхъ вождельній, или которое порождаетъ

ется неудачею въ приключеніяхъ внѣшней привязанности; только за это авторъ называетъ жизнь пустою и глупою шуткой. Не такъ изображаетъ суету жизни св. Григорій: онъ горько оплакиваетъ общечеловѣческія бѣдствія, по въ то же время совершенно покарается Божію провидѣнію. А какія сильныя, впечатлительныя и смѣлыя выраженія есть у св. Григорія, объ этомъ можно судить по тому, что послѣ изображенія помощи и смертности человѣческой, онъ восклицаетъ: „одинъ и тотъ же прахъ и царь Константины и мой служитель, и гордымъ то одно преимущество, что громче надъ ними плачь, нынѣше ихъ гробница и дальне хранится на жалкомъ камнѣ надгробная надпись (322 стр.)“

Истинно, немного можно найти примѣровъ, гдѣ бы такъ подробно, живо и увлекательно раскрыта была внутренняя борьба челоуѣка съ самимъ собою, борьба плоти его съ духомъ и суета его настоящей жизни, какъ это сдѣлано въ стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова⁽¹⁾.

Гораздо ближе, чѣмъ Вильменъ, по нашему мнѣнію, въ объясненіи причинъ глубокаго скорбнаго чувства, проникающаго жизнь и сочиненія поэта, подошелъ къ истинѣ современный намъ французскій ученый, аббатъ Монто (Montaut). Мы въ одинаковой мѣрѣ считаемъ неудачной его экскурсію въ область древне-греческой литературы, изъ которой онъ, для характеристики тона поэзи св. Григорія Назіанзина, беретъ терминъ *эзрипидоманія* (стр. 63), какъ и проводимую Вильменомъ аналогію между элегическими стихотвореніями св. Григорія Богослова и поэзіей скеитическаго пресыщенія новѣйшихъ европейскихъ авторовъ. Но мы не можемъ не согласиться съ слѣдующимъ справедливымъ мнѣніемъ Монто, что *Il faut s'élever jusqu'à la hauteur mystique où il se place lui même pour bien juger de la tristesse*, т. е. „чтобы правильно судить о скорбномъ чувствѣ поэта, нужно подняться до той мистической высоты, на которой стоялъ самъ онъ“ (стр. 66). Монто, впрочемъ, не первый высказываетъ эту мысль. Ровно на двадцать лѣтъ раньше его мы встрѣчаемся съ подобною же мыслью у Гренье, который развиваетъ ее гораздо подробнѣе и образнѣе. „Самая сокровенная (*secrète*) причина смущенія (*déroute*) и

(1) Труд. К. Д. А. за 1863 г. т. I стр. 420.

скорби Григорія“ — читаемъ мы у Гренъе — „которую онъ одинаково раздѣляетъ со всѣми святыми, заключалась въ сознаниіи имъ недостижимости здѣсь идеала нравственнаго совершенства. Онъ долженъ былъ видѣть и опытно убѣждаться въ томъ, что, такъ сказать, предѣлъ его стремленій тѣмъ болѣе отдалялся отъ него, чѣмъ болѣе онъ стремился къ нему. Какъ знаніе раскрываетъ сознаніе нашего незнанія, такъ точно и душа, совершенствуясь, больше и больше проникается чувствомъ своего несовершенства; онъ видѣлъ зло въ томъ, что она—опытна (*acquis*), что для нея ясно то, чего ей не достаетъ. Святые ни во что ставятъ заслуги свои, какъ бы удивительны ни были онѣ въ глазахъ другихъ людей; у нихъ ни когда не выходитъ изъ памяти евангельское изреченіе: „будьте совершенны какъ Отецъ вашъ небесный“. Привязавъ мысль свою къ этому идеалу невозможной усовершенности, они вполнѣ жертвуютъ собой въ напряженіи своей нравственно-духовной энергіи, въ подвигахъ самоумерщвленія и смиренія. Ничѣмъ не бываетъ довольна ихъ строгая совѣсть, предъ которой они сами себѣ кажутся преступными (*criminelles*). Какъ великіе артисты бываютъ всего болѣе недовольны своими произведеніями, святые всего болѣе бываютъ недовольны своей жизнію. Увы! прикованные къ землѣ, они пытаются взлетѣть (*d'escalader*) на небо, не силою храбрости, какъ баснословные гиганты, но силою любви. Кто же изобразить всю скорбь этихъ благородныхъ душъ, когда они, послѣ всѣхъ этихъ энергичныхъ порывовъ выйти изъ міра, остаются въ томъ же мірѣ“ (¹).

Религіозно-мистическое настроеніе св. Григорія, ожившееся чувствомъ меланхоліи въ лирической поэзій его, развивалось подъ сложнымъ вліяніемъ разнообразныхъ обстоятельствъ личной жизни его и уже рано привилось къ пѣжной и впечатлительной душѣ дитяти. Важнѣйшіе моменты жизни его, начиная съ самаго рожденія, сопровождались такими дивными, знаменательными событіями, въ которыхъ Григорій не могъ не видѣть воли Промысла, предъизбравшаго его для высшихъ религіозно-нравственныхъ пѣлей (²). „Едва вступилъ я въ міръ“ — говоритъ о себѣ

(¹) Стр. 228—229.

(²) Ср. кн. II, отд. I. стихотвор. XI, ст. 103, стр. 681.

поэтъ— „какъ тотчасъ же сдѣлался чуждымъ для міра, потому что посвященъ въ даръ Богу, какъ агнецъ или любимый телецъ“ (¹). Съ искреннею вѣрою въ необыкновенное промыслительное о немъ дѣйствіе Божіе, поэтъ въ стихотвореніяхъ объ обстоятельствахъ жизни своей рассказываетъ слѣдующія подробности.

„Матерь моя, желая на колѣнахъ своихъ держать сына и подражая священной Аннѣ, взывала къ Богу: „Царь мой, Христось! даруй мнѣ увидѣть сына, и юный плодъ чрева моего заключишь Ты въ Своей оградѣ“. Такъ вѣщала она, и Богъ внялъ ея моленію“ (²). „Благопріятнымъ же началомъ этого послужило ей видѣніе, показавши тѣнь желаемого; ей ясно представились и мой образъ и мое имя. И этотъ даръ ночи сталъ дѣйствительностью: у матери моей родился сынъ. И если достоинъ я обѣта, это даръ даровавшаго меня Бога“ (³). Такимъ образомъ, еще до рожденія своего посвященный матерью своей, благочестивой Нонной, Богу, св. Григорій становится потомъ предметомъ самыхъ ревностныхъ религіозновоспитательныхъ заботъ ея. „Ты рожденъ у меня по молитвамъ моимъ“— обнимая любимое дитя свое, говорила ему Нонна,— „о томъ теперь и молюсь, чтобы ты былъ совершенъ“ (⁴). И нѣжное, любящее сердце дитяти глубоко запечатлѣваетъ въ себѣ эти теплыя слова матери, живо проникается и чувствами и желаніями ея (⁵). Подъ благотворнымъ и въ первые годы почти исключительнымъ вліаніемъ строго нравственныхъ, но матерински-нѣжныхъ воспитательныхъ заботъ и попеченій о немъ, дитя съ самыхъ раннихъ лѣтъ уже оказывается „достойнымъ обѣта“ Нонны и молитвъ ея, оказывается „дарованнымъ ей отъ Бога даромъ“. „Я покорялся ея желаніямъ“—говоритъ поэтъ— „бу-

(¹) Ср. кн. II, отд. I, стихотвор. XI, ст. 87, стр. 679.

(²) Кн. II, отд. I, стихотвор. I, ст. 425—429; стр. 655.

(³) Ibid. стихотвор. XI, ст. 75—80, стр. 679; по р. п. VI т. 7—8 стр.

(⁴) Ibid. стихотвор. I, ст. 446—47, стр. 655; по р. п. IV т. 295 стр.

(⁵) Ср. кн. II, отд. I, стихотвор. XLV, ст. 227—28; стр. 931; по р. п. IV т. 311 стр.

дучи еще отрокомъ; юная душа моя принимала въ себя по-
 вый образъ благочестія; печать соблюдалась по манію Хри-
 ста, Который явно бесѣдовалъ съ рабомъ Своимъ, связалъ
 меня любовію къ цѣломудрію, обуздаль мою плоть, вдохнулъ
 въ меня горячую любовь къ божественной мудрости и къ
 жизни монашеской—начатку жизни будущей“ (1). „Отъ пе-
 лень (*ἐκ παρυάνων*) воспитанный во всемъ прекрасномъ“—
 говоритъ онъ о себѣ въ другомъ стихотвореніи — „потому
 что имѣлъ совершеннѣйшіе образцы для себя дома, тогда
 еще приобрѣлъ я какую-то старческую степенность; и какъ
 облако къ облаку, мало по малу скоплялось во мнѣ усердіе
 къ усовершенію. Я возрасталъ, а вмѣстѣ преусиѣвалъ во
 мнѣ и разумъ. Съ радостію читалъ я книги, въ которыхъ
 проповѣдуется о Богѣ, и имѣлъ обращеніе съ мужами, ко-
 торые совершенны по нравамъ“ (2). Такимъ образомъ, уже
 въ первые годы своего возраста св. Григорій обнаруживаетъ
 рѣдкій благочестивый энтузіазмъ. Поэтъ и святой сказывал-
 ся уже въ дитяти; онъ видѣлъ небо открытымъ, ангеловъ,
 нисходящихъ для ободренія и поощренія его; онъ съ чисто-
 сердечною откровенностью бесѣдовалъ съ Богомъ. Мысли,
 занимавшія его юное воображеніе днемъ, возвращались къ
 нему въ его почныхъ сновидѣніяхъ; а сповидѣнія его, чи-
 стыя и пламенныя, какъ самыя мысли, казались ему голо-
 сомъ свыше, которому онъ съ восхищеніемъ внималъ и съ
 отчетливостью удерживалъ его въ памяти. „Съ младенче-
 ства“—говоритъ св. отецъ—„призывалъ меня Богъ почными
 видѣніями“ (3); „почными видѣніями Христосъ вселилъ въ
 меня любовь къ цѣломудренной жизни“ (4); „во спѣ и поч-
 номъ видѣніи загорѣлась во мнѣ любовь къ святой дѣв-
 ственности“ (5). Особенно сильный, до конца жизни поэта
 не изгладившійся слѣдъ въ душѣ его, оставилъ по себѣ
 сонъ, рассказъ о которомъ представляетъ намъ прекрасный

(1) Стихотвор. I, ст. 450—456; по р. п. IV т. 293 стр.

(2) Стихотвор. XI, ст. 93—100; стр. 679—681.

(3) Кн. II, отд. I, стихотвор. ХСVШ, ст. 1; по р. п. V т. 386 стр.

(4) Стихотвор. XLV, ст. 201—202, стр. 929.

(5) Стихотвор. ХСII, ст. 5—6; стр. 991; по р. п. V т. 386 стр.

образчикъ стили болѣе короткихъ описательныхъ эпизодовъ въ лирическихъ стихотвореніяхъ его. По красотѣ и силѣ поэтическаго колорита, по чистотѣ и тонкости художественнаго вкуса подобныя эпизоды положительно не уступятъ лучшимъ поэтическимъ мѣстамъ древне-классическихъ авторовъ.

„И былъ въ томъ нѣжномъ возрастѣ“ — рассказываетъ о себѣ поэтъ — „который, не владѣя знаніемъ добра и зла, принимаетъ ихъ отъ другихъ.....“

Однажды, въ глубокую полночь, мнѣ спилось чудное видѣніе. Представилось мнѣ, что подлѣ меня стоятъ двѣ дѣвы одинакихъ лѣтъ и обѣ дивной красоты; по обѣ одѣты прилично, безъ всякихъ нарядовъ, какими щеголяютъ дѣвицы настоящаго вѣка. Ни золото, ни гіацинты не украшали ихъ шеи, ни тонкія шелковыя ткани, ни нѣжно-полотняныя матеріи не обнимали эффектно формъ ихъ. Глаза ихъ не ослѣплялись подкрашенными рѣсницами, и ихъ паружность не изобличала въ нихъ ни одного изъ тѣхъ средствъ, какія изобрѣтены мужчинами, гоняющимися за искусственнымъ украшеніемъ женщины для возбужденія сладострастія. У нихъ не рассыпались по плечамъ златовидныя кудри, и не играли съ легкимъ дыханіемъ вѣтерковъ. На нихъ были бѣлыя платья, спускавшіяся до земли. Взоры ихъ были опущены, лица закрыты покрываломъ, свозъ которое впрочемъ виднѣлся румянецъ стыдливости, разливавшійся по лицу. Скромно сложенные уста ихъ уподоблялись свѣжей розѣ, лежащей въ окропленныхъ росой чашечкахъ. При видѣ ихъ сердце мое забилося радостью: онѣ казались мнѣ не земными существами. Имъ было также пріятно, что я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ. Онѣ ласкали меня, какъ нѣжно-любимое дитя, цѣловали меня своими устами. Я спросилъ ихъ — кто онѣ? Одна сказала: я Чистота; другая: я Цѣломудріе; но мы обѣ предстоимъ Иисусу Христу и сопутствуемъ тѣмъ, кто отказался отъ брака, чтобы проводить небесную жизнь. Онѣ уговаривали меня полюбить ихъ всѣмъ сердцемъ и всей душой, и затѣмъ унеслись въ эфирныя пространства; а я остался съ тоскливымъ взоромъ за отлетѣвшими“ (1).

(1) Кн. II, отд. I, стихотвор. XLV, ст. 205—6; 229—264; стр. 931; по р. и. IV т., 310—11 стр.

То былъ сонъ, но онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на отрока Григорія, посѣялъ первыя сѣмена любви къ уединенію, и направилъ его сердце и душу въ сторону, противоположную обыкновеннымъ удовольствіямъ юности. Можно несомнѣваться въ томъ, что сонъ этотъ, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе въ послѣдствіи и на выборъ Григоріемъ для себя дѣвственной жизни. Прекрасныя виновницы этой послѣдней не спились больше поэту, хотя сердце его „долго услаждалось“ (*Αἴθρα τέροπετο*; ст. 265—266) свѣтлыми образами ихъ; но ихъ голосъ, ихъ слова никогда не смолкали въ душѣ его. „Слова дѣвъ возобновлялись въ мысли моей и тогда уже“—говоритъ поэтъ— „когда понятіе о добромъ и худомъ становится уже дѣломъ критической способности человѣка, когда умъ возобладалъ надъ любовью, и красота восхитительнаго ночного видѣнія представлялась уже смутно. Какъ сухую солому“—образно выражаетъ онъ силу и дѣйствіе впечатлѣнія на него видѣнія— „воспламеняетъ вдругъ незамѣтная искра и изъ нея взлетаетъ потомъ обширный огненный столбъ; такъ и сердце мое, воспламененное видѣніемъ, мгновенно охватило всю душу любовью, и лучи ея, не укрывшись въ глубинѣ души, стали видимыми для всѣхъ“ (1).

Дальнѣйшія обстоятельства жизни св. Григорія дѣйствовали на него въ томъ же религіозно-мистическомъ направленіи. Онъ явно усматривалъ благія указанія для себя Промысла въ чудесахъ, какими ознаменовалась жизнь не только лично самаго его, но и всѣхъ членовъ благочестивой семьи его (2). Онъ бесѣдовалъ съ другомъ своимъ Василиемъ уже тогда, когда послѣдній „призванъ былъ къ горнему ликостоянію“, и время отъ времени получалъ отъ него совѣты и наставленія въ ночныхъ видѣніяхъ (3). Къ эпохѣ поэтической дѣятельности св. отца его религіозно-мистическое настроеніе сложилось и окрѣпло уже въ опредѣленное міросозерцаніе, которое, подъ вліяніемъ аскетическихъ идеаловъ, приняло меланхолическій характеръ, нашедшій себѣ выраженіе въ скорбно-элегической поэзіи его.

(1) Ibidem. стр. 267—276.

(2) По р. п. II т., стр. 111—112; 126, 129—131; I т. 281 стр. и д.

(3) Томъ IV, стр. 138 (Надгробн. слов. Васил. В.).

Остановившаяся на этомъ характерѣ съ желаніемъ проникнуть во внутреннія причины его, Гренъе, между прочимъ, задается вопросомъ, какъ объяснить себѣ, что Григорій — эта воплощенная непорочность или даже святость — самъ обвинялъ себя въ тяжкихъ (graves) прегрѣшеніяхъ? Какъ понимать эти самопризнанія грѣха и эти слезы раскаянія? „Этотъ пунктъ щекотливый“ — сознается Гренъе — „но онъ представляется слишкомъ естественно, чтобы можно было его обойти. — Какъ всѣ люди, даже самые совершенные (въ приложеніи къ человѣку слово это — всегда гипербола, по заблужденію), Григорій имѣлъ свои слабости, которыя онъ бичевалъ, какъ преступленія. Внимательное чтеніе его произведеній и изученіе по нимъ жизни его позволяетъ намъ мѣлькомъ видѣть ихъ и доходить, по крайней мѣрѣ, до порога его сознанія“. Воображая себя у порога этого сознанія великаго отца, Гренъе подмѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Григорій „погрѣшалъ противъ вѣры (avait manqué de foi) въ помощь Божию; предъ угрозами и явными успѣхами ереси онъ поддавался ощущеніямъ малодушія, опасался, какъ - бы ложь не восторжествовала надъ истиной“. Французскій критикъ не указываетъ намъ при этомъ мѣстѣ изъ поэта, гдѣ онъ подсмотрѣлъ какой-либо поводъ къ своимъ соображеніямъ, и цитуетъ только одно уже вышеупомянутое нами выраженіе изъ письма св. Григорія къ Евдоксію: „Le Christ s'endort“. Увлекаясь дальше своимъ воображеніемъ, Гренъе продолжаетъ. „Въ другихъ обстоятельствахъ и другихъ расположеніяхъ духа, онъ допускалъ движенія гордости, и, слишкомъ высоко думая о своемъ епископствѣ, расточалъ старательныя и смѣлыя (téméraires) похвалы..... себѣ самому; выходитъ какъ будто, что онъ одинокъ спасъ Восточную церковь. Конечно, большая часть этой славы принадлежитъ ему по праву. Но нѣтъ ли мѣста удивленію, что, упреждая свидѣтельства своихъ современниковъ и потомковъ, онъ провозглашаетъ это самъ о себѣ (il l'ait proclamé lui-même) и первымъ записывается въ число своихъ поклонниковъ. Послѣ такой несправедливости не можетъ-ли кто-нибудь другой болѣе неспросительно похитить (d'usurper) себѣ всю славу церковно-историческихъ заслугъ, исключивъ совсѣмъ изъ участія въ нихъ столько іерарховъ, имена которыхъ связаны съ этими заслугами дѣлами ихъ и ихъ сочиненіями, — устранивъ ихъ совмѣстность въ управленіи па-

ствой, ихъ соучастіе въ защитѣ истины, ихъ равенство въ ревности и въ правахъ на историческую память“ (1).

Мы не беремъ на себя задачи разсматривать личность св. Григорія Богослова въ церковно-историческомъ отноше- нии, опредѣлять и указывать его истинную роль и дѣйстви- тельныя заслуги, въ этомъ отношеіи. Но держась больше положительнаго текста стихотвореній поэта, чѣмъ предпо- ложеній и догадокъ плодовитаго воображенія, въ отвѣтъ на вышеизложенныя соображенія французскаго ученаго о мни- мыхъ „des mouvemens d'orgueil“ нашего поэта приведемъ изъ его элегіи „*Εὐπλοῖον περὶ τῆς Ἀναστασίας*“ слѣ- дующія прямыя слова его:

*Ἐξέσθαι δοχεεσχοῦν ὑπέρορθος, οὐχ ὑπέροφρος,
Οὐδέ γὰρ οὐδέ ἄναρ τιὸν ἀγνηορίην“.*

(Мнѣ представлялось [т. е. въ ночномъ видѣніи], что сижу я на высокомъ престолѣ, однако же не съ поднятыми высоко бровями; *тѣтъ, и во снѣ не служилъ я никогда гор- дости*) (1)....

Не лучше ли и послѣдовательнѣе, поэтому, было бы для Гренье смотрѣть на эти трогательныя выраженія само- осужденія и раскаянія во грѣхахъ св. поэта съ точки зрѣ- нія, разъ уже предложенной намъ самимъ же критикомъ. Намъ представляются, по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе ре- зонными слова его, когда онъ, объясняя подобныя выраже- нія скорби и сокрушенія о грѣхахъ своихъ св. Григорія изъ общаго святымъ отцамъ стремленія—какъ можно болѣе приблизиться къ идеалу евангельскаго изреченія: „будьте совершенны какъ Отецъ вашъ Небесный“, и изъ сознанія невозможности подойти къ этому идеалу, — говоритъ: „ни- чѣмъ не бываетъ довольна ихъ (св. отцевъ) совѣсть, предъ которой они сами себѣ кажутся грѣшниками“.

Кромѣ вышеизложенныхъ, такъ сказать, внутренне-біо- графическихъ причинъ, которыя характеризуются нѣкоторою особенною, таинственною исключительностью проявленія во- ли Божіей къ вѣрному рабу Его, Григорію, на развитіе меланхолическаго воззрѣнія его на жизнь имѣли, безъ со- мнѣнія, большое вліяніе и внѣшнія или общеисторическія

(1) Стихотвор. XVI, ст. 7—8, стр. 845.

причины. Нельзя не поставить душевныхъ страданій его въ зависимость отъ страданій самой церкви въ то время отъ еретиковъ. Аріане, Новаціане, Македоніане, Аполлинаристы, Евноміане, возставая другъ на друга, всё вмѣстѣ колебали Православную Церковь. Но всего болѣе страдала она отъ Аріанъ; ихъ заблужденія, по долговременности, получили власть истинной вѣры. Уже сорокъ лѣтъ эта секта потрясала и угнетала православныхъ, болѣе и болѣе усиливаясь подъ покровительствомъ Двора и особенно въ царствованіе Валента, который изгналъ Евагрія и возвелъ вмѣсто его на Константинопольскій престолъ Демофила, закопецълаго аріанина и заклятаго врага православныхъ. Теперь Аріане завладѣли всѣми церквами и, можно сказать, царствовали въ Константинополѣ. Храмъ Софійи походилъ на вертепъ разбойниковъ или на сборище демоновъ. Тамъ обыкновенно собирались Аріане для буйныхъ заговоровъ противъ православныхъ. Надъ православными отяготѣли бѣдствія первыхъ вѣковъ. Ихъ осыпали клеветами и ругательствами; грабили, заточали въ темницы, ссылали въ отдаленныя области; храмы устилались ихъ трупами и омывались ихъ кровію; общенародно душили старцевъ, священниковъ и епископовъ; отшельницъ предавали поруганію; наконецъ лишили православныхъ всѣхъ правъ гражданства; и они разсѣялись по горамъ, укрылись въ ущеліяхъ и пещерахъ. Вѣра, казалось, была погребена въ своихъ развалинахъ.

Между тѣмъ, одинъ изъ великихъ поборниковъ православія, Василій Великій, отошелъ въ другой міръ. До Селевкии, столицы исаврійской, куда удалился Григорій Богословъ для поправленія здоровья, оставивъ епископскую кафедру Назіанза и проливъ слезы на свѣжія могилы своихъ родителей, дошла вѣсть, что въ Константинополѣ составляется соборъ для утвержденія ереси Аполлинаріевой. Друзья Григорія писали ему, что безъ него Аріане и Евноміане рѣшительно подавятъ и искоренятъ православную вѣру. Константинополь тонулъ въ безднѣ; угнетенная церковь не видѣла ни откуда помощи; настала рѣшительная минута, и одинъ Григорій могъ подлить елея въ угасавшій свѣтильникъ вѣры. Св. отецъ разстается съ своею уединенною жизнію и являетъ предъ свѣтомъ съ силою слова.... Горькими испытаніями сопровождается проповѣдническая слава его; двойной вѣнецъ пріобрѣтаютъ ему побѣдоносныя слова его: вѣнецъ

торжества и страданія. Аріане съ злобою смотрѣли на счастливый успѣхъ его проповѣди. Число православныхъ возрастало со дня на день: заблудшія овцы возвращались на обильную пажить; еретики, бросивъ свои скопища, присоединялись къ материнскому лопу вселенской церкви. Аріане видѣли, что имъ не остается другаго пути къ возстановленію своего могущества въ Константинопольской церкви, какъ переступить черезъ трупъ Григорія. Демофилъ одушевлялъ неистовство еретиковъ противъ святаго. Вельможи, большею частію зараженные аріанствомъ, и не думали оказать защиту проповѣднику, который не любилъ льстить и угодничать имъ, а шелъ съ непоколебимою твердостію тропою истины, тогда какъ все Константинопольское духовенство челоуѣкоугодничало передъ дворомъ и зпатыю и мѣняло вѣру по прихотямъ императоровъ. „Всѣ тогда кланялись гордымъ чиновначальствующимъ, особливо тѣмъ, которые имѣли силу при Дворѣ и не способны были ни къ чему другому, какъ только собирать деньги; трудно и сказать, съ какимъ усердіемъ и съ какими просками припадали тогда къ самымъ вратамъ царевымъ; другъ друга обвиняли, перестолковывали, употребляли во зло даже благочестіе, однимъ словомъ: отваживались на всякія постыдныя дѣла. — Одинъ я признавалъ для себя лучшимъ“ — говоритъ св. Григорій — „чтобъ меня любили, а не преслѣдовали ненавистью“ ('). Но чѣмъ искреннѣе, безкорыстнѣе и прямодушнѣе стремился къ этому святитель, тѣмъ болѣе преслѣдовали ненавистью его, бросали въ него камнями. Составился даже заговоръ на его жизнь. Была ночь (21 апр. 373 года, на канунѣ Пасхи). Святитель Григорій въ своей церкви совершалъ крещеніе новообращенныхъ. Вдругъ, при яркомъ свѣтѣ факеловъ, врывается въ храмъ толпа заговорщиковъ, вооруженныхъ камнями. Тутъ были монахи, нищіе, безпутныя женщины. Входятъ въ алтарь, ругаются надъ святыней. Начинается попойка и потомъ пляска. Храмъ оскверняется дѣлами тмы. Бьютъ, душатъ православныхъ; градъ камней сыплется на убѣжавшихъ изъ церкви. Осодоръ, епископъ Тіанскій, подъ палочными ударами, извлеченъ на площадь и брошенъ за мертво. Григорій — раненъ. Настало утро, и его схватили какъ разбойника и представили три-

(') Кн. II, отд. I, стихотвор. XI, ст. 1424—1432; по р. и. V т. 50 стр.

буналу, откуда, однако, онъ возвратился безъ всякихъ новыхъ оскорбленій.

И этотъ фактъ не былъ единичнымъ случаемъ изъ жизни Григорія въ константинопольскій періодъ его пастырской дѣятельности. Въ одномъ изъ эпизодовъ стихотворенія „О жизни своей“ онъ передаетъ замѣчательнѣйшій и полный драматизма моментъ изъ болѣе таинственной исторіи другаго покушенія на жизнь его.

„Однажды оставался я дома, не занимаясь дѣлами по болѣзни; она посѣщала меня очень и очень часто и составляла для меня единственную нѣгу, какой предавался я, по мнѣнію моихъ завистниковъ! Я лежалъ въ постелѣ; вдругъ входятъ ко мнѣ нѣсколько простолюдиновъ, и съ ними молодой человѣкъ, блѣдный, съ всклокоченными волосами, съ растеряннымъ видомъ. Я свѣсилъ немного ноги съ постели, невольно испугавшись такого явленія. Прочіе, наговоривъ, какъ умѣли, много благодарностей и Богу и царю за то, что даровали намъ настоящій день, удалились. А молодой человѣкъ припалъ вдругъ къ моимъ ногамъ, и оставался у нихъ какимъ-то безмолвнымъ и неподвижнымъ отъ ужаса просителемъ. Я спрашивалъ: кто онъ, откуда, въ чемъ имѣть пужду?—Но не было другаго отвѣта, кромѣ усиленныхъ восклицаній. Онъ плакалъ, рыдалъ, ломалъ себѣ руки. Полились и у меня слезы. Когда же, не добившись отъ него ни слова, оттащили его насильно, одинъ изъ присутствовавшихъ при этой сценѣ сказалъ мнѣ: „это убійца твой; если видишь еще свѣтъ Божій, то потому, что ты подъ Божіимъ покровомъ. Добровольно пришелъ къ тебѣ этотъ мученикъ своей совѣсти, не благомысленный убійца, по благородный обвинитель себя самого, и приноситъ слезы въ цѣну за кровь“. Такъ говорилъ онъ; меня тронули эти слова, и я произнесъ такое разрѣшеніе несчастному: „да спасетъ тебя Богъ! а мнѣ спасенному не важно уже показать себя милостивымъ къ убійцѣ“ (1).

Смуты еретиковъ и страданія отъ нихъ православныхъ христіанъ были только однимъ, хотя и самымъ темнымъ пятномъ на общемъ мрачномъ фонѣ эпохи, которую Гренъ характеризуетъ слѣдующими чертами.

(1) Стихотвор. XI, ст. 1442—1470; по р. и. V т. 50 стр.

„Четвертый вѣкъ былъ временемъ полнаго разгула страстей и всяческихъ слабостей человѣческихъ. Заблужденіе царило въ понятіяхъ, порча — въ сердцахъ. Безпокойство (*Inquietude*) овладѣвало даже людьми вѣры (*S. Basile lett. 61*). Имъ казалось, что религія христіанская, послѣ побѣды своей надъ язычествомъ, ослабила свои успѣхи и потеряла свою завоевательную энергію; она очутилась внезапно предъ отступниками и измѣнниками, предъ ересью, болѣе страшною, чѣмъ кровожадная ярость язычниковъ. Изъ кровопійцы дьяволъ сдѣлался учепымъ, по выраженію Боссюэта. Прибавьте къ этому интеллектуальному бичу, самому тяжелому для мыслящаго наблюдателя, опасности, угрожавшія имуществу, свободѣ, жизни; тяжкое бремя налоговъ; безчеловѣчную администрацію; власть, заявлявшую о себѣ только вымогательствами, насиліемъ и сумасбродствомъ (*par la folie*), — сильную и способную для притѣсненій, слабую и негодную для покровительства, предоставлявшую большіе города, цѣлыя провинціи, грабежу, междоусобию и нападеніямъ; наконецъ — варваровъ, подъ притворствомъ союзниковъ прогнавшихъ въ самое сердце имперіи, ввѣренное ихъ продажной преданности, или же давившихъ и душившихъ его прямо подъ именемъ враговъ“ (¹). Гренье замѣчаетъ при этомъ, что не только у Григорія Назіанзина, но и вообще у христіанскихъ писателей IV-го вѣка, которые и по своему высокому просвѣщенію, и по своему пламенному религіозному одушевленію, собственно, и были одни истинными литературными выразителями эпохи, со всѣхъ сторонъ слышатся звуки мрачной печали (*de toutes parts des accents d'une sombre tristesse*). Онъ ссылается при этомъ на „истерзанныя и стѣнящія души“ (*ames déchirées et gemissantes*) бл. Августина, бл. Иеронима, св. Павлина и Сальвіана.

„Св. Григорій“ — продолжаетъ Гренье — „присутствовалъ при агоніи имперіи. Протекли царствованія Констанція, Юліана, Ювіана, Валентиціана, Валента, Граціана; онъ находился при грубой и жаркой стычкѣ (*mêlée*) сектъ; происшествія въ собственной жизни его представляли лишь ткань изъ обмановъ, несчастій и испытаній; онъ видѣлъ смерть Василія и всѣхъ близкихъ своихъ; онъ прибережонъ былъ

(¹) *La vie et les poésies de S. Greg. d. Naz.* стр. 243

для выполненія жестокаго долга—общенародно оплакивать дорогую память ихъ (¹). Господь велъ его къ святости по этой терпкой дорогѣ.

Итакъ, для этого человѣка скорби (*homme de tribulation*) меланхолія не была только поэтическимъ элементомъ, введеннымъ имъ для оживленія дряхлой литературы; но, такъ сказать, естественнымъ языкомъ сердца, его невольнымъ изліяніемъ (²).

Мы обняли вопросъ о происхожденіи меланхолическаго чувства у Григорія Назіанзина, конечно, только въ общихъ чертахъ, и скорѣе только намѣтили путь къ рѣшенію его, чѣмъ рѣшили его. Но вопросъ этотъ настолько сложенъ и самостоятельно важенъ, настолько труденъ и настолько интересенъ, что углубившись въ историческія подробности его изслѣдованія, мы рисковали бы если не потерять прямую нить своей задачи, то, во всякомъ случаѣ, безъ особенной нужды запутать ее. Изъ того, что сказано въ настоящемъ отдѣлѣ, *природа* и *характеръ* лирической поэзіи св. Григорія, намъ кажется, выясняются съ достаточною полнотою и опредѣленностію. А это и составляло у насъ главную задачу этого отдѣла. Считаемъ не лишнимъ только въ заключеніе своихъ и не своихъ сужденій по вопросу о характерѣ элегическихъ стихотвореній поэта замѣтить, что христіанская лира его и въ самыхъ элегіяхъ не строго и безусловно всегда неразлучна съ одними лишь печальными мотивами: она издаетъ иногда и величественно—отрадныя звуки, выражаетъ торжественныя аккорды, которые, окриляя душу живѣйшими чувствами вѣры, преданности, благоговѣнія и любви къ Богу, доставляютъ сердцу истинное успокоеніе. И эти радостныя движенія души, вообще говоря, выражаются въ элегіяхъ Григорія двоякимъ образомъ. Иногда, какъ въ элегіи XLV, онъ съ пачала стихотворенія торжественно прославляетъ высокое достоинство человѣка, въ силу котораго человѣкъ является царемъ надъ всѣми земными

(¹) Сравн. слова св. Григорія въ надгробной рѣчи его сестры своей Горгоніи: «для того и соблюденъ я на землѣ, чтобы надгробными рѣчами сопровождать братій» Т. I, стр. 288.

(²) *La vie et les poésies de S. Gregoire de Nazianz. par A. Grenier, стр. 216.*

тварями, и изъ соображенія цѣли и назначенія человѣка поэтъ восторженно называетъ его „образомъ великаго Бога“ въ настоящей жизни и „богомъ⁽¹⁾“, имѣющимъ созерцать чистыми очами ума самую истину и въ чинѣ свѣтозарнаго ангельскаго лика воспѣвать празднственную пѣснь Христу— Царю— въ жизни будущей. И потомъ, съ этого возвышеннаго прославленія человѣка, какъ бы съ нѣкотораго свѣтлаго холма, поэтъ спускается уже въ мрачную юдоль плача и скорби. Въ большинствѣ же элегій замѣчается композиція обратная. Выходя изъ жалобъ, поэтъ всецѣло отдается изображенію человѣческихъ бѣдствій и скорбей; потомъ, какъ бы изливъ всю горечь души, онъ переходитъ къ отрадному тону твердой надежды и будущаго блаженства. Тогда пѣснь его уже не звучитъ печальною „лебединою“ пѣснью; тогда на мѣсто лебедя видишь скорѣе орла, который, широко распустивъ свои мощныя крылья, улетаетъ съ этой низменной земли въ свѣтлую и чистую сферу высшихъ областей. Такъ, въ стихотвореніи LXXXV поэтъ, переносясь мыслью и чувствомъ отъ печальнаго настоящаго къ свѣтлому будущему, утѣшаетъ себя: „Пусть въ дольнемъ мірѣ возмущается все жестокими житейскими бурями; пусть здѣсь время, какъ шапками, играетъ всемъ: и красотой, и доброю славою, и богатствомъ, и могуществомъ, и невѣрнымъ счастьемъ! А я, крѣпко держась за Христа, никогда не покину надежды, что увижу сіяніе во едино сочетаваемой Троицы⁽²⁾“. Стихотвореніе XLIII онъ заключаетъ воззваніемъ: „Христе Царю! Ты—мое отечество, моя крѣпость, мое блаженство, мое все⁽³⁾!“ Стихотвореніе XLII оканчивается слѣдующими молитвенными словами: „Царь мой, Слово!.. восхитивъ въ ангельскіе лики, приблизь меня, Твоего путника, къ небесному чертогу, гдѣ слава единаго великаго

---

(1) Богомъ по «усыновленію» или «θεοσει». Словомъ «θεοσις» (deificatio) греческіе отцы церкви, какъ извѣстно, обозначаютъ будущее преобразенное (transformatio) состояніе человѣческой природы.

(2) Кн. II отд. I стихотвор. LXXXV, ст. 10—14.

(3) Idid. стихотвор. XLIII, ст. 30.

Бога, сіяющаго въ трехъ Свѣтахъ (1)“. Наконецъ, поэтъ паходитъ для себя усажденіе въ крестѣ Господа Спасителя, на который смотритъ, какъ на самый твердый якорь надежды и спасенія, какъ на залогъ будущей жизни и будущаго блаженства.

Частнѣйшій обзоръ и разборъ элегій Григорія.

Разсматривая элегіи въ частности, раздѣлимъ ихъ сначала на два класса, на *стихотворенія болѣе обширныя*, граничація съ дидактическими поэмами; число ихъ не значительно; и на *стихотворенія краткія*, въ которыхъ выражаются только аффекты и движенія души. Такихъ стихотвореній гораздо больше.

Къ *первому классу* относимъ, изъ наиболѣе выдающихся, слѣдующія четыре элегіи: „*Περὶ τῆς φύσεως ἀνθρώπου*“ (Кн. I, отд. II стихотвор. XIV, стр. 469); „*Περὶ τῆς τοῦ ἕκτορος ἀνθρώπου εὐτελείας*“ (Ibid. стихотвор. XV, стр. 477); „*Περὶ τῆς τοῦ βίου ματαιότητος καὶ ἀπιστίας καὶ κοινοῦ πάντων τέλους*“ (Кн. II, отд. I, стихотвор. XXXII, стр. 879) и „*Περὶ τῶν τοῦ βίου ὀδῶν*“ (Кн. I, отд. II, стихотвор. XVI, стр. 485). Къ нимъ же слѣдуетъ причислить стихотвореніе подъ заглавіемъ: „*Ἰκετασιατικὸν ὑπὲρ τῶν αὐτοῦ πάθων*“ (Кн. II, отд. I, стихотвор. XIX, стр. 857) и стихотвореніе: „*Θρήνος περὶ τῶν τῆς αὐτοῦ ψυχῆς πάθων*“ (Кн. II, отд. I, стихотвор. XLV, стр. 919).

Относительно этихъ стихотвореній здѣсь уместно замѣтить, что не всеѣмъ имъ, въ собственномъ смыслѣ, прилично названіе элегій, потому что не всеѣ опѣ могутъ оправдать его предъ судомъ литературно-эстетической критики. Но мы прилагаемъ къ нимъ это названіе, какъ къ стихотвореніямъ, которыя по обще-родовымъ литературнымъ признакамъ своимъ относятся болѣе къ отдѣлу элегій, чѣмъ къ какому-либо другому разряду стихотвореній. Главнымъ предметомъ содержанія ихъ служатъ душевныя движенія и многообразныя состоянія и пережъны внутренней жизни, какія испы-

(1) Кн. II, отд. I, стихотвор. XLII, ст. 29 и д.

тываль поэтъ подѣ влияніемъ разныхъ обстоятельствъ своей жизни и въ разные моменты ея. И это содержаніе ихъ даетъ, кажется, справедливое основаніе отдѣлить ихъ отъ стихотвореній *историческихъ*, въ которыхъ поэтъ рассказываетъ о ходѣ и обстоятельствахъ внѣшней жизни своей. Затѣмъ, внимательнѣе всматриваясь во внутреннее содержаніе стихотвореній этой первой обособленной группы и сравнивая ихъ въ этомъ частнѣйшемъ отношеніи между собой, находишь между ними также весьма значительныя различія. Въ большей части изъ нихъ поэтъ *имѣетъ въ виду только себя самаго*, и выражаетъ злополучія и страданія лишь собственной души, какъ въ стихотвореніяхъ XIX и XLV; въ другихъ, какъ въ стихотвореніи XV, онъ не ограничивается изложеніемъ только своихъ душевныхъ расположеній, а раздвигаетъ гораздо шире сферу внутренней жизни, захватывая въ нее и тѣ аффекты, которые общи всѣмъ людямъ; на себя же лично поэтъ смотритъ здѣсь только какъ на видъ или отдѣльный примѣръ, такъ сказать, общечеловѣка, однакожь—такой примѣръ, который по природнымъ свойствамъ своей поэтической души сильнѣе чувствуетъ, глубже понимаетъ и яснѣе выражаетъ все то, что случается съ смертнымъ. Такимъ образомъ, если въ одной категоріи стихотвореній поэтъ, выставляя себя героемъ элегическихъ поэмъ, имѣлъ предъ читателемъ право на это какъ человѣкъ, претерпѣвшій *большую часть бѣдствій и скорбей*, омрачающихъ жизнь человѣческую; то въ другой онъ является предъ нами истиннымъ поэтомъ по *силѣ и глубинѣ* ихъ воспріятія и тонкости ихъ воспроизведенія. Тамъ, такъ сказать, въ индивидуально-элегическихъ стихотвореніяхъ поэтъ *взываетъ къ Господу*:

„Для чего ты, Царь мой Христокъ, поражалъ меня свыше столь многими бѣдствіями съ того самаго времени, какъ вышелъ я изъ материнскаго чрева на матеръ землю? Если ты не связалъ меня въ мрачной матерней утробѣ; то для чего я принялъ столько горестей на морѣ и на сушѣ, отъ враговъ, отъ друзей, отъ злыхъ начальниковъ, отъ чужихъ и отъ соотечественниковъ, и явно и тайно осыпавшихъ меня и словами противорѣчія и каменными тучами? Кто опишетъ все это подробно? Я знаменитъ, но не своимъ могуществомъ, не своимъ талантомъ, а своими несчастіями. Поэты въ стихахъ своихъ, гуслисты въ своихъ трогатель-

пыхъ мелодіяхъ, путешественники въ своихъ пѣсняхъ, изливая скорбные мотивы, вспомнить Григорія, котораго вскормилъ небольшой городокъ—Діокессарія Каппадокійская...

Инымъ неожиданно посылаешь Ты несмѣтное богатство, другимъ—добрыхъ дѣтей; иной прекрасенъ, иной силенъ, иной крснорѣчивъ. А моя слава въ скорбяхъ. И—новый Говъ; недостаетъ только подобной причины моихъ страданій⁽¹⁾“.

Здѣсь, въ общеэлегическихъ стихотвореніяхъ, взвѣсивая бѣдствія и скорби человѣческія съ радостями и утѣхами, св. Григорій наглядно и живо показываетъ несоизмѣримый перевѣсъ первыхъ надъ послѣдними, и даже находитъ преимущество въ этомъ отношеніи животныхъ предъ человѣкомъ. „Война, трудъ земледѣлія, разбойники, приобрѣтеніе имущества, описи имѣній, сборщики податей, ходатаи по дѣламъ, записи, судьи, неправдивый начальникъ—все это еще дѣтскія игрушки въ многотрудной жизни⁽²⁾“. Обращаясь къ исторіи, къ знаменитымъ представителямъ исторической извѣстности, къ героямъ всемірной славы, къ исключительнымъ даже избранникамъ и любимцамъ судьбы, поэтъ наводитъ мрачныя тѣни и на эти, повидимому, блистательные примѣры счастья.

„Не избѣжали злой участи и Киры и Крезы, а равно и наши, какъ будто вчерашніе только, цари. И тебя, почитавшійся сыномъ змія, неудержимая сила—Александръ, погубило вино, когда обошелъ ты цѣлую землю! Какое преимущество между согнившими? Тотъ же прахъ, тѣ же кости—и герой Атридъ и бродяга Иръ, царь Константинъ и мой служитель; и кто злострадалъ, и кто благоденствовалъ, у всѣхъ нѣтъ ничего кромѣ гроба⁽³⁾“. „Сколько путей стелется на житейской долинь!“—читаемъ въ другой элегіи поэта—„и сколько бѣдствій облежатъ ихъ! Нѣтъ здѣсь радости безъ примѣси горя! О еслибы только горести не пересиливали радостей! Что такое богатство?—бѣглець! Власть?—

---

(1) Ки. II, отд. I. стихотвор. XIX; ст. 9—31. стр. 857; по р. п. IV т. 317 стр.

(2) Ки. I, отд. II стихотвор. XV, ст. 63—66; стр. 479; по р. п. IV т. 266 стр.

(3) Ibidem, стихи 89—96.

сонъ. Подчиненность?—мученье. Бѣдность?—оковы. Красота?—мгновенный блескъ молніи. Юность?—лѣтпій зной. Старость?—печальный западъ жизни. Извѣстность?—быстро-летная пташка. Слава?—вѣтеръ. Благодородство?—застарѣлая кровь. Сила?—преимущество дикаго кабана. Роскошь?—пружина безпорядковъ. Бракъ?—рабство. Дѣти?—тяжелая забота. Бездѣтство?—болѣзнь. Судилища?—арена пороковъ. Уединеніе?—бездѣятельность. Искусства?—удѣлъ народа, прильпленнаго къ землѣ. Земледѣліе?—тяжелые труды. Мореплаваніе?—дорога къ могилѣ. Родная сторона?—темница. Чужбина?—позоръ. Все, все здѣсь скорбь для смертныхъ!... На крыльяхъ ума я протекъ все мипувшее и настоящее, и увидѣлъ, что на землѣ нѣтъ ничего непреходящаго, узналъ, что нѣтъ ничего безсильнѣе человѣка. Но, смертные: хотите ли вы узнать блага твердыя и неизмѣнныя? Переноситесь за предѣлы міра подъ знаменіемъ креста; проливайте слезы, выпускайте вздохи; въ созерцаніи Божественныхъ предметовъ возноситесь умомъ къ славѣ небесной Троицы, которая озаряетъ своимъ свѣтомъ только чистыя души; отрѣшайтесь отъ брепной плоти и храните въ непарушимой чистотѣ образъ Божій; отрекитесь отъ этой жизни; съ радостію взирайте изъ этого міра въ міръ небесный и переносите все равнодушно (1)“!

Новое различіе между элегіями разсматриваемой группы представляетъ взглядъ на самый родъ и характеръ бѣдствій и скорбей, обуревающихъ жизнь человѣческую и составляющихъ предметъ содержанія элегій. Въ стихотвореніи, напримѣръ, „*Περὶ τῆς ἀνδροπίνης φύσεως*“ (схр. XIV) поэтъ выражаетъ, преимущественно, скорбь души, которую мы выше назвали скорбью метафизической. Темой ея служатъ вопросы: „Кто я былъ?“, „Кто я теперь?“ „И чѣмъ буду?“ Въ стихотвореніи: „*Περὶ τῆς τοῦ ἐκτός ἀνδροπίου εὐτελείας*“ (XV), какъ видно уже изъ самаго заглавія, поэтъ обращаетъ наше вниманіе собственно на вѣшнія условія человѣческаго существованія и показываетъ, что во многихъ отношеніяхъ мы ниже и несчастнѣе животныхъ, непричастныхъ разуму. Наконецъ, въ стихотвореніи XXXII образно олаглажена грустная мысль извѣстнаго изреченія

(1) Кн. I. отд. II, стихотвор. XVI, ст. 5—21, 31—40.

Соломона: все здѣсь въ подлунномъ мірѣ суета суетъ и всяческая суета. И эта истина, неразрывно связанная съ мыслью о безусловномъ господствѣ здѣсь смерти надъ всѣмъ и всѣми, служитъ источникомъ скорбно-элегическаго настроенія поэта въ этомъ стихотвореніи. Неодинаковые, наконецъ, выводы получаются изъ сравненія разсматриваемыхъ элегій со стороны собственно литературной, со стороны языка и слога. Въ однихъ стихотвореніяхъ поэтъ изображаетъ несчастія и скорби человѣческія съ нѣкоторой *эпической подробностью*, обрисовываетъ ихъ пластически, живыми и яркими красками. Слогъ его течетъ плавно, ровно и послѣдовательно. Какъ на примѣръ такого стиля мы могли бы указать на стихотвореніе XV. Противопологая въ немъ внѣшнюю жизнь человѣка жизни животныхъ и отдавая преимущество послѣдней предъ первой, поэтъ говоритъ:

„Телець, едва оставилъ нѣдра раждающей, уже и скачетъ и крѣпко сжимаетъ сладкіе сосцы, а на третьемъ году—онъ уже могучая подъяремная сила. Пестровидный олень, едва изъ матерней утробы, и тотчасъ твердо становится на ноги подлѣ своей матери, бѣжитъ отъ кровожадныхъ псовъ и отъ быстрого коня, скрывается въ чащахъ густаго лѣса. Медвѣди, порода губительныхъ вепрей, львы, равный по скорости вѣтру тигръ и рыси лишь въ первый разъ завидятъ желѣзо, тотчасъ у нихъ оцетинилась шерсть, и съ яростью бросаются они на сильныхъ звѣролововъ. Недавно еще покрытый перьями птенецъ, едва оперился, и высоко надъ гнѣздомъ кружится по просторному воздуху. Золотая пчела, оставила только пещеру, и вотъ строить себѣ противоположную обитель, и домъ наполняетъ сладкимъ плодомъ; а все это—трудъ одной весны. У всѣхъ у нихъ готовая пища, всѣмъ пиръ даетъ земля. Не разсѣкаютъ они яраго моря, не пахутъ земли, не имѣютъ хранилищъ. И быстролетную птицу питаютъ крылья, а звѣрей—дебри. Если и трудятся, то у нихъ небольшая однодневная работа. А огромный левъ, какъ слыхалъ я, растерзавъ звѣря, имъ умерщвленнаго, гнушается остатками своего пира. Притомъ сказываютъ, что онъ, попеременно, въ одинъ день вкушаетъ пищу, а въ другой однимъ питьемъ прохлаждаетъ жадную гортань, чтобы приучить къ воздержности чрево. Такъ жизнь ихъ не обременена трудами. Подъ камнемъ или вѣтвями всегда готовый у нихъ домъ. Они здоровы, сильны, красивы. Когда же сми-

рить болѣзнь,—безнечально испускають послѣднее дыханіе, не сопровождаютъ другъ друга плачевными пѣснями, и друзья не рвутъ на себѣ волосъ. Скажу еще больше: они безтрепетно теряютъ жизнь; и звѣрь, умирая, не боится ни какого зла.

Посмотри же на жалкій человѣческій родъ, тогда и самъ скажешь съ поэтомъ: „нѣтъ ничего немощнѣе человѣка (1)“. Съ болѣзнями родила меня мать, съ трудами, великими и тяжкими трудами, вскармила меня. Сначала сталъ я ходить по землѣ какъ четвероногій, пока не поднялся на колеблющіяся ступни, поддерживаемый чужими руками. Какъ безсловесная тварь выражалъ я сначала свой умъ въ однихъ звукахъ, намекахъ и крикѣ. А потомъ уже подь руководствомъ другихъ я выплакалъ себѣ слово. Наконецъ, въ двадцать лѣтъ лишь собрался я съ силами, претерпѣвъ уже множество бѣдъ, неудачъ и болѣзней (2)....

Въ другихъ стихотвореніяхъ, напротивъ, поэтъ выражается сжато и сильно, употребляетъ обороты краткіе, быстрые, часто неожиданные, украшаетъ слогъ выраженіями фигуральными и символическими, приближая его къ ораторскому слогу лучшихъ проповѣдей своихъ. Изъ стихотвореній въ этомъ стилѣ особенно выдается по своей необыкновенной изобразительности, стройности мыслей, богатству и прелести антитезъ элегія „*Περὶ τῶν τοῦ βίου ὀδῶν*“ (стихотвор. XVI). Общая мысль этой элегіи заключается въ 7-мъ стихѣ ея: „*οὐδὲν ἐν ἀνθρώποισι καλὸν κακότητος ἀμικτόν*“ (нѣтъ добра для людей, къ которому бы не примѣшивалось зла); и эту мысль поэтъ не безъ нѣкоторой тонкой ироніи проводитъ чрезъ рядъ художественныхъ образовъ, сжатыхъ и мѣткихъ сравненій и антитезъ.

Высокія литературныя достоинства этой элегіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшій человѣческому сердцу интересъ содержанія („Что такое жизнь?“—вѣчно тревожный вопросъ для живыхъ существъ. Кто не рѣшалъ его?) вызвали на русскомъ языкѣ, вслѣдъ за появленіемъ прозаическаго перевода стихотвореній св. отца, отдѣльную попытку къ пе-

(1) Гомеръ, въ Одиссѣ 18. 130.

(2) Стихи: 7—52, стр. 477; по р. п. IV т. 264—266 стр.

редачѣ ея въ стихотворной формѣ, размѣромъ гекзаметра. (Въ подлинникѣ, однако, написана она размѣромъ элегическаго двустишія). Такой переводъ, въ метрической обработкѣ, напечатанъ былъ неизвѣстнымъ авторомъ въ „Маякѣ“ за 1842 годъ, т. IV, стр. 17—18. Главнымъ достоинствомъ этого метрическаго переложенія элегіи слѣдуетъ признать, безъ сомнѣнія, необыкновенную близость и вѣрность его подлиннику съ внутренней стороны. А каковы, собственно, литературныя качества перевода, читатель можетъ судить самъ изъ нижеслѣдующаго текста самаго стихотворенія.

Жизнь.

(Изъ сочиненій св. Григорія Назіанзина).

Кто я? откуда? и какъ возвращуся я въ нѣдро земное?
 Чѣмъ я возстану изъ праха печальной, холодной могилы?
 Гдѣ и какое жилище назначитъ Творецъ мнѣ Всесиль-
 ный?
 Бурь этого міра избѣгнувъ, достигну ль я пристани
 тихой?
 Сколько различныхъ путей въ многолюдной, житей-
 ской долині?
 Сколько несчастій и бѣдъ ихъ отвсюду кругомъ обле-
 гають!
 Радости нѣтъ здѣсь безъ горя. О если бы тяжкое горе
 Радостей нашихъ земныхъ не старалось подъ часъ пе-
 ресилить!
 Наше богатство—бѣглець; власть надъ міромъ—одно
 сновидѣнье;
 Мука—зависимость; бѣдность —тяжелыя цѣпи; а юность—
 Лѣтній зной.—Молніи блеску краса временная подобна.
 Старость ли?—жизни печальный закатъ; а извѣстность—
 Быстрая пташка, мгновенно отъ насъ отлетаетъ.
 Сила тѣлесная въ насъ—преимущество лютаго звѣря.
 Роскошь—пружина страстей. Дѣти—тяжкая въ мірѣ
 забота;
 (Больно однако бездѣтство!) Судилища—битвы пороковъ.
 Трудъ земледѣльца—тяжелъ. Мореходство—дорога въ
 могилу.

Вонъ изъ отчизны спѣшимъ, и о пей же въ чужбинѣ
вздыхаемъ.

Времени быстрый полеть—колесо подвижно: кругами
Быстрыми ль, тихими ль, вѣчно приводитъ одно къ
намъ и тоже:

Темныя ночи и свѣтлые дни, смерть, и заботы, болѣзни,
Радости или печали; удачи, потери и слезы.

Все я на крыльяхъ ума, все протекъ что минуло, что
нынѣ;

И убѣдился, что нѣтъ на землѣ ничего неземнаго.

Только я въ небѣ нанелъ всѣхъ несчастій земныхъ
утѣшенъе!...

Братья! хотите ль узнать неизмѣнныя, твердыя блага?
Смѣло—подъ знамя Креста! и на битву съ своими
страстями!

Легкимъ тогда вамъ покажется бремя страдальческой
жизни.

Элегія эта и по предмету содержанія своего, и по своему внутреннему тону, и по своему слогу, и по самому стихотворному размѣру своему въ подлинникѣ (элегическимъ двустишиемъ) представляетъ очень близкое сходство съ двумя стихотвореніями, вошедшими въ сборникъ *Anthologiae Graecae ad Palatin. codic. fidem edit.*, т. II, отд. IX подъ №№ 359 и 360, и надписываемыми—одно: *ΠΟΣΕΙΔΙΠΠΟΥ, οἱ δὲ ΠΛΑΤΩΝΟΣ ΚΩΜΙΚΟΥ*; другое—*ΜΗΤΡΟΔΩΡΟΥ*. Можно думать, что эти стихотворенія послужили св. Григорію образцами для подражанія въ названной элегіи его.

Перейдемъ теперь ко второму классу элегій, обнимающему собой тѣ краткія пьесы, въ которыхъ Григорій сколько проще и непосредственнѣе, столько же живѣе и энергичнѣе выражаетъ душевные аффекты, и которыя близко граничатъ съ такъ называемыми мелическими стихотвореніями. По содержанію и формѣ элегіи эти весьма разнообразны. Однѣ изъ нихъ, которыя поэтъ называетъ *Θοῦνος*, дышатъ вообще чувствомъ глубокой скорби, возбуждаемой или завистью и кознями враговъ, невѣрностью и измѣной друзей, или страданіями борьбы плоти съ духомъ, или чувствомъ близости расчета съ „многоскитальческой“ жизнію и неувѣренностью въ достаточной подготовленности къ жизни будущей, или безплодностью благороднѣйшихъ порывовъ къ

осуществленію въ здѣшной жизни идеаловъ высшаго нравственнаго совершенства, или же, наконецъ, недоступностью для человѣческаго уразумѣнія тайны промыслительныхъ дѣйствій Божіихъ о человѣкѣ, часто несомвѣстныхъ съ законами нравственнаго возмездія по представленіямъ человѣческаго разума. Последнимъ мотивомъ проникнуто содержаніе, на примѣръ, слѣдующей прекрасной элегіи:

Плачъ

о собственныхъ своихъ бѣдствіяхъ. (*Θρήνος διὰ τῶν αὐτοῦ μόρων*).

Любезная земля, и море, и отечественная и чужая сторона, и юность, и сѣдина на западѣ жизни, и города, и убукище мое — утесы. какіе только обошелъ я, стараясь приблизиться къ Божеству Христову! Почему я одинъ шель скорбнымъ путемъ, и здѣсь и тамъ мѣняя образъ многотрудной жизни? Ни однажды не могъ твердо установить на землѣ легкой стоны своей, но одни бѣдствія непрестанно препровождаютъ меня къ бѣдствіямъ бѣдствіямъ. Ты научи меня, Премудрость, отчего на мнѣ такое бремя? Отчего благочестивые въ трудахъ, а погибающіе не знаютъ трудовъ. Наказаніе ли это за грѣхъ? Или угли, которыми очищается жизнь, какъ золото въ горнилѣ? Или меня, какъ Іова, вызываетъ на борьбу съ собою злобный и завистливый врагъ, и Ты, какъ борца Своего, умастивъ меня напередъ обильно слезамъ, выводимъ обнаженнымъ для великаго подвига, чтобы потомъ наградить и прославить подвижника?— Все это извѣстно Тебѣ одному, Царь мой, Слово, потому что Ты управляешь цѣлымъ міромъ по великимъ и сокровеннымъ законамъ, изъ которыхъ развѣ малый нѣкоторый отблескъ вполнѣ доходить до насъ, покрытыхъ брениемъ и имѣющихъ близорукіе глаза“ (1).

Особенною силою скорбнаго чувства, искренностію и непосредственностію душевной мольбы и жалобъ отличаются изъ этой группы элегіи подъ №№ (II кн. I отд.): XXII,

(1) Стихотвор. XLII, стр. 911; по р. II IV т. 324 стр.

XXVII, XLIX, LI, LIII, LXI, LXV, LXXV, LXXVI, LXXXIV.
Напримѣръ:

Элегія XXII: *Ἰκετῆριον.*

„Царь мой, Христось! Для чего ты опуталъ меня этими сѣтями плоти? Для чего ввергъ въ жизнь—въ этотъ холодный и тинистый ровъ, если, какъ слышу, дѣйствительно я—богъ и Твое достояніе? Утратилась во мнѣ крѣпость членовъ, не слушаются колѣна; меня разслабило время, сокрушила болѣзнь, изнурили заботы и друзья, расположенные ко мнѣ недружелюбно. А грѣхи не хотятъ покориться; но еще сильнѣе наступаютъ на меня, и изнемогаго, какъ робкаго зайца или серну, окружаютъ эти псы, желая насытить свой голодь. Или останови бѣдствія и умилосердись; или прійми меня къ Себѣ послѣ долговременныхъ подвиговъ, и положи мѣру скорбямъ; или благое облако забвенія да покроетъ мои мысли!“ (1).

Инымъ тономъ—тономъ тихой задушевной грусти и трогательной пѣжности меланхолическаго чувства проникнута, напримѣръ

Элегія LI: *Θρηνητικὸν ὑπὲρ τῆς αὐτοῦ ψυχῆς.*

Часто, юная новобрачная, сидя еще на дѣвственномъ ложѣ, оплакиваетъ смерть возлюбленнаго супруга, и въ брачномъ уборѣ начинаетъ свою жалобную пѣснь; а рабыни и подруги, стоя здѣсь и тамъ, плачутъ попеременно въ облегченіе ея грусти. И мать оплакиваетъ любезнаго сына, еще не достигшаго юношескихъ лѣтъ, и послѣ мукъ рожденія терпитъ новыя муки. А иной сѣтуетъ о своемъ отечествѣ, которое опустошено стремительнымъ Ареемъ. Иной скорбитъ о домѣ, который истребленъ небеснымъ огнемъ. Какой же плачь приличенъ тебѣ, душа, которую умертвилъ губительный змій, Божій образъ запечатлѣвъ горькою смертію? Плачь, плачь, несчастная, это одно для тебя полезно. Покину дружескіе и веселые пиры; покину великую славу краснорѣчія

(1) Рус. пер. V т. 15 стр.

и благородство крови; покину дома съ высокими кровлями и все земное счастье; покину даже сладостный солнечный свѣтъ, самое небо и блистательныя звѣзды, которыми оно увѣнчано. Все это оставлю тѣмъ, которые будутъ послѣ меня; а самъ, съ повязкой на головѣ, какъ мертвецъ и бездыханный, возлягу на одрѣ, послѣднимъ сѣтованіемъ утѣшу сѣтующихъ, получу не надолго похвалу и безпрекословную любовь, потомъ камень и подъ нимъ неумирающее тлѣніе“ (1).

Нѣкоторыя элегіи—просто, тихія, кроткія молитвы къ Господу Христу (ibid. №№ XXIV, XXV, XXVI, LXVI, LXIX, LXXIV); иныя—сокровенно сердечныя монологи, въ которыхъ поэтъ говоритъ самъ съ собой (XLIII, LXXX, LXXXVI) или изливаетъ свою скорбь, обращаясь къ своей умершей матери (LXXXVII). Въ иныхъ, подъ тяжестью болѣзней, испрашиваетъ у Господа избавленія отъ своихъ недуговъ (XX), или терпѣнія переносить ихъ (LXXI), или же окончательнаго разрѣшенія отъ нихъ посредствомъ давно желаемой и ожидаемой кончины своей (LXXII, LXXIII). Последнюю изъ этихъ элегій, подъ заглавіемъ „*Παρακλητικόν*“ (LXXIII), приводимъ здѣсь въ метрическомъ переводѣ на русскій языкъ, размѣромъ подлинника (элегическимъ двустопишемъ), сдѣланномъ (2) съ греческаго покойнымъ высокопресвященнѣйшимъ Филаретомъ и напечатанномъ въ 1 т. „Духовной Бесѣды“ за 1868 г., стр. 22.

Пѣснь увѣщательная.

(Св. Григорія Богослова).

Близокъ послѣдній трудъ жизни: плаванье злое кончаю
 И уже вижу вдали казни горькаго зла:
 Тартаръ ярящійся, пламень огня, глубину вѣчной ночи,
 Скрытое пынѣ во тмѣ, явное тамъ въ срамотѣ.

(1) Рус. пер. V т. 20—21 стр.

(2) Въ августѣ 1866 г., во время пребыванія въ Геосиманскомъ скиту.

Но, Блаженне, помилуй, и, хотя поздно, мнѣ даруй
 Жизни останокъ мой добрый по волѣ Твоей.
 Много страдалъ я, о Боже Царю, и духъ мой страдаетъ
 Тяжкихъ судныхъ вѣсовъ, не низвели бы меня.
 Жребій мой понесу на себѣ, преселяясь отсюда,
 Жертвой себя предаю скорбямъ снѣдающимъ духъ.
 Вамъ же, грядущіе, вотъ завѣтное слово: нѣтъ пользы
 Жизнь земную любить. Жизнь разрѣшается въ
 прахъ.

При опредѣленіи поэтическихъ достоинствъ лирическихъ стихотвореній св. Григорія приходится не разъ пожалѣть о томъ, о чемъ справедливо сожалѣетъ въ своей статьѣ о нихъ досточтимый А. Порфирій,—„что эти творенія существуютъ для насъ только въ простомъ прозаическомъ переводѣ. Конечно, поэтическія ихъ совершенства ярко просвѣчиваютъ и въ переводномъ русскомъ языкѣ, но все же отсутствіе гармонической музыкальности подлиннаго стиха составляетъ важную и великую потерю. Съ восполненіемъ этого ощутительнаго недостатка, вполне можно быть увѣреннымъ, что эти стихотворенія могли бы поспорить своимъ достоинствомъ со многими прославленными лирическими произведеніями, замѣнить многія изъ извѣстныхъ у насъ настольныхъ поэтическихъ сочиненій“ (1). Тогда, безъ сомнѣнія, открылось бы и больше точекъ соприкосновенія между стихотвореніями св. Григорія Назіанзина и лирическими произведеніями нашихъ отечественныхъ поэтовъ, и больше мѣста для аналогій, сближеній и критическихъ сравненій ихъ между собою. Теперь же при подобныхъ сближеніяхъ—естественномъ и законномъ критическомъ приѣмѣ—приходится ограничиваться только одной стороной—передачей именно сходныхъ предметовъ внутренняго содержанія сближаемыхъ стихотвореній. Можно, напримѣръ, отмѣтить сходство между извѣстной элегіей Пушкина: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ и элегіей Григорія (XIII): „Προς ἑαυτὸν“ (къ себѣ самому). Меланхолическое настроеніе русскаго поэта, возбуждаемое въ немъ предметами жизни и внѣшней природы здѣшняго міра, сосредоточиваетъ мысль его на своей смерти; и эта

(1) Труды Кіевск. Дух. Акад. за 1863 г. т. I, стр. 429.

господствующая тема его элегии проходить, между прочимъ, чрезъ рядъ вопросовъ:

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
 Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
 Или сосѣдняя долина
 Мой приметъ охладѣлый прахъ?

Подобная же мысль и въ подобной же вопросной формѣ выражается и въ элегии Назіанзина.

„Ποῦ ῥίψω τὸδε σῶμα; τί μοι τέλος ἀντι-
 βολήσει;
 Τίς γάρ, τίς δὲ τάφος με φιλόξενος ἀμφι-
 καλύψει;
 Τίς δ' ὄσσοις μινύθουσιν ἐμοῖς ἐπὶ δάκτυλα
 θύσει,
 ἢ ἢ τίς εὐσεβέων, Χριστοῦ φίλος, ἢ ἢ
 κάκιστος“ (1);

(„Гдѣ сброшу съ себя это тѣло? Гдѣ встрѣчу свой конецъ? Какая земля, какая странполюбивая могила укроетъ меня въ себѣ? Кто положить персть на мои померкающія очи? Благочестивый ли и другъ Христовъ, или одинъ изъ зловѣрныхъ?“). Но параллели расходятся въ послѣднихъ желаніяхъ сравниваемыхъ элегиковъ въ той мѣрѣ, на сколько глубже и серьезнѣе предметы религіозной элегии вообще въ сравненіи съ мотивами свѣтской элегии. Проникнутый просто чувствомъ патриотизма нашъ отечественный элегикъ продол-
 жаетъ.

„И хоть безчувственному тѣлу
 Равно повсюду истлѣвать
 Но ближе къ милому предѣлу
 Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать“.

У св. Григорія господствующая элегическая тема о смерти забрасываетъ гораздо дальше мысли и чувства поэта — въ область вѣры и надежды въ посмертную жизнь.

(1) Стих. 13—16; стр. 915; по р. п. IV т. 326 стр.

„Все это безразлично, конечно, и одного лишь малодушнаго можетъ озабочивать мысль: гробу ли предадутъ мою плоть—это бездыханное бремя, или останется она непогребенною въ добычу хищнымъ звѣрямъ или безстыднымъ псамъ, или птицамъ, или обращена будетъ въ пепель, разсѣяна по воздуху, или безъ гроба брошена на высокихъ утесахъ, или сгніетъ даже въ рѣкахъ и подъ шумящими дождями. Куда бы ни заброшенъ былъ прахъ мой—не пропадетъ, не останется онъ въ безызвѣстности. Напротивъ того, послѣдній день, по Божію маповспію, соберетъ всѣхъ вмѣстѣ отъ концевъ земли, хотя бы кто обращенъ былъ въ пепель и разсѣянъ по воздуху“ (1).

Стѣитъ, наконецъ, отдѣльно сказать о довольно многочисленной группѣ элегій, которыя подписываются „κατὰ τοῦ ποιητοῦ“, „на лукаваго“ (II кн. I отд. стихотворенія: I, LIV—LX; LXII—LXIV; LXX, LXXIX, LXXX; LXXXIII). Общее содержаніе ихъ составляютъ жалобы св. отца на демонскія искушенія и мученія отъ нихъ. Но замѣчательна обстоятельность, съ которой св. Григорій изображаетъ злокозненныхъ виновниковъ своихъ мученій. Онъ не только подробно очерчиваетъ природу злыхъ демоновъ (2), что можно находить и у другихъ современныхъ ему церковныхъ писателей (Григорія Нисскаго, Ефрема Сирина, Августина), но съ особеннымъ стараніемъ, скажемъ даже—съ одушевленіемъ опытнаго художника погружается въ область демонологіи. Онъ тщательно описываетъ виды и категоріи демоновъ, съ обозначеніемъ отличительныхъ свойствъ, способностей и наклонностей каждой изъ нихъ и присвоеніемъ каждому отдѣльному легіону бѣсовъ, подъ управленіемъ своего особаго вождя, специальныхъ родовъ упражненій въ дѣлѣ соблазна людей и специальныхъ мѣстъ самостоятельной дѣятельности. Характернымъ образчикомъ языка и стиля

(1) P. II. IV т. 326—327 стр.

(2) Раздѣляя взглядъ на природу злыхъ духовъ съ ученіемъ о нихъ нѣкоторыхъ отцовъ и учителей церкви (Іустина, Иринея, Татіана, Климента Александрійскаго) Григорій, приписываетъ демонамъ нѣкоторое легкое и эфирное тѣло, какъ можно видѣть изъ 60 стиха VII стихотворенія: «Καὶ κοῦφόρως περὶ ἐὼν χθαμαλήν ἐπὶ γαῖαν ὄλισθεν».

этого отдѣла стихотвореній могутъ служить, въ особенности, элегіи LV, LIX и LX:

„Бѣги отъ моего сердца, злокозненный! бѣги скорѣе, бѣги отъ моихъ членовъ, бѣги отъ моей жизни, тать, змій, огонь, Веліаръ, грѣхъ, смерть, пучина, драконъ, звѣрь, ночь, засада, бѣшенство, смѣшеніе, завистникъ, человѣкоубійца. Для чего тревожишь меня, не потерявъ никакой обиды? Иди въ своихъ свиней и наполняй бездны; онѣ примуть тебя, какъ прежде, негоднаго легіона. Удались же; или низложу тебя крестомъ, предъ которымъ все трепещеть. Я пошу крестъ въ своихъ членихъ. Крестъ—моя сила. Отойти, отойди отъ меня, непріязненный человѣкоубійца! Отойти страшное привидѣніе, неистовая злоба! отойди. У меня въ сердцѣ Христось: Ему принесъ я въ даръ свою душу, откажись, отвязись отъ меня, и бѣги скорѣе прочь!—Ахъ! помогите мнѣ, ангелы предстатели! Ахъ! ко мнѣ приступаетъ мучитель и злобный звѣрь; умоляю васъ, друзья, избавьте меня отъ него.—Приходилъ, приходилъ ты ко мнѣ, злобный; но остановленъ. Какъ скоро замѣтилъ я дымъ, догадался, что будетъ и огонь. Сильное зловоніе—явный признакъ змія. А я подьему крестъ. Онъ стражъ моей жизни; онъ связуетъ собою весь міръ и приноситъ его Богу. Убойся креста, отойди, не являйся вторично“.

Въ стихотвореніи LIV поэтъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ лукавыя приемы демона, старающагося мало-по-малу вкрасться въ душу человѣка: „Сперва неважными грѣхами, какъ извилистый ручеекъ, впадаешь ты въ сердце; потомъ открываешь себѣ пошире дорогу; затѣмъ уже входишь большою и мутною рѣкою, и наконецъ какъ океанъ или бездна поглощаешь меня своею пастью“.

Вообще живость и плодovitость воображенія, сила и, такъ сказать, терроръ слова, дышащаго пламенемъ религіознаго чувства, принадлежатъ къ отличительнымъ литературнымъ свойствамъ многихъ изъ стихотвореній, относящихся къ отдѣлу элегій: „*κατὰ τοῦ πονηροῦ*“.

„Въ наше время“—замѣчаетъ объ этихъ стихотвореніяхъ А. Порфирій⁽¹⁾—„пожалуй, для многихъ покажется даже странною такая сильная жалоба на демона искушителя; по

(1) Труд. К. Д. А., стр. 419.

истина явленія злыхъ духовъ у аскетовъ при ихъ бдительномъ вниманіи къ самимъ себѣ возведена до аподиктической—очевидной аксіомы, и св. Григорій Богословъ конечно неложно говорить о себѣ, что онъ и самъ изгоялъ бѣсовъ, слѣдовательно, ничего нѣтъ неестественнаго, когда онъ съ такою жалобою отгояеть отъ себя діавола, и для прогнанія его просить предстательства св. ангеловъ“.

2) Гимнъ.

Многія стихотворенія св. Григорія Богослова надписываются словомъ *ὑμνος*. Какъ техническое обозначеніе особаго вида лирической поэзіи, терминъ этотъ заимствованъ изъ древнегреческой литературы; но какъ выраженіе спеціально - религіознаго лирическаго одушевленія гимнъ, по своему историческому происхожденію, уходитъ въ глубокую древность. Въ пѣснопѣніяхъ, посвященныхъ прославленію Божества, можно сказать, и зародилась поэзія, и потому гимны, даже въ самой языческой поэзіи, занимаютъ первое мѣсто не только по времени, но и по важности самой стихіи ихъ. Древне-еврейская литература представляетъ намъ дивные образцы пѣснопѣній религіозныхъ, гимнологическихъ. Евреи въ глубочайшей древности занимались музыкой и поэзіей; а въ царствованіе богэвдохновеннаго пѣснопѣвца—Давида эти искусства достигли у нихъ высочайшей степени совершенства. Псалмы ¹⁾ его составляютъ и цвѣтъ еврейской лирической поэзіи и совершеннѣйшіе образцы гимна. У древнихъ Грековъ священныя пѣснопѣнія, изображавшія чувство благоговѣнія, или *гимны* (отъ *ὑμνέω*—воспѣваю, прославляю) были также первоначальными лирическими стихотвореніями. По различію языческихъ божествъ, гимны имѣли различныя названія: *псалмы* ²⁾ посвящались Аполлону, *дионирамбы* ³⁾—Вакху. Новѣйшіе писатели раздѣляютъ

(¹) Псаломъ, *ψαλμός* отъ *ψάλλειν* (играть на цитрѣ или вообще на струнномъ инструментѣ) означаетъ собственно струнный инструментъ, а потомъ, въ переносномъ смыслѣ—пѣснь подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента.

(²) Отъ *πάλλαν*—прозвище Аполлона, какъ бога—цѣлителя.

(³) Отъ *δύς* два и *θύρα* дверь—какъ бы восторгъ настежь, при открытыхъ дверяхъ.

ихъ на *оэурическіе*, или священнотайнственные, *поэтическіе*, или народные, и *философскіе*. Первые воспѣвались посвященными въ таинства при отиравленіи обрядовъ. Эти гимны исполнены благочестія и святости больше, чѣмъ остальные два вида ихъ. Они заключаютъ въ себѣ многочисленныя эпитеты и проименованія, выражающія власть, свойства или принадлежности боговъ. Солнце называется въ нихъ блистающимъ, быстротекущимъ, отцемъ и распорядителемъ годовичныхъ временъ, окомъ и владыкою міра, утѣхою смертныхъ, свѣтомъ жизни; Цибела (*Kυβέλα*)—матерью боговъ, досточтимую супругою Крона, началомъ стихій и пр. Изъ этого рода гимновъ до насъ дошли только гимны, приписываемые Орфею. Содержаніемъ гимновъ *поэтическихъ* служила вѣра простого народа. Это—произведенія поэтовъ, отъ которыхъ Греки и Римляне получили своихъ боговъ со всѣми легендарными вымыслами объ ихъ похожденияхъ. Эти поэтическо-миѳологическіе вымыслы о различныхъ похожденияхъ и приключеніяхъ боговъ, относившіеся къ предметамъ обрядно-религіознаго культа, не входили въ содержаніе гимновъ *философскихъ*; просвѣщенные авторы послѣднихъ раздѣляли въ нихъ съ простымъ народомъ только вѣру въ верховное божество, источникъ и начало всѣхъ существъ.

Особенныя, отличительныя свойства гимновъ, какъ религіозныхъ пѣснопѣній, были слѣдующія:

1) гимнъ выражалъ восторгъ и благоговѣніе къ Существу Высочайшему.

2) Для этого требовалась особенная возвышенность въ словѣ, которымъ выражалось глубокое чувствованіе, какимъ только можетъ быть проникнуть человекъ, представляющій себѣ безпредѣльность и безконечность Всемогущаго.

3) Восторгъ изливался искренній; такъ какъ предъ Всевѣдущимъ открыты всѣ чувствованія и помысленія.

Если, такимъ образомъ, уже въ древнѣйшей до-христіанской поэзіи, при разнообразіи внѣшней формы гимна, основную стихію его, его душу всегда составлялъ религіозный элементъ, вѣра, то сколько новыхъ, несравненныхъ и несоизмѣримо-возвышенныхъ ощущеній, сколько жизни и силы, силы небесной, привнесло въ этотъ высшій родъ лирической поэзіи христіанство съ того самаго великаго историческаго момента, какъ только на землѣ впервые раздались небесныя звуки радости—привѣтной ангельской пѣсни:

„Слава въ вышнихъ Богу, миръ на землѣ, и въ чловѣкахъ благоволеніе!“ И удивительно ли, что въ христіанской поэзіи гимнъ не только служить исходнымъ пунктомъ ея, какъ въ поэзіи еврейской и древне-греческой, но и составляетъ почти исключительную форму ея во весь первый періодъ ея историческаго развитія, обнимаемый первыми тремя вѣками христіанской духовной жизни?—Еще въ евангеліяхъ пѣсни Богоматери (Лук. I, 47—55), священника Захаріи (Лук. I, 68—79) и прав. Симеона, въ которыхъ лирическіе элементы еврейскаго псалма соединяются съ простотой и достоинствомъ греческой формы, служатъ связующимъ звеномъ между поэзіей Ветхаго и поэзіей Новаго Завѣта. Но уже Апостоль Павелъ въ посланіяхъ къ Ефесянамъ (V, 19) и Колоссянамъ (III, 16) говоритъ о существованіи—вмѣстѣ съ псалмами и хвалебными пѣснями В. Завѣта—и собственно христіанскихъ гимновъ. Быть можетъ объ этихъ-то гимнахъ въ честь Господа у первенствующихъ христіанъ и писалъ Плиній въ своемъ письмѣ къ императору Траяну. Указанныя мѣста изъ посланій св. Апостола тѣмъ болѣе важны для насъ, что въ нихъ общо намѣчены и основныя положенія теоріи христіанской лирической поэзіи вообще, и гимна въ частности. Ефесянамъ Ап. Павелъ писалъ: „исполнитесь духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ (*ψαλμοις*) и пѣніихъ (*ὕμνοις*) и пѣснѣхъ духовныхъ (*ὠδαὶς πνευματικαῖς*), воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеву“. Колоссянамъ предписывалъ: „Слово Христово да вселяется въ васъ богато, во всякой премудрости учаще и вразумляюще другъ друга во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеву“. Объясняя эти слова Апостола, Высокопросвѣщенный авторъ „Историческаго обзора пѣснопѣвцевъ“ говоритъ: „христіанское пѣніе, по наставленію апостола, должно быть:

а) пѣніемъ сердцецъ, а не однихъ устъ: каждый звукъ голоса долженъ быть звукомъ сердца, выраженіемъ мысли, отзывомъ желаній.

б) Христіанское пѣніе должно быть пѣніемъ духа благодати: какъ каждое дѣйствіе истинно-христіанское есть плодъ благодати, такъ таково же должно быть и пѣніе; и потому для христіанскаго пѣнія надобно исполняться духомъ, надобно молитвами призывать на себя благодать Христову.

в) Христіанское пѣніе должно быть пѣніемъ Господу. Говоря объ этомъ, апостоль не только внушаетъ то, что пѣніе должно совершаться съ благоговѣніемъ предъ Великимъ въ святости и благодати, но онъ указываетъ и на предметъ христіанской пѣсни; онъ говоритъ, что всѣ пѣсни надобно пѣть намъ не иначе, какъ съ мыслію о Христѣ Спасителѣ нашемъ. Его то Христа Іисуса называетъ онъ Господомъ. Это — любимое слово любящаго сердца его“ (1). Изъ христіанскихъ лирическихъ поэтовъ перваго періода въ духѣ этихъ правилъ писали блажен. Климентъ Александрійскій, Непотъ — епископъ Пентапольскій, св. Аѳиногенъ мученикъ. Но о послѣднихъ двухъ, какъ поэтахъ, сохранились лишь извѣстія у другихъ писателей (2); отъ поэтической же дѣятельности Климента Александрійскаго до насъ дошелъ только знаменитый гимнъ его: „къ Искупителю“ (3). Въ короткихъ стихахъ его (анапестахъ, перемежающихся съ спондеями и дактилями) поэтъ изливаетъ восторженное состояніе христіанской души, ликующей въ чувствѣ Искупленія. Богатство образовъ, сравненій и эпитетовъ, прилагаемыхъ въ пемъ къ Спасителю, приближаютъ его къ стилю античныхъ греческихъ гимновъ. Христосъ именуется здѣсь: „неукротимыхъ онагровъ смирителемъ“, „крыломъ птепцовъ парящихъ“, „непоколебимымъ кормиломъ юношей“, „настыремъ аглицевъ царственныхъ“, „державнымъ Словомъ Отца превышняго“, „Крѣпостью страждущихъ“, „Владыкою вѣчности“, „Ловцомъ челоувѣковъ“ и пр. Но изъ композиціи этого гимна еще мало замѣтно стремленіе христіанской ли-

(1) Историческій Обзоръ пѣснопѣвцевъ Ф. А. Ч. 1863; стр. 21—22.

(2) О Непотѣ, какъ поэтѣ, написавшемъ весьма много духовныхъ пѣсней, которыя были въ особенномъ уваженіи между христіанами, свидѣтельствуетъ св. Діонисій Александрійскій (Ар. Евсев. 171, 24). Объ Аѳиногенѣ, написавшемъ пѣснь о св. Духѣ, говоритъ св. Василій Великій (о св. Духѣ гл. 29; въ р. п. часть III стр. 346).

(3) Paedag in fine cap. III. Гимнъ зтотъ помѣщенъ также въ книгѣ: Christiani poetae Graecorum, Paris, 1609, 8°, p. 232, и находится здѣсь въ подлинномъ текстѣ и въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ Fed. Morelli.

рики выдѣлиться изъ широкой области безыскусственныхъ „пѣсней духовныхъ“, ближайшимъ образомъ соотвѣтствовавшихъ цѣлямъ общественнаго богослужебнаго ритуала, и обособиться въ самостоятельный родъ художественно-литературнаго христіанскаго творчества. Только по внѣшней формѣ гимнъ „къ Искупителю“ не принадлежитъ къ ряду гимновъ въ широкомъ смыслѣ, въ какомъ гимномъ можетъ быть названа всякая вообще хвалебная пѣснь Богу. Топомъ церковной пѣсни отзываются слѣдующія заключительныя слова гимна:

Небесное млеко
 Изъ сладкихъ сосцевъ
 Дѣвы благодатной—
 Мудрости Твоей источенное!
 Мы твои дѣти!
 Нѣжными устами
 Воскормленные,
 Нѣжнымъ дыхальсмъ
 Материнской груди
 Исполненные,
 Пѣсни простыя
 Гимны невинныя
 Христу Царю
 Въ награду святую
 За ученіе жизни
Поемъ всѣ кутно;
Поемъ просто
 Отрока державнаго.
Вы ликъ мира
 Дѣти Христовы
 Люди святыя!
Пойте всѣ кутно Бога мира:

Съ гимномъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ произведеніемъ свободнаго и оригинальнаго художественно—поэтическаго христіанскаго творчества мы едва ли не впервые исторически встрѣчаемся, какъ и съ элегіей, у св. Григорія Богослова.

Къ этому виду лирической поэзіи у него относятся стихотворенія, заключающіяся въ I кн. I отд. подъ №№ XXIX—XXXVIII, и II кн. I отд., № XXXVIII.

Лучшимъ изъ нихъ представляется „*Ἕμνος πρὸς Θεόν*“ (№ XXX). Высокій религиозно—поэтический лиризмъ, проходящій чрезъ все стихотвореніе, отъ начала до конца его, вытекаетъ изъ живаго, восторженно—сердечнаго отношенія поэта къ воспѣваемому имъ предмету. Эта сердечная теплота, пропикающая весь гимнъ и сообщающая ему полноту внутренней жизни и духъ истинной поэзіи, служатъ его первымъ и главнымъ достоинствомъ. Могучій стихъ, достойный возвышеннаго содержанія гимна, составляетъ его второе достоинство. При всей глубинѣ и богатствѣ мыслей, при всемъ разнообразіи картинъ и образовъ, слогъ гимна отличается краткостью, строгостью, ясностью, простотою. Такою гармоніей стиха съ одушевляющей его идеею отличаются только произведенія, которыя, являясь плодомъ искренняго, свободнаго вдохновенія, выливаются прямо изъ сердца поэта. Подобное впечатлѣніе производитъ этотъ величественный, хвалебно-молитвенный, торжественный гимнъ Трѣпостасному Богу. Основная мысль его выражена въ начальномъ трехстишіи, составляющемъ нѣчто въ родѣ вступленія:

„Σὲ τὸν ἀφθίτον μονάρχην
Δὸς ἀννυμεῖν, δὸς αἰδεῖν,
Τὸν ἀναχτὰ τὸν δεσπότην“.

Одушевленный этою мыслью—прославить, воспѣть Безсмертнаго Властителя, Царя и Господа, поэтъ призываетъ, такъ сказать, къ соучастью въ прославленіи Творца свидѣтелей славы и величія Его изъ безпредѣльнаго міра тварей Его—горнихъ и земныхъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, изъ вѣковъ прошедшихъ и временъ вѣчно—настоящихъ. Опъ призываетъ и лики ангельскіе, и солнце, и луну, и звѣзды, и безконечные вѣка, и „умное существо“,—человѣка. Но лучше передадимъ содержаніе гимна собственными словами поэта.

„Тобой и пѣснь и хвала;
Тобою ангельскіе лики,
Тобою нескончаемые вѣки.
Ты засвѣтилъ солнце;
Тобою путь луны;
Тобой и красота звѣздъ.“

Тобой отличенъ человекъ
Способный возноситься мыслью къ Богу,
Какъ существо разумное,—
Ты создалъ все,
Всему далъ строй
И промыслomъ своимъ все держишь.
Ты изрекъ слово—явилось дѣло,
А Слово Твое—Сынъ твой, Богъ.
Онъ той же сущности,
Онъ равночестенъ со Отцемъ.
Онъ все устроилъ
И царствуетъ надъ всѣмъ.
А все объемлетъ,
Все сохраняетъ—
Богъ—Духъ Святой.
Пою Тебя, живая Троица,
Единая и единоначальная,
Существо неизмѣнное и безначальное,
Неизъяснимое, Непостижимое,
Твердость небесъ непоколебимая,
Неподначальная и безпредѣльная,
Свѣтъ невиданный никѣмъ
И все проникающій;
Для кого нѣтъ невѣдомаго,
Ни на землѣ, ни въ безднѣ.
Отецъ благій! Будь милостивъ ко мнѣ,
Всегда чтить
Дай это имя мнѣ,
Грѣхи же мои прогони,
Очисти совѣсть мою
Отъ всякой нечисти.
Да славлю Божество,
Да поднимаю руки чистыя,
Христа благословляя.
Молю Его колѣнопреклонно,
Да приметъ меня, раба Своего,
Когда придетъ Онъ царствовать.
Будь милостивъ ко мнѣ, Отецъ!
Поддай мнѣ благодать Твою.
Тебѣ и слава и хвала
Во вѣки неизмѣримые!“

Содержаніе этого гимна представляетъ, такимъ образомъ, въ сжатомъ и художественно сконцентрированномъ видѣ, такъ сказать, profession de foi христіанскаго поэта—богослова. Въ сердечномъ умиленіи онъ исповѣдуетъ здѣсь Безначальнаго Отца, Единосущнаго и Равночестнаго Ему (*Ομοούσιον, ὁμότιμον τῷ τεχνόντι*) Сына и Всеобъемлющаго Св. Духа, Бога (*Περιλάμβανον δε πάντα Ἁγιον Πνεῦμα τὸ θεῖον*)— жувую Троицу (*Τριάδα ζῶσαν*).

Послѣ этого гимна обращаетъ на себя вниманіе по своимъ поэтическо-литературнымъ достоинствамъ „*Ἦνος ἐσπερινός*“ (№ XXXII). Въ немъ воспѣвается свѣтъ Трїипостаснаго Свѣта, какъ источникъ жизни цѣлаго міра и человѣка, какъ дивное премудрое Начало міропорядка вещественнаго и сферы міра духовнаго. Это прелестное стихотвореніе можетъ служить однимъ изъ нагляднѣйшихъ доказательствъ—какимъ неистощимымъ богатствомъ поэтическаго воображенія обладалъ Св. Григорій Назіанзинъ. Два слова: „*φῶς*“ и „*σὸς*“ внушаютъ поэту столько плѣнительнѣйшихъ образовъ, живописныхъ сравненій и метафоръ! Соединенные его художественною кистью въ одну композицію, эти образы и метафоры даютъ граціозную картинку, которая съ тонкой игрой „свѣта“ и „тѣней“ внутренне соединяетъ нѣжные переливы его молитвенно-благодарственнаго настроенія души.

Не многимъ уступаютъ въ поэтическомъ отношеніи двумъ только что отмѣченнымъ стихотвореніямъ гимны: XXIX („*Ἦνος εἰς Θεόν*“) и XXXI („*Ἦμος ἄλλος*“) По своему содержанію, тону и языку эти гимны представляютъ такое близкое сходство съ двумя смежными съ ними гимнами (XXX-мъ и XXXII-мъ), что, не будь они разнаго стихотворнаго размѣра, они удобно могли бы слиться съ ними—именно гимнъ XXIX—съ гимномъ XXX, а гимнъ XXXI—съ гимномъ XXXII—въ одно органическое цѣлое.

Изъ прочихъ гимновъ замѣтнѣе другихъ выдѣляется пѣснь (XXXVIII) подъ заглавіемъ: „*Ἦμος εἰς Χριστὸν μετὰ τὴν βιωπὴν, ἐν τῷ Πάσχα*“. Въ этомъ пасхальномъ привошеніи Господу—Христу, Воскресшему изъ мертвыхъ, есть мѣста, согрѣтыя искренними движеніями сердца, есть строфы, оживленныя безспорно поэтической экспрессіей. По въ общемъ стихотвореніе это и по языку и по изложенію слабѣе вышеозначенныхъ гимновъ. Самое содержаніе его не

совсѣмъ точно отвѣчаетъ своему заглавію, по крайней мѣрѣ, даетъ меньше, чѣмъ сколько обѣщаетъ сюжетъ заглавія. Строфы, относящіяся собственно къ Воскресшему Господу, по своему объему, составляютъ только третью часть всего гимна, а по своему мѣсту—последнюю; и при томъ, эта-то именно главная часть гимна и обнаруживаетъ всего больше вялости движенія, расплывчивости и слабости композиціи, бѣдности языка. Строфы эти гораздо ниже гимновъ Іоанна Дамаскина, въ которыхъ онъ прославляетъ и восиѣваетъ воскресшаго Спасителя. Напротивъ въ первой части гимна, прославляющей общія божественныя свойства Христа, языкъ стихотворенія, за исключеніемъ начальнаго четверостишія, отличается своею характерною поэтической образностью и картинностью. Таково, напримѣръ, слѣдующее мѣсто гимна, не теряющее своей оригинальной поэтической художественности даже и въ прозаическомъ русскомъ переводѣ его. „По Твоему манію, Царь, высокошественное солнце, востекши на огнистый кругъ, затмѣваетъ собою звѣзды, какъ Ты затмѣваешь умы. По Твоему манію, то живетъ, то исчезаетъ попеременно, и опять является въ полномъ свѣтѣ око ночи—луна. По Твоему манію зодіакальный кругъ и этотъ размѣренно кружащійся хороводъ опредѣляютъ мѣру годовыхъ временъ, непримѣтно между собою растворяемыхъ. И неподвижныя и подвижныя, возвращающіеся на прежній свой путь, звѣзды суть глаголь Твоей Божественной мудрости. Твой свѣтъ—всѣ тѣ небесныя умы, которые восиѣваютъ славу пренебесной Троицы. Твоя слава—человѣкъ, котораго поставилъ Ты здѣсь ангеломъ, пѣснословцемъ сіянія Твоего, о безсмертній Свѣтъ и вновь родившійся для смертнаго, безплотная Высота, напоследокъ же, чтобы избавить отъ гибели смертныхъ, Плотноносецъ!“ (1).

3) Эпитафіи и эпитаграммы.

Къ лирическимъ стихотвореніямъ св. Григорія Назіанзина слѣдуетъ отнести, наконецъ, довольно значительный

(1) Стихи: 15—28, стр. 899, по р. и. IV т. стр. 357—58.

отдѣлъ (изъ 223 стихотвореній) *эпитафій* и *эпиграммъ* его. Правда, эти стихотворенія, въ большинствѣ, имѣютъ интересъ скорѣе исторической, чѣмъ литературно-поэтической. При характеристикѣ времени св. Григорія Богослова и выдающихся историческихъ лицъ, связанныхъ съ личностью знаменитаго Отца Церкви узами кровнаго родства, дружбы или единопдушною ревностью по вѣрѣ и благочестію, при изученіи общественнаго и домашняго быта, правовъ и понятій его современниковъ, эти стихотворенія могутъ пролить довольно яркую полосу свѣта.

Но было бы ошибкою думать, что произведенія эти совсѣмъ лишены поэтическаго элемента и поэтическихъ достоинствъ. Самый размѣръ эпитафій, представляющій древнѣйшую и прекраснѣйшую систему стиховъ, состоящую изъ соединенія дактилическаго гексаметра съ пентаметромъ, нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ изящности ихъ, какъ поэтическихъ произведеній. Классическое чувство гармоніи, лежащее въ основѣ этого художественнаго размѣра, требовало, чтобы содержаніе стихотворенія внутреннимъ достоинствомъ мысли, нѣкоторою полнотою и округлостію ея, соотвѣтствовало прекрасной формѣ, размѣру полному, округленному, какъ совершеннѣйшее произведеніе греческаго рѣзца. Но само собою разумѣется, что живость, свѣжестъ и художественность эпитафій и эпиграммъ Григорія Богослова больше обусловливались сущностью самыхъ событій, составляющихъ предметъ содержанія ихъ, и еще больше внутреннимъ настроеніемъ самаго поэта. Если нѣтъ и не могло быть въ эпитафіяхъ его, по самому роду этой поэзіи, въ собственномъ смыслѣ, поэтическаго творчества, рождающагося изъ чистаго вдохновенія или поэтической фантазіи, то въ нихъ много трогательнаго внутренняго смысла, много нѣжнѣйшихъ отбѣнковъ чувства любви и набожности, много нравственно-идеальнаго одушевленія, проникнутаго глубоко-прочувствованною мыслью о превратности и ничтожности всего земнаго. Эта господствующая мысль проходитъ чрезъ все разнообразіе предметовъ содержанія эпитафій и становится еще выразительнѣе и трогательнѣе, когда влагается въ уста самого умершаго. Такъ, на примѣръ, въ слѣдующей эпитафіи Павлу-юношѣ, скопчавшемуся въ ранней молодости.

„Обратите взоръ свой на мое тѣло, рассмотрите мои члены. Какъ молодую вѣтвь, скосила меня смерть; ненасытимый тартаръ отверзъ свою мрачную обитель, и вовлекъ туда меня, Павла, срѣзавъ преждевременно, какъ нѣжный ростокъ. Всю красоту юныхъ, какъ траву, пожинаетъ смерть своею косою; безошадная!“ (1)

Большею частію эпитафіи прославляютъ нравственныя доблести умершаго, впадая, подъ часъ, при этомъ въ гиперболизмъ, и выставляютъ своихъ высокихъ героевъ какъ образецъ для подражанія живымъ. Примѣромъ гиперболическаго прославленія умершаго можетъ служить эпитафія ХЛІІ: „*Εἰς Μαρτυριανόν*“.

„Когда Мартиніанъ вступилъ въ общую всѣхъ матеръ-землю, тогда восплакали всѣ города Авзоніи; обитатели всей Сициліи и широкихъ предѣловъ земли остригли собѣ волосы, потому что удалась отъ людей сама Θεмида. Но мы, обнимая, вмѣсто тебя, твою славную могилу, всегда будемъ показывать ее проходящимъ, какъ нѣчто священное“ (2).

Другія заключаютъ въ себѣ общія моральныя сентенціи; нныя же выражаютъ просто одинъ какой-либо наиболѣе важный или чудесный моментъ изъ жизни умершаго. Таковы, на примѣръ, нѣкоторыя изъ эпитафій св. Григорія матери своей, Ноннѣ (3), Навкратію, брату Василія В. (4) и др. Множественность эпитафій по одному и тому же предмету, на память одному и тому же лицу—отцу, матери, брату, другу, естественно объясняется особенною любовью автора къ близкимъ умершимъ. Это можно видѣть, па примѣръ, изъ слѣдующаго эпиграмматическаго стихотворенія, которое въ числѣ другихъ 35 эпитафій, поэтъ посвящаетъ дорогой памяти своей матери, и въ которомъ такъ живо и трогательно выражены проявленія нѣжной материнской привязанности Нонны къ сыну и чувство взаимной любви послѣдняго къ первой.

(1) Кн. II, отд. II; стихотвор. СХХІХ; ст. 22—33; стр. 1163; по р. п. V т. 361 стр.

(2) Ibid. стр. 1125; по р. п. V т. 348 стр.

(3) Ibidem, №№: LXXIX, LXXX, LXXXII, LXXXIII и др.

(4) Ibid. стихотвор. I—III, стр. 1109.

„Призывая Григорія среди цвѣтущихъ виноградниковъ, выходила ты, мать моя, на встрѣчу возвращавшимся съ чужой стороны, и любезныя руки свои простирала къ возлюбленнымъ чадамъ, призывая Григорія. Кровь родительницы текла въ обоихъ сынахъ, но особенно въ томъ, котораго воспитала ты своими сосцами. Потому и почтилъ я тебя, мать, столькими эпиграммами. (Τοῦνεκα καὶ βὲ τῶβοις ἐπιγραμμάσι μῆτερο ἔτιβα) (²).

Равно какъ, съ другой стороны, источникомъ цѣлаго ряда эпиграммъ на гроборасхитителей, агалитовъ и синисактовъ послужило, безъ сомнѣнiя, чувство сильнаго негодованiя и нравственнаго возмущенiя св. Григорія противъ этихъ наглыхъ нарушителей не только законовъ религiи и гражданскаго порядка, но и чувства нравственнаго достоинства человѣка, чувства совѣсти.

„У меня уже сѣдины“ — читаемъ мы въ эпиграммѣ Григорія: „Εἰς ἀγαπῆτοῦς“ — „изнуряю свою плоть, смиряю око; дневными и всенощными трудами истомилъ я злосчастную душу, только бы избавиться мнѣ отъ огня; но при всемъ этомъ не безъ труда удерживаю въ повиновенiи тѣло. Какъ же ты, хотя еще молодъ, и плоть у тебя шире, чѣмъ у слона, при всемъ этомъ покоишь себя, какъ человѣкъ, достигшій чистоты и духовно возлюбившій свою возлюбленную? Идти! бѣжать должно отъ такой богопротивной любви“ (¹).

„Не безопасенъ огонь подлѣ соломы. Не безопасно и тебѣ, монахъ, подъ однимъ съ собою кровомъ держать жену-дѣвственницу... Пока ты держишь себя вдали, въ тебѣ одна искра. Но какъ скоро сходишься вмѣстѣ, при дуновенiи малаго вѣтра воспламенишь пожаръ“ (²).

„Изъ смѣси бѣлаго и чернаго образуется сѣроватый цвѣтъ. Жизнь и смерть не имѣютъ между собою ничего средняго. А этихъ, какъ ихъ называютъ, синисактовъ, не знаю, куда причислить? Признать-ли, что они сопряжены бракомъ, или назвать безбрачными, или оставить для нихъ какую-то средину? Ты посишь на себѣ плоть, и живешь вмѣстѣ съ своею возлюбленной, которая также имѣетъ плоть.

(²) Ibid. стихотвор. LXXI, стр. 1137.

(¹) Ibid. стихотвор. X, стр. 1167; по р. п. V т. 110 стр.

(²) Ibid. стихотвор. XII, стр. 1169; по р. п. V т. 111 стр.

Что же, думаешь, заключать о тебѣ живущіе нечисто? Пусть ничего не скажутъ цѣломудренныя; но кто равнодушно будетъ слушать насмѣшки, разглашаемая черпью? Бракъ—дѣло законное и честное. Но еще лучше плоти свобода отъ плоти. А если, возлюбленные, есть кромѣ этого безбрачный бракъ, то вы будете жить въ сомнительномъ супружествѣ“ (1).

„И мужамъ и женамъ, которые сближаются подъ именемъ возлюбленныхъ, скажу вотъ-что: исчезните вы, язва для христіанъ, исчезните вы, старающіеся прикрыть неистовое влеченіе естества! и въ глазахъ есть нѣчто любодѣйное“ (2).

Изъ эпиграммъ на расхищающихъ гробы.

(Κατὰ τὴν βωροῦχων).

„Когда тебя, лютой звѣрь, разоритель гробницы столько великолѣпной — произведенія многихъ рукъ, допустило впусть себя это сокровенное убѣжище; тогда, скажи мнѣ, что ты увидѣлъ тамъ? Не гнилость ли, не черепы ли умершихъ, не остовы ли людей, нѣкогда существовавшихъ; такъ какъ сказываютъ, что тутъ были положены супругъ и супруга? И не распалась твоя плоть? Но что же ты нашель? Ничего, конечно. Впрочемъ преступленіе твое при тебѣ. Отойди, отойди отъ меня прочь! Ты будешь наказанъ за мертвыхъ; не приближайся же къ живымъ; хотя еще и не умерли мы, однако же боимся тебя“ (3).

„Разрывай, разрывай гробницу! Очень знаю, что ты хочешь у мертваго найти золото; но ты себѣ самому ропши яму, въ которую со временемъ вринеть тебя Божіе правосудіе. Если оно приходитъ поздно то съ лихою“ (4).

„Семь на свѣтѣ чудесь: стѣны, статуя, сады, пирамиды, храмъ, еще статуя и гробница. Осмымъ же чудомъ была я—огромная, высокая, далеко вверхъ возносившаяся съ этихъ утесовъ гробница. Но первенствуя по славѣ у умер-

(1) Ibid. стихотвор. XV, стр. 1171.

(2) Стихотвор. XIII, стр. 1169.

(3) Стихотвор. XXXI, стр. 1179; по р. и. V т. 387 стр.

(4) Стихотвор. XXXVIII, стр. 1181.

шихъ, возбудила теперь ненасытность твоей неистовой руки, челоуѣкоубійца“ (1).

„Гробницы, сторожевыя башни, горы и мимоходящіе, оплачте мою могилу, оплачте расхитителя гробовъ! А ты, эхо, повторй съ окрестныхъ утесовъ послѣднія слова: „оплачте расхитителя гробовъ“! (2)

„Этотъ челоуѣкъ изъ пустой надежды раскопалъ мою, дорогую для меня могилу, — единственное достояніе, оставшееся мнѣ по смерти. И его какой-нибудь злодѣй пусть убьетъ своими руками, и, убивъ, броситъ вдали отъ гроба отцовъ!“ (3)

По внѣшнему объему своему и по своей литературной формѣ изложенія эпитафій и эпиграммы св. Григорія, вообще, довольно разнообразны, начиная съ эпитафій въ простѣйшемъ и буквальному смыслѣ слова, какъ краткой надписи, обозначающей только имя умершаго лица, которому посвящена она, и кончая эпиграммой въ стилѣ художественнаго антологическаго стихотворенія, въ видѣ надгробнаго литературнаго вѣнка, сплетеннаго изъ живыхъ, свѣжихъ цвѣтовъ поэзіи. Какъ на примѣръ эпитафій перваго рода можно указать на слѣдующую надпись св. Григорія своей сестрѣ, Горгоніи.

„Здѣсь лежитъ любезная дочь Григорія и Нонны, тапница пренебесной жизни Горгонія“ (4).

Въ примѣръ художественно-поэтическаго изложенія эпитафій можетъ идти любое изъ цѣлаго ряда прелестныхъ стихотвореній, посвященныхъ памяти прекраснаго юноши, Евфімія. Въ высокой степени отличенный всѣми дарами природы, Евфімій былъ скошенъ смертью во цвѣтѣ лѣтъ, едва достигши двадцатилѣтняго возраста и только что обручившись съ прекрасной дѣвицей Евоніей. Въмѣсто надгробныхъ гирляндъ Григорій Пазіанзинъ почтилъ память юнаго друга нѣжно-задушевными, граціозными стихотвореніями.

---

(1) Стихотвор. I, стр. 1185.

(2) Стихотвор. LXXVII, стр. 1195; по р. н. V т. 397 стр.

(3) Стихотвор. LXXIX; *ibid.*

(4) Стихотвор. XXII; стр. 1117.

„Ораторъ между ораторами, пѣвецъ между пѣвцами, гордость отечества своего, слава своихъ родителей, едва достигшій юношескихъ лѣтъ и недавно въ чертогъ свой призывавшій любовь, умеръ Евфимій. Какая жалость! вмѣсто дѣввы нашель онъ себѣ гробъ, и за днями предбрачныхъ веселій наступилъ день плача“ (1).

„Двадцатилѣтній Евфимій столько знакомъ былъ съ эллинскою и авзонскою музою, сколько другой не ознакомился бы и съ одною изъ нихъ. Онъ сіялъ и красотою и благопріемъ. Но увы! сіялъ не продолжительно; блеснулъ, что молнія и—оставилъ послѣ себя слезы!“ (2)

„Плачьте, источники, рѣки, роци, сладкопѣвныя птицы, съ вершины деревъ прекрасно услаждающія слухъ, Зефиры, своимъ шелестомъ навѣвающіе тонкій сонъ, и цвѣтники собравшихся вмѣстѣ Харитъ! А тебя, прелестный садъ Евфиміевъ, сколько славнымъ содѣлалъ умершій Евфимій; потому что носишь его имя! Если бывалъ кто прекраснѣе всѣхъ юношей, такъ это Евфимій. Если есть какое поле прекраснѣе всѣхъ полей, такъ это его Элизій. Потому и собрались вмѣстѣ всѣ Хариты. Хотя покинулъ жизнь Евфимій; однако же оставилъ свое имя этому восхитительному мѣсту“ (3).

Безъ преувеличенія можно сказать, что подъ этимъ истинно антологическимъ стихотвореніемъ не отказался бы подписаться ни одинъ изъ классическихъ поэтовъ древности.

Нѣкоторыя эпитафіи изложены въ формѣ обращенія св. Григорія къ умершимъ героямъ надписей. Таковы, напримѣръ, многія изъ эпіграмматическихъ стихотвореній его своей матери и другу свосму Василию Великому. Другія, наоборотъ, излагаются отъ имени умершаго лица съ обращеніемъ къ св. Григорію. Такова, напримѣръ, слѣдующая эпитафія его своему отцу, Григорію же.

„Пастырскую свирѣль вложилъ въ твои руки я, Григорій. Ты же, сынъ мой, свирай на ней, какъ искусный

---

(1) Стихотвор. XXIX, стр. 1149; по р. н. V т. 352 стр.

(2) Стихотвор. XXX: *ibid.*

(3) Стихотвор. XXXVI.

пастырь; всё́мъ отверзай дверь жизни, и въ отеческій гробъ сойди созрѣвшимъ“ (1).

Иныя—въ формѣ обращенія къ умершему отъ благодарныхъ соотечественниковъ, признательно-поминающихъ и чтущихъ заслуги его для нихъ (2), а большая часть—отъ лица умершаго, какъ таинственный голосъ изъ-за предѣловъ гроба, съ обращеніемъ и просьбою ко всякому вообще проходящему мимо мѣста его погребенія—„уронить слезу на его могилу“ (3).

Нѣкоторыя, далѣе, эпитагмы изложены въ живой диалогической формѣ, какъ напримѣръ слѣдующая: „Какой это памятникъ и чей?— Не знаю; на столбѣ не видно надписи, потому что опрокинуть онъ прежде гробницы. А какого времени?—Работа памятника старинная. Скажи же, чья зависть расхитила это?— Злодѣйскія руки сосѣда. Чтò хотѣлось имъ пайдти?— Золотую обводку“ (4). Или въ подобной же вопросной, но болѣе краткой, отрывистой и локонически-сильной формѣ, напримѣръ, эпитафія:

„Нонна Филтатъева. Гдѣ она скончалась?— Во храмѣ. Какъ?—Молясь. Когда?— Въ старости. Прекрасная жизнь, святая кончина!“ (5)

Иныя—въ формѣ прозопопеи, въ родѣ, напримѣръ, эпитафіи Василию Великому:

„Науки! Общая обитель дружбы! Дорогіе Аѳины! Раннія условія вести божественную жизнь! Знайте это, что Василій на небѣ, чего желалъ, а Григорій на землѣ, и на устахъ носить узы“ (6).

Нѣкоторыя эпитафіи, наконецъ, въ изложеніи своемъ допускаютъ отчасти метафорически-миѳическій элементъ античной поэзіи, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго стихотворенія:

„*Αἰ Χάριτες Μούσῳσι „Τὶ ῥέξομεν; οὐκέτ' ἄγαλμα
Χειρῶν ἡμετέρων Εὐφύμιος ἐν μεροπεσβί“.*

(1) Стихотвор. LXIV, стр. 1133.

(2) Стихотвор. XLIX, стр. 1127.

(3) Стихотвор. XLIII, стр. 1125.

(4) Стихотвор. LX, стр. 1187.

(5) Стихотвор. XCIX, стр. 1147.

(6) Стихотвор. CXIX, ст. 35—38; стр. 1157.

*Χαί Μοῦσαι Χαρίτεσβιν „Ἐπεὶ φθόνος ἔστιν ἀλιτρος,
Τόσσον ἔχοι ἡμῖν δὲ τοδ' ὄρχιον ἔμπεδον ἔστω,
Μηκέτ' ἀναστῆβαι τοῖον μερόπεσβιν ἄγαλμα“ (1).*

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ образцовъ эпиграмматическихъ стихотвореній св. Григорія Назіанзина мы приходимъ къ выводу, что эти стихотворенія и по своему стилю, и по своему стихотворному размѣру, и отчасти по самому внутреннему характеру своему носятъ на себѣ живыя и симпатичныя черты сходства съ эпиграммой древне-греческой литературы, подѣ влияніемъ антологическихъ образцовъ которой они очевидно и написаны.

Подводя итогъ своему внутреннему анализу стихотвореній св. Григорія Богослова, мы можемъ вообще сказать, что выводы наши, въ отношеніи къ вопросу, изъ какихъ источниковъ черпалъ св. Григорій матеріалъ для своихъ поэтическихъ произведеній и какіе можно различать въ нихъ ингредиенты, совпадаютъ съ указаніями самаго же поэта. Въ стихотвореніи XXXIX онъ раздѣляетъ источники своихъ стихотвореній на два класса; первый онъ обозначаетъ словами „*ἐκ τῶν ἐμῶν*“ (стихъ 64), разумѣя подѣ нимъ, безъ сомнѣнія, христіанскую литературу и вообще христіанскую письменность; второй противопоставляетъ выраженіемъ „*ἐκ τῶν ἔκποθεν*“ (*ibid.*), разумѣя подѣ нимъ писателей языческихъ. Предметы первой категоріи, намъ кажется, достаточно подробно обслѣдованы нами при спеціальномъ обзорѣ стихотвореній. Что же касается до источника *ἐκ τοῦ ἔκποθεν*, то, по тѣсной связи этой стороны дѣла съ вопросомъ о томъ, какъ смотрѣлъ св. Григорій на античное классическое образованіе и античныхъ авторовъ, считаемъ здѣсь не лишнимъ остановиться нѣсколько на томъ, какъ и въ какой мѣрѣ св. Григорій пользовался древне-классическими писателями въ своихъ сочиненіяхъ.

Въ циклѣ академическихъ наукъ, изученіемъ которыхъ Григорій завершилъ въ Аѳинахъ свое высшее классическое образованіе, преобладающее значеніе имѣли философія и поэзія. Естественно, по этому, что изъ всѣхъ древнихъ писателей самое сильное влияніе на Григорія имѣли философы

(1) Стихотвор. XXXV, стр. 1121.

и поэты, съ многочисленными выдержками и цитатами изъ которыхъ встрѣчасься у него не только въ поэтическихъ сочиненіяхъ, но и въ проповѣдяхъ даже. Изъ древнихъ философовъ преимущественнымъ вниманіемъ Григорія пользовался Платонъ. Явное сочувствіе св. Григорія Богослова этому великому поэту-мыслителю, какъ извѣстно, дало поводъ многимъ западнымъ ученымъ усматривать въ нѣкоторыхъ пунктахъ догматическаго ученія нашего Отца Церкви слѣды подражательности философской системѣ Платона. Съ увлеченіемъ этой идеей связаны въ западной богословской наукѣ весьма авторитетныя имена. Но къ чести этой науки слѣдуетъ замѣтить, что она же выдвинула противъ этихъ авторитетныхъ представителей помянутаго воззрѣнія и вполне достойныхъ ихъ оппонентовъ (1). Однимъ изъ крупныхъ и наиболѣе извѣстныхъ въ нашей русской богословской наукѣ сторонниковъ зависимости Григорія, какъ догматиста, отъ Платона можно считать Ульмана, Гейдельбергскаго профессора богословія въ первой четверти нашего столѣтія. Въ своей, во многихъ отношеніяхъ, дѣльной и, какъ специальный трудъ, единственной монографіи: („Gregorius von Nazianz, der Theologe“ etc. 1825, Darmstadt), этотъ „умный и добрый пѣмецъ“, какъ называетъ Ульмана высокоцреосв. Филаретъ (Ист. Учен. объ Отцахъ церкви т. 2, стр. 176), позволяетъ себѣ „отказывать св. Григорію, какъ догматисту, въ оригинальности“ (Wir sprechen unserem Gregorius als Dogmatiker Originalität ab“, стр. 304), ставя его догматическое вѣроученіе въ тѣсную связь съ философіей Платона. Противъ этого мнѣнія Ульмана выступилъ тонкій изслѣдователь догматическаго ученія св. Григорія Богослова, Гергенрөтеръ (Hergenröther, Die Lehre von der göttlichen Dreieinigkeit, S. 11, Anm.). Въ опроверженіе Ульмана онъ ссылается на 27 слово Григорія (противъ Евноміана и о богословіи первое), въ которомъ Св. Отецъ смѣется надъ Платоновыми „идеями, переселеніями и круговращеніями нашихъ душъ, припамятованіями и вовсе не прекрасной любовью къ душѣ ради пре-

(1) Объ отношеніи Григорія, какъ и др. отцевъ церкви, къ Платону, кратко, но, весьма отчетливо говоритъ *Вернеръ* (C. Werner) въ своей: „Geschichte der apologet. und polemischen Literatur der christl. Theologie“; B. V, S. 33 и д.

краснаго тѣла“ (1), и на слово 32, въ которомъ Богословъ, подвергая суду своей критики вымыслы и софизмы древнихъ философовъ, съ прискорбіемъ упоминаетъ и о „Платоновыхъ красноглагольствахъ, которыя, подобно египетскимъ язvamъ, ко вреду вкрались въ нашу церковь“ (2). Эти мѣста, конечно, съ достаточною ясностью обнаруживаютъ заблужденіе Ульмана. Но чтобы правильно и безпристрастно судить о томъ, какъ смотрѣлъ св. Григорій на Платона и какъ относился къ нему литературно, недостаточно для этого сослаться только на вышеприведенныя отдѣльныя цитаты изъ проповѣдей св. Отца, опуская совсѣмъ стихотворенія его, какъ это сдѣлалъ Гергенрѣтеръ. При сопоставленіи этихъ выдержекъ съ различными мѣстами изъ стихотвореній св. Григорія, касающимися Платона и его сочиненій, не трудно понять, что упреки Григорія Платону, выражаемые въ цитруемыхъ Гергенрѣтеромъ мѣстахъ изъ проповѣдей нашего отца, относятся только къ нѣкоторымъ извѣстнымъ отдѣламъ его ученія, но не ко всей безразбору философіи его, не ко всѣмъ безразлично мыслямъ его. Въ стихотвореніяхъ своихъ св. Григорій гораздо мягче выражается о Платонѣ, гораздо благосклоннѣе отзывастся о его философіи, а иногда и прямо говорить о немъ съ величайшею похвалою. Такъ, въ поэмѣ: „О добродѣтели“ онъ называетъ Платона *βορῶτα-τον ἀνδρῶν* (3), а языкъ его — „медоточивымъ“ (4). Согласно общему воззрѣнію своему на языческую философію и словесность, какъ „на обильный садъ, который вмѣстѣ съ сорной травой и растеніями, годными только въ огонь, заключаетъ въ себѣ много и прекрасныхъ цвѣтовъ, способныхъ служить украшеніемъ церкви“, онъ и въ ученіи Платона одно осуждаетъ, другому сочувствуетъ. Въ стихотвореніи, напр., „О мірѣ“ онъ, отвергая Платоново *ἕλην*, въ ученіи о происхожденіи міра, пользуется, нѣкоторымъ образомъ его „идеями“ въ изложеніи чисто христіанскаго воззрѣнія на тотъ же предметъ. Задаваясь здѣсь, между прочимъ, вопро-

(1) По рус. п. III т. стр. 15.

(2) Ibid. стр. 157.

(3) 1, s. 2; № X, v. 306.

(4) Ibidem, v. 43.

сомъ— „чѣмъ занята была Божія мысль прежде нежели Всевышній, царствуя въ пустотѣ вѣковъ, создалъ вселенную и украсилъ формами?“—рѣшаетъ: „Она созерцала возжелѣнную свѣтлость Своея доброты..... Мірородный умъ разсматривалъ также въ великихъ Своихъ умопредставленіяхъ *Имъ же составленные образы міра, который произведенъ отъ послѣдствіи*“ (1)...

Далѣе, поэтъ называетъ человѣка „*χόβιον ἐν μικρῷ μευαν*“—выраженіемъ, заимствованнымъ изъ „Тимея“ Платона. Стихотвореніе XLVII (Lib. II, Sec. I: „Противъ неразумныхъ стремленій души“; по р. п. V т., стр. 22) цѣликомъ все основано на извѣстной сентенціи Платона, что душа человѣческая, нѣкоторымъ образомъ, подобна тройкѣ, состоящей изъ неодинаковыхъ лошадей: благородной (*εὐγενεῖ*), неукротимой (*ἀτακτῶ*) и кроткой (*ῥυμῆρω*), возницей или правчимъ которыхъ состоитъ разумъ (*τὸ λογικόν*) (2).

Гораздо сильнѣе и замѣтнѣе отражается въ сочиненіяхъ св. Григорія вліяніе на него древне-классическихъ поэтовъ. Онъ вводитъ ихъ художественно литературные приемы и формы въ свое проповѣдническое краснорѣчіе; онъ любитъ освѣщать выдержками изъ стихотвореній ихъ свое остроуміе въ письмахъ; онъ пользуется живописнѣйшими картинами и образами ихъ, со всею свѣжестью чисто эллинскаго эстетическаго вкуса, въ своихъ стихотвореніяхъ. Онъ пользуется въ нихъ не только литературными формами и идіомами художественнаго языка ихъ, окрашивающими въ античный поэтическій колоритъ внѣшнюю сторону стихотвореній его, но и нерѣдко самыми мифологическими (3) выраженіями ихъ,

(1) I, s. I, № IV, vv. 60—64, 67; по р. п. IV т., 228—9 стр.

(2) Lib. I, s. II, № XV, vv. 141—2.

(3) Обладая прекраснымъ знакомствомъ съ греч. поэтической литературой, онъ любитъ олицетворять въ мифологическихъ именахъ ея отвлеченныя понятія добродѣтели и порока, нерѣдко нарицательныя названія различныхъ случаевъ изъ обыденной жизни. Такъ, «справедливость» замѣняется у него часто «*Фемидой*» (L, II, s. II, № XLII, v. 4; по р. п. V т., 348 стр.), «несчастье» или «несчастливая участь» — «*Эринной*» (Ib. № III, v. 228; по р. п. V т., 300 стр.); «война» олицетворяется въ «*Арсе*» (II, s. 1, № LI, v. 9; по р. п. V т. 21 стр.). вмѣсто «богатый столъ» выражаетъ

символами, пословицами и эпитетами, сообщающими его песамъ, въ извѣстномъ смыслѣ, внутреннее родство съ произведеніями классической поэзіи. Чаще всего встрѣчаешься у него съ именами Гомера, Гезіода, Пиндара, Эврипида, Θεογνίδα.

Нельзя, поэтому, не согласиться съ словами Эрнста Дронке (Dronke), что „Григорій беретъ у Гомера, Гезіода, Θεοκρίτα, Эврипида и др. не только слова, но и полустипхи и цѣлые стихи („*Gregorius ab Homero, Hesiodo, Theocrito, Euripide, aliis non solum vocabula, sed hemistichia et totos versus habet*“) (1). Но это еще не оправдываетъ замѣчанія Дронке, предпосылаемаго имъ выписанной нами цитатѣ, что „*Gregorius ut alii poetae christiani multus est imitando*“ (2). Пользоваться, хотя бы и широко, выдержками и цитатами, стихами и строфами изъ другихъ авторовъ далеко не значить еще подражать этимъ авторамъ. Всѣ или почти всѣ случаи, въ которыхъ христіанскій поэтъ цитуетъ классическихъ авторовъ, могутъ быть подведены подъ двѣ общія категоріи. Онъ пользуется этими цитатами или какъ иллюстраціей къ своимъ мыслямъ, когда эти послѣднія представляются въ какомъ-либо отношеніи сходными или параллельными съ цитуемыми мѣстами изъ древнихъ поэтовъ; или же—какъ матеріаломъ для своихъ критическихъ замѣчаній, когда его высшія христіанскія идеи и воззрѣнія, противопоставляемая поэтическимъ вымысламъ классической древности, даютъ поводъ показать внутреннюю несообразность и убожество послѣднихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ заимствования изъ классическихъ поэтовъ имѣли свое значеніе, главнымъ образомъ, въ виду того высокаго обаятельнаго авторитета и громадной популярности античныхъ классиковъ, какими пользовались они еще въ христіанскій вѣкъ св. Григорія. И такъ

ся: *«Алкиноса трапеза»* (Ibid. № II, v. 131; по р. п. V т. 83 стр.); встрѣчаются картины въ родѣ: *«эхо разноситъ послѣдніе слоги по высокимъ утесамъ, когда Панъ поетъ на горахъ пастушескія тѣни»* (Ibid. II, s. II, № III, vv: 207--9; по р. п. V т. 299 стр.), и т. п.

(1) De Niceta Davide et Zonara interpretibus carminum S. Gregorii Nazianzeni; Confluentibus, 1839, p. 11.

(2) Ibid.

какъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежало, безспорно, царю поэтовъ—Гомеру, за которымъ молодежь проводила въ то время дѣльные дни и ночи, то неудивительно, что Гомеру-же принадлежало и наибольшее сочувствіе св. Григорія, который самъ, навѣрно, по личному опыту, говорилъ о немъ, что „*Ὀμηρος ἐν ταῖς λύπαις τὰς ψυχὰς φαρμακεύει*“ (Гомеръ врачуетъ души въ скорбяхъ (¹)).

Къ двумъ поименованнымъ источникамъ стихотвореній Григорія Богослова, Св. Писанію и памятникамъ греческой литературы, пужно прибавить еще третій весьма важный источникъ, который заключался въ самомъ поэтѣ,—его долготѣнній и въ высокой степени плодотворный личный опытъ жизни. На этотъ источникъ поэтъ также указываетъ самъ непосредственно въ своихъ стихотвореніяхъ. „Великій Богъ обогатилъ меня знаніемъ небснаго и земнаго“, — говоритъ онъ въ стихотвореніи: „Къ Немезію“, — „у меня умъ, при озареніи великаго Духа изслѣдывая самыя глубины, паритъ выше всего“ (²). „Опытность свою простеръ я до такой степени, какая прилична только человѣку, который долго трудился“—говоритъ онъ въ другомъ стихотвореніи (³). Этотъ-то умудренный долготѣннимъ опытомъ жизни умъ и отличаетъ такъ выгодно всѣ почти его дидактическія стихотворенія и дѣлаетъ въ особенности драгоценными его превосходныя правила и наставленія жизни, которыя изложены въ его гномахъ. Последніе обвиняютъ одну сторону его „опытности“,—знаніе сердца человѣческаго и человѣческой жизни. Въ другихъ стихотвореніяхъ св. отецъ обнаруживаетъ необыкновенную наблюдательность и знаніе въ области внѣшней природы.

Что касается первой и высшей стороны его житейскаго опыта, его глубокаго пониманія сердца человѣческаго, его полнаго знанія людей и свѣта, на этомъ мы съ достаточной подробностью останавливались при самомъ разборѣ стихотвореній во всѣхъ ихъ родахъ и видахъ. Вопросъ же объ

(¹) Epist. LXX, стр. 63; по р. п. VI т., 63 письмо, стр. 174.

(²) Lib. II, s. II, № VII vv. 18—20; по р. п. V т. 256 стр.

(³) *Ἐμπειρίας μὲν εἰς τοσαῦτον ἤλασα,*

Ὅσον περ εἰκὸς τοὺς πονήσαντας μακρὰν;

(Lib. I, s. II, № X, vv: 164—2, стр. 421; по р. п. V т., 126 стр.).

отношеніи поэта къ внѣшней природѣ представляется намъ далеко не исчерпаннымъ въ нашемъ изслѣдованіи: при изложеніи содержанія стихотвореній, мы касались, такъ сказать, натурпоэзии св. Григорія только отрывочно и мимоходомъ; между тѣмъ, по степени интереса своего эта сторона поэтическихъ произведеній св. Григорія, характеристически отличающая поэтическую патуру его, заслуживаетъ, намъ думается, полного вниманія читателя. Позволимъ себѣ, поэтому, остановиться на ней съ отдѣльнымъ, хотя и краткимъ словомъ.

Не только стихотворенія св. Григорія, но и его проповѣди заключаютъ въ себѣ много превосходныхъ страницъ, обнаруживающихъ необыкновенно-теплую и симпатичную любовь поэта къ природѣ. Перемѣна четырехъ временъ года, прелести живописныхъ мѣстностей, образъ жизни звѣрей въ пустынныхъ мѣстахъ, инстинкты и привычки птицъ, свивающихъ гнѣзда въ рощахъ и садахъ, искусство и трудолюбіе пчель, слагающихъ соты по законамъ математики,—все это находитъ у него старательное и въ высшей степени живописное поэтическое изображеніе.

Раскрывая предъ взорами слушателей царство видимыхъ тварей, на которыхъ печатлѣтся премудрость Божія, непостижимая для ограниченнаго мышленія, Григорій Богословъ останавливается на каждомъ изъ чудесъ, украшающихъ зрѣлище міра; предметы мірозданія даютъ блестящему воображенію его картины, въ изображеніи которыхъ краснорѣчіе проповѣдника принимаетъ полетъ и живые цвѣты поэзіи. Прекрасныя изображенія искрятся философскими размышленіями, блестятъ глубокимъ знаніемъ физики и естественной исторіи того времени. Бросивъ взглядъ на человѣка, на чудное устройство его членосостава, пробѣжавъ царство животныхъ и рыбъ, проповѣдникъ продолжаетъ: „Посмотрите на стаи птицъ и ихъ разнообразія, не только по виду, по и по цвѣту, какъ непѣвчихъ, такъ и пѣвчихъ. И какая причина ихъ сладкопѣнія, и отъ чего оно? Кто далъ стрекозѣ на грудь лиру или (другимъ) эти пѣсни на стебляхъ и стрекотанія, которыми онѣ, возбуждаемыя солнцемъ мусикійствовать полуденныя пѣсни, оглашаютъ лѣса и пѣснями сопровождаютъ путника? Кто научаетъ лебедя пѣнію, когда онъ, распустивъ крылья по вѣтру, составляетъ мѣрную пѣснь? Я не хочу уже говорить объ искусственныхъ голосахъ, и о

всемъ томъ, что изобрѣтають искусства по подражанію природѣ. Отъ чего павлинь, эта гордая мидійская птица, такъ любить красоту и честь (ибо и онъ чувствуетъ свою красоту); что если видить, что кто-нибудь къ нему подходитъ, или если захочетъ, какъ говорятъ, похвалиться своею красотою передъ женщинами, то, выгнувъ шею и распутивъ дугообразно златоблестящей и усѣянный звѣздами хвостъ, съ гордою выступкою показываетъ свою красоту любопытнымъ? Подивись естественному смыслу самыхъ безсловесныхъ, и, если можешь, объясни, какъ птицы вьютъ гнѣзда и среди камней, и на деревьяхъ, и на кровляхъ, не только безопасныя, но и красивыя и приспособленныя къ воспитанію птенцевъ? Откуда не только у пчель, но и у пауковъ такое трудолюбіе и искусство, что первыя воздѣлываютъ соты, составляя оныя изъ шестиугольныхъ и обращенныхъ одна на другую чашечекъ, и устрояють для себя жилище посредствомъ средней стѣпки и прямыхъ угловъ, примыкающихъ къ прямымъ сторонамъ, и при томъ въ столь темныхъ ульяхъ и невидимыми способами: а послѣдніе изъ столь топкихъ и почти воздушныхъ, многоразличнымъ образомъ расположенныхъ, нитей вытыкають многосложныя ткани, и притомъ изъ невидимыхъ веществъ, не только для пріятнаго жилища, но вмѣстѣ и для уловленія слабѣйшихъ (насъкомыхъ) для употребленія въ пищу? Какой Эвклидъ, мудрствующій о несуществующихъ линіяхъ и трудящійся надъ доказательствами, сдѣлалъ что подобное? Какой Паламедъ подражалъ стройнымъ движеніямъ и положеніямъ журавлей и ихъ, какъ говорятъ, ученіямъ, когда они въ порядѣ и разнообразно движутся во время летанія? Какіе Фидіи, Зевкисы, Полипты, или Паррасіи и Аглафонты, превосходно умѣющіе рисовать и ваять прекрасныя произведенія? Какой Кносскій хорт Дедала, сдѣланный съ чрезвычайнымъ изяществомъ и соотвѣтствующій нимфѣ? Или Критскій и, говоря языкомъ поэзіи, неудобораспутываемый, и, по хитрости искусства, часто самъ съ собою встрѣчающійся лабиринтъ? Умалчиваю о муравьиныхъ кладовыхъ и расходчикахъ, также о запасѣ ими пищи, соразмѣрномъ времени, и обо всемъ прочемъ, что рассказываютъ объ ихъ путешествіяхъ, вожатыхъ и порядкѣ въ дѣлахъ“. Проповѣдникъ протекъ мыслію землю и воды, и требуетъ, чтобы слушатель на крыльяхъ ума вознесся на воздухъ. „Кто разлилъ воздухъ, говоритъ онъ, это вели-

кое и изобильное богатство, не раздаваемое по мѣрѣ достоинствъ, или счастья, не ограничиваемое предѣлами, не раздѣляемое по возрастамъ, но получаемое, подобно маннѣ, сколько кому нужно, и для всѣхъ равно драгоценное, эту колесницу пернатыхъ, это сѣдалище вѣтровъ, это вмѣстилище благовременныхъ перемѣнъ по временамъ года, это дыханіе животныхъ, или лучше, сохраненіе души въ тѣлѣ,—воздухъ, въ которомъ (живутъ) тѣла, которымъ (проходитъ) слово и въ которомъ—свѣтъ и освѣщаемое, а равно и протекающее чрезъ него зрѣніе? ... (1)

Къ художественно-поэтическимъ мѣстамъ заимствованнымъ проповѣдникомъ изъ созерцанія вѣшней природы, отнеситя, на примѣръ, изображеніе волнующагося моря (въ 26 словѣ; II т. 299 стр.), или прелестное описаніе весны (въ словѣ на новую недѣлю; IV т. 149—151 стр.), при наступленіи которой св. Григорій рисуеъ слѣдующую картину природы.

„Все прекрасно стекается къ торжеству и сорадуется. Смотрите—какое чудное, восхитительное зрѣлище! Царица годовыхъ временъ исходитъ во срѣщеніе царицѣ дней, и припоситъ отъ себя въ даръ все, что есть прекраснѣйшаго и пріятнѣйшаго. Нынѣ небо прозрачно; нынѣ солнце выше и златовиднѣе, нынѣ кругъ луны свѣтлѣе и сонмъ звѣздъ чаще. Нынѣ вступаютъ въ примиреніе волны съ берегами, облака съ солнцемъ, вѣтры съ воздухомъ, земля съ растеніями, растенія со взорами. Нынѣ источники струятся прозрачнѣе, нынѣ рѣки текутъ обильнѣе, разрѣшившись отъ зимнихъ узъ; лугъ благоухаетъ, растеніе цвѣтетъ, трава поскрывается и агнцы скачутъ на злчныхъ поляхъ. Уже корабль выводится изъ пристани съ криками восторга и оживленія, и окриляется парусомъ; дельфинъ, съ возможнымъ удовольствіемъ переводя дыханіе и поднимаясь наверхъ, играетъ около корабля и неутомимо сопровождаетъ пловцевъ. Уже земледѣлецъ водружаетъ въ землю плугъ, возводя взоръ горѣ и призывая въ помощь Подателя плодовъ; уже ведетъ онъ подъ ярмо вола — оратая, нарѣзываетъ пышную борозду, и веселится надеждами. Уже пасущіе овецъ и воловъ настрои-

(1) Цитата эта заимствована изъ анализа пяти словъ о Богословіи св. Григорія въ «Маякѣ» за 1844 г. ч. XXII, стр. 68—69.

вають свирѣли, наигрываютъ пастушескую пѣснь, и встрѣчаютъ весну подъ деревьями и на утесахъ; уже садовникъ ухаживаетъ за деревьями; птицеловъ заготавливаетъ клетки, осматриваетъ лучки, замѣчаетъ полетъ птицъ; рыболовъ всматривается въ глубины, очищаетъ сѣти, и сидитъ на камняхъ. Уже трудолюбивая пчела, расправивъ крылья и оставивъ улей, показываетъ свою мудрость, летаетъ по дугамъ, собираетъ добычу съ цвѣтовъ, и иная обдѣлываетъ соты, переплетая шестиугольныя и одна на другую опрокинутыя чашечки, и смыкая ихъ попеременно, то прямо, то подъ угломъ, вмѣстѣ для красоты и для прочности; а иная складываетъ медъ въ эти хранилища, и воздѣлываетъ для пришлаго гостя сладкій и безъ плуга возвращенный плодъ. Уже птица вьетъ себѣ гнѣздо; одна прилетаетъ въ него временно, другая живетъ въ немъ постоянно, а иная летаетъ вокругъ, оглашаетъ лѣсъ и какъ бы разговариваетъ съ человѣкомъ. Все воспѣваетъ Бога и славить Его безсловесными гласами“.

Вмѣстѣ съ пѣжнымъ чувствомъ любви къ природѣ св. Григорій обнаруживаетъ основательное и весьма подробное знакомство со всѣми царствами ся. Изъ проповѣдей сего любопытно въ этомъ отношеніи 28-е слово (т. III, стр. 40—43), въ которомъ онъ долго и съ любовнымъ стараніемъ останавливаетъ вниманіе читателя на „природѣ, образѣ рожденія и воспитанія, мѣстопребыванія, нравахъ и какъ бы законахъ общежитія“ животныхъ (1).

Гораздо больше простора для выраженія своихъ симпатій къ красотамъ природы и своей наблюдательности надъ нею отводитъ св. Григорій въ своихъ стихотвореніяхъ. Эти произведенія даютъ полное основаніе утверждать, что, впуская одному изъ юношей изучать „*ἑρῶτων χθονίων τε καὶ εἰναλίων... οὐρανίων τε*—природу вещей и воздушныхъ, и земныхъ, и морскихъ, и небесныхъ (II кн. II отд. стихотвор. IV, ст. 72) поэтъ самъ служилъ превосходнымъ образцомъ физическихъ знаній. Въ одномъ изъ стихотвореній своихъ (2) онъ самъ указываетъ и на источники своего естествознанія, раздѣляя ихъ на три класса: 1) самоличную наблюдатель-

(1) Т. III, стр. 40—43.

(2) Кн. I, отд. II, стихотвор. II, ст. 591—92; стр. 373.

пость, 2) книги и 3) устное преданіе. Обширныя познанія, пріобрѣтенныя изъ этихъ источниковъ, служатъ поэту прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ въ аналогіяхъ и параллельныхъ сближеніяхъ, въ живыхъ примѣрахъ и сравненіяхъ, въ художественныхъ картинахъ и поэтическихъ описаніяхъ. Мы уже видѣли, рассматривая элегію „О малодѣльности ви́шняго человѣка и о суетѣ настоящаго“, какимъ богатствомъ сравненій изъ ви́шней природы пользуется св. Григорій, развивая здѣсь мысль Гомера (¹), что „нѣтъ ничего пемощнѣе человѣка“ и что люди—„ничего не значащія однопдневныя твари, напрасно поднимающія высоко брови“. Въ другомъ стихотвореніи, внушая цѣломудріе и умѣренность въ супружескихъ наслажденіяхъ, св. Григорій находитъ много поучительныхъ примѣровъ цѣломудреннаго воздержанія у неразумныхъ представителей природы.

„Слышу, что пернатая горлица, по смерти своего милаго горлика, изъ цѣломудренной любви къ раздѣлявшемуся ложу, не принимаетъ къ себѣ въ гнѣздо другаго супруга. Мудрая птица!.. Болтлива сѣроперая ворона, но и она живетъ вѣрною юношеской любви, и когда потеряетъ милаго супруга, пенавидитъ всякаго мужа. И у морскихъ рыбъ есть свой законъ; немпогія не знаютъ никакихъ уставовъ касательно брака, многія же заботятся о цѣломудріи и брачнаго ложа и своей супруги. И здѣсь имѣютъ силу права. Иныя не домогаются имѣть болѣе одного плода. Иныя же предаются наслажденіямъ любви только въ весеннее время. Сама природа положила мѣру вожделѣніямъ. А время нѣжной любви опредѣлено для всѣхъ живыхъ тварей, и воздушныхъ, и водяныхъ, и тѣхъ, которыя ходятъ по сушѣ. Далѣе срока не питаютъ они въ себѣ вожделѣній; въ самомъ безуміи страсти связаны благовременностію, когда возбуждаетъ ихъ къ тому весна. И однѣ сбѣгаются кучами для исполненія супружескихъ дѣлъ; у другихъ же соблюдается постоянная привязанность къ милымъ супругамъ, и хранится законъ любви; а нѣкоторымъ достаточно одинъ разъ въ жизни родить дѣтей..... А если и у неразумныхъ есть нѣкоторая заботливость о цѣломудріи; то ужели ты, Божіе созданіе, не

(¹) Одис. 18, 130.

свяжешь всѣхъ законовъ плоти, если захочешь“ (1)? Переходя, далѣе, отъ частной мысли о воздержаніи въ сферѣ половыхъ влеченій къ общей мысли о власти человѣка вообще надъ беспорядочными животными инстинктами, достигаемой цѣлесообразнымъ воспитаніемъ и укрѣпленіемъ силы воли, поэтъ пристыжаетъ защитниковъ естественности и необходимости подобныхъ инстинктовъ примѣрами животныхъ, у которыхъ искусство препобѣждаетъ самую природу.

„Скворцы говорятъ подобно человѣку, подражая чужому голосу, который они перенили, видя въ зеркалѣ изображеніе изъ дерева выточенного скворца, и слыша человѣчскій голосъ промышленника, спрятавшагося за зеркаломъ. И воронъ также крадетъ звуки у человѣка. А когда нарядный и кривоносый попугай въ своемъ рѣшетчатомъ домѣ заговорить по-человѣчески, тогда онъ обманываетъ даже слухъ самаго человѣка. Конямъ вѣшаютъ канаты, и поверхъ ихъ ходятъ кони. Степенный медвѣдь ходитъ на заднихъ ногахъ, и, какъ умный судья, засѣдая на судейскомъ мѣстѣ, держитъ въ лапахъ, можно подумать, вѣсы правосудія; и звѣрь представляется одареннымъ умомъ. Человѣкъ научилъ его тому, чему не научила природа. Видалъ я также укротителя звѣрей, который сидитъ на хребтѣ у могучаго льва и рукой укрощаетъ силу звѣря. Онъ держитъ бразды, а бѣгущій левъ, забывъ свою ярость, повинуется господину и ласкается къ нему. Видѣлъ я также тяжелаго и великорослаго звѣря съ большими зубами; мальчикъ Индѣ сидитъ на немъ, и небольшимъ хлыстикомъ заставляетъ его идти, какъ корабль поворачивая туда и сюда тѣло сильнаго слона. Безстрашенъ былъ тотъ, кто первый умыслилъ укротить звѣря, паложилъ ему на выю ярмо и повезъ огромную колесницу.

Но ты звѣрямъ приписываешь больше, нежели человѣку, если соглашаешься, что принужденіе препобѣдило природу въ звѣряхъ, а люди не могутъ быть обучены добру, имѣя даже у себя помощникомъ слово“ (2).

(1) Стихотвор. II, ст. 536—559; по р. н. V т. 99—100 стр.

(2) Стихотвор. II, ст. 620—644; стр. 375; по р. н. 102—103 стр.

Возводя законъ любви родителей къ дѣтямъ въ общій законъ природы, св. Григорій онагличиваетъ эту мысль слѣдующими примѣрами.

„И у сильной коровы скачущій телець упираетъ головою въ сосцы, и она, по сладостной необходимости, переноситъ это безпокойство. И птица надъ милымъ гнѣздомъ, вокругъ поперившихся птенцовъ, не даетъ крыльямъ покоя, туда и сюда за кормомъ пархаетъ эта тощая и давно не ѣвшая кормилица. И родителей и дѣтей связала природа узами любви, пріискавъ то врачество для родителей, что тяжелыя скорби облегчаютъ они усладою любви. Поэтому и разсерженная мать за юную телицу, и собака за милыхъ ей щенятъ, и птица за птенцовъ, объявляютъ страшную войну; пестрая рысь съ яростію бросается изъ древесной чащи; сильный вепрь приходитъ въ бѣшенство; лѣсомъ встаетъ у него щетина, сверкаютъ глаза, парь валитъ отъ зубовъ, изощряемыхъ одинъ о другой, и челюсти пѣною брызжутъ, когда идетъ онъ отмстить за дѣтей, или встрѣтить смерть. Это внушаетъ имъ горячая любовь по незаученымъ законамъ. Осы, сидя на камняхъ, какъ скоро видятъ, что приближается кто нибудь, хотя и не замышлявшій зла поворожденнымъ ихъ дѣтямъ, всѣмъ ополченіемъ высыпаютъ вдругъ изъ камней, шумятъ предъ лицомъ у путника, и поражаютъ его немилосердными жалами. И въ морскихъ глубинахъ есть законъ любви, если справедливо рассказываемое о дельфинѣ, этомъ царѣ обитателей моря. Если какой-нибудь морской звѣрь приближается къ его неукрѣпившимся еще въ силахъ дѣтищамъ; дельфинъ расширяетъ свой зѣвъ, и какъ спѣдь пожирая собственное порожденіе, прячетъ его въ своей внутренности, чтобы не дать въ добычу звѣрю, и дотолѣ не изрыгаетъ изъ себя этого невѣроятнаго бремени, пока не избѣгнетъ страшной угрозы могучаго врага; тогда только безъ мукъ рожденія возвращаетъ изъ утробы свой плодъ“ (1).

Любопытно, что тѣ свѣдѣнія изъ области внѣшней природы, которыя являются у св. Григорія какъ результатъ собственныхъ его наблюденій, гораздо состоятельнѣе въ естественномъ - научномъ отношеніи, нежели тѣ, которыя почерп-

---

(1) Кн. II, отд. II, стихотвор. IV, стихи: 6—34; стр. 1037; по р. п. V т. 271—272 стр.

путы имъ изъ двухъ другихъ упоминаемыхъ имъ источниковъ — книгъ и устнаго преданія. Въ слѣдующей, напри- мѣръ, превосходной поэтической страничкѣ всякій можетъ подмѣтить нѣкоторыя фальшивыя детали, заимствованныя, очевидно, изъ древне греческой литературы.

„Вчера, сокрушенный своими скорбями, сидѣлъ я одинъ, вдали отъ людей, въ тѣнистой рошѣ, и терзался сердцемъ. Въ страдающихъ люблю я такое врачество, и охотно бесѣдную насидѣть съ своимъ сердцемъ. Вѣтерки жужжали и, вмѣстѣ съ поющими птицами, съ древесныхъ вѣтвей ниспосылали добрый сонъ даже и слишкомъ изнеможенному духомъ. А на деревьяхъ, любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики изъ музыкальныхъ гортаней оглашали весь лѣсъ своимъ щебетаньемъ. Неподалеку была прохладная вода, и тихо струясь по увлажненной ею рошѣ, омывала мои ноги. Но мною такъ же сильно, какъ и прежде, владѣла скорбь. Ничто окружающее не развлекало меня; потому что мысль, когда обременена горестями, нигдѣ ни хочетъ встрѣтить утѣшенія“ (¹).
Обращаютъ на себя вниманіе здѣсь слова поэта: „А на деревьяхъ любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики, изъ музыкальныхъ гортаней оглашали весь лѣсъ своимъ щебетаніемъ“. Здѣсь въ отношеніи къ насѣкомому *τέττιξ* св. отецъ допускаетъ двойную погрѣшность. Во первыхъ, кузнечики не живутъ и не щебечатъ на деревьяхъ, а живутъ только въ травѣ. Отъ этого внѣшняго признака, характеризующаго ихъ мѣсто и образъ передвиженій, заимствовано и самое названіе ихъ на западно-европейскихъ языкахъ; на нѣмецкомъ—*Gras-hüpfer*, буквально: травяной скакунъ, прыгунъ; называется еще: *Heupferdchen* или *Graspferd*, травяная кобылка; совершенно равнозначительна его англійская этимологія: *Grasshopper* (травяная кобылка); на французскомъ *Sauterelle*—скакунъ, прыгунъ. Во вторыхъ, кузнечики издають звукъ не „изъ музыкальныхъ гортаней“ (*στηθομελεῖς*), а трещатъ посредствомъ ударенія крылышекъ одно о другое (не отсюда ли и русское названіе этого насѣкомаго „кузнечикомъ“?). Св. Григорій раздѣляетъ ошибку древнихъ поэтовъ (Гомера, Гезіода, Анакреона и др.), представлявшихъ

(¹) Кн. I. отд. II, стихотвор. XIV; ст. 1—14; стр. 469; по р. II. IV т. 258 стр.

кузнечика поющимъ на уединенныхъ деревьяхъ и кустахъ и заимствовавшихъ отъ него прекрасныя сравненія. Лучше всего это можно видѣть изъ стихотворенія Апакреона „*Εἰς τέρτυγα*“, переведеннаго на русскій языкъ Гнѣдичемъ, подъ заглавіемъ:

„Кузнечикъ“.

О счастливецъ, о кузнечикъ,
На деревьяхъ на высокихъ
 Каплетю росы напѣшься
 И какъ царь ты распѣвасшь.
 Все твое, на что ни взглянешь,
 Что въ поляхъ цвѣтетъ широкихъ,
 Что въ лѣсахъ растетъ зеленыхъ.
 Другъ смиренный земледѣльцевъ,
 Ты ничѣмъ ихъ не обидеши;
 Ты пріятель челоуѣкамъ,
 Лѣта сладостный предвѣстникъ,
 Музамъ чистымъ ты любезенъ,
 Ты любезенъ Аполлону:
 Даръ его—*твой звонкій голосъ.*
 Ты и старости не знаешь,
 О мудрецъ, всегда поющій,
 Сытъ, жилецъ земли невинный,
 Безболѣзненный, безкровный,
 Ты почти богамъ подобенъ!

Русскій переводчикъ передалъ греческое *λαλαγειν*-*τε* словомъ *щебетать*, что употребляется только въ при-
 мѣненіи къ птицамъ, вмѣсто—издавать звукъ, трещать, стрекотать.

Впрочемъ, мы разсматриваемъ св. Григорія какъ поэта, а не какъ натуралиста. Для насъ не важны ошибки его въ широкой области естественныхъ наукъ, современный ему уровень которыхъ не превышалъ, очевидно, знаній по этимъ предметамъ древнихъ. Не важно для насъ то, что „восходъ“ и „заходъ“ солнца у него не метафоры языка, а астрономическія аксіомы (III т. 49 стр.), что земля „стоитъ твердо и неуклонно“ (ib. 44) „и только тѣмъ не представляется неподвижной, у которыхъ кружится голова, подобно тому, какъ пьянымъ не кажется, что трезвые — трезвы, а не на

головѣ ходять и вертятся“ (ib. 207). Мы отмѣчаемъ только богатство его поэтической фантазіи въ этихъ астрономическихъ воззрѣніяхъ его, по своему рѣшающей вопросы — „что значить это прибавленіе и убавленіе дней и почей, это равенство въ неравенствѣ? Какъ солнце — прекрасное, какъ женихъ, быстрое и великое, какъ исполинъ—производить и раздѣляеть времена года, которыя чинно приближаются и удаляются, и будто въ хороводѣ другъ съ другомъ то сходятся, то расходятся, сходятся по закону любви, расходятся по закону благочинія, даже постепенно между собою сливаются, и непримѣтно приближаются, подобно пастушающимъ днямъ и почамъ, чтобы внезапно своею не произвести скорбнаго ощущенія“ (III, 49). Если здѣсь больше поэзіи, чѣмъ реальной истины, за то какую дивною гармоніей между тою и другою отличаются въ другихъ случаяхъ сравненія поэта, заимствованныя изъ той же астрономической области! Какую великолѣпную картиной, на примѣръ, начинается опъ свое стихотвореніе „*Περὶ νοεῶν οὐραῶν*“: „Какъ солнечный лучъ изъ безоблачнаго неба, встрѣтившись съ видимыми еще отражающими его облаками, изъ которыхъ идетъ дождь, распространяеть многоцвѣтную радугу, и весь окружающій эфиръ блестяеть непрерывными и постепенно слабѣющими кругами“ (1).. etc.

Вообще заслуга св. Григорія Назіанзіпа въ данномъ отношеніи та, что онъ не только первый изъ христіанскихъ писателей положилъ начало поэтическому изображенію внѣшней природы стихами, но и далъ художественнѣйшіе образцы этого изображенія въ родѣ, на примѣръ, стихотворенія: „*Περὶ τῆς ἀνδροπίνης φύσεως*“.

Метрическая сторона стихотвореній св. Григорія.

Поэтическая природа стихотворенія, какъ произведенія искусства, слагается изъ двухъ органически связанныхъ и взаимно проникающихъ другъ-друга элементовъ: внутренняго—содержанія, и внѣшняго—формы. Внѣшняя, техническо-

(1) Кн. I, отд. I, стихотвор. VII, ст. 1—5; по р. и. IV г. 333 стр.

метрическая сторона стихотворенія, какъ продукта поэтическаго творчества, не есть ничто произвольное и механическое, а обуславливается законами симметріи и благозвучія, какъ то представляется художественному чутью поэта. При полной оцѣнкѣ художественныхъ достоинствъ стихотворенія формальная сторона его, поэтому, не можетъ и не должна быть оставляема безъ вниманія.

Въ метрическомъ отношеніи стихотворенія св. Григорія, вообще говоря, не обнаруживаютъ оригинальности. Но эта особенность, или, вѣрнѣе сказать, отсутствіе этой особенности въ стихотвореніяхъ его не только ничего не отнимаетъ отъ ихъ поэтическихъ достоинствъ, а, напротивъ, дѣлаетъ особенную честь художественному вкусу ихъ автора, ставитъ его въ исторіи греческой литературы въ преемственную и живую связь съ знаменитыми поэтами классической Греціи, и безспорно возвышаетъ его надъ всѣми современными ему поэтами, какъ языческими, такъ и христіанскими, какъ греческими, такъ и римскими, отличавшимися характерною склонностью къ метрическимъ ухищреніямъ и искусственности, подъ вліяніемъ превратныхъ теорій въ области греческой метрики александрійскихъ грамматиковъ. Древніе Греки изобрѣли такое удивительное множество самыхъ разнообразныхъ метровъ, системъ и строфъ, что едва ли возможно и нужно было еще прибавлять что-либо въ этомъ отношеніи. Но крайней мѣрѣ всѣ усилія и попытки въ этомъ направленіи поэтовъ и писателей уже со временъ Александра Великаго (330 г.), когда греческая метрика заканчиваетъ свое полное естественное развитіе, остаются совершенно безплоднымъ и напраснымъ трудомъ ⁽¹⁾.

---

(1) Оригинальность метрической формы не считалась необходимымъ условіемъ для поэтическаго творчества даже и въ классическую пору греческой поэзіи. Достаточно замѣтить, что имена изобрѣтателей у Грековъ самыхъ совершенныхъ и популярныхъ размѣровъ, не исключая и дактилическаго гекзаметра, оставшагося въ употребленіи до конца среднихъ вѣковъ, почти всѣ считаются вовсе неизвѣстными въ греческой литературѣ. Первоклассные же поэты классической Греціи, какъ Гомеръ, Гезіодъ, Эсхиль, Софокль, Эврипидъ и пр., наследуя по преемственности тотъ или другой размѣръ, не считали своимъ долгомъ переизобрѣтать его по своему или сочинять вмѣсто него новый, и такимъ

Наиупотребительнѣйшіе у греческихъ классиковъ размѣры, какими пользуется въ своихъ стихотвореніяхъ Григорій Назіанзинъ, при развитомъ вкусѣ древнихъ Грековъ и высокой законченности ихъ языка были, безспорно, и самыми совершенными метрами. Таковы: *дактилическій гекзаметръ*, *элегическое двустишіе*, *ямбическій триметръ* и, такъ называемый, *анакреонтическій размеръ* (*versus anacreonticus*).

Эти размѣры употребляются въ стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова почти съ тѣмъ же чутьемъ къ специфическому различію каждаго изъ нихъ и вкусомъ въ выборѣ между ними для того или другаго рода поэтическихъ произведеній, какимъ отличается метрика Грековъ классической эпохи до Александра Великаго. Нѣкоторое различіе въ метрическомъ отношеніи между Григоріемъ и древне-греческими поэтами замѣтно только въ особенномъ предпочтеніи св. Григоріемъ Назіанзинымъ *ямбическаго триметра* (*versus senarii*) предъ остальными перечисленными размѣрами, не исключая даже популярнѣйшаго въ древне греческой поэзи дактилическаго гекзаметра, и въ болѣе широкомъ примѣненіи имъ этого любимаго имъ и моднаго въ его время размѣра (ямбическаго триметра) къ различнымъ видамъ его поэтическихъ произведеній. Опъ является у него преобладающимъ размѣромъ и въ томъ родѣ поэзи, для котораго обыкновеннымъ размѣромъ въ лучшую пору древности былъ гекзаметръ, — разумѣемъ дидактическую поэзію. Самыми крупными и характерными примѣрами въ этомъ отношеніи могутъ служить стихотворенія у него: „*Περὶ τὸν ἑαυτοῦ βίον*“ (въ 1949 стиховъ) и „*Εἰς ἑαυτὸν καὶ περὶ ἐπιχόπων*“ (въ 836 стиховъ). Какимъ размѣромъ, въ частности, написано *каждое* стихотвореніе св. Григорія читатель можетъ найдти въ прилагасомъ нами въ концѣ сочиненія подробномъ и точномъ инвентарѣ стихотвореній Григорія. Здѣсь

образомъ производить реформу въ области метрическаго искусства. Они примѣняли наследованный размѣръ, за незначительнымъ, развѣ, видоизмѣненіемъ его въ частностяхъ, къ своимъ великимъ произведеніямъ, освящали его своимъ авторитетомъ, и, такимъ образомъ, дѣлали его—въ томъ или другомъ родѣ поэтическихъ произведеній—размѣромъ всей древности.

же считаемъ достаточнымъ показать только распредѣленіе стиховъ и стихотвореній по ихъ размѣрамъ въ общей ихъ сложности.

Изъ 408 стихотвореній (не считая трагедій) размѣромъ

- a) *гекзаметра* написано . 66;
- b) *элегическаго двустишія*. 235; —
- c) *ямбическаго триметра*. 102;
- d) *анакреонтическимъ* . . 5.

По количеству стиховъ, составляющихъ въ общей сложности 17,531 (безъ трагедій), метрическія цифровыя группы распредѣляются такимъ образомъ:

- a) *гекзаметрическихъ* стиховъ 5284;
- b) *элегическихъ*. . . — 3924;
- c) *ямбическихъ*. . . — 8147;
- d) *анакреонтическихъ* — 176.

Трагедія „*Χριστός Παθῶν*“, составляющая 409-е стихотвореніе и состоящая изъ 2151 стиха, написана размѣромъ ямбическаго триметра, и такимъ образомъ, со включеніемъ ея, общее число ямбическихъ стиховъ у Григорія Назіанзина возрастаетъ до 10,298.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Гренье, на книгу котораго мы не разъ ссылались въ своемъ сочиненіи и не мало приводили выдержекъ изъ нея, закапчиваетъ свои разсужденія о Григоріи Богословѣ слѣдующими словами:

„Въ этомъ человѣкѣ, стало-быть, (усматриваются)—два человѣка: христіанскій поэтъ и литераторъ четвертаго вѣка. Мы не дорожимъ вторымъ, который только и рекомендуетъ себя, что сомнительными проблесками ума, мы удивляемся, мы всею душою своею любимъ перваго, потому что намъ кажется, что мы обязаны ему пьесами самыми совершенными изъ христіанской литературы. Искренность движенія, натуральность плана, чистота вкуса, могущество стиля, вотъ заслуги, съ которыми онъ предстаетъ предъ нами; и для насъ св. Григорій Назіанзинъ идетъ впереди св. Августина, св. Василия, св. Амвросія и св. Іоанна Златоуста“ (1). Подражая Гренье, мы съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать о немъ самомъ, что изъ двухъ его положеній, которыми онъ резюмируетъ свою книгу о св. Григоріи, мы не придаемъ никакого значенія второму и всею душою своею присоединяемся къ первому.

Если сопоставить это заключеніе Гренье съ критическимъ взглядомъ на св. Григорія, какъ поэта, Ульмана, мы увидимъ странную противоположность въ воззрѣніяхъ ихъ на одинъ и тотъ же предметъ: Гдѣ французскій ученый видитъ „сомнительные проблески ума“ (*lueurs douteuses d'esprit*), тамъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ останавливается нѣмецкій критикъ и замѣчаетъ при этомъ, что на сколько

(1) *La vie et les poésies de saint Grégoire de Nazianze par A. Grenier, стр. 237—38.*

это почетно было для него какъ человѣка и богослова, на столько же не выгодно для него, какъ поэта („so ehrenvoll dieses für ihn als Menschen und Theologen ist, so unvortheilhaft war es für ihn als Dichter“) (1); а гдѣ тотъ же пѣмецкій критикъ, смотря на поэзію св. Григорія Богослова, какъ „болѣе на продуктъ рефлексіи, спокойнаго обсуждения, чѣмъ внутренняго поэтическо-творческаго побужденія, произвольно стремящагося къ обнаруженію“, видитъ „вмѣсто поэтическаго тона больше одни образы, тропы, украшенія и выпренныя выраженія, которыя онъ не кстати заимствовалъ весьма часто изъ другихъ поэтовъ“ (die er nur allzuoft aus andern Dichtern unpassend entlehnte) (2), тамъ французскій ученый восхищается искренностью движенія, натуральностью плапа, чистотою вкуса, могуществомъ стиля“. Съ довольно оригинальнымъ также взглядомъ на св. Григорія, какъ поэта, выступаетъ въ своей книгѣ, или, точнѣе, въ отдѣлѣ книги, посвященномъ поэзіи Григорія Богослова, и повѣйшій французскій ученый, аббатъ Монто. Основное возрѣніе его на св. Григорія, проходящее чрезъ весь подлежащій отдѣлъ его сочиненія, ясно формулировано уже въ самомъ концѣ отдѣла; оно представляется именно въ выводномъ заключеніи, что „Григорій былъ по природѣ поэтъ, но что онъ, къ сожалѣнію, никогда не изучалъ самой поэзіи и совсѣмъ чуждъ былъ теоретическаго идеала, который былъ необходимъ ему“ (3). Такъ что „въ душѣ своей онъ болше былъ поэтомъ, чѣмъ въ стихахъ своихъ“ (Il a été plus poète, que son système) (ibid.). Въ связи съ этимъ возрѣніемъ Монто высказываетъ здѣсь склонность раздѣлять отчасти мнѣніе Гресье, что Григорій не совсѣмъ свободенъ былъ отъ вліянія того превратнаго направленія современной ему риторической школы, характеристику котораго, здѣсь же

(1) Gregorius von Nazianz... etc. стр. 291.

(2) Ibidem, стр. 292.

(3) «Mais il n'a jamais étudié la poésie prise en elle-même, et l'idéal théorique, qui lui eût été nécessaire, n'est pas entré tout entier dans son esprit». — Revue critique de quelques questions historiques se rapportant à saint Grégoire de Nazianze et à son siècle. Par l'abbé Louis Montaut. Paris. 1878; Chapitre VII: Les poésies de saint Grégoire de Nazianze; стр. 216; сравн. стр. 204.

кратко набрасываемую Монто, мы уже приводили выше. На какихъ же пьесахъ св. Григорія болѣе замѣтно и болѣе невыгодно для него, какъ поэта, отразилось это вредное литературное направленіе? Оно, по мнѣнію Монто, естественно обнаружилось всего больше въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ собственно и должно было выступить въ противовѣсъ ему правильное теоретическое изученіе поэзіи, которымъ, однако, не обладать поэтъ, — именно, въ произведеніяхъ эпической композиціи, въ пьесахъ объективно-повѣствовательнаго характера, каковы, на примѣръ, его историческія пьесы.

„Поэма „О жизни своей“, на примѣръ, хотя и представляетъ, — говоритъ Монто — „нѣкоторыя страницы, гдѣ обнаруживается эпическій жанръ, но, какъ почти вездѣ въ подобныхъ произведеніяхъ, цѣль практическая вредитъ здѣсь цѣли эстетической“ (1). Упоминая о другомъ историческомъ стихотвореніи Назіанзина: „О себѣ самомъ и о епископахъ“, Монто находитъ умѣстнымъ сдѣлать здѣсь общее замѣчаніе, что „Богу не угодно было, чтобы поэтъ претендовалъ на роль Гомера въ стихотвореніяхъ о себѣ самомъ“ (2). Главная же сила Григорія, какъ поэта, заключается, по мнѣнію Монто, въ его прелестныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ. „Провидѣніе сдѣлало его счастливымъ соперникомъ греческаго искусства тамъ, гдѣ онъ самъ не думалъ быть имъ“ (3).

Въ частности, въ области этого „греческаго искусства“ Монто находитъ достойнаго соперника св. отцу въ Пиндарѣ; это ясно видно изъ 189 страницы его сочиненія, гдѣ онъ, сочувственно ссылаясь на отзывъ Вильмена (Villemain), сравниваго стихотворенія Григорія Богослова въ художественномъ отношеніи съ образцовыми произведеніями Пиндарическаго вдохновенія, выражается такъ: „Небу угодно было, чтобы св. Григорій возымѣлъ идею сообщить своимъ наиболѣе короткимъ поэтическимъ произведеніямъ эстетическое разнообразіе и искусное единство произведеній Пиндара“.

---

(1) Ibid. стр. 214.

(2) Ibid.

(3) «Providence l'avait fait le rival heureux de l'art grec là où il ne pensait pas l'être»; ibid., стр. 215.

Мы привели эти наиболѣе характерныя сужденія и отзывы о св. Григоріи, какъ поэтѣ, чтобы показать, что каждый изъ критиковъ его смотритъ на него съ своеобразной точки зрѣнія, и при этомъ нельзя упустить изъ вниманія того, что каждый изъ нихъ не совсѣмъ вѣренъ и выдержанно-последователенъ даже и своей собственной точкѣ зрѣнія на дѣло. Возьмемъ хоть автора „научныхъ вопросовъ о Григоріи“. Общая и основная точка зрѣнія его въ подлежащемъ отдѣлѣ этихъ „вопросовъ“ побуждаетъ его признавать св. Григорія поэтомъ лирическимъ. Выражая, однакоже, эту мысль и съ нѣкоторымъ восхищеніемъ отгѣняя ее сравненіемъ поэта съ первокласснымъ античнымъ лирикомъ, Монто не приводитъ при этомъ ни одного чисто лирическаго стихотворенія св. Григорія. Между тѣмъ какъ, вооружаясь противъ эпическихъ стихотвореній Григорія и именемъ Бога отказывая поэту здѣсь въ роли Гомера, Монто съ восторгомъ останавливается предъ двумя, вовсе не лучшими въ своемъ родѣ, эпическими поэмами: „Къ Немезію“ и „Къ Олимпіадѣ“, усматриваетъ въ нихъ „классическую композицію“ (196 стр.), называетъ ихъ „Poétique monument de direction antique“ (197 стр.) и *цѣликомъ*, дословно приводитъ ихъ здѣсь во французскомъ переводѣ; и нужно замѣтить, что такое вниманіе въ отношеніи этихъ двухъ поэмъ, не считая еще нѣкоторыхъ эпитафій, составляетъ исключеніе въ цѣлой характеристикѣ Григорія, какъ поэта.

Естественнымъ слѣдствіемъ научнаго знакомства съ такого рода критической литературой по предмету нашего сочиненія является вопросъ — чѣмъ объяснить эту разность въ воззрѣніяхъ критиковъ на Григорія—поэта, и какое значеніе могутъ имѣть эти разногласія критиковъ другъ съ другомъ и даже одного и того же автора съ самимъ собою при нашемъ личномъ сужденіи о томъ же предметѣ?

Эти разногласія въ отзывахъ о нашемъ поэтѣ мы ставимъ, во 1) въ причинную связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что отзывы эти, по крайней мѣрѣ бдльшая и самая невыгодная для поэта часть ихъ, были сдѣланы учеными еще по старымъ, далеко неполнымъ и критически несправнымъ изданіямъ стихотвореній св. отца, такъ какъ новое полнѣйшее и совершеннѣйшее изданіе ихъ, Кайльо, вышло только въ концѣ первой половины текущаго столѣтія. Мы положительнo только этимъ можемъ объяснить, наиримѣрь, ту страп-

ную несообразность въ книгѣ Ульмана, что онъ, смягчая свой жесткій приговоръ надъ поэтической дѣятельностію и поэтическими произведеніями св. Григорія Богослова замѣчаніемъ, что все же какъ по самой природѣ своей Григорій дѣйствительно обладалъ нѣкоторымъ поэтическимъ талантомъ (eine wirkliche... ..Dichterer in seinem Wesen lag; 291 стр.), такъ и между поэтическими произведеніями его есть „прекрасныя, глубокопрочувствованныя и дѣйствительно трогательныя мѣста“ (schöne, tief gefühlte und wirklich ergreifende Stellen),—что „отдѣльныя небольшія стихотворенія, которыя вылились изъ непосредственнаго одушевленія и исполнены чистаго чувства, могли бы удовлетворить и наиболѣе строгихъ цѣнителей“ (292 стр.), — оговариваясь такимъ образомъ, онъ подводитъ подъ эту исключительную рекомендацію только *шолы* и ни однимъ словомъ или намекомъ не упоминаетъ ни о гимнахъ, ни объ элегіяхъ—чисто лирическихъ стихотвореніяхъ св. отца, которыя скорѣе всего могли бы удовлетворить критика если не съ болѣе строгимъ, то съ болѣе серьезнымъ и болѣе развитымъ художественно поэтическимъ вкусомъ, чѣмъ Ульманъ. Это несообразное сужденіе его тѣмъ рѣзче бросается въ глаза всякому внимательному читателю его книги, что оно совсѣмъ не вяжется съ его же собственнымъ мнѣніемъ, упреждающимъ только на одну страницу это сужденіе, что, именно, въ стихотвореніяхъ Григорія Богослова уже потому нечего искать истинной поэзіи, что они всѣ почти служатъ сторонней для поэзіи цѣли — цѣли *моральной* (!) и *религіозной*. Естественно подумать послѣ этого, что морально дидактическія стихотворенія св. Григорія будутъ первой и самой жалкой жертвой отрицательной критики Ульмана. И вдругъ на слѣдующей же страницѣ книги эти-то самыя „*moralische Sprüche und inhaltreiche Lehrgedichte*“ оказываются самыми лучшими поэтическими произведеніями св. Григорія.

2) Разногласія во мнѣніяхъ о поэтическомъ талантѣ св. Григорія Богослова и противорѣчивыя сужденія о художественной цѣнности стихотвореній его, по нашему мнѣнію, зависятъ въ извѣстной степени и отъ того еще, что вся почти критическая литература о немъ, какъ поэтѣ, исчерпывается авторами, по роду и характеру ученыхъ занятій ихъ прямо не принадлежащими къ области литературы въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ своихъ трудахъ, посвященныхъ

изслѣдованію вопросовъ спеціально-богословскихъ (какъ напримѣръ сочиненіе Ульмана), или церковно-историческихъ (какъ изслѣдованія Монто, а тѣмъ болѣе—труды въ родѣ „Christliche Kirchengeschichte“ Маттія Шрекеа, Неандера и т. п.), эти ученые только вскользь и мимоходомъ заглядываютъ въ стихотворенія св. отца, или даже считаютъ для себя достаточнымъ ограничиться краткимъ обзоромъ однихъ историческихъ стихотвореній св. Григорія.

3) Наконецъ, разнородность сужденій о поэтической дѣятельности св. Григорія Назіанзина, намъ кажется, обусловливается въ значительной мѣрѣ самою новизною и оригинальною предмета ея. При отсутствіи спеціально-литературныхъ критическихъ работъ въ области христіанской художественной литературы, для сужденій о стихотвореніяхъ христіанскаго поэта стороннихъ спеціалистовъ нѣтъ ни устойчивой опоры для правильной и опредѣленной точки зрѣнія на нихъ, ни руководящей нормы или критеріума для критической оцѣнки ихъ спеціальныхъ достоинствъ. Мы видимъ, съ какимъ недоумѣніемъ и предубѣжденіемъ приступаетъ къ сужденію о поэзіи св. Григорія Ульманъ, по которому въ ней во 1) уже потому нѣтъ и не могло быть поэтической цѣнности, что она служитъ нравственной цѣли; во 2) потому, что св. Григорій уже въ глубокой старости и въ аскетическомъ уединеніи посвятилъ себя поэзіи (291 стр.). И если Гренъ рѣшается поставить св. Григорія, какъ поэта, выше Бл. Августина, Амвросія и Златоуста, то это—едвали не первый робкій шагъ христіанско-литературной критики, справедливо вносящей въ нее методъ сравненія.

Для насъ разнорѣчивыя и противорѣчивыя воззрѣнія на Григорія Богослова, какъ поэта, имѣютъ въ общемъ скорѣе положительное, чѣмъ отрицательное значеніе, какъ выраженіе того несомнѣннаго факта, что въ лицѣ св. Григорія Назіанзина критика имѣетъ дѣло съ необыкновеннымъ поэтическимъ талантомъ, достойнымъ, дѣйствительно, солидной критической литературы. Мы не прочь даже высказать въ видѣ общаго положенія замѣчаніе, что въ случаяхъ, подобныхъ данному, предметъ научнаго изслѣдованія всегда выше своей критики, произносящей надъ нимъ противоположные приговоры. И примѣрами подобныхъ случаевъ богата не одна только, въ тѣсномъ смыслѣ, литературная исторія. Если бы, напримѣръ, о св. Григоріи же мы поста-

вили темой сочиненія вопросъ изъ области болѣе благопріятной для изслѣдователя, болѣе разчищенной и гладкой,— вопросъ о Григоріи Назіанзинѣ, какъ проповѣдникѣ, мы и здѣсь, прямо на большой дорогѣ, въ такомъ капитальномъ трудѣ, какъ многотомная „christliche Kirchengeschichte“ Маттія Шрекке, повстрѣчались бы съ слѣдующими словами: „Въ новѣйшее время, правда, стихотворенія Григорія предпочитались его рѣчамъ и проповѣдямъ“ (Man hat wohl gar in den neuern Zeiten die Gedichte des Gregorius seinen Reden und Predigten vorgezogen etc.). Но хотя послѣднія и не представляютъ образцовыхъ произведеній въ своемъ родѣ (такъ какъ краспорѣчіе его не всегда слѣдуетъ тому пути, какой предначертываютъ природа и искусство, безъ нужды отступаетъ оно въ сторонніе или совсѣмъ посторонніе предметы, гремитъ, гдѣ нужно бы быть ему только краткимъ и назидательнымъ, слишкомъ изысканно и остроумно, или забываетъ иногда о своей главной цѣли), однако все же стихотвореніямъ его уже потому нельзя отдавать предпочтенія, что между ними есть много чисто прозаическихъ мѣстъ (¹)“. Выраженіе „wohl gar“ отгѣняетъ здѣсь свидѣтельство церковнаго историка о предпочтеніи стихотвореній св. Григорія проповѣдямъ его въ смыслѣ факта вовсе не безызвѣстнаго и во всякомъ случаѣ—не исключительнаго. А не забудемъ, что Шрекке жилъ за цѣлое столѣтіе раньше автора „Tableau de l'eloquence chretienne au IV-e siecle“, который свой горячій трактатъ о св. Григоріи Богословѣ заключаетъ словами: „Столь блестящій, столь красивый ораторъ уступилъ мѣсто мечтательному воздыхателю, но кто же эти искренніе звуки воздыханій, изливаемые стихотвореніями его, не предпочтеть проповѣдямъ его?“ (стр. 153). („L'orateur si brillant, si paré, a fait place au rêveur mélancolique; mais qui n'aimerait mieux que ses discours quelques uns des soupirs vrais exhalés dans ses vers“)?

Равнымъ образомъ и по самому, такъ сказать, центральному вопросу о св. Григоріи, по вопросу о немъ, какъ о Богословѣ, первый же Ульманъ выступаетъ въ своей книгѣ, какъ мы уже видѣли, съ оригинальнымъ мнѣніемъ о

(¹) Christliche Kirchengeschichte von Johann Matthias Schröckh, dreizehnter Theil; стр. 443—444.

мнимой несамостоятельности этого главнаго представителя догматическаго вѣроученія нашей православной церкви.

Но какъ въ этомъ послѣднемъ, богословскомъ, и въ предпослѣднемъ, церковно-проповѣдническомъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи поэтической дѣятельности св. Григорія Назіанзина, его *вліяніе* на современниковъ и позднѣйшихъ христіанскихъ писателей, вліяніе внутреннее, нравственно-воспитательное, и внѣшнее литературное, — представляютъ такой несокрушимый базисъ его заслугъ для церкви, который не пошатнуть усиліямъ критики, какъ бы ни были они количественно и качественно велики, и создало ему такой колоссальный памятникъ христіанской славы, который не затѣнитъ уже позднѣйшимъ вѣкамъ научно-богословской, ораторской и художественно-христіанской производительности.

Литературное вліяніе поэтическихъ произведеній св. Григорія сказалось уже весьма рано. Сократъ (ист. ц. VI, 8) и Созоменъ (ист. ц. VIII, 8) единогласно свидѣтельствуютъ, что Іоаннъ Златоустъ, только нѣсколькими годами позже св. Григорія вступившій на Константинопольскую кафедру, изъ обще распространенныхъ въ то время духовныхъ гимновъ выбралъ лучшіе и предназначилъ этотъ сборникъ для практическаго употребленія среди исповѣдниковъ православной вѣры. Шубахъ не сомнѣвается, ⁽¹⁾ что въ этомъ свидѣтельствѣ историки разумѣютъ гимны св. Григорія Богослова, и здѣсь же замѣчаетъ: „еще важнѣе то, что у смелныхъ Сиріянъ стихотворенія эти пользовались такимъ уваженіемъ, что перелагались на ихъ нарѣчіе; такое *versio siriaca* содержится въ ненапечатанномъ еще кодексѣ Ватиканской Библіотеки, № CV“.⁽²⁾ Гренъе, говоря о большомъ вліяніи въ христіанской литературѣ поэтическихъ произве-

---

⁽¹⁾ De b. patris Gregorii Nazianzeni Theologi carminibus commentatio patologica; scripsit Matth. Schubach; Confluentibus, 1871; стр. 3.

⁽²⁾ Ibidem, стр. 4. Объ этомъ переложеніи упоминаетъ P. Zingerle, Theol. Literaturblatt, v. Reusch 1866. p. 562. Въ какое время написано это переложеніе и всѣ ли до одного стихотворенія Григорія заключаетъ оно—Zingerle не показываетъ. Цит. у Шуб.; ibid.

деній св. Григорія, замѣчаетъ также, что Іоаннъ Златоустъ любилъ подражать ему; св. Прокль образовалъ свой стиль на его произведеніяхъ; Іеронимъ былъ обязанъ ему самыми прекрасными чертами своими (*ses plus beaux traits*). (¹) Но особенно сильное и замѣтное вліяніе св. Григорія, какъ поэта, отобразилось на бл. Августинѣ, „Исповѣдь“ котораго, по мнѣнію Гренье, написана подъ живѣйшимъ впечатлѣніемъ поэмы Григорія: „О жизни своей“. Таже идея тамъ, что и здѣсь, тотъ же планъ: автобіографическій рассказъ начинается съ дѣтства, продолжается съ одинаковыми деталями, о семействѣ, о первоначальномъ воспитаніи, о школьномъ образованіи, время отъ времени рассказъ прерывается благочестивыми размышленіями, молитвами и сердечными изліяніями“ (²). Гренье не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что бл. Августинъ зналъ стихотворенія св. Григорія; на Западѣ, по словамъ его, извѣстно было все, что издавалось въ церкви Восточной; переводчики и толкователи съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили здѣсь за всѣмъ, что выходило новаго изъ подъ пера греческихъ авторовъ. Бл. Іеронимъ, другъ и корреспондентъ Августина, не только видѣлъ и посѣщаль св. Григорія Богослова, но называетъ его прямо своимъ учителемъ. Во многихъ мѣстахъ, наконецъ, сочиненій своихъ (напр., „противъ Юліана“) Августинъ цитуетъ Григорія съ особеннымъ уваженіемъ. Возвращаясь опять къ „Исповѣди“, Гренье говоритъ, что въ ней есть страницы, которыя до очевидной ясности изобличаютъ вліяніе св. Григорія на автора и подражательность послѣдняго первому. Самымъ нагляднымъ доказательствомъ такой подражательности, по мнѣнію Гренье, можетъ служить восьмая книга названнаго сочиненія Августина; въ ней олицетворенная идея цѣломудрія выводится на сцену подъ тѣми же самыми очаровательными чертами, съ какими изображаетъ ее поэтическая кисть св. Григорія Назіанзина.

Весьма видное мѣсто занимаетъ имя св. Григорія, какъ поэта, въ христіанской гимнологіи и въ богослужебной поэзіи православной церкви. Мы не станемъ распространяться о томъ, на сколько справедлива догадка ученыхъ, къ которымъ у насъ примыкаетъ съ своимъ мнѣніемъ высокопро-

(¹) Стр. 3. } *La vie et les poésies de Saint Grégoire de*

(²) Стр. 238. } *Nazianze*, p. Grenier.

свѣщенный авторъ „Историческаго Обзора пѣспопѣвцевъ греческой церкви (1)“, что знаменитый гимнъ „Тебе Бога хвалимъ“ (*Te Deum laudamus*), приписываемый обыкновенно Амвросію и даже называемый его именемъ, есть, въ сущности, не что иное, какъ обработка хвалебно-молитвеннаго гимна (XXX-го) св. Григорія „*Εἰς Θεόν*.“ „Дай мнѣ воспѣть, дай мнѣ восхвалить Тебя, безсмертный царь и Господь.... Тобою—сонмы ангеловъ,—Ты засвѣтилъ солнце“, и пр. Но мы не можемъ не отмѣтить несомнѣннаго факта живаго и обильнаго заимствованія позднѣйшими церковными поэтами, Косьмою Маюмскимъ и Іоанномъ Дамаскинымъ, для богослужебныхъ пѣсней ихъ, изъ высокопоэтическихъ произведеній св. Григорія Назіанзина. Изъ проповѣдей его особенно богаты поэтическими мѣстами, какъ невольнымъ изліяніемъ свѣтлаго восторга, порывами торжественнаго вдохновенія, слова на праздничные дни: на Рождество Христово, на Крещеніе или на день свѣтовъ, на Пасху, на Пятдесятницу, на Новую недѣлю (или на антипасху), на св. Маманта, о Маккавеяхъ, о св. мученикахъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ. Слово на Пасху начинается словами: „вотъ день воскресенія, начало блаженное, просвѣтимся торжествомъ, обнимемъ другъ друга; скажемъ—братія“ и пр. Мелодія Дамаскина облеклась въ слова эти и составила одна изъ

(1) «Сходство между гимномъ Григорія и гимномъ Амвросія—говоритъ онъ здѣсь—весьма велико,—сходство не только въ содержаніи, но даже въ нѣкоторыхъ словахъ: такъ что одинъ изъ нихъ надобно признать подражаніемъ другому. Поелику же св. Григорій писалъ свои гимны въ уединеніи въ 382 г., а гимнъ Амвросія относится къ 386 г., и поелику несомнѣнно извѣстно, что св. Амвросій обыкновенно многое заимствовалъ въ свои сочиненія изъ писаній отцевъ восточныхъ (напр. для своего трактата о Св. Духѣ онъ занялъ почти все изъ книги св. Василія о Духѣ Св.): то не остается никакого сомнѣнія, что хвалебный гимнъ Амвросіевъ есть въ собственномъ смыслѣ гимнъ греческой церкви IV вѣка. Судя только по духу Амвросіева гимна Рамбахъ полагалъ, что этотъ гимнъ заимствованъ изъ древнихъ пѣсней греческой церкви (Рамбахъ *Antholog.* s. 89—91); но еслибы онъ сличилъ этотъ гимнъ съ гимномъ св. Григорія Назіанзина, то былъ бы еще ближе къ истинѣ. «Истор. обзоръ пѣспопѣвцевъ греческой церкви». Ф. А. Ч. 1864; стр. 135.

стихирь пасхальныхъ, оглашающихъ нынѣ церковь. Въ томъ же словѣ читаемъ слова, помѣщенные въ одномъ изъ тропарей пасхальныхъ: „вчера я погребался вмѣстѣ съ Тобою Христе, теперь встаю вмѣстѣ съ Тобою“ и пр. Второе слово св. Назіанзіпа на Пасху оканчивается словами: „о пасха велия и священная Христе! О мудрость и сила“. и пр. Эти слова помѣщены въ послѣднемъ тропарѣ пасхальнаго канона. Слово св. Григорія на Рождество Христово начинается такъ: Христось раждается, славите; Христось съ небесъ, сръбтайте; Христось на землѣ, возноситесь,—пойте Господу вся земля“, и пр. Это, какъ очевидно,—ирмосъ извѣстнаго канона на Рождество Христово, составленнаго св. Косьмою Маюмскимъ. Далѣе, въ словѣ св. Григорія на Пяťдесятницу читаемъ слѣд. слова: „мы празднуемъ пятьдесятницу—пришествіе Духа, совершеніе обѣтованія, исполненіе надежды. О какъ велико это таинство! Какъ величественно и славно!... Въ церковной службѣ на Пяťдесятницу эти слова составляютъ самую первую стихиру между стихирами вечерними (1)“....

(1) Ibidem, стр. 129—130.

Какъ съ именемъ каждаго крупнаго авторитета въ подмѣщающемъ родѣ художественной или литературной дѣятельности въ позднѣйшее потомство переходитъ множество болѣе или менѣе совершенныхъ и достойныхъ этого имени произведеній, съ именемъ св. Григорія Богослова, какъ поэта, до насъ сохранилось много стихотвореній гимнологическаго содержанія. Знаменитый католическій ученый нашего времени, кардиналъ Питра, въ своей гимнографіи, между прочимъ, приводитъ нѣкоторыя изъ отрывочныхъ пѣсеннѣй въ честь Богоматери—нашего московскаго кодекса (называя ихъ: *membranae Mosquenses*) приписываемыхъ св. Григорію Богослову, по надписанію надъ ними:

Στίχοι τοῦ ἁγίου Γρηγορίου, τοῦ Θεολόγου, εἰς τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον.

Въ журналѣ: «Чтеніе въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» (сентябрь, 1883 г.) напечатаны слѣдующія три ямбическія четверостишія изъ этихъ пѣсеннѣй, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ.

*Ἀγνή κόρη, ξῆς! Εἰ δέ σιβάς, οὐ κένον.
Τόσχαρ σιαπὰν εὐπρεπὲς ταῖς παρθένους.*

тельностью и интересомъ. Отъ второй половины IX-го вѣка дошло до насъ весьма цѣнный комментарий на избранныя стихотворенія св. Григорія, написанный Никитой—Давидомъ, епископомъ Пафлагонскаго города Дадибры (Dadibrae, по др. Dadybrae). Онъ называетъ стихотворенія св. Григорія „μεγαλόποια θεωρήματα καὶ θεολογήματα“ (стр. 131), „θεωρητικώτατον λόγον καὶ φιλοβοφώτατον“ (стр. 34), а къ самому поэту прилагаетъ эпитеты „θεολόγως ὁ κράτιστος καὶ ἱεροφαντικώτατος“ (стр. 119), „ὁ θεόληπτος, θεοβοφώτατος“ (стр. 57). Съ этимъ комментариемъ Никиты въ изданіи его (на лат. языкѣ) Эрнестомъ Дронке⁽¹⁾ соединены схолии, составленныя на тѣже стихотворенія монахомъ Зопаромъ, извѣстнымъ Византійскимъ писателемъ начала XII вѣка.

Но собственно слава св. Григорія, какъ христіанскаго поэта, и цѣнность стихотвореній его, какъ классическихъ произведеній христіанской литературы, возвышаются и распространяются со времени появленія ихъ въ печати, открывшагося знаменитымъ изданіемъ ихъ въ 1504 г. Альдомъ Мануціемъ. Эстетическо-литературный интересъ къ стихотвореніямъ св. Григорія возростаетъ съ этого времени параллельно съ научно-литературною разработкой ихъ; появляется множество изданій, переводовъ, комментариевъ—вмѣстѣ и порознь—гимновъ его, историческихъ поэмъ, гримическихъ стихотвореній, элегій, эпиграммъ. Леуницлавій своимъ *elogium* о св. Григорію, въ которомъ (въ *elogium*’ѣ) онъ, восхищенный поэтическимъ гениемъ св. отца, предпочитаетъ его знаменитѣйшимъ поэтамъ классической Греціи и самому Гомеру, открываетъ цѣлый рядъ славныхъ представителей научной церковно-христіанской литературы, которые подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ поэтическихъ произведеній св. Григорія высказали замѣчательное единодушіе въ восторженныхъ отзывахъ о немъ. Мы намѣренно въ началѣ этого

(¹) Комментарій Никиты былъ изданъ по частямъ; одну часть съ объясненіемъ шести стихотвореній (I—VI) первый издалъ Давидъ Гешелій (Hoeschelius; 1594 г.); остальную часть—Эрнестъ Дронке (Ernestus Dronke, S. Gregorii Nazianzeni carmina selecta... etc. Goettingae 1840 г.).

отдѣла обошли молчаніемъ имена Мореля (1), Мураторія (2), Тиллемона (3), Цейлера (4), Дю-Шэна (5), Вильмеса (6) и др. ученыхъ, сужденія которыхъ (7) о художественно-литературныхъ достоинствахъ стихотвореній св. Григорія могли бы произвести на читателя впечатлѣніе пристрастнаго отношенія и самихъ этихъ ученыхъ къ предмету своего удивленія, и автора сочиненія—къ своему дѣлу. Мы убѣждены, напротивъ, что наше дѣло способно само за себя сказать больше, чѣмъ имена о немъ, и вмѣстѣ съ этимъ увѣрены, что внутреннее христіанско-воспитательное значеніе поэзіи св. Григорія Назіанзина было гораздо сильнѣе и шире въ христіан-

(1) Въ предисловіи къ изданію твореній св. Григорія, вышедшему въ 1609 г. въ Парижѣ.

(2) *Anecdota Graeca, Petavii, 1709.*

(3) *Memoires pour servir à l'histoire ecclesiastique, Paris, 1703, t. IX, стр. 536.*

(4) *Histoire generale des auteurs sacrés par D. R. Ceillier, Paris 1738, t. VII, стр. 149.*

(5) *Nouvelle Biblioth. des Auteurs eccles. t. II, стр. 218.*

(6) *Tableau de l'éloquence chretienne au IV-e siecle стр. 143—153.*

(7) Напримѣръ, сужденіе *Цейлера*: «Le stile en est coulant, les expressions rompeuses, les pensées sublimes, les comparaisons justes et enchâssées avec art», въ вышенаведенной цитатѣ.

Въ особенности же сужденія и отзывы слѣдующихъ извѣстныхъ въ церковно-исторической наукѣ ученыхъ:

Uillemain'a: «On l'a appelé le theologien de l'Orient; il faudrait l'appeler surtout le poëte du christianisme oriental». (*Tableau de l'éloquence chrétienne au IV siecle; стр. 146.*)

Joseph. Lutz'o: «Gregor von Nazianz erreichte durch Innigkeit des Gefühls, durch lyrischen Schwung seiner Gedichte den Anakreon»... (*Die berühmtesten kirchlichen Redner alter und neuer Zeit: zw. Aufl. стр. 220.*)

Nickel'я и Kehrein'a: «Gregors Verse sind wahrhaft homerisch, voll Zartheit und Leichtigkeit; man findet darin eine Erhabenheit, die ihnen einen Vorzug über alle andern Gedichte dieser Art gibt, welche aus der Feder kirchlichen Schriftsteller hervorgegangen sind. Sie wären wol würdig auf öffentlichen Schulen gelesen zu werden». (*Literaturgeschichte der Kirchenväter; B. IV, стр. 172.*)

скомъ обществѣ, чѣмъ внѣшнее выраженіе его въ исторіи литературы. Ульманъ, какъ нѣмецъ, съ чисто нѣмецкой ревностью оберегающій свой Standpunkt рамками своей спеціальности, разобщаетъ христіанскую нравственность съ поэзіей. Мы не согласны съ этимъ воззрѣніемъ и думаемъ, что оно противорѣчитъ общему мнѣнію или непосредственному сознанію, которое указало религіи и поэзіи одинаковое стремленіе къ единой цѣли—къ небу. Поэзіи приписываетъ оно благодатную силу восторгать къ небу духъ человѣческой высокими ощущеніями, возбуждая ихъ въ немъ прекрасными идеалами. Если и свѣтская, мірская поэзія способна облагораживать нравы, регулировать страсти и нравственно идеализировать самую жизнь человѣческую, то что же сказать о поэзіи духовной, поэзіи нравственно-религіозной, которая, по самому своему существу, съ возвышенными идеями и идеалами своими возноситъ и умъ и сердце человѣка къ Первообразу красоты, истины и любви? Если уже языческая поэзія, по собственному опытному сознанію св. Григорія Назіанзина, способна „врачевать скорби“, то какое благотворное дѣйствіе на душу человѣка можетъ оказывать духовно-христіанская поэзія, „захватывающая большую (чѣмъ всякій другой родъ словеснаго выраженія) область внутренней жизни человѣка и дающая болѣе полное удовлетвореніе его религіозной алчбѣ и жаждѣ (‘)?“. Прекрасно характеризуетъ это внутреннее дѣйствіе духовно-христіанской (лирической) поэзіи на душу человѣка Гердеръ: „Въ дѣйствіи, произведенномъ христіанскою религіей на нравы міра, участвовало и великое орудіе ея, пѣснь; но и здѣсь сила небесная нисходитъ тихо и сокровенно; быть можетъ, ни одна поэзія не оцѣнена во вліяніи своемъ такъ мало, какъ эта; а между тѣмъ она вліяетъ вѣдь на лучшую, вѣрнѣйшую часть человечества, и при томъ не изрѣдка, а ежедневно, не по случаю какихъ нибудь безразличныхъ обстоятельствъ, а напротивъ при самыхъ тяжкихъ бѣдахъ, когда именно и пужна такая помощь. Эти святые гимны и псалмы, которымъ мипули тысячелѣтія и которые при каждомъ своемъ дѣйствіи сохраняютъ еще всю новизну и силу, какъ благотворны были они для бѣднаго человечества! Съ одинокимъ отшель-

(‘) А. Вадковскій; Правосл. обозр. 1881 г. ч. 3 стр. 86,

никомъ они входили въ его келью, съ утѣшеннымъ—въ его темный уголокъ, въ глубину его злой доли, въ его могилу; воспѣвая ихъ, онъ забывалъ трудъ и печаль; истомленный земнымъ бременемъ скорбный духъ окрылялся стремленіемъ въ міръ небесной радости. Онъ возвращался потомъ къ землѣ, укрѣпившись силой, продолжалъ трудиться, страдать, терпѣть, дѣйствовалъ въ тиши и наконецъ побуждалъ:— что сравнится съ плодотворнымъ вліяніемъ подобныхъ пѣсенъ (1)“?

Несравненны были, безъ сомнѣнія, по своему плодотворному вліянію и стихотворенія нашего христіанскаго поэта, св. Назіанзина, и такъ какъ на нихъ лежитъ печать не только *дара*, но и *духа Божія*, то и эти духовно-поэтическія произведенія, не смотря на свое полуторатысячелѣтнее существованіе, сохраняютъ всю новизну и силу, какъ и свое благотворное вліяніе и доселѣ.

Возвращаясь къ исходной мысли своего сочиненія и кратко формулируя свои убѣжденія по предмету его, закончимъ его, воздерживаясь отъ преувеличеннаго заключенія знаменитаго Шлоссера, что—„св. Григорій Назіанзинъ своей эпопеей „О жизни своей“ сдѣлалъ непужнымъ Гомера; своими гимнами, элегіями и ямбами—лириковъ; своей трагедіей о страждущемъ Христѣ—древнихъ драматурговъ (2)“, — вполне справедливыми словами высокопросвѣщеннаго автора статьи о стихотвореніяхъ св. Григорія Назіанзина, А. Порфирія:

„Истины религіи христіанской имѣютъ сильное вліяніе на наши души и въ томъ случаѣ, когда излагаются въ простотѣ вѣры и безъ всякой искусственности. Но если Григорій Богословъ, исполняя свое высокое служеніе церкви, не уступалъ прославленнымъ мірскимъ поэтамъ въ самой художественности изложенія христіанскаго ученія, то тѣмъ

---

(1) *Каррьеръ*, Искусство въ связи съ общимъ разв. культуры; т. 3, стр. 65—66.

(2) Въ прекрасной статьѣ: «Объ университетахъ, учащихся и профессорахъ греческихъ во времена Юліана и Θεодосія» (Über Universitäten, studierende und Professoren der Griechen zu Julian's und Theodosius' Zeit. Schlosser's und Bercht's Archiv für Geschichte und Literatur, Bd. I, 1830, стр. 253).

безотвѣтнѣ предъ Богомъ всеѣ христіанскіе писатели, чѣмъ они равнодушнѣ къ поэтическимъ твореніямъ этого великаго отца церкви (1)“. Ибо творенія эти, говоря словами почтенныхъ церковныхъ историковъ, поистинѣ „достойны были бы чтенія въ общественныхъ школахъ“ (wären wol würdig auf öffentlichen Schulen gelesen zu werden) (2)“.

(1) Труды К. Д. А. за 1863-й г. т. I, стр. 430.

(2) *Nickel und Kehrein: Literaturgeschichte der Kirchenväter*; В. IV, стр. 172.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введеніе	1.
Объ изданіяхъ стихотвореній св. Григорія Бого- слова.	9.
Классификація стихотвореній и анализъ ихъ.	33.
Часть I. Стихотворенія лиро-эпическія:	
1) <i>Гномы</i>	35.
Анализъ содержанія гномическихъ стихотворе- ній св. Григорія Богослова.	40.
а) Въ отношеніи къ Богу.	41.
б) " " къ ближнимъ.	44.
в) " " къ себѣ самому.	47.
2) <i>Историческія поэмы</i>	72.
3) <i>Дидиктическія поэмы</i>	97.
4) <i>Обличительныя</i> (сатирическія стихотворенія).	149.
Часть II. Стихотворенія лирическія.	
1) <i>Элеія</i>	205.
Частнѣйшій обзоръ и разборъ элегій.	253.
2) <i>Гимны</i>	268.
3) <i>Эпитафій и эпиграммы</i>	276.
Метрическая сторона стихотвореній св. Григорія Богослова	299.
Заключеніе.	303.

ИНВЕНТАРЬ,

стихотвореній св. Григорія Богослова, составленный по изданію ихъ Caillau, съ обозначеніемъ размѣра и числа стиховъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Общее численіе стихотвореній.	Страница	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	Число стиховъ.	Издатель.
1	207	«Объ Отцѣ».	Гекзаметръ.	39	Биллій.
2	209	«О Сынѣ».	Гекзаметръ.	83	Биллій.
3	215	«О Св. Духѣ».	Гекзаметръ.	93	Биллій.
4	219	«О Мирѣ».	Гекзаметръ.	100	Биллій.
5	225	«О Провидѣніи».	Гекзаметръ.	71	Биллій.
6	229	О томъ же.	Ямбическое.	116	Биллій.
7	235	«Объ умныхъ субстанціяхъ».	Гекзаметръ.	99	Биллій.
8	241	«О Душѣ».	Гекзаметръ.	129	Биллій.
9	249	«О вѣѣтахъ я о пришествіи Христовомъ».	Гекзаметръ.	99	Биллій.
10	255	«О Воплощеніи» (противъ Аполлинарія.	Ямбическое.	74	Биллій.
11	259	О томъ же.	Элегическое двустипіе.	16	Мураторій
12	—	«О подлинныхъ книгахъ Писанія».	Гекзаметръ.	39	Биллій.
13	263	«Двадцать патриарховъ».	Гекзаметръ.	5	Биллій.
14	—	«Египетскія казни».	Элегическое двустипіе.	12	Биллій.
15	—	«Моисеево десятигловіе».	Гекзаметръ.	10	Биллій.
16	265	«Чудеса Иліи и Елисея».	Ямбическое.	30	Биллій.
17	—	«Надѣсь до храму Иліи, назыв. вдовьямъ».	Ямбическое.	12	Биллій.
18	267	«Родословіе Христова».	Гекзаметръ.	112	Биллій.
19	273	«Ученики Христа».	Гекзаметръ.	5	Биллій.
20	—	«Чудеса Христа по Маттею».	Элегическое двустипіе.	38	Биллій.
21	275	«Чудеса Христа по Марку».	Гекзаметръ.	17	Биллій.
22	—	«Чудеса Христа по Лукѣ».	Элегическое двустипіе.	20	Биллій.

Общее счисленіе стихотвореній.	Страница.	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	ЧИСЛО СТИХОВЪ.	Издатель.
23	277	«Чудеса Христа по Іоанну».	Гекзаметръ.	18	Биллій.
24	—	«Притчи Христа по Маттею».	Элегическое двустипіе.	18	Биллій.
25	279	«Притчи Христа по Марку».	Гекзаметръ.	7	Мураторій.
26	—	«Притчи Христа по Луки».	Ямбическое.	82	Биллій.
27	281	«Притчи Христа по всѣмъ Евангелистамъ».	Гекзаметръ.	106	Биллій.
28	287	«Утишеніе бури».	Гекзаметръ.	6	Биллій.
29	—	«Гимнъ Богу».	Гекзаметръ.	16	Биллій.
30	—	Тоже.	Анакреонтическое.	51	Биллій.
31	289	Тоже.	Элегическое двустипіе.	12	Толлій.
32	291	«Гимнъ вечерній».	Анакреонт.	50	Толлій.
33	293	«Славословіе».	Гекзаметръ.	11	Толлій.
34	—	«Тоже».	Гекзаметръ.	30	Толлій.
35	295	«Молитва предъ чтеніемъ Писанія».	Гекзаметръ.	13	Толлій.
36	—	«Молитва шествующаго въ путь».	Гекзаметръ.	33	Биллій.
37	297	«Молитва о благоуспѣшномъ путешествіи».	Гекзаметръ.	7	Мураторій.
38	—	«Молитва».	Элегическое двустипіе.	6	Мураторій.
39	299	«Похвала Дѣвству».	Гекзаметръ.	732	Биллій.
40	359	«Совѣты Дѣвственникамъ».	Гекзаметръ.	689	Биллій.
41	379	«Къ Дѣвамъ».	Анакреонт.	100	Биллій.
42	385	«Къ Дѣвѣ».	Ямбическое.	17	Биллій.
43	—	«Къ Монахамъ».	Гекзаметръ.	13	Биллій.
44	387	«О Цѣломудріи».	Ямбическое.	65	Биллій.
45	389	Тоже.	Анакреонт.	10	Биллій.
46	391	«Сравненіе Живней».	Ямбическ.	255	Биллій.
47	405	«О добродѣтели».	Гекзаметръ.	156	Биллій.
48	413	Тоже.	Ямбическое.	998	Биллій.
49	467	«Разговоръ съ міромъ».	Ямбическое.	12	Биллій.
50	—	«О бренности естества человѣческаго».	Элегическое двустипіе.	12	Биллій.
51	469	«О томъ же».	Элегическое двустипіе.	12	Биллій.
52	—	«О человѣческой природѣ».	Элегическое двустипіе.	132	Биллій.
53	477	«О Малоцѣнности вѣшняго чело- вѣка».	Элегическое двустипіе.	164	Биллій.
54	485	«О путяхъ жизни».	Элегическое двустипіе.	40	Биллій.
55	487	«Блаженства различныхъ родовъ жизни».	Элегическое двустипіе.	66	Биллій.
56	491	«О человѣческой жизни».	Ямбическое.	16	Биллій.

Общее счисленіе стихотвореній	Страница	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ	Размѣръ.	Число стиховъ.	Издатель.
57	493	О томъ же.	Ямбическое.	9	Биллій.
58	—	«Пристрастіе».	Ямбическое.	5	Биллій.
59	—	«О смерти любезныхъ».	Ямбическое.	4	Биллій.
60	—	«О любимыхъ друзьяхъ».	Ямбическое.	5	Биллій.
61	495	О томъ же.	Ямбическое.	6	Биллій.
62	—	«Противъ тѣхъ, которые часто клянутся».	Ямбическое.	328	Биллій.
63	511	«На гнѣвъ».	Ямбическое.	546	Биллій.
64	541	«На знатнаго, но безнравствен- наго».	Элегическое двустяшіе.	40	Биллій.
65	543	О томъ же.	Ямбическое.	34	Биллій.
66	545	«На богатодобцевъ».	Ямбическое.	379	Биллій.
67	565	«Противъ женщинъ, любящихъ наряды».	Элегическое двустяшіе.	334	Биллій.
68	583	«Мысли, писанныя одностяшія- ми».	Ямбическій триметръ.	24	Биллій.
69	585	«Мысли, писанныя двустяшія- ми».	Элегическое двустяшіе.	62	Биллій.
70	589	То же.	Ямбическій триметръ.	146	Биллій.
71	597	«Мысли, писанныя четверости- шіями».	Ямбическое.	236	Биллій.
72	611	«Опредѣленія, слегка начертан- ныя».	Ямбическое.	267	Биллій.
73	625	«На любомудрую нищету».	Ямбическій триметръ.	8	Биллій.
74	—	То же.	Элегическое двустяшіе.	6	Муратор.
75	627	«О терпѣніи».	Ямбическое.	9	Мураторій.
76	—	О томъ же.	Элегическое двустяшіе.	8	Мураторій.
77	—	«Счастіе благоразумія».	Ямбическій триметръ.	4	Биллій.
78	629	«О суетѣ человѣческихъ дѣлъ».	Ямбическій триметръ.	8	Биллій.
79	631	«Объ обстоятельствахъ жизни своей».	Гекзамертъ.	634	Биллій.
80	665	«Клятвенные обѣты Григорія».	Элегическое двустяшіе.	30	Биллій.
81	667	«Подорожная (молитва) изъ Кон- стантинополя».	Ямбическій триметръ.	24	Толлій.
82	669	«О себѣ самомъ».	Ямбич. трим.	3	Толлій.
83	—	«Къ прихожанамъ Анастасіи».	Ямбическій триметръ.	12	Толлій.
84	671	«Къ нимъ же».	Ямбическое.	12	Толлій.
85	—	«На свое удаленіе».	Ямбическое.	7	Биллій.
86	—	«На завистликовъ».	Ямбическое.	12	Толлій.

Общее число стихотворений.	Страница.	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	Число стиховъ.	Издатель.
87	673	«На тѣхъ же».	Ямбическое.	12	Толлій.
88	—	«Къ Константинопольскимъ ере- ямъ и къ самому городу».	Элегическое двустипіе.	36	Биллій.
89	675	«О жизни своей».	Ямбическій триметръ.	1949	Биллій.
90	779	«О себѣ самомъ и о епископакъ».	Ямбическое.	836	Толлій.
91	825	«Къ епископамъ».	Гекзаметръ.	217	Биллій.
92	837	«О себѣ самомъ и на завистни- ковъ».	Ямбическое.	67	Биллій.
93	841	«На возвращеніе свое изъ Кон- стантинополя».	Элегическое двустипіе.	52	Биллій.
94	843	«Сонъ о храмѣ Анастасіи».	Элегическое двустипіе.	104	Биллій.
95	849	«О различныхъ родахъ жизни и противъ ложныхъ епископовъ».	Элегическое двустипіе.	108	Биллій.
96	855	«На завистниковъ».	Ямбическое.	12	Толлій.
97	857	«Жалобы на свои бѣдствія».	Гекзаметръ.	104	Биллій.
98	863	«Молитва въ болѣзни».	Ямбическое.	7	Биллій.
99	—	«На лукаваго».	Анакреонт.	14	Толлій.
100	—	«Плачь о себѣ самомъ».	Гекзаметръ.	24	Биллій.
101	865	«На свое удаленіе».	Ямбическое.	23	Биллій.
102	867	«Молитва утренняя».	Ямбическое.	7	Биллій.
103	—	«Молитва вечерняя».	Ямбическое.	7	Биллій.
104	—	«Молитва на другое утро».	Ямбическое.	5	Биллій.
105	—	«Плачь».	Элегическое двустипіе.	20	Биллій.
106	869	«На плоть».	Элегическое двустипіе.	12	Биллій.
107	—	«О терпѣніи».	Ямбическое.	12	Биллій.
108	871	«О себѣ самомъ».	Ямбическое.	226	Биллій.
109	877	«Желаніе смерти».	Ямбическое.	12	Биллій.
110	879	«О суетности и невѣрности этой жизни и объ общемъ всѣмъ концѣ».	Гекзаметръ.	60	Биллій.
111	883	«Ко христу».	Ямбическое.	21	Биллій.
112	—	«На безмолвіе постомъ».	Элегическое двустипіе.	210	Биллій.
113	895	«О томъ же».	Ямбическое.	12	Толлій.
114	—	«О томъ же».	Ямбическое.	12	Толлій.
115	897	«О томъ же».	Ямбическое.	12	Толлій.
116	—	«Гимнъ ко Христу, послѣ мол- чація, на Пасху».	Элегическое двустипіе.	52	Биллій.
117	901	«На свои стихи».	Ямбическое.	103	Биллій.
118	907	«На завистливыхъ».	Ямбическое.	33	Биллій.
119	909	«Противъ Максима».	Ямбическое.	65	Биллій.
120	911	«Плачь о собственныхъ бѣдстві- яхъ и молитва ко Христу о пре- ращеніи жизни».	Гекзаметръ.	81	Биллій.

Общее счисленіе стихотвореній.	Страница.	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЯ	Размѣръ.	Число стиховъ.	Надатель.
121	913	«Къ себѣ самому въ вопросахъ и отвѣтахъ».	Гекзаметръ.	31	Виллій.
122	915	«На лицемѣрныя монаховъ».	Элегическое двустипіе.	50	Виллій.
123	919	«Плачь о страданіяхъ души своей».	Элегическое двустипіе.	350	Виллій.
124	937	«Противъ лести».	Элегическое двустипіе.	50	Виллій.
125	941	«Упреки неразумнымъ стремленіямъ души».	Ямбич. три-метръ.	39	Виллій.
126	943	«На смерть въ мирѣ».	Ямбическое.	3	Виллій.
127	—	«Плачь».	Элегическое двустипіе.	8	Виллій.
128	—	«Противъ дѣволи въ болѣзни».	Элегическое двустипіе.	118	Виллій.
129	949	«Плачь о своей душѣ».	Гекзаметръ.	36	Виллій.
130	951	«Плачь».	Ямбическое.	5	Виллій.
131	953	Тоже.	Ямбическое.	3	Виллій.
132	—	«Противъ дѣволи».	Гекзаметръ.	20	Виллій.
133	—	«На лукаваго».	Элегическое двустипіе.	24	Виллій.
134	955	Противъ него же.	Ямбическое.	7	Виллій.
135	—	Противъ него же.	Элегическое двустипіе.	4	Виллій.
136	957	Противъ него же.	Ямбическое.	7	Виллій.
137	—	Противъ него же.	Ямбическое.	7	Виллій.
138	—	Противъ него же.	Ямбическое.	14	Виллій.
139	959	«Плачь».	Ямбическое.	8	Виллій.
140	—	«Молитва ко Христу».	Ямбическое.	7	Виллій.
141	—	«Плачь ко Христу».	Ямбическое.	8	Виллій.
142	—	Тоже.	Ямбическое.	3	Виллій.
143	961	Тоже.	Ямбическое.	7	Виллій.
144	—	Тоже.	Ямбическое.	7	Виллій.
145	—	О себѣ самомъ.	Ямбическое.	7	Виллій.
146	—	«На себя же».	Ямбическое.	104	Толлій.
147	967	«Ко Христу».	Ямбическое.	10	Виллій.
148	969	Тоже.	Ямбическое.	7	Виллій.
149	—	«Молитва въ болѣзни».	Ямбическое.	12	Виллій.
150	—	«На исходъ жизни».	Ямбическое.	12	Виллій.
151	971	«Покаянная пѣснь при концѣ жизни».	Элегическое двустипіе.	12	Виллій.
152	—	«Молитва ко Христу».	Ямбическое.	12	Виллій.
153	—	«Плачь ко Христу».	Ямбическое.	7	Виллій.
154	973	Тоже.	Ямбическое.	7	Виллій.
155	—	«Молитва ко Христу».	Ямбическое.	17	Виллій.
156	975	«Къ своей душѣ».	Анакрент.	17	Виллій.
157	—	Тоже.	Ямбическое.	7	Виллій.

Общее счисленіе стихотвореній.	Страница.	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	Число стиховъ.	Издатель.
158	975	«На себя самого».	Ямбическ.	4	Виллій.
159	977	«Къ душѣ своей».	Элегическое двустипніе.	6	Виллій.
160	—	Тоже.	Элегическое двустипніе.	6	Мураторій.
161	—	«На борьбу съ демонами».	Элегическое двустипніе.	82	Мураторій.
162	979	«Плачь».	Гекзаметръ	7	Мураторій.
163	—	«Плачь о душѣ своей».	Гекзаметръ	16	Виллій.
164	981	«Къ самому себѣ».	Ямбическ.	7	Виллій.
165	—	«Плачь и моленіе ко Христу».	Элегическое двустипніе.	24	Виллій.
166	983	«Къ душѣ своей».	Анакреонт.	181	Виллій.
167	989	«На болѣзнь».	Ямбическ.	43	Толлій.
168	991	«На смерть свою и родителей».	Гекзаметръ.	4	Мураторій.
169	—	«На смерть своихъ близкихъ».	Элегическое двустипніе.	6	Мураторій.
170	—	«Надгробіе себѣ самому».	Элегическое двустипніе.	12	Виллій.
171	993	«На себя самого».	Элегическое двустипніе.	10	Мураторій.
172	—	Тоже.	Элегическое двустипніе.	6	Мураторій.
173	—	Тоже.	Элегическое двустипніе.	4	Мураторій.
174	—	Тоже.	Элегическое двустипніе.	4	Мураторій.
175	995	Тоже.	Элегическое двустипніе.	4	Мураторій.
176	—	Тоже.	Элегическое двустипніе.	4	Мураторій.
177	—	Тоже.	Гекзаметръ.	3	Толлій.
178	997	«Увѣщательное посланіе къ Гелленію о монахахъ».	Элегическое двустипніе.	868	Виллій.
179	1017	«Къ Юліану».	Элегическое двустипніе.	30	Виллій.
180	—	«Къ Виталиану».	Гекзаметръ.	352	Виллій.
181	1037	«Отъ Никовула сына къ отцу».	Гекзаметръ.	208	Виллій.
182	1048	«Отъ Никовула отца къ сыну».	Гекзаметръ.	282	Виллій.
183	1065	«Къ Олимпіадѣ».	Гекзаметръ.	111	Виллій.
184	1071	«Къ Немезію».	Гекзаметръ.	324	Виллій.
185	1089	«Къ Селевку».	Ямбическ.	340	Виллій.
186	1109	«Эпитафія Намстретію, брату Василія Великаго».	Элегическое двустипніе.	6	Мураторій.
187	—	Эпитафія ему же.	Элегическое двустипніе.	4	Мураторій.
188	—	Ему же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.

Общє счисленіє стихотвореній.	Страница.	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	Число стиховъ.	Издатель.
188	1109	«Грамматикѣ Сеспесію».	Элегическое двустопіе.	4	Мураторій.
190	—	«Прозретию софисту».	Элег. двуст.	8	Мураторій.
191	1111	«Кесарію».	Элег. двуст.	8	Мураторій.
192	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
193	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
194	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
195	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
196	1113	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
197	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
198	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
199	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
200	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
201	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
202	1115	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
203	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
204	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
205	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
206	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
207	1117	«Горгонію».	Элег. двуст.	2	Мураторій.
208	—	Ей же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
209	—	Ей же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
210	—	«Линию».	Элег. двуст.	6	Мураторій.
211	—	Ей же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
212	1119	Ей же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
218	—	«Евфимію».	Элег. двуст.	6	Мураторій.
214	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
215	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
216	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
217	1121	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
218	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
219	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
220	—	Ему же.	Гекзамеръ.	5	Мураторій.
221	—	Ему же.	Элег. двуст.	10	Мураторій.
222	1123	«Гелладію».	Элег. двуст.	4	Мураторій.
223	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
224	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
225	—	«Мартиніану».	Элег. двуст.	8	Мураторій.
226	—	Ему же.	Элег. двуст.	8	Мураторій.
227	1125	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
228	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
229	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
229	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
281	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
282	1127	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
283	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
284	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.

Общее количество стихотворений.	Страница.	ЗАГЛАВІЯ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	ЧИСЛО СТИХОВЪ.	Издатель.
286	1127	Ему же	Элегическое двустипіе.	4	Мураторій.
286	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
287	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
288	1129	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
289	—	Эммалин, матери св. Василія Великаго.	Элегическое двустипіе.	12	Мураторій.
240	—	Отцу.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
241	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
242	1131	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
243	—	Ему же.	Элег. двуст.	8	Мураторій.
244	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
245	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
246	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
247	1133	Ему же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
248	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
249	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
250	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
251	—	Матери, скончавшейся въ свя- тилицѣ.	Элегическое двустипіе.	12	Мураторій.
252	1135	Ей же.	Элег. двуст.	10	Мураторій.
253	—	Ей же.	Элег. двуст.	8	Мураторій.
254	—	Ей же.	Гекзаметръ.	6	Мураторій.
255	—	Ей же.	Гекзаметръ.	7	Мураторій.
256	1137	Ей же.	Гекзаметръ.	6	Мураторій.
257	—	Ей же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
258	—	Ей же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
259	—	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
260	—	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
261	1139	Ей же.	Элег. двуст.	10	Мураторій.
262	—	Ей же.	Гекзаметръ.	6	Мураторій.
263	—	Ей же.	Гекзаметръ.	10	Мураторій.
264	—	Ей же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
265	1141	Ей же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
266	—	Ей же.	Гекзаметръ.	5	Мураторій.
267	—	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
268	—	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
269	—	Ей же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
270	—	Ей же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
271	1143	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
272	—	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
273	—	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
274	—	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
275	—	Ей же.	Элег. двуст.	8	Мураторій.
276	—	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
277	1145	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
278	—	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.

Общее счисленіе стихотвореній.	Страница.	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	Число стиховъ.	Издатель.
279	1145	Ей же.	Элегическое двустипіе.	4	Мураторій.
280	—	Ей же.	Гекзаметръ.	3	Мураторій.
281	—	Ей же.	Гекзаметръ.	3	Мураторій.
282	—	Ей же.	Гекзаметръ.	3	Мураторій.
283	1147	Ей же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
284	—	Ей же.	Гекзаметръ.	3	Мураторій.
285	—	Ей же.	Гекзаметръ.	31	Мураторій.
286	1149	Прозополя умершимъ родителямъ.	Элегическое двустипіе.	6	Мураторій.
287	—	Тоже.	Элег. двуст.	8	Мураторій.
288	—	Амфилохію.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
289	1151	Ему же.	Элег. двуст.	12	Мураторій.
290	—	Другому Амфилохію.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
291	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
292	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
293	—	Ему же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
294	1153	Ему же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
295	—	Вассу.	Гекзаметръ.	6	Мураторій.
296	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
297	—	Никодиму.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
298	—	Ему же.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
299	1155	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
300	—	Картерію.	Элег. двуст.	10	Мураторій.
301	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
302	—	Елу же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
303	—	Ему же.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
304	—	Василію Великому.	Элег. двуст.	52	Биллій.
305	1159	Макрию, сестрѣ св. Василія Великаго.	Элегическое двустипіе.	4	Мураторій.
306	—	Евсевію и Василию.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
307	—	Георгію, брату Василию.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
308	—	Феосевію, сестрѣ св. Василія Великаго.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
309	1161	Филтатію.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
310	—	Григорію.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
311	—	Максентію.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
312	—	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
313	—	Евпраксію.	Гекзаметръ.	4	Мураторій.
314	1163	Павлу.	Анакреонт.	51	Биллій.
315	1165	Эпиграмма Гигантію, домостроителю.	Элегическое двустипіе.	6	Мураторій.
316	—	Сигантію пустыннику.	Ямбичъ три-метръ.	9	Биллій.
317	—	Евпраксію.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
318	—	Филагрію, на его терпѣніе.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
319	1167	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.

вообще счисленіе стихотвореній.	Страница.	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	Число стиховъ.	Издатель.
320	1167	Ему же.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
321	—	На злословнаго.	Гекзамеръ.	4	Мураторій.
322	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
323	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
324	—	На Агапита.	Гекзамеръ.	8	Мураторій.
325	1169	Тоже.	Гекзамеръ.	6	Мураторій.
326	—	Тоже.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
327	—	Тоже.	Гекзамеръ.	3	Мураторій.
328	—	Тоже.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
329	—	На Синисакта.	Элег. двуст.	16	Мураторій.
330	1171	Тоже.	Элег. двуст.	16	Мураторій.
331	—	Къ Дѣвственнику.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
332	1173	Тоже.	Элег. двуст.	8	Мураторій.
333	—	Къ монахамъ.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
334	—	Тоже.	Элег. двуст.	10	Мураторій.
335	—	„Не должно клеветать на живущихъ чисто потому, что иные падаютъ“.	Элегическое двустипіе.	8	Мураторій.
336	1175	Тоже.	Гекзамеръ.	4	Мураторій.
337	—	Тоже.	Ямбич. трим.	10	Мураторій.
338	—	О бражѣ.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
339	—	«И въ шутѣѣ должна быть сценность».	Элегическое двустипіе.	4	Мураторій.
340	1177	«На тѣхъ, которые при гробахъ мучениковъ предаются роскоши».	Элегическое двустипіе.	6	Мураторій.
341	—	Тоже.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
342	—	Тоже.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
343	—	Тоже.	Элег. двуст.	8	Мураторій.
344	1179	«На церковь, превращенную изъ храма идоловъ».	Гекзамеръ.	2	Мураторій.
345	—	На расхищающихъ гробы.	Ямбич. трим.	10	Вилліѣ.
346	—	Тоже.	Ямбич. трим.	10	Вилліѣ.
347	—	Тоже.	Ямбич. трим.	5	Вилліѣ.
348	1181	Тоже.	Ямбич. трим.	5	Вилліѣ.
349	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
350	—	Тоже.	Ямбич. трим.	3	Вилліѣ.
351	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
352	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
353	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
354	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
355	1183	Тоже.	Ямбич. трим.	3	Вилліѣ.
356	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
357	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
358	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
359	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
360	—	Тоже.	Ямбич. трим.	4	Вилліѣ.
361	1185	Тоже.	Гекзамеръ.	6	Мураторій.

Общее счисленіе стихотвореній.	Страница.	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	Число стиховъ.	Издатель.
362	1185	Тоже.	Элег. двуст.	18	Мураторій.
363	—	Тоже.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
364	1187	Тоже.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
365	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
366	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
367	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
368	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
369	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
370	1189	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
371	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
372	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
373	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
374	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
375	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
376	1191	Тоже.	Гекзаметръ.	4	Мураторій.
377	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
378	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
379	—	Тоже.	Элег. двуст.	2	Мураторій.
380	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
381	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
382	1193	Тоже.	Элег. двуст.	3	Мураторій.
383	—	Тоже.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
384	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
385	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
386	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
387	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
388	1195	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
389	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
390	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
391	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
392	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
393	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
394	1197	Тоже.	Элег. двуст.	10	Мураторій.
395	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
396	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
397	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
398	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
399	1199	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
400	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
401	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
402	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
403	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
404	—	Тоже.	Элег. двуст.	4	Мураторій.
405	1201	Тоже.	Гекзаметръ.	16	Мураторій.
406	—	Тоже.	Элег. двуст.	6	Мураторій.
407	—	Тоже.	Элег. двуст.	44	Мураторій.

Общее счисленіе стихотвореній.	Страница.	ЗАГЛАВІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.	Размѣръ.	Число стиховъ.	Издатель.
408 409	1201 1207	Тоже. «Страждущій Христосъ» (приложеніе).	Элег. двуст. Ямбическій триметръ.	4 2601	Мураторій Билліи

